ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА
ПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ТЕМА НОМЕРА
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

№ 4(34)

EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPIC
POLITICS
FOREIGN AFFAIRS
NATIONAL SECURITY
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
ECONOMIC AND FINANCES
DEBUT
ROUND TABLE
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа
Издается при поддержке ГК «Н-транс»
и Бюро социально-экономической информации
Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета – **Вагиф Гусейнов**, *директор Института стратегических оценок и анализа*

Первый заместитель
главного редактора – **Юрий Поройков**, *к. филос. н.*

Редакционный совет:
Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*
Владимир Егоров, *д. филос. н., президент-ректор Российской академии государственной службы при Президенте РФ*
Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*
Андрей Кокошин, *академик РАН, первый заместитель к-та Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям*
Сергей Кортунов, *д. полит. н, зам. декана факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ*
Николай Михайлов, *д.э.н, советник председателя Совета директоров АФК «Система»*
Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*
Алексей Пушков, *к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»*
Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*
Владимир Рыжков, *к.и.н., политический обозреватель радиостанции «Эхо Москвы»*
Леонид Слуцкий, *д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам*
Андрей Федоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*
Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск: **Константин Радовицкий,** *к. соц. н.*
Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа
Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов 5

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Сергей Кортунов. Внешнеполитическая концепция Российской Федерации 7

ПОЛИТИКА

Александр Ципко. О преемственности курса 32

«500 слов»

Зарубежные корреспонденты о своей жизни и работе в России 36

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тиберио Грациани (Италия). Эпоха континентов и дестабилизация на планете 43

Роальд Сагдеев (США). Будущее американо-российских отношений 47

Янис Урбанович (Латвия). Почему мы не знаем, не слышим и не понимаем Россию? ... 51

Сергей Лунев. Регион Большая Восточная Азия и политика Индии 56

Георгий Мирский. Иран и США 70

Владимир Ахмедов. Роль армии в общественно-политическом развитии арабских государств Ближнего Востока 91

Шамиль Султанов. Основная проблема для Запада – ислам 100

Расим Агаев (Азербайджан). Турция: схватка на перепутье 114

Екатерина Кудашкина. Пакистан как очаг исламского фундаментализма 129

Валерий Буянов. Последний геополитический союзник на Западе 139

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Анатолий Цыганок. Уроки войны в Южной Осетии 146

ТЕМА НОМЕРА

Павел Гуревич. Атомизация общества как новый феномен 161

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Роберт Чванов. Развитие специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства 173

ДЕБЮТ

Полина Тонких. Политика внешнеэкономической безопасности США 179

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Демократия в России: исторические развилки развития 187

ПУБЛИКАЦИИ

Максим Сапрыкин. Как я начал думать и полюбил реальность (о рекламе) 226

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Слова, которые требуют осмотрительности.
О книге Жана Старобинского «Действие и реакция. Жизнь и приключение одной пары» 235

Рецензии

Евгения Трушина. Российский взгляд на мировой рынок прессы.
О книге «Russian and World Printed Mass Media Market» 239

Новые книги, которые могут вас заинтересовать 241

Тезисы статей на английском 243

Об авторах 254

Статьи, опубликованные в 2008 году 260

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov 5

PRESSING TOPIC

Sergey Kortunov. The Russian federation's foreign policy concepts 7

POLITICS

Alexander Tsipko. About continuity of a course 32

«500 words»

Foreign correspondents speak about their life and work in Russia 36

FOREIGN AFFAIRS

Tiberio Graciani (Italy). Epoch of continents and destabilization on a planet 43

Roal'd Sagdeyev (USA). The future of the American Russian relations 47

Janis Uhrbanovich (Latvia). Why we do not know, we do not hear and we do not understand Russia? 51

Sergey Lounev. The region of greater East Asia and India's policy 56

Georgy Mirsky. Iran and the USA 70

Vladimir Akhmedov. Role the military play in the socio-political development of the Mid-eastern Arab states 91

Shamil Sultanov. «To the West, the Islam is the cardinal problem» 100

Rasim Agayev (Azerbaijan). Turkey: confrontation at the crossroads 114

Yekaterina Kudashkina. Pakistan as the hotbed of the Islamic fundamentalism 129

Valery Buyanov. The last geopolitical ally in the West 139

NATIONAL SECURITY

Anatoly Tsyganok. Lessons of the South Ossetia war 146

THE ISSUE MAIN TOPIC

Pavel Gurevich. Chaos of the atomized society 161

ECONOMICS AND FINANCES

Robert Chvanov. Development of the special tax treatments for small businesses 173

DEDUT

Paulina Tonkikh. The us policy of the external economic security 179

ROUND TABLE

Democracy in Russia: historical forks of development 187

PUBLICATIONS

Maxim Saprykin. The way I have started to think and come to loving the reality 226

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. The words that demand prudence. *On Starobinsky, Jean. The Action and Reaction: A Life and Adventure of A Pair* 235

Reviews

Yevgenia Trushina. The Russian view of the world press market. *On Russian and World Printed Mass Media Market* 239

Books that might be of interest 241

SUMMARY 243

OUR AUTHORS 257

Items published in the Vestnik Analitiki bulletin in 2008 260

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Кризис основательно встряхнул мировую экономику.

Добрался, естественно, он и до нас и, судя по всему, весьма стремительно. За три недели, отделявших упоминание о нем в послании президента России к Федеральному Собранию с острой филиппикой в адрес безответственных действий американской администрации от программы конкретных антикризисных мер российской власти в выступлении премьера на съезде «Единой России».

Пока в стране обсуждался вопрос, будет кризис или нет, коснется ли он реального сектора или пройдет мимо, пока закачивались миллиарды рублей в банковскую систему, «кризис, начавшийся как финансовый, на наших глазах превратился в экономический».

Вся суть в этих словах премьера – «на наших глазах». Очевидно, что и ждали, и готовились к худшему, но решили действовать осмотрительно, чтобы не вызывать паники. Что ж, хорошо усвоен урок дефолта 1998 года. Весьма оперативно началась и реализация антикризисной программы – уже через несколько дней Госдума утвердила налоговые послабления, предложенные лидером партии.

Многие страны в настоящее время используют налоговые стимулы для поддержания реального сектора экономики, и это средство было одобрено финансовой G20 на заседании в Бразилии. Но даже апологеты либерального саморегулирующегося рынка сейчас прибегают к мерам, напоминающим больше социалистические, чем либеральные – национализацию, протекционизм, прямое вмешательство государства в экономику. Кое-где слышны призывы о необходимости закрытия границ (пока, правда, только финансовых).

Ряд развитых государств уже сейчас тратит на борьбу с финансовым кризисом порядка 13–15% ВВП. Немало делается и для удержания крупных производств на плаву.

Избранный президент США Барак Обама объявил о подготовке амбициозного двухлетнего плана по восстановлению американской экономики – ставится первоочередная задача создания 2,5 млн. новых рабочих мест к январю 2011 года.

Китай направил 586 млрд. на внутреннее инвестирование – потребление, инвестпрограммы и инфраструктуру.

«Впервые после победы над Великой Депрессией государственное вмешательство в разгул рыночной стихии выходит на первый план в речах кандидатов в президенты США, – писал эксперт Э.Нейман в разгар избирательной компании. – Человечество завершило очередной логический оборот колеса истории, потеряв веру в чистый рынок».

Сегодня можно только предполагать, какими могут быть политические последствия принимаемых властями мер. К чему, например, приведут громкие и решительные голоса об изменении порядка принятия решений с тем, чтобы сделать ЕС более либеральным и оперативно реагирующим на вызовы кризисов? Известно стремление Европейского союза, в первую очередь, старой Европы, поубавить влияние США. В Германии, Франции и Италии не всегда в восторге от позиции новой Европы, большинство стран которой из бывшего социалистического лагеря, а они сегодня наиболее подвержены кризису. Саркози предлагает коренную реформу европейской экономической политики, в частности, говорит о создании суверенных фондов, которые во время кризисов

будут приобретать акции национальных компаний, чтобы не допустить их скупки иностранцами.

Психология «крепости» в Европе, судя по всему, имеет там немало сторонников.

Между тем появляются признаки нового этапа переформатирования структуры экономики в пользу окологосударственных экономических субъектов. В этом случае коррекция экономического курса не будет чисто антикризисной, а примет характер системных изменений.

Очевидно, что мир выйдет из кризиса не скоро. И насколько мы окажемся готовыми преодолевать возникающие трудности – покажет время. Во всяком случае, уже сейчас ясно, что при существующей экономической модели хозяйствования управлять страной при цене нефти в 140 долларов и в 50 долларов за баррель – это, как говорится, две большие разницы.

На днях, перечитывая мемуары известного советского дипломата Валентина Фалина, обратил внимание на любопытное суждение одного из руководителей «Дойче банка». Мировые финансы, – сказал он, – переживают структурный кризис. США живут в долг и, опираясь на доллар как международное платежное средство, перекладывают часть своих забот на плечи других. Сказано это было в середине восьмидесятых годов прошлого века – не так и близко от нашего времени. А ведь всполохи сегодняшних потрясений в экономике и финансах крупнейших стран брезжили уже тогда. И наиболее прозорливые из профессионалов не только угадывали нарастающие тенденции грядущего кризиса, но и понимали первоосновы его зарождения.

Это сегодня в полный голос заговорили о крахе рыночного фундаментализма и международной валютно-финансовой системы. А еще пару лет назад было немало скептиков в отношении прогнозов Сороса о предстоящих сокрушительных кризисах, о смещении мирового влияния в Азию, точнее, в сторону Китая.

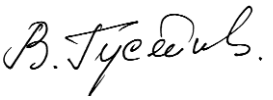
Весьма любопытным в этом плане представляется аналитический прогноз «Глобальные тенденции – 2025: изменившийся мир», подготовленный американским Советом по национальной разведке (CHP). Объявляя о конце гегемонии США, аналитики замечают, что переход к многополярному миру выражается в стремительном перетекании богатства с Запада на Восток в результате роста цен на нефть и переброски производства в азиатские страны. Эта тенденция, утверждают они, также приведет к смещению центра тяжести от свободного рынка и либерального капитализма к госструктурам.

Известно, что Китай входит в тройку крупнейших импортеров в мире. Снижение цен на черное золото – только один из факторов, дающих преимущество его экономике. Так что время для реализации его честолюбивых планов, можно сказать, назрело.

Как предсказывают аналитики, к 2025 году мир будет представлять собой многополярную международную систему, и крупнейшим победителем в ней станет Китай. Именно Китай окажет «в ближайшие 20 лет… большее влияние на мир, чем любая другая страна».

Россия останется на шестом месте в списке крупнейших экономических регионов мира после США, Китая, Европы, Индии и Японии.

Нас это устраивает?



Сергей КОРТУНОВ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

> «Россия никогда не является такой сильной, как ей бы хотелось, и никогда такой слабой, как кажется».
>
> *О.Бисмарк*

12 июля 2008 года президент России Д.Медведев утвердил новую Концепцию внешней политики Российской Федерации. Вкупе с его выступлениями по международным вопросам в 2008 году ее можно считать заявкой на новый этап внешнеполитической деятельности нашей страны.

Базовые положения и принципы

Основными заявленными положениями и принципами международного курса России являются следующие.

Первое. Преемственность по отношению к внешней политике В.Путина. Это сигнал российскому обществу и миру в целом о том, что никаких неожиданностей во внешней политике России, серьезных поворотов и изменений ранее декларированных внешнеполитических приоритетов ожидать не следует. Принцип преемственности означает также, что Д.Медведев берет на себя ответственность не только за успехи, но и за ошибки и поражения внешней политики предшествующего президентского цикла. Кроме того, он разделяет и поставленную В.Путиным в конце этого цикла весьма амбициозную цель – вывести к 2020 году Россию в «пятерку» глобальных лидеров, определяющих мировую политику и формирующих новый международный порядок XXI века.

Второе. Подтверждены ранее заявленные принципы внешней политики: открытость, предсказуемость, прагматизм, многовекторность и приоритет в твердой защите национальных интересов при отказе от скатывания в конфронтацию в международных делах.

Третье. Внешняя политика объявлена как важнейший ресурс и инструмент политики внутренней. В частности, уточняется, что ее целью будет создание благоприятных внешних условий для национальной модернизации, перехода России на инновационный тип развития.

Четвертое. Поставлена задача адекватного ресурсного обеспечения внешней политики. Это не только подтверждает заявленный в Концепции 2000 года принцип соразмерности ее целей и средств, но и предполагает весьма серьезное увеличение финансирования внешнеполитической деятельности России, если исходить из того, что вышеупомянутая амбициозная задача, декларированная вторым президентом РФ – вывести Россию в лигу мировых лидеров – поставлена не в пропагандистских целях, а всерьез.

Пятое. Отсюда вполне понятным является следующий принцип новой Концепции внешней политики: Россия не довольствуется статусом региональной державы, но делает заявку на свою роль и место в современной мировой политике в качестве мировой державы с глобальными внешнеполитическими интересами.

Шестое. В новом внешнеполитическом курсе подтвержден и усилен его европейский вектор, который заявлен как основной (несмотря на общий принцип моноговекторности). Д.Медведев настойчиво акцентирует тезис об общих ценностях трех ветвей европейской цивилизации – России, Европейского союза и США, что, по мнению политического руководства России, составляет основу для формирования конфигурации коллективного лидерства этих стран в мировой политике в противовес единоличному лидерству США. Отсюда главной целью провозглашено создание усилиями этих стран эффективной системы коллективной безопасности от Ванкувера до Владивостока и выработка нового всеобъемлющего Договора о европейской (даже евроатлантической) безопасности, как подразумевается, вместо НАТО.

Седьмое. Подтверждается приоритетное направление внешней политики России – всемерное укрепление интеграционных процессов на постсоветском пространстве и, соответственно, усиление интеграционного потенциала международных структур – СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и особенно Союзного государства России и Белоруссии. Акцентируется необходимость повышения эффективности работы с российской диаспорой на всем этом пространстве и в мире в целом.

Восьмое. На американском направлении ставится задача подведения под двусторонние политические отношения солидного экономического фундамента.

Девятое. Потенциал связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона рассматривается, в первую очередь, в качестве инструмента экономического подъема российской Сибири и Дальнего Востока.

Десятое. В глобальных делах декларируется цель повышения уровня управляемости процессами мирового развития. В принятии реше-

ний по вопросам международной безопасности и глобального развития акцентируется роль ООН как организации, наделенной уникальной легитимностью. Подчеркивается необходимость всемерного укрепления ее институтов и структур, в особенности Совета Безопасности. Особо акцентируются принципы и нормы международного права. Наконец, ставится задача формирования коллективными усилиями позитивной повестки дня мирового сообщества.

31 августа 2008 г. в интервью российским телеканалам Д.Медведев сформулировал пять основополагающих принципов российской внешней политики.

«Первая позиция – Россия признает первенство основополагающих принципов международного права, которые определяют отношения между цивилизованными народами. И в рамках этих принципов, этой концепции международного права, мы и будем развивать наши отношения с другими государствами.

Второе – мир должен быть многополярным. Однополярность – неприемлема. Доминирование – недопустимо. Мы не можем принять такое мироустройство, в котором все решения принимаются одной страной, даже такой серьезной и авторитетной, как Соединенные Штаты Америки. Такой мир – неустойчив и грозит конфликтами.

Третье – Россия не хочет конфронтации ни с одной страной. Россия не собирается изолироваться. Мы будем развивать настолько, насколько это будет возможно, наши дружеские отношения и с Европой, и с Соединенными Штатами Америки, и с другими странами мира.

Четвертое – безусловным приоритетом является для нас защита жизни и достоинства наших граждан, где бы они не находились. Из этого мы будем исходить при осуществлении своей внешней политики. Мы будем также защищать интересы нашего предпринимательского сообщества за границей. И всем должно быть понятно, что если кто-то будет совершать агрессивные вылазки, тот будет получать на это ответ.

И, наконец, пятое. У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. В этих регионах расположены страны, с которыми нас традиционно связывают дружеские добросердечные отношения, исторически особенные отношения. Мы будем очень внимательно работать в этих регионах. И развивать такие дружеские отношения с этими государствами, с нашими близкими соседями»[1].

Разумеется, в ходе практических мероприятий внешней политики все эти задачи будут дополняться и уточняться, но не в части общих положений и принципов. Можно спорить по поводу их реалистичности (что, безусловно, нужно делать), но следует констатировать, что внешнеполитическая программа Д.Медведева в целом уже озвучена.

[1] Официальный сайт Президента РФ.

В конечном счете эта программа, на наш взгляд, должна сложиться не просто в очередную уточненную и развернутую концепцию внешней политики, а в полноценную Внешнеполитическую стратегию: в противном случае цели программы Д.Медведева не будут достигнуты.

В сентябре 2008 года президент РФ заявил, что после кавказского военного конфликта «мир стал другим», и поставил такую задачу как приоритетную. Внешнеполитическая стратегия должна быть встроена в Стратегию национальной безопасности, которая, в свою очередь, должна быть частью Стратегии национального развития и безопасности России в XXI веке. Выработка этих основополагающих документов должна осуществляться одновременно, причем усилиями всего политического класса России, включая экспертное сообщество.

Наследие 2000–2008-х годов

В истории России никогда международная обстановка не была столь благоприятна для относительно спокойного внутреннего развития, как в начале XXI века. Отсутствие широкомасштабных внешних угроз, ставивших и в XX, и в XIX, и в XVII, и в XIII веках под вопрос само национальное выживание России и русского суперэтноса, возможно, впервые позволяет стране сосредоточиться на проблемах внутренней политики. В этих условиях внешняя политика должна стать не столько инструментом самоутверждения России в качестве великой державы (хотя и это тоже очень важно), сколько важнейшим ресурсом национальной модернизации, что тождественно переходу страны на инновационный тип развития.

В этом контексте и следует, как представляется, оценивать внешнеполитическую деятельность России и то наследие в международных делах, которое досталось новому президенту России Д.А.Медведеву. Попробуем это сделать объективно и непредвзято.

В официальных и экспертных оценках состояния дел в области российской внешней политики вот уже несколько лет преобладает непонятная эйфория. В частности, заявляется, что позиции России за последние восемь лет сильно укрепились (знаменитое путинское «руки России крепчают»), с ней якобы начали больше считаться, а не любят ее в мире, мол, тоже потому, что «она снова стала сильной и независимой». Этим пафосом пронизаны в последние годы выступления первых лиц государства, придворных «аналитиков», равно как и все без исключения официальные документы, включая последний обзор МИДа РФ «Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2007 году» и новую Концепцию внешней политики Российской Федерации, утвержденную Д.Медведевым 12 июля 2008 г.

Есть ли под этими оценками объективные основания? Каково внешнеполитическое наследие В.Путина, оставленное им новому президенту страны?

Честный и политически неангажированный ответ на эти вопросы вряд ли совпадет с теми панегириками, которые озвучивают официальные и «неофициальные» эксперты Кремля. Спору нет, по сравнению с началом и серединой 90-х годов прошлого века положение России в мире заметно улучшилось. Но это улучшение не стало результатом успешной, активной и хорошо просчитанной внешней политики, которая с тех пор по существу (а не в риторическом измерении) нисколько не изменилась. Некоторое улучшение позиций России достигнуто за счет двух факторов, никак от нее не зависящих: относительное ослабление политических позиций США (вследствие провала в Ираке) и Евросоюза (в результате временного торможения процессов евроинтеграции) и благоприятная для нас конъюнктура на мировых энергетических рынках. Справедливости ради следует отметить, что свою роль здесь сыграл и такой фактор, как внутренняя консолидация российского государства, начавшаяся еще в середине 90-х годов, когда цены на мировые энергоносители для России не были столь благоприятны. Однако фактор высокой стоимости энергоресурсов в связи с начавшимся глобальным экономическим кризисом, похоже, начинает себя исчерпывать.

Если же попытаться охарактеризовать одним словом состояние дел в нашей внешней политике, то этим словом является кризис. При этом речь идет не о каком-то маргинальном кризисе или о кризисе внешней политики РФ на отдельных направлениях. Кризис является всеобъемлющим и всесторонним, системным и структурным, развивающимся как по «вертикали», т.е. сверху донизу, так и по «горизонтали», т.е. на всех мыслимых направлениях. Это одновременно концептуальный, институциональный, ресурсный, интеллектуальный, имиджевый и технологический кризис. К тому же это кризис, сопровождающийся синхронизированным и нарастающим давлением основных международных субъектов на Россию. Что же касается разговоров о «прагматизме» и «многовекторности» внешней политики, которым якобы следует Кремль, то за ними пытаются скрыть лишь тот уже всем очевидный факт, что внешняя политика России формируется стихийно, строится как система ответов, а не превентивных шагов, носит не продуманный на перспективу, а чисто ситуативный характер. Стоит ли удивляться, что в международных делах нам по-прежнему не доверяют и считают непредсказуемыми?

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной В.В.Путиным 28 июня 2000 года, были выстроены следующие приоритеты глобальной политики России в области международной безопасности:

• формирование стабильной системы международных отношений, основанной на принципах равноправия, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества;

• решительное противодействие попыткам принизить роль ООН и ее Совета Безопасности в мировых делах:

• усиление консолидирующей роли ООН в мире;

• дальнейшее снижение роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности;

• дальнейшее сокращение ядерного потенциала на основе двусторонних договоренностей с США и – в многостороннем формате – с участием других ядерных держав;

• сохранение и соблюдение Договора 1972 года об ограничении систем противоракетной обороны – краеугольного камня стратегической стабильности;

• предотвращение распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения, средств их доставки, а также соответствующих материалов и технологий;

• формирование за рубежом позитивного восприятия России, дружественного отношения к ней.

Нетрудно заметить, что практически ни одна из этих задач не была решена. Конечно, в части, касающейся глобальных приоритетов, далеко не все зависело от России, поскольку ее роль в решении этих вопросов, вопреки официальным заявлениям о том, что она «обрела полноценную роль в глобальных делах»[1], пока очень незначительна. Однако здесь необходимо просто констатировать очевидные факты, что сделано автором в статье «Кризис системы международной безопасности»[2]. В данном контексте важно проанализировать поставленные в 2000 году региональные задачи внешней политики, в решении которых Россия могла сыграть куда большую роль:

• развитие добрососедских отношений и стратегического партнерства со всеми государствами – участниками СНГ как приоритетного направления внешней политики России; при этом первостепенной задачей является укрепление Союза Беларуси и России как высшей на данном этапе формы интеграции двух суверенных государств;

• решительное противодействие сужению функций ОБСЕ, в частности попыткам перепрофилировать ее деятельность на постсоветское пространство и Балканы;

• превращение адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе в эффективное средство обеспечения европейской безопасности;

• развитие интенсивного, устойчивого и долгосрочного сотрудничества с Европейским союзом, лишенного конъюнктурных колебаний;

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ.

[2] Вестник аналитики, №2, 2008.

• противодействие планам расширения НАТО;

• сохранение наработанных человеческих, хозяйственных и культурных связей с государствами Центральной и Восточной Европы, преодоление имеющихся кризисных явлений и придание дополнительного импульса сотрудничеству в соответствии с новыми условиями и российскими интересами;

• развитие отношений с Литвой, Латвией и Эстонией в русле добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества;

• сохранение территориальной целостности Союзной Республики Югославии, противодействие расчленению этого государства, что чревато угрозой возникновения общебалканского конфликта с непредсказуемыми последствиями;

• преодоление значительных трудностей последнего времени в отношениях с США, что прежде всего касается проблем разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения, а также предотвращения и урегулирования наиболее опасных региональных конфликтов;

• активизация участия России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности форуме АТЭС;

• развитие дружественных отношений с ведущими азиатскими государствами, в первую очередь с Китаем и Индией;

• устойчивое развитие отношений с Японией, за достижение подлинного добрососедства, отвечающего национальным интересам обеих стран, оформление международно признанной границы между двумя государствами.

В отношении **Содружества Независимых Государств** наша политика, мягко говоря, не увенчалась успехом. Здесь не только не удалось достичь ни одного прорыва (хотя именно такую задачу ставил В.Путин), но пришлось отступить по всем без исключения вопросам. Потеряна перспектива интеграции не с какими-то отдельными странами – будь то Грузия, Украина или Белоруссия, – потеряна перспектива интеграции на этом пространстве вообще. Положение дел здесь особенности усугубилось после заявления В.Путина о том, что от СНГ, мол, и ждать было нечего и с самого начала оно задумывалось как «процедура цивилизованного развода».

В связи с кризисом интеграционного проекта на постсоветском пространстве особенно настораживает стремление Кремля вместо того, чтобы провести глубокий анализ сложившейся ситуации, «списать» развал СНГ на действия неких внешних сил. Спору нет, эти силы действовали. Однако все эти «оранжевые революции» носили в первую очередь объективный характер, поскольку явились протестом против обанкротившихся и коррумпированных постсоветских режимов, которые, вопреки российским национальным интересам, пытался сохранить Кремль.

России даже не удалось за все эти годы снять военно-политические угрозы вблизи своих государственных границ, что убедительно продемонстрировал грузино-югоосетинский военный конфликт в августе 2008 г., в который она была втянута. Какими бы справедливыми и правомочными ни были действия России в этой ситуации (что не может отрицать ни один объективный обозреватель), военный конфликт – это всегда поражение дипломатии. Приходится констатировать, что вокруг России, не без поддержки извне, формируется недружественное военно-политическое окружение.

В новой Концепции внешней политики РФ от 12 июля 2008 года политика России на постсоветском пространстве и, в частности, укрепление Содружества Независимых Государств (СНГ), вновь заявлена как внешнеполитический приоритет России. Концепция нацеливает на расширение связей со странами постсоветского пространства, с которыми, по словам российского президента, «надо наращивать потенциал сотрудничества в экономической и гуманитарной сферах», так как «последовательная работа на этих направлениях определенные плоды дает, причем очевидно, что интеграционный ресурс еще не исчерпан»[1].

Однако реальная экономическая интеграция, не говоря уже о политической, на постсоветском пространстве пока невозможна. Еще летом 2006 года известный российский политолог А.И.Суздальцев в главе «Постсоветское пространство: уходящая реальность» книги «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» отмечал, что «реальные, опирающиеся на внутренние ресурсы и объективные обстоятельства интеграционные процессы на постсоветском пространстве отсутствуют и в обозримый период доминировать будут двусторонние связи... Экономическая интеграция оказалась невозможна, так как модели экономического развития стран ПП стимулировали экономический национализм. Предпосылки для общего рынка и экономического, а также валютного союза (следующие этапы экономической интеграции) на постсоветском пространстве не созданы, и в обозримый период исчезнут даже начальные условия для старта данных процессов»[2].

Ровно через год, летом 2007 года, в главе «Постсоветское пространство: единство и многообразие» книги «Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить» тому же автору пришлось констатировать, что «предпосылки для общего рынка и экономического, а также валютного союза (следующие этапы экономической интеграции) на постсоветском пространстве не созданы и в обозримый период исчезнут даже начальные условия для старта данных процессов»[3].

---

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ.

[2] *В.Медведев*. Выступление в Берлине 5 июня 2008 г. // Официальный сайт Президента РФ.

[3] Суздальцев А. Постсоветское пространство: единство и многообразие// Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить. – М., 2008.

Возможность для полноценной экономической и, тем более, политической интеграции со странами СНГ, по мнению А.И.Суздальцева, практически утеряна. И по объективным причинам. Политические классы молодых независимых государств постсоветского пространства не готовы к передаче части суверенитета наднациональным органам интеграционных объединений. Экономическая интеграция на просторах СНГ имеет шанс только после последовательного ввода межгосударственных экономических отношений в формат жестких рыночных отношений, что делает структурное реформирование экономики стран СНГ неотвратимым. Сейчас на повестке дня у политических классов стран постсоветского пространства стоит иная задача – попытаться встроиться в экономическую модернизацию России (если, конечно, она будет успешной).

Европейское направление. Здесь не удалось остановить ни тенденцию к сужению функций ОБСЕ (более того, за последние восемь лет она превратилась по существу в антироссийскую организацию), ни расширение НАТО, ни эрозию ДОВСЕ (Россия приостановила свое участие в этом Договоре). Отношения с ЕС (не с отдельными странами – Германией или Францией, а с Евросоюзом в целом) у нас сегодня оставляют желать лучшего. Они сейчас явно пришли в состояние серьезного упадка, особенно после тех событий, которые произошли в 2004 г. на Украине. 30 ноября 2007 года истек срок действия Соглашения между Россией и ЕС о партнерстве и сотрудничестве (СПС), а нового соглашения до сих пор разработать так и не удалось. В этой ситуации разговор о четырех общих пространствах Большой Европы выглядит достаточно туманным и, прямо скажем, малоперспективным. Помпезный ритуал подписания «дорожных карт» ничуть не изменил эту безрадостную картину. Россия стала объектом уничижительных замечаний и насмешек со стороны основных европейских элит как на общественном, так и на государственном уровне. С некоторых пор к ней стали относиться как к «больному человеку Европы». Все чаще ставится под сомнение сама принадлежность России к европейской цивилизации. С приходом в ФРГ и во Франции нового руководства полностью разрушен трехсторонний механизм политических консультаций Берлин–Париж–Москва. В полном тупике по-прежнему находятся российско-британские политические отношения.

Прошедший в конце июня 2008 г. саммит РФ-ЕС в Ханты-Мансийске вряд ли можно считать серьезным прорывом в наших отношениях с Союзом. Не произошло прорыва и на саммите в ноябре этого года. Конечно, сейчас запущен механизм подготовки нового соглашения. Но, скорее всего, на переговоры по этому вопросу уйдет не один год, а на его последующую ратификацию 27 членами ЕС – не меньше двух-трех лет. Таким образом, новое соглашение вступит в силу в лучшем случае не раньше, чем лет через пять-шесть.

Но главное даже не в этом: в принципе можно взаимодействовать и по продлеваемому каждый год прежнему Соглашению, тем более, что оно реализовано, по мнению многих экспертов, не более, чем на 60%. Важнее другое: на переговорах с ЕС по-прежнему доминирует повестка дня, навязанная нам Евросоюзом. В ней фигурируют такие приоритеты, как энергетическая безопасность, изменение климата, вступление России в ВТО, права человека и демократия в России, постсоветское пространство и т.д. Все эти вопросы, спору нет, важны и для России. Но где же приоритеты российской внешней политики, включенные в эту повестку дня? Ведь не могут же они сводиться лишь к одному, в общем-то, техническому и вспомогательному (хотя, конечно, и важному) вопросу – отмене визового режима в поездках российских граждан в страны Евросоюза!

Приходится констатировать, что если у ЕС имеется продуманная на годы вперед, последовательная и консолидированная стратегия в отношении России (несмотря на все разногласия внутри Союза), то у России такой стратегии по-прежнему нет: мы и сегодня не можем внятно сформулировать, что же в стратегическом плане мы хотим получить от наших партнеров по переговорам, в отношении с которыми не закладывается важнейшая идея – идея стратегического размена (например, доступ к нашим энергетическим системам в обмен на доступ к европейским высоким технологиям). Из истории переговоров между тем хорошо известно: если ты начинаешь их в условиях, когда у тебя нет стратегической повестки дня, в то время как у твоего партнера она есть, – ты заведомо уже проиграл.

В отношении НАТО мы продолжали в последние восемь лет (и продолжаем сейчас) наступать на те же грабли, на которые наступала администрация Б.Ельцина. Сначала В.Путин (как это сделал Б.Ельцин в 1992 г.) заявил о готовности России вступить в Североатлантический альянс. Получив от Вашингтона «уклончивый ответ», мы стали категорически возражать против приема в его ряды стран ЦВЕ и Балтии. Тем самым мы собственными руками подтолкнули их к интеграции в этот альянс, спровоцировав (или, во всяком случае, ускорив) вторую волну расширения НАТО. Одновременно мы пошли на создание нового органа взаимодействия с этим военным блоком – Совета Россия–НАТО, как будто забыв о том, что точно такая же структура была создана и после первой волны расширения в 1997 году. Как и следовало ожидать, новая структура оказалась столь же неэффективной, как и прежняя. В настоящий момент мы находимся в преддверии уже третьей волны расширения НАТО на Восток (за счет Украины, Грузии и Молдавии).

В новой Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. говорится: «Реально оценивая роль НАТО, Россия исходит из важности поступательного развития взаимодействия в формате

Совета Россия – НАТО в интересах обеспечения предсказуемости и стабильности в Евро-Атлантическом регионе, максимального использования потенциала политического диалога и практического сотрудничества при решении вопросов, касающихся реагирования на общие угрозы – терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные кризисы, наркотрафик, природные и техногенные катастрофы.

Россия будет выстраивать отношения с НАТО с учетом степени готовности альянса к равноправному партнерству, неукоснительному соблюдению принципов и норм международного права, выполнению всеми его членами взятого на себя в рамках Совета Россия – НАТО обязательства не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности Российской Федерации, а также обязательств по военной сдержанности. Россия сохраняет отрицательное отношение к расширению НАТО, в частности, к планам приема в члены альянса Украины и Грузии, а также к приближению военной инфраструктуры НАТО к российским границам в целом, что нарушает принцип равной безопасности, ведет к появлению новых разъединительных линий в Европе и противоречит задачам повышения эффективности совместной работы по поиску ответов на реальные вызовы современности»[1].

Но ведь в изложенной здесь позиции нет ровным счетом ничего нового. Подобные заявления мы делали и в 1995, и в 2001, и в 2007 гг. За эти годы мы ни на йоту не приблизились к реальному партнерству с НАТО, а тем более не добились ее трансформации.

Понятно, что предложение Д.Медведева, сделанное им 5 июня 2008 г. в Берлине, на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии, по разработке и заключению «юридически обязывающего Договора о европейской безопасности» и подтвержденное в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г., по существу тождественное предложению упразднить НАТО, не встретило энтузиазма со стороны наших европейских партнеров. Заключение такого договора в условиях нынешней политической ситуации просто нереалистично.

Конечно, прямая военная угроза со стороны НАТО равна нулю. Но если не будет создан механизм реального партнерства между Россией и НАТО (а этого по-прежнему не происходит: более того, после кавказских событий мы значительно понизили планку политического взаимодействия с НАТО), произойдет третья волна его расширения, то разделительная линия между Европой и Россией пройдет уже по границе Грузии, Украины и Молдавии, что будет означать очередной провал нашей европейской политики.

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ.

Что касается **стран Центральной и Восточной Европы**, то с их вступлением в европейские структуры безопасности и экономического сотрудничества (НАТО и ЕС) они превратились в антироссийские субъекты, во многом определяющие враждебную политику этих структур по отношению Москвы. Серьезный кризис переживают наши отношения со странами Балтии и Польшей. Конечно, особой любви эти страны никогда к нам не питали. Но мы как будто задались целью эти отношения ухудшить как можно больше. Даже светлый праздник 60-летия Великой Победы в 2005 году, когда весь мир с изумлением следил за нашей злобной перепалкой с этими странами по вопросам «оккупации», «геноцида», пакта Молотова–Риббентропа и т.д., стал еще одним крупным шагом в этом направлении, вместо того чтобы, напротив, стать праздником примирения и согласия. Трения по поводу интерпретации истории Второй мировой войны возникли у нас и с другими странами, даже с... Финляндией (!), с которой даже у СССР никогда не было подобных проблем.

Не была решена и поставленная в 2000 году задача сохранения территориальной целостности **Союзной Республики Югославии**, противодействия расчленению этого государства, что чревато угрозой возникновения общебалканского конфликта с непредсказуемыми последствиями. После же событий в 2008 г. в Косово стало очевидно, что подобный же механизм может быть запущен в любой момент в отношении любого сепаратистского новообразования, если это посчитают выгодным для себя США.

Вряд ли можно сказать, что мы добились каких-либо успехов на **американском направлении**. Полноценных российско-американских отношений как не было, так и нет[1]. Антиамериканская риторика Послания Д.Медведева Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г. вряд ли будет способствовать исправлению этого положения дел: ведь теперь новый президент США Б.Обама будет вынужден доказывать американцам свой «патриотизм», жестко отвечая на риторические выпады Кремля в адрес Вашингтона.

Можно было бы, вероятно, назвать успешным сегодня развитие лишь **российско-китайских отношений**. Однако у многих политиков и экспертов до сих пор возникает вопрос: не куплены ли успехи здесь в основном ценой наших территориальных уступок? По их мнению, согласно Договору о пограничном урегулировании, подписанному в 2004 г., Китаю отданы два крупных пограничных острова – Большой Уссурийский (его большая часть) и Тарабарова. Общая площадь уступленной Китаю земли составила 337 кв. км. Если такие вопросы возникают, то, по меньшей мере, это значит, что наше внешнеполитическое

[1] Об этом см. статью автора «Как строить отношения с США» // Вестник аналитики. 2005. №2.

ведомство не удосужилось представить внятные разъяснения по этому важнейшему вопросу[1]. К тому же структура наших торгово-экономических связей на протяжении последних 20 лет по существу не изменилась: мы по-прежнему поставляем КНР оружие, энергию и современные технологии, китайцы же в ответ заваливают нас низкокачественным ширпотребом. И если с 1945 года вплоть до распада страны в наших двусторонних отношениях именно Советский Союз неформально (и даже вполне официально) прочно держал позицию «старшего брата», а в 1990-е годы это уже были в лучшем случае отношения «равных братьев», то сегодня, похоже, «старшим братом» без лишнего шума уже становится Китай.

Спасает наши отношения и то, что вектор внешнеполитической активности Китая направлен сегодня на Юг, а не на Север. Однако это не сулит ничего хорошего для России. Если Китай активизирует свои попытки вернуть себе Тайвань, то это вызовет острейший кризис китайско-американских и китайско-японских отношений. Такое развитие событий вряд ли отвечает интересам России, поскольку будет означать резкую дестабилизацию всего АТР с труднопредсказуемыми последствиями.

Российско-японские политические отношения (на фоне некоторого, весьма незначительного, оживления экономических связей) сегодня по-прежнему на нуле. И даже долгосрочной перспективы их нормализации в настоящий момент не просматривается, что вынужден был признать Д.Медведев в своем интервью журналистам стран «Группы восьми» 3 июля 2008 г. Поставленная в 2000 г. задача добиться «оформления международно признанной границы между двумя государствами» не была решена. Неоднократные попытки нашего МИДа решить застарелый территориальный вопрос заканчивались очередным конфузом. Разве это не признак полного банкротства нашей (впрочем, и японской) внешнеполитической элиты?

Конечно, все эти проблемы российской внешней политики возникли не в одночасье. Они накапливались уже давно, еще с 1991 г. И все же роковыми, критическими во внешней политике России оказались 2004–2008 годы: трудно найти еще один такой период в русской истории, когда Россия получала столько пощечин, пинков и зуботычин. Столь же неудачными, пожалуй, были лишь годы после поражения России в Крымской войне (1856 г). Впрочем, это поражение длилось всего несколько лет: Россия быстро отвоевала в последующие несколько лет свои геополитические позиции и восстановила свой международный авторитет. Мы же видим, что унижения России со стороны

[1] Официальное разъяснение состоит в том, что эти территории поровну разделены между сторонами. Однако соответствующих картографических материалов до сих пор представлено не было.

«международного сообщества» продолжаются и чуть ли не на 20-м году новой российской государственности.

При этом профессионализм отечественного дипломатического корпуса ни у кого сомнений не вызывает. Как уже очевидно всем, дело совсем в другом. В чем же основные причины глубокого кризиса внешней политики России?

Причины кризиса

Прежде всего, этот кризис носит концептуальный характер. Это значит, что у нас **отсутствует жизнеспособная и реалистичная концепция внешней политики.** Утвержденная В.Путиным в 2000 г. концепция содержала немало правильных выводов и положений. Однако в целом она, конечно, устарела. К сожалению, не стала в этом смысле «прорывным» документом и новая Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Д.Медведевым 12 июля 2008 г., – уже в самом ее начале оговаривается, что она лишь «дополняет и развивает положения Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 г.»[1].

В новой Концепции содержатся три ключевых тезиса: упор на всемерное укрепление международного права как основы межгосударственных отношений и формирования системы международной безопасности, ставка на ООН и ее Совет Безопасности как на безальтернативную международную организацию, наделенную уникальной легитимностью, и задача снижения фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. Конечно, все эти задачи благородны и пронизаны высоким морально-нравственным пафосом, что само по себе следует приветствовать. Другой вопрос, как они соотносятся с современными реалиями мировой политики.

История международных отношений, например, свидетельствует, что международное право – это не столько свод неких абстрактных, пусть и благородных, принципов поведения во внешней политике, сколько фиксация имеющегося на данный момент соотношения сил на мировой арене.

В контексте рассмотрения данного вопроса стоит вкратце вспомнить о некоторых исторических прецедентах. Вестфальский мир 1648 г., заключенный после Тридцатилетней войны, констатировал разгром Священной римской империи германской нации и папства – двух главных субъектов мировой политики, определявших ее до этого времени. По условиям этого мира Франция обеспечила себе доминирующие позиции в Европе на 150 лет, отодвинув на второстепенную роль Испанскую монархию. После поражения наполеонов-

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ.

ской Франции в 1812 году лидирующие позиции на несколько десятков лет заняла Российская империя, что было закреплено в документах Венского конгресса и в международной конфигурации Священного Союза. После поражения России в Крымской войне 1953–1956 гг. новое соотношение сил было зафиксировано в документах Парижского конгресса, по условиям которого Россия потеряла позиции лидера. Франкфуртский мир 1871 года констатировал ослабление Франции и серьезное усиление Германии, объединенной «железным канцлером» О.Бисмарком. Версальский мир 1919 года означал закрепление в международном праве, в том числе и в Лиге Наций, нового соотношения сил: Германия как побежденная страна была вынуждена согласиться на унизительное для себя положение в мировой системе, Оттоманская империя была ликвидирована, и на первые позиции вышли Великобритания, Франция и США. После Второй мировой войны в лигу «сверхдержав» вышли лишь две страны – СССР и США, что и было закреплено в документах послевоенного урегулирования, включая документы ООН (при формальном равенстве всех пяти постоянных членов Совбеза – СССР, США, КНР, Великобритании и Франции).

Вполне очевидно, что после распада СССР в 1991 году в мире сложилось новое соотношение сил, которое уже не отражало основных положений Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. В этих условиях подписанные в 1945 году документы уже не могут быть единственным источником международного права, и настаивать на этом бессмысленно и контрпродуктивно. Можно, конечно, осуждать односторонние действия США, в частности в Югославии и Ираке, однако нельзя не видеть, что они лишь свидетельствуют о разрушении того международного права, которое фиксировало соотношение сил, сложившееся более 60 лет тому назад. Апелляция же к этому международному праву (а в новой Концепции внешней политики РФ это делается 22 раза) есть уже признак не силы, а слабости.

Столь же бессмысленно в современных условиях педалировать исключительную роль Организации Объединенных Наций (это делается в Концепции 23 раза) в построении новой системы международной безопасности. Эффективность и авторитет этого механизма год от года падает по вполне объективным причинам; анахронизм его процедур, включая процедуры принятия решений в Совете Безопасности, становится все более очевиден. Попытки же реформировать эту организацию на данном этапе полностью провалились.

Наконец, нельзя признать политически перспективным и призыв к снижению фактора силы в международных отношениях: напротив, в них налицо тенденция к возрастанию этого фактора, в том числе и фактора военной силы, как бы нам не хотелось обратного.

Таким образом, следует констатировать, что все три основополагающих тезиса новой Концепции, утвержденной третьим президентом России – апелляция к укреплению норм международного права, авторитета ООН и к снижению фактора силы в мировой политике, – к сожалению, плохо реализуемы в современных условиях и, следовательно, не могут служить сколько-нибудь убедительным признаком роста внешнеполитического потенциала России. В отсутствие реаль-

ной силы, в том числе и военной, подобная внешняя политика неизбежно сводится к бесконечной подаче жалоб и более ни к чему. Сами же по себе благородные призывы к «гуманизации международных отношений», не подкрепленные «мягкой» и «жесткой» силой, не способны стать реалистичной основой роста международного влияния кого бы то ни было в современном прагматичном и даже во многом циничном и жестоком мире.

И это убедительно подтвердили последние события на Кавказе. Вторгнувшись на территорию Южной Осетии, Грузия при полном попустительстве (а точнее, покровительстве) США просто наплевала на международное право. Совет Безопасности ООН, отказавшийся осудить агрессию, в который раз показал себя беспомощным и малополезным органом. Россия, до последнего момента пытавшаяся предотвратить войну, была обязана принять адекватные меры для защиты своих миротворцев и народа Южной Осетии от грузинских агрессоров, что она и сделала. Таким образом, военная сила вновь оказалась верховным арбитром мировой политики. Применив ее, Д.Медведев в известной мере пересмотрел утвержденную им 12 июля 2008 г. (т.е. за три недели до начала конфликта) новую Концепцию внешней политики Российской Федерации, которая не выдержала столкновения с реальностью.

Самое же главное состоит в том, что ни в новой Концепции, ни в последующих заявлениях президента РФ не решена проблема национальной идентичности России. К сожалению, не только Америка, весь мир, но и мы сами все еще не можем понять, кто мы такие: совершенно новое, никому не ведомое государство, возникшее на карте только в 1991 году; продолжатели СССР, добровольно «урезавшие» свою территорию и поменявшие плановую экономику на «экономику дикого рынка», или правопреемники тысячелетней России?

Длительное отсутствие разумных ответов на вопросы: «Что такое Россия?» и «Каково ее место в мире?» приводит к укреплению подозрений Запада, что он имеет дело с прежним СССР или пародией на него, а потому тормозит проект интеграции России в Большую Европу и в трансатлантическое сообщество в целом. Поэтому в Европе и США нас и воспринимают, в лучшем случае, как страну, «находящуюся в переходном состоянии».

Самоидентификация – проблема тяжелая, ибо она связана с весьма болезненной ломкой советского мышления. Однако без такой самоидентификации, как уже говорилось выше, невозможна ни внятная внутренняя, ни, тем более, внешняя политика. Более того, без нее невозможно в принципе сформулировать национальные интересы. Отсутствие самоопределения – главная причина того, что Россия до сих пор не сказала, готова ли она в союзе с Америкой решать стратегические проблемы международной безопасности и вместе с ней форми-

ровать новый мировой порядок. Она не сделала стратегический выбор, с кем она хочет быть и «против кого дружить». В этом суть, например, основной проблемы российско-американских отношений.

Таким образом, наша страна еще не самоопределилась. Мы еще не знаем, какую страну мы строим. Внятной внешнеполитической стратегии у нас нет. А поскольку нет стратегии, нет и понимания национальных интересов. Не может быть вертикали власти без «вертикали смысла». В этой связи возникает, например, вопрос, не поступила ли Россия неосмотрительно или даже беспечно, когда присоединилась (или встала на путь к присоединению) к Организации Исламская Конференция? Ведь, в общем-то, этот шаг находится в явном противоречии с продекларированным партнерством с Соединенными Штатами и ЕС. Это означает, что мы не можем сделать выбор не только между Востоком и Западом, но даже между Севером и Югом! Вот чем оборачивается отсутствие стратегии и слабость государственной субъектности.

Конечно, четкой внешнеполитической стратегии нет и у ряда других великих держав, у тех же США. Но в отличие от них, Россия сегодня не обладает таким «запасом прочности», который страхует даже от серьезных ошибок и провалов. А потому нечеткость внешнеполитической стратегии для нее – непозволительная роскошь.

Вторая фундаментальная проблема внешней политики России состоит в том, что ее кризис носит институциональный характер. Речь идет об отсутствии эффективного механизма подготовки, принятия и реализации внешнеполитических решений[1].

Третья проблема состоит в том, что наша **внешняя политика не опирается на систему стратегического планирования**, которая должна обеспечивать просчет краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных вариантов внешнеполитических решений, соразмерность целей и средств. Отсутствие же такой системы (действовавшая до недавнего времени в Совете Безопасности РФ Группа стратегического планирования – не в счет), опирающейся на солидную аналитику, собственно говоря, и привело к кризису внешней политики России. Непросчитанность соразмерности внешнеполитических амбиций и возможностей (ресурсов) страны, неспособность осознать характер происходящих в мире процессов, восприятие их сквозь призму традиционных, свойственных советскому периоду представлений привело к тому, что ни одна из стратегических целей, сформулированных политическим руководством России в последние 20 лет, не была достигнута. Не удалось ни предотвратить расширение НАТО, ни построить реальное партнерство с этим альянсом, равно как и сохранить необходимый уровень отношений со странами ЦВЕ и Балтии. Все красивые программы построения

[1] Об этом см. статью автора «О механизме принятия внешнеполитических решений» // Международные процессы. 2004. №2(5).

европейской безопасности, в частности, через механизмы ОБСЕ, остались на бумаге.

Операция НАТО против Югославии произошла вопреки позиции России, а упорная поддержка режима С.Милошевича обернулась после его поражения потерей российского влияния на Балканах. Не был сохранен Договор по ПРО, главным образом потому, что Москва отказалась вести переговоры о его модификации. Переговоры с США о дальнейшем сокращении ядерных вооружений были прерваны. Повисла в воздухе ранее декларированная концепция стратегического партнерства с США. Полностью провалилась Примаковская идея создания «стратегического треугольника» Москва–Пекин–Дели. Россия оказалась, по сути дела, вытесненной из процессов ближневосточного, корейского, а теперь уже и иракского урегулирования. На нуле, как уже говорилось, продолжают находиться отношения России со второй экономикой мира – Японией. Не сработал практически ни один из стратегических замыслов в отношении СНГ и ДКБ на всем постсоветском пространстве. Это касается не только союза России с Белоруссией, но и российско-украинских отношений, партнерства с государствами Центральной Азии и Кавказа (прежде всего с Грузией). Никакого серьезного продвижения не произошло в важнейших для России вопросах интеграции в мировое, в первую очередь, европейское, экономическое пространство и привлечения масштабных зарубежных инвестиций в российскую экономику (сопоставимых, например, с инвестициями в экономику КНР).

Существенной, хотя и не главной, причиной кризиса внешней политики России является заметное падение ее имиджа в Европе, Америке и в мире в целом. Как это ни прискорбно констатировать, но именно в 2004–2008 гг. Россия перестала быть привлекательным партнером даже для своих соседей. Именно в эти годы мы услышали прямо-таки шквал критических замечаний – во многом справедливых – по поводу так называемой «управляемой демократии», «авторитарных тенденций режима Путина», «нечестных» и «несправедливых» парламентских (2007 г.) и президентских (2008 г.) выборов, «избирательного правосудия» (дело ЮКОСа), полицейских методов давления на крупный капитал, разгрома неугодных Кремлю телеканалов и изданий, назначения на высшие государственные посты в России деятелей КПСС и КГБ, укрупнения органов государственной безопасности без какого бы то ни было контроля со стороны парламента и общественности, ущемления федерализма и прочее, прочее, прочее... И если в старые времена, наверное, нам можно было на все это наплевать и сказать: «нехай клевещут на наш самый демократичный и гуманный строй», то сегодня, в условиях полной информационной прозрачности современного мира, этот «номер» не проходит. Ибо нельзя проводить одну политику внутри своих границ и принципиально другую – за ее

пределами. Практика показала, что полуфеодальные отношения в ряде сфер нашей внутренней политики совершенно несовместимы с постиндустриальной архитектурой внешней среды. Среды именно того евроатлантического пространства, в которое мы и хотим интегрироваться. Подобное «раздвоение» политического сознания российского истеблишмента до добра, конечно, не доведет, и, в случае его упрямого воспроизводства, поставит крест на перспективах страны как равноправного и уважаемого «игрока» на международной арене.

В 2004–2008 гг. российское руководство, правда, попыталось огрызнуться и совсем в добрых советских традициях дать «должный отпор клеветникам». Москва обвинила ОБСЕ в политике двойных стандартов и чрезмерном внимании к бывшим советским республикам, пригрозив прекратить финансирование этой организации. В декабре 2004 г. президент РФ говорил уже о «диктатуре в международных делах, упакованной в красивую обертку псевдодемократической фразеологии», и об опасности «попыток перестроить современную цивилизацию по казарменным принципам однополярного мира». Потом В.Путин и вовсе обвинил Запад в том, что, прикрываясь идеалами демократии, «добрые, но строгие дяди в пробковом шлеме» указывают людям целесообразность, по которой они должны жить», «а если туземец будет возражать, то его накажут с помощью ракетно-бомбовой дубинки, как это было в Югославии». В феврале 2007 г. прозвучала знаменитая мюнхенская речь В.Путина, в которой он обвинил Запад (во многом справедливо) в развале системы международной безопасности и режима контроля над вооружениями.

Однако эффект от ужесточения (правда, лишь словесного) курса Москвы оказался явно не тот, на который она рассчитывала. В западных СМИ критика в адрес России и лично В.Путина лишь усилилась. И если до 2005 г. его «друзья» Буш, Ширак, Блэр и Шредер воздерживались от прямых выпадов в адрес России, то набравшая обороты в последующие годы критика нового курса Кремля со стороны западных элит во многом способствовала тому, что европейские «друзья» нашего президента уступили свои посты более консервативным лидерам (А.Меркель, Н.Саркози, Г.Браун), а руководство США было вынуждено признать ошибочность своих чрезмерно оптимистических ожиданий в отношении демократической трансформации России и начать пересмотр отношений с нею; в Вашингтоне значительно укрепились позиции консервативного крыла, что не могло не оказать своего влияния на американскую выборную кампанию: теперь в ближайшие годы с большой долей вероятности можно прогнозировать серьезное охлаждение российско-американских отношений.

В свете всех этих событий, например, вопрос о «соперничестве» России и ЕС на постсоветском пространстве за страны СНГ, который является предметом повестки дня многих проходящих в Европе междуна-

родных конференций, на самом деле неправомерен. Потому что реального соперничества нет. ЕС кладет на чашу весов свой европейский проект. Пусть он не слишком амбициозен (богатство и процветание для всех членов «европейской семьи народов»), но он достаточно привлекателен. А России, со своей стороны, на чашу весов положить нечего, поскольку своего исторического проекта у нее нет, а учить своих соседей «суверенной демократии», тем более гарантировать им экономическое процветание в союзе с собой, она не может. Именно поэтому Россия и является непривлекательной для стран СНГ. Более того, она сама отказалась от своего проекта (победа мирового коммунизма) и во всеуслышание заявила, что будет интегрироваться в мировое сообщество, т.е. в чужой проект. Что же она хочет от своих бывших сателлитов? Ведь, по существу, она сама объявила «квалификационный турнир»: кто раньше вступит в Большую Европу. На кого же она может обижаться? Ведь для «интеграции в мировое сообщество» никто в посредничестве России не нуждается.

В этом и состоит коренная причина всех провалов нашей внешней политики на постсоветском пространстве. Нельзя рассчитывать на успех интеграции этого пространства вокруг России, если она по-прежнему будет непривлекательной и восприниматься всеми как «больной человек Европы», да еще к тому же отказавшейся от собственного исторического проекта, от собственной истории. И надо четко осознавать, что «оранжевые революции» в странах СНГ – это не что иное, как псевдодемократический выбор этими странами европейского исторического проекта, который, к сожалению, пока что не выбрала сама Россия.

Не может быть привлекательной страна, которая по индексам Всемирного экономического форума по глобальной конкурентоспособности занимает 58-е место, по индексу конкурентоспособности для бизнеса – 71-е, по качеству здравоохранения – 53-е, по инновационному потенциалу – 60-е, по качеству образования – 55-е, по эффективности государственных институтов – 116-е, а по масштабам коррупции – одно из первых мест в мире (эти масштабы в 2000–2004 гг. возросли в 10 раз!). И пока Россия не проведет успешную национальную модернизацию, не создаст хотя бы предпосылки для перехода на инновационный тип развития, не сформирует институты зрелой (а не «суверенной») демократии, не станет на деле (а не на словах) социальным государством со всеми его атрибутами – качественным и доступным здравоохранением, образованием, пенсионным и жилищным обеспечением, – пока она не победит коррупцию и произвол чиновников – рассчитывать на успешную внешнюю политику на постсоветском пространстве и в других регионах мира не приходится.

Наконец, важной причиной кризиса российской внешней политики является ее слабое кадровое обеспечение, деградация дипломатиче-

ской службы, связанная во многом с тем, что профессия дипломата в России (в отличие от всех других стран мира и, кстати говоря, бывшего СССР), прежде всего из-за низкого материального обеспечения[1], не является престижной. Это значит, что талантливая молодежь не видит для себя применения в российских внешнеполитических ведомствах и выбирает себе более престижные и обеспеченные профессии. В результате МИД, в частности, аккумулирует людей, которые просто не состоялись в бизнесе или в политике. За плечами уже немногих оставшихся ветеранов дипломатической службы, прошедших блестящую школу советского МИДа (у которых имелось четкое представление о национальных интересах, удачно определяемое В.Нифонтовым как «имперский прагматизм»[2]), уже почти не стоят талантливые молодые кадры. А это, в свою очередь, означает лишь одно: Россия обречена на то, чтобы и впредь проигрывать нашим партнерам и оппонентам на международной арене.

«В настоящее время, – справедливо отмечает политолог В.Милитарев,– российская дипломатия находится в одном из самых глубоких кризисов за всю свою историю. Можно сказать, что на сегодняшний день внешняя политика у России вообще отсутствует. Точнее сказать, у нас отсутствует внешняя политика как мегамашина, работающая в режиме автопилота. Именно такова внешняя политика всех великих держав. Такая внешняя политика далеко выходит за рамки прямых директив центральной власти. Исполняя эти директивы, она не ограничивается ими. Не нарушая их, она выходит за их пределы. Такая внешняя политика основывается не на директивах, и даже не на официально принятых внешнеполитических концепциях, но на внутреннем понимании каждым ответственным дипломатическим работником, в рамках его должностной компетенции, национальных интересов своей страны. Такое понимание основывается, с одной стороны, на конкретном анализе обстановки в стране пребывания, с другой – на представлении о том, что национальные интересы являются стратегическими, долгосрочными и глобальными, выходя за рамки текущего политического пространства-времени. И вот такой внешней политики у нас сегодня нет.

Не до конца ясен вопрос, обладала ли Россия такой внешней политикой в советский период, хотя очевидно, что в имперский период внешняя политика у нас присутствовала. Сегодня, в постсоветский период, как я уже говорил, ее у нас нет. Есть только центральные директивы, которые худо или бедно выполняются, концепция вне-

[1] Повышение зарплаты в 3–4 раза не решило эту проблему: теперь дипломат с 15-летним стажем получает сумму, равную жалованью молодой секретарши-машинистки в компании среднего уровня.

[2] *В.Нифонтов.* Внешнеполитический субъект в условиях недофинансирования. – АПН, 27.05.2005.

шней политики России, которую никто из дипломатических работников, судя по всему, не воспринимает всерьез, да внешняя политика на рулевом управлении президента РФ. Иначе говоря, на сегодняшний день президент РФ в значительной мере является не только единственным субъектом, но и единственным актором российской внешней политики»[1].

Тем не менее, на наш взгляд, текущий кризис внешней политики России не стоит драматизировать. Вообще кризис системы – это неплохо, если за ним следуют шаги по ее радикальному обновлению и модернизации. А нынешний период в истории России – далеко не худший для того, чтобы сделать эти шаги в сфере внешней политики. При условии решения обозначенных проблем у России есть шанс на вполне успешную внешнюю политику.

Нужен капитальный ремонт

Вопреки ожиданиям романтиков, мир XXI века оказался весьма жестким, если не сказать жестоким. Окончание глобальной конфронтации двух сверхдержав, крушение биполярного мира, развитие процессов глобализации не привели, как полагали некоторые идеалисты, к прекращению межгосударственных конфликтов и соперничества, «растворению» национальных интересов в «общечеловеческих». Напротив, традиционно узкое понимание национальных интересов, а в ряде случаев и просто национальные эгоизмы вновь вышли на первый план.

В системе современных международных отношений, которая характеризуется высокой подвижностью и стремительными переменами, выигрывают те государства, которые способны мгновенно реагировать на происходящие изменения, быстро адаптироваться к новым требованиям, осваивать постоянно возникающие все новые и новые «правила игры», соизмеряя цели и имеющиеся ресурсы, искусно используя свои экономические, политические, военные, технологические, информационные и интеллектуальные возможности.

В этих условиях уже недопустимы субъективные внешнеполитические решения, продуманные только на полшага вперед и опирающиеся лишь на конъюнктурные соображения, поскольку они могут носить стратегический характер и вести к долговременным последствиям. Многие из таких решений в ряде случаев уже невозможно исправить, что чревато нанесением катастрофического ущерба долгосрочным национальным интересам страны и непосредственно интересам ее граждан, поскольку глобализация стирает грань между внешней и внутренней политикой.

[1] *В.Милитарев.* Какая внешняя политика нам нужна. – АПН,23.05.2005.

Вот почему ведущие государства современного мира предпочитают приложить максимум усилий, чтобы иметь:

- во-первых, четкую и понятную всем внешнеполитическую стратегию, с обозначением приоритетов внешней политики и национальных интересов, союзников, партнеров и оппонентов;
- во-вторых, высокоэффективный механизм подготовки, принятия и выполнения решений по стратегическим вопросам международной деятельности;
- в-третьих, связанную с таким механизмом систему стратегического планирования, способную обеспечить сопряжение принимаемых внешнеполитических решений с имеющимися ресурсами, в первую очередь экономическими ресурсами страны;
- в-четвертых, умелую имиджевую политику, доводящую до мировой общественности достоверную информацию о национальной внешней политике, национальных интересах и их убедительное обоснование;
- в-пятых, высокопрофессиональную дипломатическую службу.

Не надо быть специалистом по внешней политике, чтобы увидеть, что до решения этих задач нашей стране очень далеко. Именно об этом необходимо сегодня задуматься России, причем не только политическому руководству, а всему политическому классу в целом.

Обобщая сказанное, необходимо, на наш взгляд, сформулировать следующие первоочередные меры в сфере государственной деятельности, которые позволят, на наш взгляд, преодолеть текущий кризис внешней политики России.

Первое. Для преодоления концептуального кризиса внешней политики Россия должна в первую очередь разобраться со своей национальной идентичностью. Оставив нелепые потуги наших либералов (а на самом деле псевдолибералов – наследников большевиков) предстать в мире «белой и пушистой», некоей «новой» Россией, которая строит свою государственность якобы лишь около двадцати лет, она должна недвусмысленно и безусловно определить себя в качестве наследницы исторической, т.е. тысячелетней России. Понятно, что в этом случае придется взять на себя и все ее грехи, включая – как это и неприятно – грехи СССР. Но, право, игра стоит свеч: тогда Россия остается субъектом мировой истории, всем понятным и узнаваемым. До тех пор пока этого не сделано, наши зарубежные партнеры, включая США, вряд ли сами смогут правильно определить свою политику в отношении России и будут по-прежнему занимать выжидательную позицию. И все попытки отстаивать наши национальные интересы – будь то наши возражения против расширения НАТО, политика сближения со странами СНГ или попытки заблокировать в Совете Безопасности ООН решение о военной операции США против очередного диктаторского режима – будут ставиться ими под подозрение. В худшем случае они будут вос-

приниматься как рецидивы советской внешней политики, выстраиваемой большевиками в духе «игры с нулевой суммой»: все, что хорошо для США – плохо для СССР и наоборот. Тогда, как известно, умение как можно больше напакостить американцам считалось высшим искусством мудрого государствования.

Иными словами, мы должны определиться и объявить всему миру, кто мы есть. Мы не новое, неведомо откуда взявшееся государство в 1991 г. и не уменьшенный СССР, который берет свое начало лишь с октября 1917 г., а тысячелетняя Россия. От этого, главным образом, и зависят, в частности, российско-американские отношения. Если, например, мы существуем лишь 20 лет, то на роль, большую, чем клиент США, мы претендовать не можем. Если мы «мини-СССР», то мы обречены на «мини-конфронтацию» с США, на поражение в «мини-холодной войне» и, в конечном счете, на «мини-распад». Если же мы тысячелетняя Россия, то партнерство и даже стратегический союз с Америкой (уже не говоря о Европе) для нас – естественное состояние.

Делая однозначный выбор в пользу европейской и трансатлантической ориентации, Россия должна показать, что может стать ее полезной частью. Таковой она сможет быть лишь в качестве исторической России, которая до октября 1917 года так всеми и воспринималась. В то же время Россия не может вычеркнуть из своей истории советский период, объявив его некоей «черной дырой». И в международно-правовом смысле она является субъектом, продолжающим субъект СССР.

Таким образом, Россия должна строить государство не с «чистого листа», или с 1991 года, а исходя из того, что нынешняя Российская Федерация – правопреемница тысячелетнего российского государства, в том числе Российской империи, и продолжательница СССР. В области государственного строительства она твердо придерживается доктрины непрерывного правопреемства и континуитета.

Второе. Повышение эффективности внешней политики требует принятия специального закона о механизме разработки, принятия и реализации внешнеполитических решений, который обеспечивал бы четкую координацию деятельности министерств и ведомств в этой области под руководством президента РФ в целях проведения единой линии Российской Федерации в отношениях с другими государствами и международными организациями. Такого рода механизм должен иметь коллегиальный характер, характеризоваться вовлеченностью всех субъектов внешней политики и опираться на глубокую аналитику и экспертизу правительственных и неправительственных научно-исследовательских центров, которые надо создавать, всячески пестовать и щедро финансировать.

Третье. Никакой реалистичный и рассчитанный на успех политический курс не может быть избран и последовательно осуществлен без предварительной оценки ресурсов и просчета возможных вариантов

действий, оценки положительных и отрицательных последствий тех или иных акций, их взаимосвязи с возможными, вероятными или иными предсказуемыми событиями и, наконец, просчета их последовательности во времени. Именно к этому, в конечном итоге, и сводится суть стратегического планирования. Вот почему необходимо обеспечить сопряжение принимаемых внешнеполитических решений с имеющимися ресурсами, в первую очередь экономическими ресурсами страны.

Соразмерность целей и средств – важнейший принцип внешней политики. В связи с этим все более явной становится и необходимость разработки государственной ресурсной политики – и в целях обеспечения национальной безопасности, и в интересах стратегии развития. Хорошо продуманная и взвешенная ресурсная политика призвана обеспечить не только эффективность внешней политики, но и конкурентоспособность России как государства, национальной экономики, ее отдельных отраслей, отечественных частных компаний, инновационных систем и проч. в глобальном мире, что является одной из главных предпосылок национальной безопасности и успешного развития.

Четвертое. Что касается имиджа России за рубежом, то, конечно, следует работать над его улучшением. Но при этом следует помнить: какие бы усилия здесь ни предпринимались, какие бы финансовые средства на эти цели ни выделялись, если внутренняя ситуация в стране не будет улучшаться, все эти пиаровские усилия будут тщетны. Надо понять одну простую вещь – для того чтобы иметь хороший имидж за рубежом, надо реально быть привлекательной страной, а не казаться ею. Поле исправления имиджа поэтому находиться не за рубежом, а внутри страны. Ведь, как говорит одна мудрая русская пословица, «черного кобеля не отмоешь добела».

Пятое. Надо принять серьезные меры, с тем чтобы вновь сделать престижной дипломатическую службу. Для этого наш дипломат – независимо от того, находится ли он на службе в Москве или за рубежом – должен иметь возможность вести достойный образ жизни, т.е. получать высокую зарплату, обеспечивать семью жильем, качественным медицинским обслуживанием, отдыхом, дать детям образование в престижных вузах страны. Он должен быть также уверен в том, что государство позаботится о его обеспеченной и безбедной старости. Короче говоря, дипломат не должен чувствовать себя человеком второго сорта, стоящим на социальной лестнице ниже, чем мелкий деятель теневой экономики или чиновник средней руки из коррумпированных отраслей.

ПОЛИТИКА

Александр ЦИПКО

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУРСА

Желание побыстрее расстаться с прошлым все-таки у нас, у россиян, в крови. Смена главы государства сразу же рождает «новые надежды», и мы нередко забываем о своих прежних кумирах, о тех идеях, которыми совсем недавно восхищались. Те же политики, эксперты, лидеры «Единой России», которые еще год назад, накануне думских выборов декабря 2007 года, с рвением убеждали электорат, что «план Путина», «идеи Путина» – это и есть стратегия развития России, теперь, стыдливо потупив глаза, говорят о своих уже «новых надеждах», уже о «новом курсе» и т.д.

Именно по этой причине, чтобы не впасть в иллюзию, что мы начинаем все сначала, я попытаюсь показать, что главное достоинство первого Послания Дмитрия Медведева Федеральному собранию коренится не в его «сенсациях», а в развитии и конкретизации тех ценностей гуманистического патриотизма, на основе которых Путин в конце 1999 года начинал свою политику возрождения России. В нашей стране, в соответствии с 13 статьей Конституции, не может быть государственной, т.е. обязательной для всех граждан России идеологии. Но у нас, как у цивилизованного демократического общества (на этом сделал акцент в своем послании Дмитрий Медведев), все же должны быть исходные, непререкаемые ценности, нравственные ориентиры, которые определяют и настоящее, и будущее страны. Скажу сразу: базовые, традиционные ценности россиян Медведев трактует точно так же, как и Путин.

В первом публичном изложении исходных ценностей своего мировоззрения, в своей статье «Россия на рубеже тысячелетий» (НГ, 30.12.1999) Путин говорил о главной задаче власти – «сделать страну процветающей, общество – динамично развивающимся, **человека – свободным** (выделено мной. – *А.Ц.*)». Он назвал коммунистическую доктрину «тупиковым маршрутом движения» потому, что совет-

ский строй так и не решил эти первостепенные задачи, в результате чего народ «заплатил огромную цену за все эти наши несомненные достижения». Важно, что в основе наших российских традиционных ценностей сегодня лежат европейские гуманистические ценности свободы и достоинства личности, исходное понимание самоценности каждой человеческой жизни.

Дмитрий Медведев дает подробную характеристику сущности свободы человека, делая уже свой собственный акцент на «свободе предпринимательства», после чего говорит о свободе слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. Кстати, в его послании нет критики коммунизма и коммунистической системы, но сам тот факт, что он подчеркивает, прежде всего, свободу предпринимательства и гарантии частной собственности, свидетельствует об исходном антикоммунизме его мировоззрения.

Мне могут сказать, что все же существуют различия между Путиным и Медведевым не только в том, как они выстраивают иерархию базовых ценностей россиян, но и в трактовке их конкретного содержания. И действительно, если сопоставить все, что говорили о месте патриотизма в системе традиционных ценностей россиян Путин и Медведев, то мы увидим упомянутые выше различия. К примеру, Путин тогда, в 1999 году, ставил патриотизм на первое место среди «исконных ценностей россиян», а у Медведева патриотизм уже замыкает список этих «хорошо известных ценностей». Но, на мой взгляд, из этого вовсе не следует, что Медведев больший либерал, чем Путин, или что Путин – больший державник, чем Медведев. Просто надо понимать, что когда Путин приходил в 1999 году к власти, необходимо было в первую очередь реабилитировать патриотические государственные ценности. Они, как отмечал Путин, «использовались в ироническом или даже ругательном смысле». Без реабилитации патриотизма, нормального человеческого стремления сделать свою страну краше, богаче, крепче, счастливее не могло быть и речи о возрождении страны из хаоса 1990-х. Сейчас, кстати, благодаря тому, что Путин отвоевал у олигархов высоты власти и в политике, и в экономике, никому не надо доказывать, что патриотизм и государственничество являются базовыми ценностями россиян. Ныне развелось так много патриотов, причем самого разного пошиба, что порой начинаешь терять исходный смысл этого понятия. Сейчас для нас духовную опасность представляет не столько «ироническое» или «ругательное» отношение к патриотизму, сколько любовь к Родине, перерастающая в национальное чванство, национальный изоляционизм.

Вот почему, на мой взгляд, Медведев справедливо связывает понятие патриотизм не только с «верой в Россию», с «глубокой привязанностью к родному краю», «к нашей великой культуре», но и с **«трезвым, критическим взглядом на отечественную историю и на наше далеко**

не идеальное настоящее» (выделено мной. – *А.Ц.*). Я думаю, что Медведев в этой части послания мог бы процитировать Ивана Ильина, который говорил 60 лет тому назад о том же, что «любить свой народ не значит льстить ему или утаивать от него слабые стороны».

Это сопоставление высказываний Путина и Медведева о патриотизме важно для понимания роли конкретной ситуации в трактовке сущности и содержания личной привязанности человека к своей Родине. Сегодня для страны более серьезную опасность представляет нетрезвое отношение к истории своей страны, желание соблазнить людей и, прежде всего, молодежь, старыми и новыми мифами о нашей национальной исключительности, о том, что мы якобы не можем жить и развиваться без «красного проекта». Как и попытки доказать, что российскому человеку не нужна нормальная, достойная, свободная, комфортная жизнь, что якобы благополучие – это не наш идеал.

Достоинство послания Медведева, кстати, как и всех публичных выступлений Владимира Путина на этот счет, состоит в том, что он видит разницу между нормальным человеческим уважением к своей стране, ее достижениям, традициям и мифом об особом русском пути, об особой русской альтернативной цивилизации. Здесь важно понимание того, что нормальный, гуманистический патриотизм не должен вести к проповеди изоляционизма, противопоставлению России Европе, а российских базовых ценностей – европейским. Так что, на мой взгляд, оправдано постоянное возвращение Дмитрия Медведева в ходе своего выступления к идеалу свободного развития личности, подчеркивание того, что свобода и права личности, в том числе и свобода предпринимательства, составляют для нас, россиян, главные ценности, что руководство нашей страны проникнуто желанием «видеть нашу Россию уже в близком будущем передовой, прогрессивной и удобной для жизни страной».

Подобный акцент на ценностях свободной и достойной жизни, несомненно, обоснован не только с идеологической точки зрения, как важная манифестация приверженности руководства страны к европейской культуре и европейским ценностям, но и с практической. Не случайно на первый план выдвигается важнейшая задача закрепления и обустройства наиболее одаренных представителей новой России в своей стране. Безусловно, новое поколение отдает себе отчет, о чем, кстати, тоже говорил Медведев, что главным условием развития и сохранения демократии все же является наш национальный суверенитет, но оно, молодое поколение, одновременно хочет, чтобы российская жизнь, в конце концов, стала более достойной, разумной и освободилась от множества традиционных российских абсурдов. Мысль Медведева о том, что выход России на путь «устойчивого развития» связан с раскрытием человеческого потенциала, и прежде всего с раскрытием потенциала молодых, одаренных, способных людей, бесспорна. Под-

держиваю его призыв уже сейчас начать настоящую «охоту» за умными российскими головами, «организовать масштабный и системный поиск талантов и в России, и за рубежом».

В рамках этих заметок, написанных в номер, я не смог просмотреть все линии преемственности между президентской философией Путина и президентской философией Медведева, впервые озвученной в системной форме в его первом Послании Федеральному собранию. Но для меня было важно обратить внимание читателя на то, что и при новом главе государства мы продолжаем двигаться по пути гуманизации и демократизации нашей российской жизни. Учитывая при этом, что сейчас, по сравнению с концом XX века, куда выше запрос на разумно организованную, трезвую, достойную, свободную и комфортную русскую жизнь.

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ О СВОЕЙ ЖИЗНИ И РАБОТЕ В РОССИИ

Андрей Чанг, *канадский журналист, главный редактор бюллетеня «Канва дифенс ривью»*

Грузинский прецедент коренным образом изменил структуру сложившихся после окончания «холодной войны» отношений между Востоком и Западом в политическом, военном и дипломатическом плане. Глубинные проблемы конфликта не только обнажили противостояние между Россией и Украиной по вопросу о суверенитете Крымского полуострова, но и сделали очевидной борьбу между супердержавами за дипломатический, военный и экономический контроль и влияние в богатом нефтью Черноморском регионе.

Вероятно, Россия и НАТО собираются еще долго меряться силой, и это способно перевернуть политические и военные отношения России с Западом. В этих обстоятельствах от ухудшения этих отношений естественным образом выиграет Китай, который разыгрывает «русскую карту» в соперничестве с западными странами. Внешне нейтральная, однако в политических кулуарах понимаемая как пророссийская позиция Китая, свидетельствует о его попытках получить большие дипломатические дивиденты от НАТО и Соединенных Штатов. В зеркале разногласий между Россией, Украиной и Грузией отразились китайские экономические, военные и дипломатические интересы. Например, Россия и Украина занимают два первых места в списке поставщиков в Китай передовых систем вооружения, и, очевидно, никого из них Китай обижать не намерен без особых причин.

За ожесточенным российско-грузинским конфликтом в первую очередь просматриваются противоречия между Россией и Украиной, а затем столкновение интересов между Россией и НАТО. Грузия – всего лишь разменная карта в игре ведущих мировых держав. С начала сентября военно-морские силы НАТО зашли в воды Средиземного и Черного морей, что привело к самому непосредственному военному противостоянию между Россией и НАТО со времени окончания «холодной

войны». Впрочем, у меня нет оснований полагать, что Россия и НАТО дойдут до прямых военных угроз в адрес друг друга – вероятность возвращения сторон к временам «холодной войны» крайне мала. Если рассматривать экономический аспект, российские энергопоставки в Европу отражают реальную картину взаимозависимости и противоречивого взаимодействия Востока и Запада. Тем не менее Россия прекратила военное сотрудничество с НАТО и США из-за конфликта в Грузии, что приведет к углублению взаимного недоверия и конфронтации.

Суть «грузинского вопроса» сводится к тому, что Россия намерена предотвратить дальнейшую военную и политическую экспансию НАТО в этот регион. В сердцевине этого конфликта, впрочем, борьба между ведущими мировыми державами за контроль над потенциально огромными энергетическими ресурсами Черноморско-Каспийского региона. Другими словами, идет борьба за черное золото. Вот лишь некоторые ее эпизоды.

Известно, что в районе азербайджанского Каспия в конце 1990-х годов были обнаружены крупные месторождения нефти, около 7 млрд. баррелей нефти, что составляет 0,6% подтвержденных мировых запасов. За менее чем 10 лет Азербайджан стал одним из крупнейших нефтедобытчиков среди стран СНГ, по доходу граждан далеко обогнав бывшие советские республики Центральной Азии. Богатые нефтяные ресурсы Азербайджана привели к новому раунду борьбы супердержав за энергию. США вмешались первыми. В июле 2006 года запущен нефтепровод, в который США, Турция, Грузия и Азербайджан вложили 4 млрд. долларов, и азербайджанская нефть теперь может поставляться в США напрямую через Грузию и Турцию. Проектная транзитная мощность трубопровода – 160 млн. тонн. В результате стратегическое значение Черноморского региона значительно возросло. Казахстан, успешно развивающий сотрудничество с Китаем в разработке месторождений нефти, также намеревается транспортировать свою нефть на европейские рынки через этот нефтепровод.

Богатые нефтяные месторождения были обнаружены не только в Азербайджане и Каспийском море, но и на черноморском континентальном шельфе. В июне 2007 года США и Украина договорились о взаимной поддержке и выступили с инициативой переговоров об освоении черноморского шельфа. Запасы континентального шельфа одной лишь Украины оцениваются в 13 млн. тонн нефти и 200 млрд. кубометров природного газа. Нефтяные запасы Черного моря не дают покоя Румынии, Италии и Турции, ведущих переговоры о сооружении нефтепроводов. Турция приняла 10-летний план освоения черноморских месторождений нефти и ведет интенсивную разведку.

В марте 2007 года Россия, Болгария и Греция подписали соглашение о сооружении нефтепровода, соединяющего терминалы на Средиземном и Черном морях. Еще один нефтепровод пройдет по территории

Румынии, Сербии, Хорватии, Словении и Италии, пересечет все пять стран и станет их совместной собственностью.

Вопрос черноморского транзита нефти затрагивает интересы Казахстана. Нефтепровод из Центральной Азии через Грузию и Турцию стал бы для него стратегической артерией. Впрочем, Россия в первую очередь выступает против этого плана.

Нефть в наше время легко пересекает границы государств. Если где-то обнаруживаются ее запасы – тут же замаячит тень Китая. Конфликт вокруг черноморских и каспийских трубопроводов затрагивает национальные интересы Китая, поскольку нефтяные ресурсы Казахстана и Азербайджана уже давно стали объектами соперничества Китая, например, с США. Казахстанская труба уже работает на восточного соседа, а будет работать еще больше – китайские компании инвестируют в новые азербайджанские проекты до 50% их стоимости. Завершение строительства каспийского трубопровода и прокачка нефти через грузинскую территорию могло бы свидетельствовать об успехе стратегии втягивания Казахстана в сотрудничество с Западом в ущерб расширению поставок нефти в Китай. С другой стороны, озабоченность центрально-азиатских государств судьбой трубопровода на Запад на самом деле объясняется их попытками уменьшить политический контроль России в регионе и укрепить их связи с западными странами. Такой трубопровод смог бы диверсифицировать каналы поставок нефти, ведь западные страны платят за нефть значительно большую цену, чем Китай.

Ситуация становится понятной: если на кон поставлена стратегия экономического и энергетического развития на годы вперед, как Россия может допустить дрейф Грузии и Украины в сторону НАТО?

Кейт Брукс, *американская фотокорреспондентка, публикации в зарубежных СМИ ее фотографий о нарушении прав детей-сирот в России помогли сбору средств и кампании в поддержку прав воспитанников детдомов. После сентября 2001 года уехала на Ближний Восток, темами ее работы стали: политическая борьба и военные конфликты в регионе, особенности характера мусульманских женщин и повседневная жизнь. Обладатель различных международных наград, регулярно публикуется в американских и европейских СМИ*

Последние несколько лет мне пришлось много жить и работать на Ближнем Востоке и в странах, где происходили военные конфликты. Там сейчас востребована профессия фотожурналиста, с ее обязательными качествами, среди которых честность и объективность позиции, достоверность материалов и быстрота их получения. Ведь ситуацию в «горячих точках» мир видит такой, какую ее первыми увидели и суме-

ли запечатлеть журналисты. Поэтому почти везде привыкли к присутствию фотожурналистов, рискующих своим здоровьем, а порой жизнью, чтобы рассказать миру о чужой беде и тем самым помочь попавшим в нее людям. Конечно, в сегодняшней России с ее устоявшейся мирной жизнью условия профессиональной работы не идут ни в какое сравнение с ситуацией в тех опасных странах и регионах, где моим коллегам-журналистам приходится находиться. Тем не менее, когда речь заходит о допуске иностранных журналистов на территорию внутри России, где возникает напряженность, например, где властями проводится антитеррористическая деятельность, сразу обнаруживается, что у вас намного больше ограничений и препятствий для профессиональной работы, чем практикуется во многих других странах.

После долгой разлуки оказавшись в командировке в России, я ощутила спокойствие и расслабленность оттого, что в этой стране я не выделяюсь на улице за 100 метров как иностранка, и тут не существует культурного предубеждения к человеку, который кого-то фотографирует. Временами бюрократические процедуры в России могут показаться непреодолимыми и чрезмерными иностранцу, не знакомому с действием системы, однако, получив для работы журналистскую аккредитацию, вы обнаружите, что многое окажется вполне доступным.

В октябре этого года я работала в Сибири над репортажем для журнала «Гуд» о жизни общины Виссариона. В начале 1990-х годов сравнительно молодой человек, провозгласив себя Иисусом Христом, предложил построить в тайге под Абаканом «Новый Иерусалим» – «Город солнца». Проповедями по стране он привлек сторонников, основу которых составили семьи интеллигентов. Сейчас их несколько тысяч, среди приезжих оказалось много людей творческих профессий – художников, музыкантов, модельеров. Много иностранных граждан из Германии, Латвии, Литвы, Эстонии, Америки, Украины. Интересно, что заставило этих людей кардинально поменять прежний образ жизни, уехать в сибирскую тайгу? Хотя многие со скептицизмом относятся к общине Виссариона, само существование этих людей стало хорошим примером толерантности и существующей в вашей стране религиозной свободы. Пять тысяч человек живут в сибирской глуши под Абаканом в сообществе, признающем верховенство природы и экологии. Интерес зарубежной аудитории к таким новостям из России подтверждает, что жизнь у вас вошла в обычное русло. Сам областной центр Абакан оказался чудесным городом с обрамленными деревьями бульварами, красивыми интерьерами кафе и магазинов. Последний раз я бывала в Сибири в 2001 году с репортажем о жителях, погибающих от холода. Времена изменились. Тогда мне и в голову не могло прийти, что я стану свидетелем крайности другого рода – окажусь в сибирской общине, практикующей вегетарианство. А ведь в прошлой

поездке по Сибири для меня было необычайно трудно отыскать и купить вегетарианскую еду.

Совершенно ясно, что рост экономики страны изменил к лучшему не только крупные центры, но и провинцию. Значительно расширилось в России по сравнению с 2000 годом и поле деятельности для сообщества фотографов. Появилось множество русскоязычных изданий с высококачественной полиграфией, поводов и мест для визуальной рекламы, и большое число фотоагентств, созданных как раз для удовлетворения этого спроса. Это внушает населению и гостям страны уверенность. Лишь однажды ощущение спокойствия, охватившее меня во время путешествия по вашей стране, было поколеблено. Привыкшая к тщательному досмотру пассажиров в аэропортах Ближнего Востока, я была неприятно удивлена, когда на борт самолета в Москве стали подниматься охотники, почему-то получившие разрешение пронести с собой оружие.

Ханна Полак, *польская тележурналистка, снимает документальные фильмы в разных странах мира, в том числе и в России*

Для польского зрителя, успевшего отвыкнуть от насыщенного взаимного проникновения польской и русской кинематографии советского периода, события последних лет могут показаться «Окном на Восток». Несмотря на противоречия в политике и обостряющиеся польско-русские конфликты, в кинематографической среде обеих стран происходят интересные культурные события. Любопытно, что всплеском для них послужило творчество нескольких человек, вокруг которых, как круги по воде, пошло движение. Это еще раз подтверждает восприимчивость культурной среды и роль каждого из нас в происходящих изменениях.

В 2002 году польская компания «Эврика Медиа» сняла для польского телевидения и французского телевидения «Арте» два фильма российского и польского документалистов (Д.Кабакова и М.Змаж-Кочанович), их показ был приурочен к вступлению Польши в Евросоюз. Русский кинодокументалист и преподаватель ВГИКа Дмитрий Кабаков снял в Польше документальный фильм с красноречивым названием «Варшава – взгляд с Востока». Он о группе молодых людей из России, впервые приехавших в Польшу практически без денег, им надо самим найти место проживания, каким-то образом устроиться на новом месте, – и все это снимается на камеру. Этот фильм о восприятии и узнавании Польши, о впечатлениях и опыте молодых россиян.

Кинокритик Матеуш Вернер из Института имени Адама Мицкевича совместно с продюсером Криштофом Копчинским после просмотра задумал провести творческие мастерские для студентов кинофакульте-

тов: польские студенты снимают в России, а русские – в Польше. Институт решил финансировать эти мастерские. Так родился новый интересный совместный проект «Польша – Россия: новый взгляд» в рамках «Сезона России в Польше и Польши в России».

В рамках этого проекта провели мастерские выдающиеся документалисты обеих стран – А.Герасимов, А.Гутман, В.Фенченко, Д.Кабаков, В.Лисакович, В.Семенюк – с русской стороны и Т.Дыргас, А.Фидык, Я.Петрицки, М.Змаж-Кочанович – с польской. Они делились интересным опытом работы, обучали молодых режиссеров, выбранных на конкурсной основе. Русским студентам – будущим режиссерам из ВГИКа, Санкт-Петербургского университета кино и телевидения, московских Высших курсов была предоставлена возможность снять кино в Польше. Участники проекта, будущие лучшие режиссеры-документалисты обеих стран, сами находили темы и героев для своих фильмов. Русские снимали сюжеты о немецком концентрационном лагере смерти Аушвиц-Биркенау, о польском режиссере К.Кисловском, с чувством юмора снимали про новое место поклонения католиков в городе Лихень. Польские режиссеры снимали об алтайской семье с больным ребенком, о Москве и супруге московского олигарха, об экзаменах в санкт-петербургской Академии Русского балета, о пассажирах подмосковной электрички в литературных традициях Ерофеева, Солженицына.

В ходе работы над фильмами участники создали особый язык общения, ведь русские не знали польского, а поляки – русского. Не получалось объясняться друг с другом и по-английски, английский не стал языком общения. Очень скоро они создали свой язык: поляки говорили по-польски, прибавляя немножко русского, а русские утверждали, что по-польски все понимают. Это важно, потому что съемочная площадка – особое место, где надо до нюансов понимать друг друга. Вот и пришлось им договариваться ради сотрудничества.

Надо отметить, что сюжеты о России получились более интересными. Наверное, в вашей стране сохранилось разнообразие культуры, образа жизни народов и регионов, что во время глобализации является очень ценным. Успех участников первого цикла выразился в приглашении их фильмов на различные фестивали, обсуждении их в дискуссионной профессиональной среде, приобретении бесценного опыта взаимодействия с коллегами из другой страны.

Сейчас проходит второй цикл этого проекта. И на этот раз в нем участвуют другие будущие режиссеры двух стран, которым предстоит открывать новые горизонты сотрудничества.

Несмотря на то, что Польша и Россия разделены сегодня барьерами стереотипов, погрязли в бесконечных исторических претензиях, молодые режиссеры с удивлением открывают – каждый для себя – страну, в которой раньше не случалось бывать, сближаются друг с другом, и

как результат – преодолевают барьеры политических предрассудков и снимают замечательное кино. Эти фильмы уже получили 44 награды на фестивалях во всем мире, были показаны каналом Культура и польским телевидением.

Интерес к России и знакомство поляков с «русской душой» часто начинается с Достоевского, Чехова, Солженицына, Ерофеева, Высоцкого, Окуджавы, Бичевской, Чайковского, Шостаковича, кинофильмов Тарковского, Михалкова, а также с работ документалистов – таких, так Дворцевой, Мирошниченко и других. Такие фильмы попадают на фестивали документального кино, популярность которых в Польше растет. Русская культура здесь переживает возрождение. Отличие и необычность восточного соседа начинает снова по-хорошему удивлять и вдохновлять поляков. Выставки работ Малевича, Флоренских, Комара и Меламида, организованные в популярных польских музеях и галереях, посещают толпы зрителей. Московский балет и хор Александрова имеют настоящий успех. Кинофестиваль российского кино «Спутник над Варшавой» стал заметным фактором культурной жизни столицы.

Знакомство с Россией через ее искусство – это типичная ситуация для многих поляков, и многие начинают «сходить с ума по России», как сказал один из участников проекта «Польша – Россия: новый взгляд» кинодокументалист Войцех Касперски.

В России также есть люди, которым нравится польская культура, польское искусство, в том числе польский стиль кино, театра. Во время съемок кинофильма «1612» Владимир Хотиненко рассказал в одном из интервью, что не собирается снимать антипольский фильм об изгнании поляков из Кремля, так как он воспитался на профессиональном польском кино и дружит со многими польскими артистами.

Польские и русские судьбы переплетены, нам интересно узнавать о наших странах и искусстве друг друга. Польша и Россия действительно во многом близки, что подтверждается созданными и любимыми по обе границы фильмами. Автор одного из двух документальных фильмов, вдохнувших жизнь в проект «Польша–Россия: новый взгляд», М.Змаж-Кочанович заметила, что: «В тот момент, когда ухудшаются польско-русские отношения, важно видеть, как политические претензии отличаются от опыта жизни простых людей в наших странах».

Тиберио ГРАЦИАНИ (Италия)

ЭПОХА КОНТИНЕНТОВ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ НА ПЛАНЕТЕ

Подтверждение Россией своей роли на мировой арене, наряду с внушительным экономическим ростом таких двух евразийских гигантов, как Китай и Индия, кажется, окончательно закрепили в международных отношениях конец однополярного мира, основанного на единоличном лидерстве Соединенных Штатов, и послужили созданию минимальных и достаточных условий для образования нового, многополярного планетарного порядка. Наступает новый цикл геополитического развития, реалиями которого станут, по всей видимости, не нации или региональные державы, а крупные континентальные пространства.

Новый цикл геополитического развития

Новый мировой порядок, установившийся после 11 сентября 2001 года, сложился в основном под действием трех совпавших по времени факторов. Во-первых, под влиянием евразийского курса, проводимого Москвой с 2000–2001 годов, с момента окончания президентского срока Ельцина. Во-вторых, это особый путь экономического развития древней Поднебесной империи, как часть долгосрочной геополитической стратегии китайского руководства, которая обещает не только превратить Пекин в экономического гиганта, но и сделать его одним из главных действующих лиц мировой политики XXI века. И, наконец, военное проникновение США на территорию Ближнего Востока и соседних районов, подкрепляемое активным политическим и экономическим давлением Вашингтона в некоторых критических зонах, таких как Центральная Азия.

Вышеуказанные обстоятельства выявили некоторые элементы, весьма важные для прогнозирования будущих сценариев мировой политики: «центральность» России, как стержневого региона Евра-

зии, значение Китая для поддержания равновесия не только на евразийском континенте, но и на всей планете, постоянное напряжение, существующее между талассократическими державами, представленными сегодня США и такими континентальными странами, как Россия и Китай.

Впервые после распада СССР мы являемся свидетелями создания и усиления важнейших механизмов геополитики, таких, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) или Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) стран СНГ, в работе которых участвуют Россия и основные азиатские страны. Важно, что эти объединения остаются открытыми для Пакистана, Турции и Ирана, но исключают участие западных держав и США. К этому следует добавить стремление стран Южной Америки создать систему обороны латиноамериканского континента без участия Вашингтона [1].

Терпеливая и кропотливая работа, выполнявшаяся Путиным и теперь добросовестно продолжаемая его преемником Медведевым, по выстраиванию особых отношений между Россией, Индией, Китаем, Ираном и странами Центральной Азии, безусловно, замедлила экспансию Соединенных Штатов в сердце Евразии и вызвала сильное раздражение у европейского и заокеанского лобби. С начала 90-х годов прошлого века оно стремилось осуществить объединение всего мира под эгидой Вашингтона, как эталона гуманности, путем так называемых «демократических волн», а точнее сказать, «демократических пинков» [2], и, как показали дальнейшие события, путем актов агрессии и «гуманитарных войн» проамериканского Запада, направленных против бывшей Югославии, Афганистана, Ирака, и в первую очередь с целью создания мирового правительства, ориентирующегося на либералистские ценности рыночной экономики.

Образование в мировом раскладе некоего евразийского блока, пока еще в эмбриональной стадии, но с явным перевесом сил в пользу восточной части континента из-за отсутствия единого политического образования у Европы и ее неестественной включенности в «западнический» лагерь, в результате процесса поляризации только укрепили континенталистскую ориентацию некоторых южноамериканских правительств (Аргентины, Бразилии, Венесуэлы и Боливии), сделав еще более реальным создание многополярной мировой системы, основанной на континентальных геополитических образованиях [3].

Новые и старые противоречия

Угроза возможности слияния общих геополитических интересов крупнейших евразийских держав (России, Китая и Индии) и континенталистских устремлений некоторых южноамериканских государств [4] вновь вызвали тревогу госдепартамента США и определен-

ных североатлантических аналитических центров, которые занимаются выявлением кризисных зон и разработкой геополитических стратегий, отвечающих глобальным приоритетам Вашингтона и Пентагона. Внимание их приковано к континентальным регионам Евразии и странам Латинской Америки, терзаемым давними, не решенными по сей день внутренними противоречиями.

Главные средства информации на Западе попытались внести раскол и оказать давление на Китай, Россию и Индию, а также некоторые южноафриканские страны, предлагая на суд общественного мнения намеренно преувеличенную трактовку некоторых кризисных ситуаций.

Речь идет о проблемах этнического меньшинства – народности карен, или о «шафрановой революции» (восстания монахов) [5] в Мьянме, Тибета и уйгурского народа в Китайской Народной Республике, а также о дестабилизации в Пакистане [6] и о сохранении кризисной ситуации в афганских провинциях.

Недобросовестно играя на локальных противоречиях в некоторых геостратегических зонах, США вместе со своими западными союзниками «запустили» рассчитанный на длительный период процесс дестабилизации в зоне Гималаев, который затронет восемь стран евразийского пространства (Непал, Пакистан, Афганистан, Мьянму, Бангладеш, Тибет, Бутан, Индию).

Этот процесс дестабилизиции оказался синергичен процессу, начатому США на Кавказе, в полном соответствии с рекомендациями Бжезинского, высказанными им более 10 лет назад в книге «Большая шахматная доска» [7]. Похоже, к этому следует присовокупить и Проект Нового Великого Ближнего Востока Буша-Райс-Ольмера, направленный на установление в целом регионе такого равновесия, которое было бы выгодно США и его основному партнеру – Израилю, а также на пересмотр и признание границ основных стран этой зоны (Ирана, Сирии, Ирака и Турции) на основе деления по конфессиональному и этническому признаку.

Параллельно процессу дестабилизации в зоне Гималаев США, по авторитетному мнению профессора Луиса Альберто Мониц Бандьеры [8], разожгли такой же процесс «у себя на соседнем дворе», в Боливии, используя этническую, социальную и политическую напряженность в целом регионе.

На фоне стратегий, ведущих к раздроблению континентального пространства и противодействующих его интеграции, следует подчеркнуть огромную роль, которую играли и играют неправительственные, так называемые гуманитарные организации. По мнению М.Чоссудовского, директора канадского Центра по изучению глобализации, некоторые из них связаны напрямую или косвенно с ЦРУ через фонд National Endowment for Democracy, мощную структуру, созданную США в

1983 г. с целью укрепления демократических государств в мире через негосударственные структуры [9].

История XXI в. будет, по всей вероятности, историей столкновений двух противоположных тенденций: одна из них направлена на раскол [10] на планете, и носителем ее в данный момент выступают США, другая – на континентальную интеграцию, выразителем которой являются крупнейшие евроазиатские державы и некоторые правительства Южно-Американского континента.

1. Marco Bagozzi, *Accordi Brasile-Venezuela: verso una alleanza militare sudamericana svincolata da Washington*, www.eurasia-rivista.org, 25 aprile 2008.

2. Samuel Huntington, *La terza ondata. I processi di democratizzazione alla fine del XX secolo,* Il Mulino, Bologna, 1995.

3. Di diverso avviso è Richard Hass, presidente del *Council on Foreign Affairs*, l'influente think tank statunitense, secondo il quale il XXI secolo si avvierebbe verso un sistema di non polarità, caratterizzato da una ampia diffusione del potere spalmato su diversi soggetti (Stati, Potenze regionali, Organizzazioni non governative, Corporazioni, Organizzazioni internazionali, ecc.) piuttosto che da una sua concentrazione in pochi poli. Richard Hass, *The Age on Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance,* Foreign Affairs, vol. 87, n. 3, May/June 2008, pp. 44–56.

4. Raùl Zibechi, *Il ritorno della Quarta Flotta: un messaggio di guerra,* Cuba debate, 9 maggio 2008, in italiano: www.eurasia-rivista.org, 17 maggio 2008.

5. Vedi in questo stesso numero di Eurasia, 2/2008, F. William Engdahl, *La posta geopolitica della «rivoluzione color zafferano.*

6. Michel Chossudovsky, *La destabilizzazione del Pakistan,* www.eurasia-rivista.org, 7 gennaio 2008; Alessandro Lattanzio, *Il grande gioco riparte da Islamabad,* www.eurasia-rivista.org, 29 dicembre 2007; Giovanna Canzano, *La morte cruenta della Bhutto,* intervista a Tiberio Graziani, www.eurasia-rivista.org, 28 dicembre 2007.

7. Zbigniew Brzezinski, *La Grande Scacchiera,* Longanesi, Milano, 1998.

8. Luiz Alberto Moniz Bandeira, *A Balcanização da Bolívia,* Folha de S.Paulo, 15/07/2007. Una traduzione in italiano di questo articolo si trova nel sito www.eurasia-rivista.org, 25 ottobre 2007. Sullo stesso argomento si veda anche l'intervista a Luiz Alberto Moniz Bandeira, *Bolivia, Cuba, la seguridad de Brasil, el petróleo y la realidad del dólar,* a cura di www.laondadigital.com e, in italiano, nel sito www.eurasia-rivista.org, 9 maggio 2008.

9. Michel Chossudovsky, *Cina e America: l'Operazione psicologica dei diritti umani in Tibet,* www.eurasia-rivista.org, 22 aprile 2008.

10. Franàois Thual, *Il mondo fatto a pezzi,* Edizioni all'insegna del Veltro, Parma, 2008.

Роальд САГДЕЕВ (США)

БУДУЩЕЕ АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Предвыборная президентская кампания в США практически обошла стороной острые вопросы американо-российских отношений. В значительной степени это было связано с тем, что на первый план вышла проблема выживания в тисках внезапно вспыхнувшего глобального экономического кризиса. Даже эмоции по поводу кавказской войны, подогревавшиеся несколько односторонней интерпретацией в средствах массовой информации, мало отразились на ходе политических дебатов между претендентами. Мне думается, здесь многие понимают, что «русский вопрос» потребует от будущего президента гораздо более внимательного подхода и глубокого переосмысления, чем дешевых скоропалительных тирад в атмосфере предвыборной риторики. То, в какой степени будущий президент будет готов к подобному подходу, покажет время в период пересменки (до январской инаугурации), когда «переходная команда» займется разработкой дебютных заготовок для новой администрации.

В то же время вряд ли можно отрицать и роль старого багажа, который новый президент принесет с собой в Белый дом. Значительная часть этого политического багажа формировалась в первые годы после окончания «холодной войны», когда молодые идеологи резко правой ориентации, пришедшие на смену ветеранам-республиканцам, объявили СОИ, «Стратегическую оборонную инициативу», решающим инструментом в победе над «империей зла». На эту тему писались книги и выпускались фильмы, чтобы всем казалось логичным строить отношения с постсоветской Россией как с поверженным противником.

Билл Клинтон, вскоре приведший к победе лагерь демократов, не сумел или не захотел выстроить долговременную стратегию отношений с бывшим противником. Его тактические ходы, как флюгер, следовали за сиюминутным ветром изменения общественного мнения, отражаемого в текущих опросах. Так, первоначальным толчком перед

принятием решения о расширении НАТО на Восток послужило желание поощрить настроение некоторых политически активных этнических диаспор. Для западно-европейской элиты, тогда еще не готовой к принятию в новые члены своего союза стран, лишь недавно покинувших социалистический лагерь, это показалось находкой. Дальнейшие события развивались, как по сценарию мыльной оперы «Дорогой Борис, дорогой Билл» до того отрезвляющего момента, когда Евгений Примаков приказал развернуть над Атлантическим океаном свой правительственный самолет, направлявшийся в Вашингтон, в знак протеста против начала бомбардировки Белграда.

История расширения НАТО заслуживает более внимательного изучения и в России, правящая элита которой в тот исторический момент была полностью поглощена поисками мистических «денег партии» и проведением массовой «игры в «Монополию» с раздачей ваучеров миллионам своих граждан, призванной засвидетельствовать якобы демократический характер последовавшей приватизации. В США же имела место серьезная попытка организовать национальную дискуссию, чтобы остановить скоропалительные шаги по трансформации НАТО. Итогом стало открытое письмо, подписанное большой группой выдающихся американских политических и общественных деятелей и опубликованное в газете «Нью-Йорк Таймс». Среди авторов письма были сенатор Билл Брэдли (впоследствии составивший серьезную конкуренцию Альберту Гору при выдвижении кандидата в президенты от Демократической партии), Джордж Кеннан и многие другие. Важно, что среди подписавших были люди из обоих лагерей («голубей» и «ястребов» по отношению к бывшему Советскому Союзу). Среди последних был, например, советник президента Рейгана по национальной безопасности Ричард Пайпс, советолог, которого трудно было бы обвинить в пророссийских симпатиях.

Короче говоря, то, что разделяло противников и сторонников расширения НАТО, зависело не от политической идеологии, а более от понимания уроков истории. Но эта дискуссия прошла мимо российской аудитории. Вспоминается эпизод, когда тогдашний редактор популярной в то время «Независимой газеты» отказался даже от перепечатки столь важного открытого письма противников расширения Североатлантического блока.

Инерцию к дальнейшему продвижению НАТО на Восток было не остановить уже и при последней американской администрации, даже если бы президент Буш и захотел это сделать. Его рефлексы на «русский вопрос», скорее, имели «более прагматическое происхождение. Вот небольшой эпизод, отразивший мгновенную реакцию президента на упоминание о России, когда я был представлен ему на приеме в Белом доме как выходец из этой страны: «...Я только что имел телефонный разговор с Владимиром. Я сказал ему, что пора решить вопрос

с курицами, а то они бегают и кудахтают». В такой атмосфере неудивительно, что самые острые проблемы дальнейшего понижения ядерного противостояния не только не нашли своего развития, но и были сделаны шаги в обратном направлении: расторгнут Договор о ПРО, фактически преданы забвению принципы процесса сокращения СНВ, заложенные еще со времени «холодной войны» и предусматривавшие строгие сопутствующие меры контроля и верификации. Эта политика более не нуждалась в рейгановской формуле, найденной среди мудрых русских пословиц – «доверяй, но проверяй». На ее место пришло утверждение, что друзьям-партнерам не нужны договора. Впрочем, это отнюдь не распространялось на организацию договора (как в случае с НАТО).

Среди багажа, с которым новый президент придет в Белый дом, при любом раскладе сохранится и последовательная линия сенаторов Сэма Нанна и Ричарда Лугара, сумевших убедить руководство страны и западных лидеров вообще в необходимости тесного сотрудничества с Россией по ядерному разоружению. Эта дальновидная позиция получила дополнительную поддержку в качестве противоядия против потенциальной опасности сценария «ядерного терроризма».

Не уйдут бесследно и призывы, прозвучавшие еще до начала событий в Южной Осетии, проявлять сдержанность в решении Косовского вопроса. В феврале этого года с таким предупреждением к администрации обратились три видных политических деятеля – Лоуренс Иглбергер, бывший госсекретарь, Строб Талбот, в прошлом доверенное лицо Клинтона по отношениям с Россией, и, кто бы мог подумать, Джон Болтон, игравший ранее роль «плохого полицейского» в команде Джорджа Буша. Затем влиятельный сенатор-демократ Чарльз Шумер через газету «Уолл Стрит Джорнэл» предупредил, что американская политика на Кавказе не должна приносить в жертву интересы международного сотрудничества в попытках предотвратить военную ядерную программу Ирана. Более того, ради сохранения альянса с Россией он призвал даже отказаться от развертывания ограниченной ПРО в Европе. И, наконец, ветераны американской политической жизни со времен «холодной войны» Генри Киссинджер и Джордж Шульц в недавней статье в газете «Вашингтон Пост», отнюдь не оправдывая тяжелый кулак России, обрушившийся с перебором в ответ на очевидный «просчет» Саакашвили, постарались объяснить длинную и противоречивую эволюцию после конца «холодной войны» серией взаимных ошибок сторон, приведших к расширению НАТО и послуживших сильным негативным раздражителем в глазах России, а также приведших к эскалации напряженности. Да и история конфликта на Кавказе в их понимании имела давние межэтнические корни.

Багаж, с которым собирался прийти как новый президент сенатор Джон Маккейн, включал и то, что, безусловно, не будет способствовать преодолению противоречий в двусторонних отношениях. В дебатах

прозвучала его поддержка европейской ПРО хотя бы потому, что, как он считает, СОИ привела к разрушению Советского Союза. Стоит обратить внимание и на его упоминания о поездках в Тбилиси для оказания моральной поддержки Саакашвили. Впрочем, не только моральной: «Нью-Йорк Таймс» раскрыла внутреннюю механику симпатий сенатора. Его ближайший советник по внешней политике Рэнди Шейнеман в течение последних 4–5 лет имел лоббистский контракт от правительства Грузии. На его счет, согласно данным газеты, всего было переведено около миллиона долларов. Очевидно, это не могли быть деньги Джорджа Сороса, предназначавшиеся для поддержания прожиточного минимума функционеров грузинского правительства (всего-то каких-то 1500 долларов в месяц на душу!). Эта благородная миссия Сороса должна была воспрепятствовать коррупционным соблазнам получателей. По утверждениям газеты «Нью-Йорк Таймс», Р.Шейнеман оправдал свой гонорар, подготавливая и продвигая в Конгрессе США резолюцию об ускоренном принятии Грузии в члены НАТО.

В любом случае, кто бы ни оказался в Белом доме, огромную роль в переосмысливании уроков периода после «холодной войны» и в установлении отношений с новой администрацией в США, столь важном в момент небывалого глобального экономического кризиса, будет играть и тот багаж, с которым придет и руководство России. И во внешней, и во внутренней политике (в которой борьбе с коррупцией, увы, не в состоянии помочь никакие даже вместе взятые деньги Сороса и Уоррена Баффета).

Янис УРБАНОВИЧ (Латвия)

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ЗНАЕМ, НЕ СЛЫШИМ И НЕ ПОНИМАЕМ РОССИЮ?

В том, что говорят о России на Западе, самым общим местом, наверное, является тезис о ее непредсказуемости и нелогичности в ключевых политических решениях. Такую мысль сегодня многие повторяют и в Латвии. К сожалению, это происходит от большого самомнения. А также от высокомерной лени, которая мешает нам изучать и понимать нашего ближайшего и крупнейшего соседа.

Почти вся наша политэлита демонстративно нелюбопытна к России и давно уже смотрит на эту страну чужыми глазами, оценивает ее чужим умом. Несмотря на географическую и остальную близость, в Латвии сегодня нет мало-мальски профессионального центра по изучению России; экспертов по ней даже в МИДе мало, нет соответствующих и кафедр в университетах. Наверное, есть какие-то «русские отделы» в наших спецслужбах, однако если судить об их работе по шагам и словам, которые выдает политическое руководство страны (которое получает их отчеты), то хорошей оценки они тоже не заслужили. Именно поэтому латвийские прогнозы и комментарии о России плохо соотносятся с практикой. И тогда на помощь приходит спасительный постулат о непредсказуемости русских, об их загадочности и дикости. Что, по сути, есть самооправдание, или, как говорят сегодня в России, «отмазка» для не слишком успешных политиков, а также для тех экспертов и комментаторов, чьи прогнозы так плохо исполняются.

История, между тем, говорит об обратном: у всякого решения, акции или просто весомого поступка русских имеется и практическая, и идеологическая логика; более того, все они хорошо увязаны с прошлым и находят свое продолжение в будущем. Проблема в другом: вместе с частью наших западных союзников и партнеров мы не хотим сегодня слушать русских, потому что многое в том, что они говорят, нам не нравится. А если что-то и приходится волей-неволей услышать, то мы напрочь отказываемся понимать услышанное.

Когда полтора года назад Путин в Мюнхене подробно изложил точку зрения России на ее роль и место в современном мире, наша политэлита (вместе со своими атлантическими коллегами) восприняла это в лучшем случае как бессмысленную демонстрацию и даже, скорее, как эпатажную выходку грубых, темных и неполиткорректных правителей России. Мол, или шутят, или пугают. В результате Европа утратила возможность менеджмента в грузино-российском конфликте и получила взамен массу неприятностей: неоперабельный обрубок Грузии, вконец потерявшего вменяемость Саакашвили и политические заморозки на континенте. А нашему премьеру, доверчивому и неудачливому, пришлось даже слетать в Тбилиси и прикрывать грудью этот город от русской бомбардировки!.. Между тем и Европе, и нам в Латвии следует подумать о моральных итогах августовской войны, а также о том, как строить дальше отношения с большим соседом. Для этого необходимо, прежде всего, прочесть те сигналы, которые были четко и осознанно посланы нам русскими в последние недели и месяцы.

В политической элите России и в широких слоях ее общества есть консенсус как в отношении событий на Кавказе, так и в оценке западной политики. По другим вопросам там, может, и происходят дискуссии, а вот по поводу Запада дискуссий нет. Русские ясно и четко увидели, что основной целью Запада является ослабление и вытеснение России из Европы – на север и на восток, когда при удобном случае на первый план выйдет задача расчленения России с получением доступа к ее сырьевым ресурсам.

Русские не скрывают более, что они не верят тому, что говорят их «западные партнеры». «Запад обманывает нас уже 20 лет, и мы перестанем уважать себя, если будем продолжать им верить дальше», – так думает сегодня большинство россиян. Хорошим примером на эту тему стали слова Горбачева о том, как в 1990 году госсекретарь США Бейкер обещал не расширять НАТО на Восток... Можно только догадываться, как болезненно давались эти воспоминания президенту бывшего СССР.

Продуктом национального «консенсуса недоверия» к Западу стало стремление России к полной самостоятельности и нежелание даже обсуждать свои действия с «западными партнерами». Президент Путин, по крайней мере, старался разъяснить Западу логику своих решений, а президент Медведев ограничивается лишь жесткими констатациями. Европе это, конечно, очень не нравится. А Латвию так вообще вгоняет в страх...

Что следовало бы хорошенько уяснить о современной России, так это то, что она больше не блефует. Раньше – да, блефовала, и не раз; можно вспомнить массу случаев, когда после демонстраций и громких заявлений Москва не предпринимала никаких серьезных шагов. Поэтому многие в мире (и в Латвии в том числе) стали воспринимать Рос-

сию как бумажного тигра. Уверен, что наставники Саакашвили, которые консультировали и готовили его к войне, тоже говорили: «Русские опять блефуют: они еще долго не решатся на силовой ответ...» Однако русские решились, и их ответ был полной неожиданностью для многих. Поняли ли они, что Россия не намерена больше блефовать и будет держать свою «красную линию», которая, как это следует из последних событий, уже очерчена? Думаю, что не все. Боюсь, что попытки попробовать русских на твердость еще будут иметь место в будущем. Дай Бог, не латвийскими руками...

Сегодня на Западе много говорится об изоляции и самоизоляции России, о некоем едином фронте «цивилизованного мира» против «русского медведя» и т.д., и т.п. Убежден, что все эти разговоры на 90% – блеф (его почему-то называют «риторикой»). Антироссийского фронта даже в НАТО и ЕС сегодня не существует, и его не так легко собрать: слишком разные интересы и настроения представлены в этих клубах. Но это сегодня. А то, какой ситуация станет завтра-послезавтра, зависит не в последнюю очередь и от самих россиян.

Отношение к России сегодня в мире очень разное – от полного неприятия и ненависти до безоговорочной поддержки. Однако если посмотреть на Европу и на Новый Свет, то здесь можно обнаружить три основных типа ощущений и оценок.

Тип первый, «археологический». Его представляют старые и новые «ястребы», которые считают, что Россия – это тот же СССР, и даже, может, нечто худшее. И что после 20 лет «демократической маскировки», наконец, эта идентичность проявилась, и что «холодная война», а также политика сдерживания – это то лучшее, чего достойны русские.

Второй тип вызван страхом, который появился у многих (в том числе у нас) после резких действий России как в период грузино-югоосетинского конфликта, так и после него. Этот тип распространен в малых странах Европы, в том числе в Балтии, а также в Польше и на Украине. Политики этого типа автоматически и бессознательно проецируют проблемы сепаратизма в Грузии и устойчивости постсоветских границ на внутренние проблемы своих стран.

Думаю, что эти силы «второго типа» боятся России совершенно искренне, органически и именно поэтому провоцируют США и НАТО к жесткому подходу. Они проявляют в этом деле настойчивость, склонны к экстравагантным поступкам и переоценке своего влияния. Но при всех этих недостатках ни в коем случае не следует считать, что «напуганные малые» представляют собой нечто монолитное; их нельзя считать противниками России и в плане развития диалога, и достижения взаимопонимания.

Наконец, третий тип, третье настроение – это настороженное внимание. Оно весьма распространено у политиков и экспертов Запада,

которые они вполне понимают: Россия изменилась и ведет себя по-новому, но искренне не понимают, как и по какому сценарию. Эта группа перспективна для России – там немало ее потенциальных и даже скрытых друзей, а также тех, кто готов слушать и услышать. Верно и иное: в отличие от первой и второй, эта третья часть западной аудитории весьма лабильна, и многие ее представители в отсутствие позитивных новостей и разъяснений от России легко перейдут к «ястребам» или к тем, кто боится.

Русским следовало сегодня терпеливо и по-умному объяснять свои действия и их логику: они имеют сегодня благодарную аудиторию на Западе. Руководители России, ее военные и дипломаты уже немало сделали в этом направлении, но пока этого все же недостаточно. Надо продолжать, надо сделать эту активность многоуровневой и непрерывной.

Как известно, дьявол кроется в деталях. И такие детали имеются и в рассматриваемом вопросе. Обращаясь ко всей заинтересованной зарубежной аудитории, русским следует делать это как можно более персонально, сегментировать ее, видя структурную и ментальную сложность. Иными словами, со всеми заинтересованными сторонами следует стараться говорить на их языке. Сегодня это делается не так, особенно в отношении ближайших и «малых» соседей – с ними Россия продолжает говорить высокомерно, тогда как для некоторых это действительно является помехой.

События этого года, к сожалению, впервые за последние 20 лет заставили мир заговорить о возможном рецидиве «холодной войны». В основе этих опасений лежит тревога за то, что Россия и Америка снова поссорятся и начнут меряться силой – напрямую либо через союзников и «друзей».

Нравится нам это или нет, но эти страны очень похожи между собой, особенно в своей внешнеполитической практике; они всегда в первую очередь считались друг с другом, никогда не воевали между собой и предпочитали, чтобы за них это делали другие.

Так, россияне всегда воспринимали свою страну как великую державу, Богом данную, уникальную, с великой судьбой, как обитель справедливости, душевности и искренности. Несколько лет назад один российский дипломат в интервью нашей прессе сказал, что Россия никогда и никого не завоевывала – ни в XX веке, ни когда бы то ни было раньше, а только освобождала… Я уверен, что говорил он все это искренне, и большинство россиян и сегодня согласятся с этим дипломатом…

Что до Америки, то она была создана в свое время смелыми и решительными людьми, лидеры которых руководствовались наиболее прогрессивными идеями своей эпохи. По воле Провидения им досталась огромная страна с девственной природой, не осквернённая кровавыми

войнами и исторической враждой. Действуя совместно и дружно, американцы создали самую совершенную страну и самую эффективную в мире экономику. Теперь они готовы делиться опытом с другими – даже против их воли. Американцы убеждены, что таким образом сделают мир счастливым и прямолинейно динамичным.

И россияне, и американцы – отъявленные пассионарии. Ни у европейцев, ни у индусов с китайцами, ни даже у боливара современности Чавеса нет такого сочетания жизненной энергии, ресурсов, воли, геополитического влияния и умения использовать других в своих интересах. Поэтому ради сохранения стабильности и мира и тем, и этим следует почаще и пристально вглядываться друг в друга, узнавая в своем визави себя. А нам, Латвии, надо помогать, способствуя, а не препятствуя этому!

Сергей ЛУНЕВ

РЕГИОН БОЛЬШАЯ ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ПОЛИТИКА ИНДИИ[1]

Новый мегатренд – стяжение «старых» регионов в макро-региональные комплексы

Регионализация в ее современном виде представляет собой относительно новый феномен. Не случайно, что до сих пор четко не разработано понятие «регион» и существует бесчисленное множество вариантов прикладной классификации. Это касается как масштабов, так и принадлежности конкретных стран к тому или иному географическому определению.

Регионализация подразумевает самую тесную политическую, экономическую и культурологическую взаимозависимость соседних стран. Под термином «регионализация» понимаются два различных явления – возрождение региональных держав и формирование региональных интеграционных группировок. В биполярный период региональные державы появлялись в первую очередь в тех районах, где существовала конфликтная взаимозависимость и крайне медленно происходила интеграция. Противоположная картина наблюдалась в регионах, где комплиментарная взаимозависимость значительно перевешивала конфликтную. Здесь начались активные интеграционные процессы, в основе которых лежали, во-первых, рост экономической взаимозависимости и сближение экономических интересов, во-вторых, наличие общего внешнеполитического противника и, в-третьих, отсутствие явного доминирующего центра. После краха социалистической системы противостояние двух региональных процессов не столь очевидно.

[1] Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) по исследовательскому проекту № 08-03-00363а.

К числу региональных держав, помимо Индии и Китая, можно отнести Австралию и в какой-то степени Южную Африку и Египет (возможности формирования региональных держав в Африке все-таки еще весьма ограничены). В конце XX века ряды региональных держав пополнились Россией. Представляется, что время для формирования региональных держав в Европе и Северной Америке уже ушло. Объединение Германии как будто давало ей возможность превратиться в региональную державу, но за прошедшее десятилетие никаких свидетельств начала этого процесса не появилось, а расширение ЕС и углубление интеграции еще больше «растворяют» влияние Германии. В региональную державу превращается Бразилия, если уже не превратилась.

Глобализация и регионализация являются взаимосвязанными и в то же время противоречащими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Как известно, процессы глобализации вызываются, прежде всего, неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций (именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран). Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам индивидуальных стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным и т.п.

За каждым процессом стоят довольно мощные силы, обладающие большим экономическим и политическим потенциалом. Поэтому особый интерес вызывает вопрос, станет ли регионализация лишь промежуточным, быстро преходящим, этапом или особым, длительным периодом общественной эволюции, совпадающим с формированием многополюсного мира. При этом существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как конечную цель, т.е. она может стать препятствием на пути дальнейшего развития глобализации.

Промежуточным вариантом, а поэтому весьма вероятным, является стяжение «старых» регионов в макро-региональные комплексы. Подобный процесс дает возможность различным странам:

– участвовать в глобализации в щадящем варианте, не испытывая давления со стороны всей мировой экономики;

– резко подтягивать менее развитые государства макро-региона, предоставляя им преференции и инвестируя в их экономику;

– улучшать позиции бизнеса более развитых стран, получающего расширение географической зоны действий в льготном варианте;

– укреплять геополитические позиции, поскольку масштабы становятся намного крупнее, и интеграционная группировка способна гораздо лучше коллективно защищать своих членов от иностранной конкуренции.

По существу, макро-региональный комплекс представляет прообраз одного из полюсов мировой системы. По данному пути уже пошла Европа.

Перспективы образования «Большой Восточной Азии»

По всей видимости, уже сейчас правомерно говорить о «Большой Восточной Азии» (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия), прежде всего, с экономической и культурно-цивилизационной точек зрения. В данном регионе комплиментарная взаимозависимость в целом перевешивает конфликтную и можно говорить о полной экономической взаимодополняемости. Здесь существуют все три модели экономического развития: постиндустриальная, индустриальная и сырьевая. К Японии, развивающей «экономику, основанную на знаниях», в ближайшее время могут добавиться Южная Корея (занимающая первое место в мире по числу патентов, выдаваемых на душу населения), Тайвань и Сингапур. Мировой «город» уже переехал из Европы и Северной Америки в Восточную и, в какой-то степени, Южную Азию. В макро-регионе сосредоточено и более трети мировых сырьевых ресурсов (азиатская часть России, Центральная Азия, отдельные страны Юго-Восточной Азии).

В регионе уже начались интеграционные экономические процессы. В Восточной Азии доля торгового оборота стран друг с другом уже приближается к половине общего торгового оборота. Все региональные организации (от формата «АСЕАН плюс» до Восточно-Азиатского Сообщества) ставят своей целью постепенное снижение тарифов во внутрирегиональной торговле и снятие ограничений на импорт – вплоть до образования зоны свободной торговли.

Началось движение в сторону валютно-финансовой интеграции. Хотя до создания единой валюты предстоит пройти очень долгий путь, первые шаги по пути финансовой кооперации уже были сделаны. В мае 2008 г. объявлено о создании регионального стабилизационного фонда объемом 80 млрд. долларов (80% средств внесут Япония, Китай и Южная Корея, остальные – страны АСЕАН), который может начать функционировать уже со следующего года[1]. Страны также договорились об обмене экономической информацией и увеличении торговых расчетов в региональных валютах. Целью создания фонда является предотвращение возможности повторения азиатского кризиса 1997–1998 гг. и ослабления зависимости региона от международных валютно-финансовых организаций, где преобладающим влиянием обладают США и другие западные государства, и нестабильности на

[1] «Взгляд» (Москва). 7 мая 2008 г.

мировых финансовых рынках, связанной в первую очередь с ослаблением американской экономики и доллара.

С последним фактором связан прогноз Азиатского банка развития о том, что экономики стран региона выйдут на самый низкий показатель за последние пять лет (правда, цифры все равно очень высокие – 7,6%), а инфляция будет выше, чем в течение последнего десятилетия – 5,1%[1]. При этом в будущем страны Восточной Азии, чьи совокупные валютные резервы составляют около $4 трлн. (ежегодный рост оценивается примерно на 600–700 млрд. долларов)[2], смогут легко увеличить объем фонда.

Предусматриваются и новые формы кооперации. Так, предполагается создание организации стран – экспортеров риса наподобие ОПЕК, куда могут войти Таиланд, Мьянма, Лаос, Вьетнам, Камбоджа, Индия и Китай.

Развитие интеграционных экономических связей крайне выгодно для стран макро-региона: они позволяют уменьшать зависимость от Европы и США и расширять внутренний рынок региона, который достаточно узок в целом ряде стран. Три азиатских гиганта выступают за расширение экономического сотрудничества в рамках макро-региона.

Для Японии Соединенные Штаты и Западная Европа являются серьезными конкурентами, а азиатские страны – нет, так как их развитие вполне соответствовало концепции «летящих гусей» японского экономиста Канаме Акамацу, выдвинутой еще в 1930-е годы (следование за более развитой страной и принятие ее линии в экономике после того, как та переходит на новый технологический уровень: Япония «передала» текстильную промышленность Южной Корее и Тайваню, когда занялась электроникой и автомобилестроением; когда Япония сконцентрировалась на еще более высокотехнологическом секторе, Южная Корея и Тайвань начали развитие ее прежней основной сферы деятельности, а текстильная промышленность «досталась» Индонезии, Таиланду и т.д.).

Наличие своей ниши в регионе предопределяет доброжелательное отношение Японии к экономической интеграции. Китай рассматривает Восточную Азию как сферу своего влияния и нацелен на создание зон свободной торговли со всеми другими странами региона – Японией, Южной Кореей, АСЕАН, Индией. Создание мощного экономического интеграционного образования выгодно для Китая, поскольку это будет способствовать мягкому экономическому «наползанию» КНР на Юго-Восточную Азию, и Пекин рассчитывает на экономическое лидерство в регионе. У Индии не сложилась комплиментарная взаимозави-

[1] «The Standard» (Hong Kong). 3 апреля 2008 г.
[2] «Russian Business Consulting Daily» (Moscow). 6 мая 2008 г.

симость с соседними государствами Южной Азии, и для нее особо важно развитие экономических связей со странами Восточной Азии.

Культурно-цивилизационный фактор также играет позитивную роль для расширения сотрудничества. Цивилизационное поле, на котором осуществляется социально-экономическое развитие, очень обширно – от индивидуализма, этой основы западного общества, до коллективизма, свойственного традиционному восточному обществу, с существованием огромного количества промежуточных вариантов. Континентальным странам Восточной Азии свойственен более традиционный путь, близкий к четкому коллективистскому вектору. Возможно, этим объясняется довольно легкое приобщение китайского общества и стран Индокитая к социалистическому опыту.

Для цивилизаций, окружающих «ядро коллективистского вектора» – российской, японской и индийской, характерен срединный путь – развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов. Вместе с тем существуют огромные отличия их моделей от западной в плане организации и политической, и экономической, и социальной жизни, что сближает данные государства с континентальными странами Восточной Азии.

Особое звучание в макро-регионе получили идеи «азиатских ценностей», чье быстрое распространение было связано, прежде всего, с давлением Запада после распада биполярной системы на развивающиеся страны в целях приведения их к наибольшему соответствию с западной моделью построения общества и экономики. Это встретило отторжение во многих благополучных странах Восточной Азии, которые были воодушевлены экономическими успехами и не желали распространения в регионе пороков, свойственных индивидуалистической западной парадигме: высокий уровень преступности, распространение наркотиков, резкий рост разводов, проблема бездомности, расовое напряжение в обществе.

Здесь начали активно прорабатывать концепцию «азиатских ценностей», в которые включают сильное, патерналистское и нелиберальное государство; наличие централизованной, жестко иерархизированной бюрократии; коллективное взаимодействие в масштабах страны; подчинение авторитету группы; семью как оптимальную модель организации; сильную клановую систему; дисциплину, трудолюбие и бережливость; уважение к старшим (в том числе к власти); приоритетное значение общественного согласия; преклонение перед образованием и его полноценное развитие[1].

Можно согласиться с Фр. Фукуямой, что традиционные азиатские культуры начинают с четвертого (культура) и третьего уровней (граж-

[1] «Asian Values» and Democracy in Asia / Edited by Takashi Inoguchi. – Tokyo: the United Nations University, 1997.

данское общество) и продвигаются вверх – ко второму (институты) и первому (идеология) уровням, а современная западная политическая мысль старается идти сверху вниз[1]. Поэтому наличие институтов для традиционного Востока менее значимо, чем сохранение укоренившегося морального кодекса.

Следует учитывать и расовый фактор, на который постоянно обращают внимание, прежде всего, в Индии (противостояние «белых», с одной стороны, и «желтых», «черных» и «коричневых», с другой). Гегемония «белых» цивилизаций и культур не могла не вызвать у других сильного стремления к реваншу, а именно сейчас начинают появляться и первые возможности. Большая Восточная Азия способна превратиться в центр притяжения стран Юга. Другие региональные державы зоны Юга (Бразилия, Южная Африка и т.д.) с психологической точки зрения, скорее, склонны к сотрудничеству с данным макрорегионом, чем с Севером. Прежняя модель участия в мирохозяйственном разделении труда препятствует пока образованию подобной коалиции, но по мере роста значимости Большой Восточной Азии подобные препятствия будут постепенно сниматься.

Слабые стороны постановки вопроса о создании Большой Восточной Азии можно найти как во внешнем факторе, так и в политической и военно-политической сферах. Единственная сверхдержава (Соединенная Штаты) будет любыми способами препятствовать созданию данного макро-региона без ее участия. Возникновение региональных объединений в целом накладывает определенные ограничения на мирового лидера.

Во-первых, они достаточно крупны. Например, ЕС по своему потенциалу не уступает США. Что касается Большой Восточной Азии, то ее совокупный ВВП уже превышает объем экономики Соединенных Штатов, и этот разрыв имеет тенденцию только к быстрому увеличению.

Во-вторых, каждое такое объединение построено на компромиссных решениях своих членов, и любая серьезная подвижка в политике способна нарушить этот компромисс. Вследствие этого интеграционные объединения вынуждены при любых переговорах занимать более жесткую позицию, чем отдельная суверенная страна.

В-третьих, интеграционная группировка коллективно защищает своих членов от иностранной конкуренции. Это стимулирует взаимные экономические связи. В результате законы мирового рынка действуют на членов интеграционной группировки косвенно. При таких условиях держава-лидер с трудом может использовать экономические методы для воздействия на соответствующее объединение. Применение же других методов ограничено двумя выше отмеченными обстоятельствами. США могут оказаться в положении столетней давности,

[1] *Fukuyama Fr.* The Primacy of Culture // Journal of Democracy. – 1995. Vol. 6. No 1.

когда, став мировым лидером по объему экономики, они занимали полупериферийное положение в мировой системе.

По всей видимости, Вашингтон будет использовать самые разнообразные и традиционные для него методы: стремиться к расширению экономического сотрудничества в рамках всего АТР в широком понимании (например, активизировать связи по линии АТЭС); вводить своих «троянских коней» в институциональные структуры Большой Восточной Азии (как уже произошло в Восточно-Азиатском Сообществе, куда была принята Австралия); использовать политические и военно-политические связи со своими партнерами в макро-регионе для ограничения региональной интеграции.

Соединенные Штаты имеют военно-политические договоры с Японией и Южной Кореей, позволяющие им сохранять в этих странах военное присутствие, и различные военно-политические соглашения с Индонезией, Тайванем, Сингапуром, Таиландом, Пакистаном и другими странами. В начале 1990-х годов официальные представители США выдвигали тезис о необходимости постепенного сокращения численности американских военнослужащих в Азии. Но, убедившись в том, что Япония из-за опасений перед Китаем начнет в этом случае сама разворачивать новые военные программы, США подтвердили все свои военные обязательства. В середине 1990-х годов речь уже пошла о стратегии «глубокого вовлечения» США в азиатские дела[1].

Япония, которой некоторые исследователи пророчили роль мирового лидера в XXI веке, пока никак политически не подкрепляет свое экономическое могущество (которое, кстати, также стало ослабевать). Страна в 1990-е годы превратилась в главного мирового инвестора и твердо заняла первое место по оказанию экономической помощи, но никак не проявляет готовность к политической активизации (хотя США ее к этому подталкивали). Пример Японии показывает неубедительность тезиса о том, что экономическая мощь обязательно трансформируется в геополитическую. Правда, Япония сама дистанцируется от решения политических и военных глобальных проблем, с одной стороны, из-за травматического шока, последовавшего вслед за исходом Второй мировой войны – первой в истории Японии оккупации страны и первой в мире атомной бомбардировки, и концентрации всех усилий на повышении своего экономического потенциала – с другой.

При этом в Японии резко растет настороженность в отношении Китая. Между странами существуют острые проблемы: восприятие истории (диаметральные подходы к событиям японо-китайской войны 1937–1945 гг.); территориальные разногласия (притязания Китая на острова Сенкаку); будущее Тайваня; вопросы прав человека; незакон-

[1] См., например, *J.S.Nye, Jr.* The Case for Deep Engagement. – «Foreign Affairs», vol. 74, № 4, July–August, 1995.

ная иммиграция из Китая в Японию; нежелание КНР идти на компромиссы по различным политическим проблемам; негативное отношение Китая к американо-японскому союзу; опасения в Японии по поводу возможности крупномасштабного внутреннего кризиса в КНР.

Особые опасения в Японии вызывает резкий рост потенциала Китая как региональной сверхдержавы, которая может прибегнуть к военным мерам для установления свой гегемонии в регионе, и возможности разработки в Пекине концепции «Большой Восточной Азии» без Японии в случае дальнейшего укрепления экономической и политической роли Китая в Юго-Восточной Азии. Япония по совокупной военной мощи занимает пятое место в мире (хотя ее военные расходы составляют 1% от ВВП – один из самых маленьких показателей среди всех развитых стран), но страна существенно уступает Китаю. Гарантии безопасности Японии, в том числе и ядерной, могут дать только Соединенные Штаты, учитывая, что Россия занимает намного более благожелательное отношение к КНР.

Другие страны Большой Восточной Азии рассматривают Китай не только в качестве перспективного экономического партнера, но и как угрозу безопасности (прежде всего, в плане попадания в зависимость). В этой связи они используют различные методы: от попыток вовлечения Китая в общие структуры АТР в целях развития диалога и получения возможности коллективного давления на Пекин до стремления проводить политику балансирования и укреплять взаимосвязи с другими региональными (Индия, Япония) и внерегиональными державами (в первую очередь, США и, в какой-то степени, Россия и Австралия).

Таким образом, мы наблюдаем разновекторные процессы в политической и экономической сферах: очевидные хорошие перспективы для экономической интеграции макро-региона и довольно существенную напряженность в политических и военно-политических отношениях.

Вместе с тем следует отметить два обстоятельства:

1) В основе активных интеграционных процессов лежат, во-первых, рост экономической взаимозависимости и сближение экономических интересов, во-вторых, наличие общего внешнеполитического противника и, в-третьих, отсутствие явного доминирующего центра (особо четко прослеживалось наличие данных трех факторов в Западной Европе и в несколько меньшей мере в Юго-Восточной Азии).

На данный момент Китай еще не является полностью преобладающей державой в Восточной Азии и будет сдерживаться другими (в Западной Европе существовали мировые державы, но это не помешало наиболее эффективному интеграционному процессу из-за того, что никто не мог претендовать на статус региональной державы). Приходится, правда, отмечать отсутствие в Большой Восточной Азии второго фактора – наличия общего врага (как отмечалось, существует и настороженное восприятие США, и желание укреплять с ним связи).

2) Существует тенденция к тому, чтобы остановить традиционный процесс в Восточной Азии по развитию отношений в сфере безопасности, прежде всего на двусторонней основе. Появилась перспектива выстраивания многостороннего сотрудничества в области обеспечения безопасности, однако оно будет создаваться на более широкой основе, чем Большая Восточная Азия.

Соединенные Штаты останутся главным актором в макро-регионе в политической и военно-политической сферах. В определенной степени шестисторонние переговоры по решению корейской проблемы являются прообразом подобной организации.

Индия в мировой политике и экономике

Стратегическая цель внешней политики Индии – превращение в державу мирового уровня – определилась еще более полувека назад, сразу после завоевания страной независимости. Крах биполярного устройства мира, развал Советского Союза и фактический распад Движения неприсоединения привели к тому, что Индия потеряла возможность играть на промежуточном положении между Западом и Востоком и использовать противоречия между двумя системами, что в прошлом приносило ей существенную выгоду. Произошла определенная переориентация внешнеполитической стратегии Индии, но она касалась в первую очередь механизмов и способов достижения макроцелей, а не самих стратегических задач.

Индия первоначально прилагала огромные усилия для сохранения позиций Движения неприсоединения, которое было одним из краеугольных камней ее внешней политики, и до конца борьбы двух мировых систем рассматривала его как главный инструмент усиления своего воздействия на решение глобальных проблем. Однако постепенно Дели осознал, что перспективы этого коллективного органа дипломатии развивающихся стран явно сузились, что упрочения позиций в зоне Юга недостаточно для нахождения в «высшей мировой лиге», а резко обострившаяся дифференциация среди развивающихся стран препятствует образованию какого-либо единого для них политического или экономического альянса. В результате значительно ослабло стремление Индии укреплять свой авторитет среди развивающихся стран, и она фактически потеряла статус выразителя их интересов. Индийская дипломатия стала намного более «точечной».

Особо значимым регионом для республики (помимо Южной Азии) стала Восточная Азия. Уже в начале постбиполярного периода Индия провозгласила политику «Смотреть на восток». Республика может стать вторым после Китая региональным игроком. В биполярный период Индия использовала в первую очередь политические и культурно-цивилизационные факторы для реализации своей цели. В последнее время, по мере резкого роста хозяйственного потенциала

страны, экономические параметры стали также рассматриваться как значимые в этом процессе.

За последние четверть века Индия добилась впечатляющих успехов в социально-экономической сфере. Средний ежегодный рост ВВП в Индии составил в 1980–1990 гг. около 6%, в первой половине 1990-х годов – 4%, за последние 10 лет – более 7% (в 2004 г. – 7,4%, в 2005 г. – 7,2%, в 2006 г. и 2007 г. – 8,5%). В 2007 г. ВВП Индии, исчисленный по паритету покупательной способности, был равен 2,965 трлн. долларов (1,09 трлн. долларов по официальному обменному курсу[1])[2]. Прогнозы о дальнейшем росте южноазиатской страны на 5–5,5% в год являются средневзвешенными. Еще в конце 1990-х годов специалисты из Гарварда предсказывали, что в 2025 г. ВВП на душу населения в Индии будет равен 24,4% подобного же показателя в США (в 1965 г. эта цифра составляла 6,5%, а в 1995 г. – 7,8%). По их мнению, ежегодный прирост ВВП на душу населения будет равняться в ближайшие 30 лет 5,5%[3]. А эксперты из компании PricewaterhouseCoopers в 2006 г. поставили Индию на первое место в мире по темпам роста до 2050 г.

Главным источником экономического роста стали торговля и услуги, на которые в 2007 г. пришлось 55% ВВП (здесь трудится немногим более четверти самодеятельного населения). В промышленности создавалось 28,4% стоимости национального продукта, а в сельском хозяйстве – 16,6% (при этом в нем занято 60% самодеятельного населения).

Основой роста ВВП в Индии остаются внутренние источники. В стране достаточно хорошо осознают, что мировой гигант не в состоянии решать основные экономические проблемы, опираясь преимущественно на экзогенные факторы, но он может и должен их использовать в целях эндогенного развития. В 1950 г. на Индию приходилось 2% мирового торгового оборота, в 1960 г. – 1%, а в 2000 г. – менее 0,6%. В новом веке объем внешней торговли, правда, весьма существенно вырос (до 365 млрд. долларов в 2007 г.), темпы роста оказались значительно выше, чем в предыдущие годы. В результате доля Индии в мировом экспорте и импорте вновь возросла, но сейчас она составляет всего 0,9%.

Таким образом, в целом роль внешней торговли для республики весьма незначительна, так же, как и зарубежных капиталовложений в индийскую экономику. В начале 1990-х годов в Индию практически вообще не было прямого иностранного инвестирования, на рубеже сто-

[1] http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/in.html

[2] Недавний пересчет Всемирным банком объема экономики развивающихся стран по паритету покупательной способности привел к резкому уменьшению ВВП Индии по данному показателю. По итогам 2006 г. объем экономики Индии оценивался в 4,042 трлн. долларов, что очень незначительно отставало от ВВП Японии (4,2 трлн. долларов – по ППС) и давало возможность Индии опередить Японию уже по итогам 2007 г.

[3] *S.Radelet and J.Sachs.* Asia's Reemergence. – «Foreign Affairs», vol. 76, № 6, Nov.–Dec. 1997, p. 51.

летий оно оценивалось в размере 2–3 млрд. долларов в год, а в последние 3 года – 5–6 млрд. долларов в год. Подобные цифры, безусловно, выглядят не очень впечатляющими для страны, которой практически все эксперты отводят роль одного из будущих мировых экономических лидеров. При этом в 2004 г. Индия считалась третьей по привлекательности в мире для зарубежных капиталовложений (после Китая и США), а в 2005 г. – второй державой, а получала прямых иностранных инвестиций менее 1% мировых заимствований[1].

Если Китай в привлечении зарубежных капиталовложений ориентируется на обрабатывающую промышленность, товары которой предназначаются на экспорт, то Индия продолжает предпочитать технологии для использования в системе импортзамещения. Иностранные компании по-прежнему используют в работе с Индией, прежде всего, лицензирование и контракты на предоставление услуг из-за сохраняющихся ограничений на ПИИ и резкого усиления возможностей местных субподрядчиков. Сохраняются и такие проблемы, как бюрократические препоны, коррупция, недостаточно развитая инфраструктура.

Таким образом, хотя Индия и вступила в общемировой процесс глобализации и для нее стало расти значение хозяйственных взаимосвязей с внешним миром – в плане и эндогенного развития, и возможностей оказывать позитивное для себя воздействие на сопредельные регионы, внешнеэкономические параметры значительно уступают политическим и являются скорее потенциальными.

Индия и Южная Азия

Данный тезис четко иллюстрируют процессы, протекающие в Южной Азии, имеющей самое приоритетное значение для Индии. Правящие круги страны рассматривают проблему обеспечения ее безопасности в рамках всего южноазиатского региона. Отсюда неизменно стремление защитить и упрочить доминирующие позиции Индии в Южной Азии. Страна категорически выступает против привлечения внешних сил, особенно государств глобального уровня, к решению региональных проблем. В Индии считают, что стремление искать решение спорных вопросов двусторонних отношений на путях вынесения их на рассмотрение международных форумов и вовлечение внешних сил лишь препятствует мирному политическому регулированию, укреплению региональной безопасности. Соседи Индии, напротив, обычно не видят угрозы своей безопасности извне региона.

По вопросу о месте Индии в регионе существует наибольшая близость позиций различных слоев и классов индийского общества, хотя по некоторым аспектам и проблемам есть определенные расхождения. Есть различия во внешнеполитических платформах Бхаратия Джана-

[1] 2005 Foreign Direct Investments Confidence Index. Global Business Policy Council. 2005, vol. 8. – http://www.atkearney.com/shared_res/pdf/FDICI_2005.pdf

та партии (Индийская народная партия), Индийского Конгресса и левоцентристских объединений (действующих под разными «вывесками»), однако они касаются не столько макроцелей, сколько способов их достижения. Речь идет о соотношении силовых и «либерально-компромиссных» начал во внешнеполитической стратегии. Внутриполитические перемены в Индии меняют тактическую линию, акценты в ее политике, но это воздействие имеет временный и не базовый характер.

Для Южной Азии свойственна асимметрия: на долю Индии приходится около трех четвертей территории и населения и около 80% валового национального продукта. Сходная ситуация существует и в военном отношении. Естественное доминирование одной страны в регионе предопределяет особенности региональной обстановки.

Оно также вызывает у ее соседей недоверие к республике, порождает ощущение собственной беспомощности. Это приводит к активизации их попыток укрепить свое положение на региональной и международной арене путем опоры на великие державы, к стремлению выносить нерешенные вопросы в отношениях с Индией на суд международной общественности. Многие соседние с Индией страны постоянно обвиняют республику в гегемонизме. Однако в основе их недоверия часто лежит комплекс «пигмея» перед лицом «гиганта». Правительство Индии неоднократно шло на определенные уступки своим соседям, нередко ущемляя свои интересы. Тем не менее реальных результатов эта политика не принесла. Одновременно сами индийские аналитики подчеркивают, что Индия должна быть особо щепетильна в отношениях с малыми странами региона, болезненно воспринимающими любое, даже мнимое покушение на собственный суверенитет. Подобное иногда случается, особенно со стороны конкретных политических лидеров Индии, что объясняется и реальным положением вещей на субконтиненте, и комплексом «старшего брата», и психологическим (вполне естественным) восприятием индийцами Южной Азии как единого целого.

Рост экономических проблем в соседних с Индией странах стимулирует стремление к региональному сотрудничеству, а соответственно, и к расширению связей с Индией. Подобное противоречие – между экономическими выгодами и «страхом» перед Индией – вынуждает соседей республики постоянно маневрировать. Индия в целом (если не брать во внимание отдельные слои населения и штаты) мало заинтересована в укреплении экономической подсистемы отношений со своими соседями, но, понимая ее важность для других стран, стремится к укреплению экономических взаимосвязей для достижения политических целей.

Основную роль в системе международных отношений в Южной Азии играют индийско-пакистанские отношения – и из-за наибольшего политического, экономического и военного веса двух стран, и из-за их практически постоянного противостояния. Наличие разных национальных интересов, политических систем и политических культур, религиозная гетерогенность дополняются геостратегическим факто-

ром. Пакистан находится на стыке с мусульманским регионом, откуда он способен получать дополнительные экономические и военные возможности усиления своих позиций против Индии. С самого начала пакистанские власти рассматривают Индию как своего основного стратегического противника. Даже после войны 1971 г. Пакистан остается единственным потенциальным соперником Индии в Южной Азии. Пакистан хотя и обладает лишь восьмой долей экономического, территориального и демографического потенциала Индии, но является достаточно мощной державой, и это дает пакистанским властям право оспаривать доминирующие позиции Индии.

Руководство Индии отнюдь не заинтересовано в дальнейшем ослаблении Пакистана. Оно сознает, что процесс нового расчленения вызовет резкое осложнение ситуации в Южной Азии, внесет элементы крайней нестабильности в региональную систему межгосударственных отношений и приведет к вмешательству внешних сил. Все это полностью противоречило бы интересам Индии. Иной позиции придерживается лишь группа индуистских фундаменталистов.

Для Индии особо значимым является то обстоятельство, что Соединенные Штаты и Китай на деле признали ее доминирование в Южной Азии и ее стабилизирующую роль в региональной системе.

Негативная взаимозависимость существовала и в экономической сфере. Были различны как уровень социально-экономического развития стран региона, так и их методы. Расчленение субконтинента в 1947 г. и связанные с этим событием обстоятельства разрушили экономические связи. Уже через четверть века в каждой стране были окончательно созданы собственные экономические структуры, ориентированные главным образом на внутренний рынок. Они не взаимодействовали, а существовали почти в полном отрыве друг от друга.

Таким образом, в Южной Азии присутствуют все основные негативные факторы, препятствующие развитию интеграционных процессов: наличие региональной державы; отсутствие общего врага и недостаточная взаимодополняемость экономик. Южная Азия является модельным регионом, где конфликтная взаимозависимость значительно перевешивает комплиментарную.

Для преодоления недоверия между государствами и народами региона, укрепления региональной безопасности важную роль могла бы сыграть Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). Официально она была создана в декабре 1985 г. в Дакке. Было решено, что организация будет заниматься исключительно вопросами экономического, технического и культурного сотрудничества. Была достигнута также договоренность, что все официальные обсуждения двусторонних и спорных вопросов на совместных форумах запрещаются, решения будут считаться принятыми лишь при условии согласия всех сторон. Наиболее весомым вкладом СААРК в дело нормализации ситуации в регионе стало создание механизма для проведения неформальных встреч и дискуссий лидеров стран.

Первоначально деятельность СААРК в экономической области не смогла привести к существенным результатам и преодолеть тенденцию к относительному сокращению экономического сотрудничества между странами Южной Азии (в середине 1970-х годов внутрирегиональный торговый оборот составлял около 7% общей торговли стран – членов СААРК, в 1980 г. – немногим более 3%, а в конце десятилетия – около 1%). Соседние с Индией страны (прежде всего Пакистан) опасались, что широкое экономическое сотрудничество в рамках СААРК может привести к дальнейшему укреплению более мощного индийского капитала за их счет. Однако постепенно страны Южной Азии стали все сильнее проявлять стремление развивать внутрирегиональные экономические связи.

В 1993 г. было принято соглашение о предоставлении друг другу торговых преференций. В 2004 г. страны СААРК договорились об образовании зоны свободной торговли в Южной Азии, которая официально должна была начать функционировать с 2006 г. Главной целью соглашения было не образование реального «общего рынка», а снижение тарифов во внутрирегиональной торговле. Более того, предполагалось, что в полном объеме соглашение будет выполнено Индией и Пакистаном к 2012 г., Шри Ланкой – к 2013 г., а остальными странами региона – к 2015 г. В соответствии с проведенными исследованиями, уничтожение тарифов и торговых барьеров приведет к увеличению торгового товарооборота Индии с соседними странами в 13 раз, что вызовет рост ВВП Индии на 3%, Пакистана – на 7%, Бангладеш – на 21%, Шри Ланки – на 36%, а Непала – на 59%[1].

Развитию внутрирегионального экономического сотрудничества в первую очередь продолжает препятствовать позиция Пакистана. Власти страны лимитируют импорт из Индии и разрешают ввозить лишь определенные товары (в 2006 г. – 773 наименования), несмотря на прямые экономические потери. Согласно Докладу Государственного банка Пакистана, страна из-за этих ограничений теряет почти 1 млрд. долларов в год (в списках товаров, импортируемых Пакистаном и экспортируемых Индией, совпадают 2646 позиций, и нередко Пакистан ввозит более дорогие товары из третьих стран)[2]. Стремление части крупной торгово-промышленной буржуазии Пакистана к развитию экономических связей с Индией блокируется позицией политической элиты и той частью экономической элиты, которая опасается конкуренции более мощного индийского капитала.

(Окончание следует.)

[1] The Challenges and Potential of Pakistan-India Trade. Ed. by Naqvi Z.F. and Schuler Ph. Wash.: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, June 2007, p. 84.

[2] «The Hindu» (Delhi), 31 июля 2006 г.

Георгий МИРСКИЙ

ИРАН И США

Ситуация, связанная с возможным превращением Ирана в ядерную державу, приобретает характер международного кризиса. При осуществлении наихудшего сценария она может вызвать крупномасштабный конфликт. Одним из главных акторов при этом, наряду с самим Ираном, являются Соединенные Штаты. Цель настоящей статьи – проанализировать ирано-американские отношения, включая следующие аспекты: интересы американской администрации в контексте предотвращения ядерного вооружения Ирана; вероятные цели и задачи иранского руководства; шансы на дипломатическое урегулирование конфликта; возможность эскалации конфликта вплоть до силовых действий.

Взаимоотношения США и Ирана до нынешнего кризиса

Начало возникновения более или менее серьезного интереса США к Ирану можно датировать периодом Второй мировой войны, когда американские войска были отправлены в Иран в рамках общей стратегии союзников по антигитлеровской коалиции. Первые американские воинские части прибыли в Иран в декабре 1942 г., и в 1944 г. их уже насчитывалось там примерно 30 тысяч. После окончания войны они были выведены из Ирана, но поскольку почти сразу же началась «холодная война» и на повестку дня Вашингтона встала задача противодействовать «советской экспансии», в первую очередь в наиболее уязвимых и близких к СССР регионах, Иран стал приобретать в глазах американских стратегов немаловажное значение, уступавшее в региональном плане только значению Турции.

В 1947 г. в Иране была создана резиденция ЦРУ, и этот год можно считать датой начала «скрытых акций» (covert actions) с задачей ведения разведывательной деятельности против Советского Союза, равно

как и противодействия расширению советского влияния и усилению позиций промосковской марксистской партии Тудэ. В 1950 г., после победы коммунистов в Китае, в документе Совета национальной безопасности США содержалось требование проявления «новой инициативы в холодной войне», появился термин «оборона по периметру» (perimeter defense) и было принято решение «усиливать военное присутствие и экономическую помощь «странам, которые, подобно Ирану, расположены на периферии советской сферы влияния»[1].

Некоторые американские официальные лица высказывали опасения, что Иран может превратиться во «второй Китай». Была выработана программа из 4 пунктов, предусматривавшая решающую роль США во внутриполитических делах Ирана, и после того, как президентом был избран генерал Эйзенхауэр, ее начали претворять в жизнь. Результатом стала знаменитая «Операция Аякс» (кодовое название операции американских спецслужб, организовавших военный путч и свержение правительства Мосаддыка в августе 1953 г.), ретроспективно оказавшаяся, скорее, контрпродуктивной с точки зрения долгосрочных интересов США. Недостаточная компетентность сотрудников ЦРУ привела к тому, что удар был направлен против Национального фронта Мосаддыка, выражавшего интересы нарождавшейся иранской буржуазии современного типа и ни в малейшей мере не склонного ориентироваться на СССР. Очевидно, ЦРУ было введено в заблуждение тем, что Мосаддык национализировал иранскую нефть и изгнал из страны «Бритиш Петролеум компани»; это было расценено как акция левой просоветской направленности. Тем самым с политической арены Ирана были устранены силы, способные установить «нормальную» буржуазно-демократическую власть, заинтересованную в модернизации страны, в экономическом развитии при сотрудничестве с Западом. Они были заменены военной диктатурой, а затем деспотическим режимом шаха, вызывавшим вследствие своей явно проамериканской ориентации и чересчур западного стиля реформ отторжение как широких масс, так и – что самым пагубным образом сказалось спустя четверть века – исключительно влиятельного в шиитском обществе духовенства. Предпосылки для грядущей «исламской революции» Хомейни были заложены именно «Операцией Аякс», и прав американский исследователь Ричард Коттэм, писавший впоследствии: «19 августа 1953 г. американское правительство совершило ошибку поистине трагического исторического масштаба» [2].

«Операция Аякс» стала первым случаем, когда США свергли иностранное правительство в Ближневосточном регионе. Она также ознаменовала собой начало установления политического доминирования США в этом регионе за счет резкого ослабления позиций Великобритании, утратившей к тому же монополию на иранскую нефть; в новом международном консорциуме доминировали американские фирмы, решающим образом влиявшие на иранскую Национальную нефтяную компанию. Братья Даллесы, пришедшие к руководству как госдепартаментом, так и ЦРУ, решили сделать из Ирана «пробный камень», или test case американской политики, превратив это государство в сателлита США и модель модернизации, успешного экономического и социального развития, что должно было укрепить не только военные и геополитические позиции Вашингтона в «холодной войне», но и престиж США в Третьем мире, продемонстрировав выгодность сотрудничества и аль-

янса с этой сверхдержавой. Иран должен был превратиться «из слабой страны, традиционно занимавшей нейтральную позицию в международных делах, в активный форпост против коммунизма» [3]. Начиная с 1957 г. стало проводиться электронное слежение за советскими военными объектами в Средней Азии. Взамен шах получил возможность стать «региональным полицейским» и получать огромное количество оружия. Внутри Ирана была создана, при помощи американских и израильских спецслужб, печально известная организация САВАК, обеспечившая шаху контроль над всей жизнью страны.

Правление президента Кеннеди было ознаменовано сильным давлением на шаха с целью побудить его к проведению широкомасштабных социально-экономических реформ, в первую очередь аграрной, что шах и осуществил в рамках «белой революции». При всем объективно положительном значении реформ шаха следует сказать, что они имели и оборотную сторону, восстановив против власти не только нахлынувшие в город вследствие «аграрной революции» и впервые увидевшие разительные социальные контрасты массы крестьян, но также многое потерявший от реформ традиционный «базар», быстро развивавшийся средний класс, равно как и шиитское духовенство. Все эти слои не приняли «модернизацию на американский манер», проводившуюся шахом. Это и стало базой для будущей «исламской революции» 1979 г. Слишком быстрая модернизация, сопровождавшаяся социальной поляризацией, разрушила традиционную ткань общества, а проамериканская внешняя политика шаха дала повод для обвинения его в предательстве мусульманских ценностей. В результате всего этого шиитские исламисты, вождем которых вскоре стал изгнанный из страны великий аятолла Хомейни, оттеснили на задний план носителей светской идеологии, умеренных националистов, и успешно мобилизовали массы на революционную борьбу.

В 1970-х годах сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, шах в результате небывалого повышения цен на нефть и американской военной помощи создал колоссальную военную машину (только за четыре года, последовавшие за визитом президента Никсона в Тегеран в 1972 г., было закуплено современного оружия на сумму в 9 млрд. долларов) и стал вмешиваться в региональные вооруженные конфликты, более того – не побоялся снабжать нефтью Израиль во время войны 1973 г., т.е. достиг зенита могущества. С другой стороны, неуклонно нарастали факторы, ведшие к революции. И опять американцы совершили ошибку, недооценив значение этих факторов; уверенные – вследствие своего сугубо прагматического, материалистического подхода к общественным, социально-психологическим проблемам, – что народ, благосостояние которого, несомненно, улучшилось, не имеет причин для бунта, они фатальным образом просмотрели неуклонно возраставшую роль исламской идеологии, ставшей как для масс, так и

для националистически настроенных средних слоев современного типа духовной опорой в противостоянии «вестернизации».

Дальнейший ход событий хорошо известен: победа сил, шедших за Хомейни, в обстановке растерянности и противоречий среди американского руководства, метавшегося между поддержкой шаха и тайными переговорами со сторонниками аятоллы; «драма заложников» – сотрудников посольства США, длившаяся 444 дня и приведшая в конечном счете к краху президента Картера, неудачно пытавшегося их освободить; разгром, учиненный Хомейни всем сторонникам умеренного курса, от Базаргана до Банисадра, т.е. фиаско тех сил, которые могли противостоять радикальному, а следовательно, и антиамериканскому направлению «исламской революции». И как результат – утрата всех, казалось бы, мощных и непоколебимых позиций США в Иране. Более того, из главной опоры американской ближневосточной политики Иран превратился в главного врага, очаг революции, угрожавшей союзникам США на Аравийском полуострове.

Помощь Америке пришла с неожиданной стороны – от саддамовского Ирака, считавшегося, наряду с Сирией, базой всех левых, просоветских, антизападных и антиизраильских сил в регионе. Напав в 1980 г. на Иран, Саддам, с точки зрения Вашингтона, совершил благое дело, но вскоре ход военных действий обернулся против него, и тогда он получил от американцев поддержку, без которой иракцы, вполне возможно, не смогли бы свести войну вничью. Затем, однако, Саддам совершил самую большую глупость в своей жизни, аннексировав Кувейт, и это обернулось, в конечном счете, на пользу американцам, возглавившим международную коалицию за освобождение Кувейта и добившимся сокрушительной победы над Ираком. И в начале 1990-х годов американские лидеры могли вздохнуть свободно: иранская революционная экспансия захлебнулась, истощенный восьмилетней войной Иран мог только залечивать раны, Хомейни умер, Саддам стал международным изгоем, и все это – на фоне несравненно более важного, эпохального события – победы Запада в «холодной войне», краха Советского Союза и исчезновения «коммунистической угрозы» повсеместно, в том числе и в Ближневосточном регионе.

Если прибавить к этому Соглашения в Осло, открывавшие, как тогда казалось, путь к урегулированию палестинского конфликта, этого главного раздражителя арабского мира и препятствия для гармоничных, безоблачных отношений США с важнейшими арабскими государствами – Египтом и Саудовской Аравией, – можно было считать, что Буш передал Клинтону бразды правления в момент полного возрождения доминирования Америки в Ближневосточном регионе.

Конечно, как управляемый наследниками Хомейни Иран, так и уцелевший все же саддамовский режим оставались для американцев двумя занозами в регионе. По отношению к ним в 1993 г. была провоз-

глашена политика «двойного сдерживания» (dual containment), в соответствии с которой Иран должен был выполнить пять требований, прежде чем США могли бы пойти на сближение с ним: прекратить поддержку международного терроризма, прекратить поддерживать палестинский ХАМАС и чинить препятствия на пути арабско-израильских мирных переговоров, перестать помогать «подрывным исламским движениям» в мире, сократить свой военный потенциал и отказаться от работ по созданию оружия массового уничтожения.

Поскольку Иран отверг эти требования, политика США стала ужесточаться, и государственный секретарь Уоррен Кристофер, выступая в сенате США, поставил Иран на одну доску с Ираком. Кристофер неоднократно указывал на необходимость смены режимов как в Ираке, так и в Иране, а в апреле 1995 г. президент Клинтон объявил о введении новых экономических санкций против Ирана. Были запрещены все экспортные и импортные операции, блокирована выдача кредитов со стороны международных финансовых институтов как иранскому государству, так и частным лицам. 25 мая 1995 г. в Совете национальной безопасности США была подтверждена необходимость сочетания давления и диалога: «Политика сдерживания требует проведения множества односторонних мероприятий, равно как и ряда многосторонних действий» [4].

В целом при Клинтоне, не принадлежавшем к числу «ястребов», великодержавные тенденции не имели развития, хотя время от времени президент «давал добро» на проведение тех или иных силовых акций, таких, как бомбежки Ирака. Системы, однако, не было. Не было ее и в начале президентства Буша-младшего, вообще мало разбиравшегося во внешней политике, но подобравшего себе (видимо, по интуиции и неким лежащим в глубинах психологии предпочтениям) такую команду, тон в которой стали быстро задавать «силовики»-унилатералисты – Рамсфелд, Чейни и Вулфовиц. Они оттерли на второй план «умеренного» Колина Пауэлла и привлекли на свою сторону Кондолизу Райс. Но даже и в этих условиях «ястребы» вряд ли смогли бы развернуться. Помог фантастический «подарок», который преподнесли им боевики «Аль-Каиды» 11 сентября 2001 г. Теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне оказались именно тем, что было нужно для того, чтобы на полных оборотах заработала машина унилатералистской силовой стратегии.

«Аль-Каида», война в Ираке и Иран

На первый взгляд, нет связи между терактами 11 сентября и агрессивной позицией американской администрации по отношению к Ираку и Ирану – ведь ни одно из этих государств не причастно к акциям »Аль-Каиды», и вообще саддамовский режим был светским, подавлявшим исламистские течения, а в Тегеране правит шиитское духо-

венство, глубоко враждебное бенладеновским суннитам ваххабитского толка. На самом деле такая связь существует, она коренится в психологии администрации Буша и даже глубже – в менталитете «христианских правых» (Christian right), набиравших силу в США и ставших главной опорой нынешнего американского руководства.

Ирак, несмотря на военный разгром 1991 г., оставался оплотом и бастионом антиамериканизма во всем регионе. После кувейтской агрессии Саддам Хусейн стал для американского общественного мнения буквально исчадием ада, и такие настроения, естественно, усилились после того, как иракский диктатор в ходе войны 1991 г. стал забрасывать ракетами Израиль. И все это происходило на фоне давно нараставших в США антимусульманских настроений, впервые давших о себе знать после «исламской революции» в Иране и захвата в заложники американских дипломатов.

Затем были такие события, как взрыв в нью-йоркском Центре мировой торговли в 1993 г., взрывы на территориях американских баз и посольств в Дахране в 1996 г., Найроби и Дар эс-Саламе в 1998 г. В результате этих акций гибли американские граждане, и постепенно для обывателей слово «мусульманин» становилось чуть ли не синонимом слова «террорист», причем американцы, вообще мало что знающие о других народах, не делают различия между мусульманскими этническими группами. Арабы, иракцы, иранцы – все вроде бы на одно лицо (ведь и у нас те русские, которые настороженно относятся к людям «кавказской национальности», обычно не различают кавказские этносы). В глазах многих американцев Ирак стал воплощением «исламского зла», и созревала почва для почти общенационального согласия по вопросу о необходимости искоренить это зло.

После 11 сентября была достигнута крайняя точка, и американский народ в своем большинстве был готов к тому, чтобы нанести удар по «Аль-Каиде» в Афганистане, а затем расправиться с надоевшим Саддамом, тем более, что было объявлено о наличии у Ирака оружия массового уничтожения. Психологическая почва для интервенции была готова. Дальнейшее известно.

Что касается Ирана, то отношение к нему в Америке было не таким однозначным, как к саддамовскому Ираку. Разумеется, память о «деле заложников» жива, и тегеранская «муллократия» симпатий не вызывает, не говоря уже о том, что, как отмечалось выше, для среднего американца все мусульмане Ближнего и Среднего Востока, как арабы, так и персы, одним миром мазаны. Резко антиизраильская позиция иранских властей также способствует формированию в американском обществе негативного имиджа Ирана. Но, с другой стороны, Иран, в отличие от Ирака, не может быть обвинен в агрессии против соседних стран, и если бы не проблема ядерного вооружения Ирана, оснований для поддержки агрессивной линии по отношению к

этому государству у американской общественности не было бы, тем более, что реакция Тегерана на вторжение США в Ирак не могла быть названа явно враждебной.

Среди некоторых американских политиков «ястребиного» унилатералистского толка готовившееся в течение многих месяцев вторжение в Ирак вызвало искушение заодно покончить и с нынешним тегеранским режимом (равно как и с баасистским режимом в Сирии). Шли разговоры (впрочем, мало отражавшиеся в американских СМИ) о том, что необходимый и неминуемый удар по Ираку дает редкую возможность свести счеты вообще со всеми теми силами в Ближневосточном регионе, которые представляют опасность для США и угрожают безопасности Израиля, а также потенциально являются идейной и материальной базой для исламистского терроризма.

Неизвестно, в какой мере такого рода настроения разделялись лицами, практически занимающимися внешней политикой США. Можно лишь гадать о том, что могло бы произойти, если бы американо-британская оккупация Ирака увенчалась установлением стабильного и пользующегося всеобщей поддержкой режима. Но дела пошли совсем не так, как рассчитывали инициаторы интервенции, и в нынешней тяжелейшей ситуации Вашингтону приходится лишь ломать голову над тем, как избежать полной катастрофы – унизительного ухода из Ирака, напоминающего бегство из Вьетнама, притом, что это будет уход из страны, погрузившейся в кровавый хаос, ответственность за который повсеместно возлагается именно на Америку.

Это поистине «кошмарный сценарий», и тут уже не до Ирана. Можно предполагать, что если бы не проблема создания иранского ядерного оружия, никто в Вашингтоне, учитывая положение вещей в Ираке, и думать бы не стал о возможности каких-либо акций против Ирана. Но дела сложились таким образом, что именно эта проблема встала во весь рост как раз тогда, когда американцы завязли в Ираке, и уйти от нее уже невозможно.

Ядерная проблема в Иране

Прежде всего, следует попытаться выяснить мотивы, побудившие иранское руководство вообще заняться ядерной проблемой. Но для этого надо хотя бы вкратце остановиться на характере этого руководства.

Аятолла Хомейни, отвергнув как капитализм, так и социализм, действуя как бы под девизом «Чума на оба ваших дома», избрал «третий путь» и создал теократическую власть в соответствии с принципом «велаят-е-факих», главенства факихов (шиитских богословов-законоведов). Сам он принял титул рахбара, верховного вождя революции, которого выбирает Совет экспертов, состоящий из духовных лиц.

Параллельно существует и светская власть во главе с избираемым всеобщим голосованием президентом, который, однако, не может проводить самостоятельную политику, идущую вразрез с курсом рахбара. Иллюстрацией этого служит президентство Мохаммада Хатами, считавшегося реформатором и в какой-то мере даже либералом, но оказавшегося не в состоянии сколько-нибудь существенным образом повлиять на общую политическую линию, проводимую наследниками Хомейни. Эта линия может быть названа консервативно-радикальной, при всей парадоксальности такого словосочетания. Консерватизм ее состоит в том, что господствующие в стране факихи исповедуют крайние буквалистские нормы шариата, которых уже давно не придерживаются почти нигде в исламском мире, за исключением Саудовской Аравии и недавно уничтоженного режима талибов в Афганистане.

Правящие Ираном «пуритане ислама», фанатики благочестия и неукоснительного следования заветам Корана, стремятся вернуть мусульманскому обществу нравы «чистого ислама» и архаичные порядки, установленные почти полторы тысячи лет тому назад. Радикализм их политики выражается в беспощадной борьбе против всех внутренних и внешних «врагов ислама», искоренении ереси, под которой подразумеваются все умеренные взгляды, все течения «уклонившихся от праведного пути», в абсолютном неприятии западной цивилизации как полностью несовместимой с исламом и враждебной ему, в демонизации Америки и культивировании ненависти к евреям и Израилю.

Такой теократической системы, как в Иране, в современном мире нет. Саудовская Аравия считается теократической монархией, но в этом термине упор должен быть сделан на слове « монархия «, власть принадлежит династии Саудитов, а не богословскому клану, как в Иране.

Общественно-экономическая система современного Ирана также не имеет аналога. Далекая от социализма в общепринятом смысле слова, она в то же время имеет мало общего с обычным, «нормальным» капитализмом. Частное предпринимательство широко распространено, но в руках частного сектора находится лишь пятая часть экономики. Крупных частных собственников нет, хотя имеется немало чрезвычайно богатых людей; все эти нувориши, наиболее известным среди которых является бывший президент Хашеми Рафсанджани, обязаны своим богатством успешным операциям внутри или при помощи государственного сектора. Всем в Иране известно слово «боньяд» – так называются «религиозные фонды», на самом деле являющиеся крупными хозяйственными объединениями, контролирующими почти 60% иранской экономики. «Боньядам» принадлежат промышленные, торговые, финансовые, строительные предприятия. Крупнейший из этих фондов – «Боньяд-е мостазафан» (Фонд обездоленных) – распоряжается имуществом, стоимость которого оценивается в 12 млрд. долларов, и ежегодные прибыли фонда превышают сумму, получаемую государством от сбора всех налогов [5]. Этот фонд вместе с другим («Фондом мучеников») финансирует практически все социальные мероприятия, включая сферы медицины, народного образования, благотворительности. Тем не менее 40% населения живут за чертой бедности. И вообще результаты деятельности «муллократии» в области экономики никак не могут быть признаны удовлетворительными. Хотя Иран располагает

10% разведанных мировых запасов нефти, а по запасам природного газа уступает лишь России, валовой внутренний продукт страны при правлении шаха был на 30% больше, чем сейчас. Безработица составляет 16%, потребление основных продуктов питания уменьшилось с 1991 г. на 20%. Эмиграция, в основном молодежи – на уровне 200 тысяч человек в год [6]. Коррупция достигла размеров, сопоставимых с тем, что было при шахе. В госсекторе всем заправляют коррумпированные аппаратчики, сросшиеся с узким кругом привилегированной бизнес-элиты. За исключением нефтегазового сектора, открытого для иностранных инвесторов, внешние инвестиции в экономику страны с 70-миллионным населением составили за последний год всего 1 млрд. долларов. Маленький эмират Дубаи с населением чуть больше одного миллиона привлекает намного больше.

Вот любопытный парадокс: при господстве духовенства наблюдается упадок религиозности населения, особенно среди молодежи. Конечно, ушли в прошлое времена немыслимой революционно-аскетической суровости, когда «полиция нравов» могла схватить на улице молодого человека, осмелившегося заговорить с девушкой, но многие ограничения остаются в силе. А между тем две трети населения Ирана – это люди моложе 35 лет. Для них героическая эпоха исламской революции – давнее, неактуальное и не очень даже интересное прошлое. Люди покупают «тарелки» и смотрят заграничное телевидение, подключаются к интернету, узнают о жизни в свободных странах. Справедливости ради надо сказать, однако, что установить тоталитарный строй богословам не удалось, в Иране больше свободы слова, свободы прессы, чем в большинстве стран региона. В отличие, например, от саддамовского Ирака, где человек боялся проронить лишнее слово, в Иране открыто говорят о властях то, что думают, не опасаются встречаться с иностранцами и в беседе с ними критиковать правительство, существуют оппозиционные печатные издания. Наконец, о многом говорит тот факт, что дважды на пост президента избирался Хатами, не принадлежавший к клерикальному мэйнстриму.

На этом фоне и следует рассматривать проблему ядерного вооружения Ирана. Суть ее настолько широко освещалась в печати, что достаточно привести лишь основные факты. В Иране при помощи России заканчивается строительство атомной электростанции в Бушере. Официально речь идет лишь о «мирном атоме», но уже в августе 2004 г. Мохаммед Эль-Барадеи, глава МАГАТЭ, в своем отчете подтвердил, что Иран продолжает работы по производству ядерного горючего, могущего быть использованным в иных целях. Для этого есть два пути: использование высокообогащенного урана и использование плутония. Что касается первого, то в Иране создан ряд установок для производства и испытания центрифуг. На «черном рынке» были приобретены лазерные центрифуги, пригодные для создания атомной бомбы. На них эксперты МАГАТЭ обнаружили следы высокообогащенного урана, который используется в военных целях. Летом 2004 г. иранцы провели экспериментальные испытания такого вида урана, который,

будучи введен в центрифуги, может быть превращен либо в слабообогащенный уран, пригодный для реакторов мирного назначения, либо в высокообогащенный уран, который необходим только для производства атомной бомбы. В ядерном центре в Исфагане переработанная урановая руда разогревается и превращается в газообразное вещество, которое затем на другом заводе в Натанце, расположенном в 200 км от Исфагана и оснащенном быстро вращающимися центрифугами, превращается уже в обогащенный уран. Таким образом, в результате двух этапов работ производится как горючее, годящееся для использования в обычном, « мирном « ядерном реакторе, так и субстанция, могущая быть использована для создания атомной бомбы.

В докладе МАГАТЭ отмечалось: «Тегеран намерен переработать 37 тонн урана и для этих целей вновь запустить центрифуги для его обогащения». Такого количества сырья, по мнению специалистов, хватит для создания пяти ядерных боеголовок. А источником плутония может быть именно строящийся в Бушере легководный энергетический реактор. Иран также пересмотрел ранее взятое на себя обязательство прекратить производство компонентов для центрифуг и игнорирует призывы прекратить работы на заводе в Араке по созданию реактора на тяжелой воде, мало пригодного для выработки электроэнергии, но зато годящегося для производства плутония.

Все это говорит о том, что иранские власти в течение многих лет обманывали МАГАТЭ, скрывая от него характер и объем производства в области ядерных материалов, тайком манипулируя с изготовлением как плутония, так и обогащенного урана. Зачем эта скрытность? Иранцы объясняют это тем, что если бы они заранее раскрыли уровень проводимых работ и степень продвинутости в области обогащения урана и производства плутония, американцы заблокировали бы поставки материалов, необходимых для этих работ. Это звучит правдоподобно, но фактом является то, что данные работы продвинулись дальше, чем это необходимо в чисто мирных целях. Многие эксперты полагают, что уровень совершенства имеющихся у Тегерана технологий таков, что позволяет использовать их для производства атомной бомбы.

Возникает вопрос: «Для чего все это понадобилось клерикальному режиму в Тегеране?»

Первое и естественное объяснение: Иран на самом деле нуждается в ядерной энергии для удовлетворения своих потребностей в энергоресурсах. Он имеет на это полное право, и нет никаких доказательств того, что его нынешняя программа развития ядерной энергетики имеет своей целью производство атомной бомбы.

Часто это объяснение отбрасывается как несерьезное, если не просто как обман мировой общественности. При этом указывают на то, что страна с такими колоссальными нефтяными ресурсами, несомненно, может обойтись без ядерной энергии. Однако более внимательный

взгляд на данную проблему позволяет сделать вывод, что это не совсем так.

Иран действительно является вторым по объему производства нефти членом ОПЕК и обладает вторыми в мире по величине запасами природного газа. Но его потребности в электроэнергии увеличиваются быстрее, чем его способность их удовлетворить только за счет нефти и газа. Потребление энергии в Иране растет на 7% в год, и производство энергоресурсов в предстоящие 15 лет должно вырасти втрое, чтобы их удовлетворить. Между тем с конца 1990-х годов добыча нефти не превышает 3,7 млн. баррелей в день. Почти 40% иранской нефти потребляется внутри страны, и если, как предвидится, эта доля будет расти, соответственно будут сокращаться доходы от экспорта нефти, что положит конец тому существенному росту темпов экономики, который имеет место с 1999 г. Что же касается природного газа, то его гигантские резервы только еще начинают разрабатываться, и пока что Иран является чистым импортером газа.

Поэтому производство ядерной энергии действительно необходимо для Ирана. Но дело в том, что когда стало известно о наличии у Ирана широкой программы развития ядерной энергетики и возникло беспокойство по поводу возможной военной направленности этой программы, страны Запада предложили в обмен на прекращение дальнейших работ в сфере обогащения урана и производства плутония снабжать Иран энергетическими ресурсами. Как пишет специалист по Ирану, сотрудничающий с лондонским еженедельником «Экономист», Кристофер де Беллэйг, «Ирану действительно есть смысл высвободить свои ресурсы нефти и газа для экспорта, но зачем вкачивать деньги в осуществление крайне дорогостоящей программы развития ядерной энергетики, когда другие страны заявили, что они будут поставлять Ирану ядерное горючее, в котором он нуждается? Иран возражает – дескать, Соединенные Штаты окажут давление на иностранных продавцов с тем, чтобы не допустить притока этого горючего, но это звучит неубедительно. Эти же самые иностранцы, несмотря на неодобрение Америки, покупают иранскую нефть и обязались покупать иранский газ. Стремление Ирана осуществить полный цикл разработки горючего – это самый подозрительный аспект его ядерной программы» [7].

Все действия иранских властей создают вполне определенное впечатление: хотя Иран действительно нуждается в развитии ядерной энергетики, нынешняя программа не сводится только к этому, а направлена на создание условий для производства ядерного оружия.

Но при этом тоже возможны различные версии м о т и в а ц и и Тегерана и его подлинных целей. В упрощенном виде это сводится к вопросу: шантаж или создание атомной бомбы?

Версия ядерного шантажа (северокорейский вариант) предполагает, что на самом деле цель Ирана – не производство бомбы, а достиже-

ние такого уровня продвижения в этом направлении, который заставляет поверить, что она может быть создана в любой момент : все готово, и в определенной ситуации бомба может быть произведена. При этом Соединенные Штаты и Израиль – главные противники иранского ядерного вооружения – будут поставлены перед дилеммой: либо пустить в ход силу, попытаться путем военной интервенции в последний момент не допустить создания бомбы, либо согласиться с условиями, на которых Тегеран может остановить осуществление своей программы. Вопрос в том, каковы должны быть эти условия, чего именно Иран желает добиться, проводя, подобно Северной Корее, политику brinkmanship, балансирования на грани войны (а в том, что война при определенном развитии ситуации вполне возможна, пусть и не слишком вероятна, иранские правители не могут сомневаться, они очень и очень рискуют).

Во-первых, они могут добиваться того, чтобы США и западноевропейские страны обязались снабжать их ядерным горючим в тех объемах, которые не уступали бы производству такого горючего путем осуществления нынешней иранской программы. Уже отмечалось, что европейцы выразили согласие на это, но почему-то этого согласия для Ирана недостаточно. Видимо, он добивается американских гарантий: США должны четко и недвусмысленно присоединиться к предложенному Европой варианту: «поставки горючего в обмен на свертывание иранской ядерной программы». Но этого, скорее всего, будет недостаточно: как показывает опыт Северной Кореи с ее беспрерывным маневрированием, блефом, непредсказуемыми зигзагами поведения, чисто экономическая сделка, какой бы выгодной она ни была, не устраивает правителей тоталитарного государства, нашедших возможность держать весь мир в неведении или даже в страхе, заставлять гадать – «есть уже бомба или нет?».

Нужны гарантии не только экономические, но и п о л и т и ч е с к и е : Америка должна раз и навсегда официально, при участии ООН, отказаться от «агрессивных намерений» в отношении их страны. Неправильно было бы считать, что иранские правители только делают вид, что они боятся американской агрессии; они этого опасаются на с а м о м деле, и эти опасения резко возросли после американского нападения на Ирак. Ведь эти люди, очень плохо знакомые с современным миром, практически никогда не бывавшие на Западе, могут всерьез верить в то, что «Большой сатана» твердо намерен любой ценой добиться уничтожения исламской республики и рано или поздно совершит агрессию против Ирана.

Поскольку главная цель иранской внешней политики – противостоять американским усилиям, направленным на то, чтобы изолировать Иран, а если возможно, то и вооруженным путем добиться смены правящего там режима, Тегерану необходимо достичь того, чтобы он

был исключен из американского «черного списка», из числа стран «оси зла». И если рассматривать ядерные усилия Ирана с этой точки зрения, то смысл его ядерной программы состоит, прежде всего, в том, чтобы шантажировать Америку, давить на нее, чтобы добиться от Запада в целом как экономической помощи, позволяющей обойтись без производства собственного ядерного горючего в таком объеме и в таких формах, которые позволили бы создать атомную бомбу, так и политических уступок.

Версия реального создания атомной бомбы исходит из того, что Тегеран не блефует и не шантажирует Запад, а в самом деле намерен произвести несколько атомных бомб. Спрашивается: для чего?

Вряд ли для того, чтобы действительно пустить эти бомбы в ход.

Прежде всего – против кого Иран мог бы использовать ядерное оружие? Ясно, что не против Америки; даже если бы тегеранские правители этого захотели, у них для этого нет средств доставки. Правда, известно, что на базе северокорейской ракеты «Нодон» иранцы создали одноступенчатую жидкостную ракету «Шехаб-3», но она способна нести заряд весом около тонны на расстояние не более 1500 км. Сообщается также о работе по созданию еще более мощной ракеты с дальностью полета более 3000 км; она якобы произведена на предприятиях Северной Кореи и на самолетах тайно доставлена для сборки в Иран. Понятно, что прежде всего этим обеспокоен Израиль, ведь расстояние от иранской границы до Тель-Авива составляет 1300 км. Но трудно представить себе, чтобы иранцы решились на ядерную войну с Израилем.

Нынешних тегеранских правителей можно считать узколобыми фанатиками, но все же не безумцами. При всей их ненависти к «сионистскому образованию» (так, в унисон с арабскими радикалами, называют Израиль в Иране) вряд ли они всерьез намереваются уничтожить еврейское государство, так как прекрасно понимают последствия такой попытки. Во-первых, они знают, что немедленно получили бы ответный удар двойной силы, который был бы для Ирана катастрофой. Во-вторых, лучшего способа действительно сделать Иран изгоем в мире, полностью изолировать его и поставить крест на всех перспективах развития страны невозможно было бы и придумать. Даже если бы осуществился наихудший вариант эскалации израильско-палестинского конфликта, т.е. военное вовлечение в него арабских государств, новая война между Израилем и арабским миром (что выглядит совершенно неправдоподобным), Иран мог бы оказать арабам любые виды помощи, вплоть до посылки войск, но на применение атомной бомбы не пошел бы.

Следовательно, можно сделать вывод, что наступательный вариант применения иранцами атомной бомбы нереален. Но как насчет оборонительного варианта? Он выглядит гораздо более вероятным. Для того чтобы отбить у американцев охоту напасть на их страну, застраховать

себя от возможной агрессии, тегеранская «муллократия», точно так же, как властители Северной Кореи, возможно, на самом деле решили, что обладание ядерным оружием является для них единственной гарантией. Иранские правители, вероятно, учли плачевный опыт Саддама Хусейна и полагают, что если бы у него действительно было оружие массового уничтожения, Буш не решился бы на войну. Как объяснил один западный дипломат в интервью с агентством Рейтер в октябре 2004 г., «иранские лидеры собрались после иракской войны и решили, что причина, по которой Северная Корея не подверглась нападению, – это то, что у нее есть бомба. Ирак был атакован, так как у него бомбы нет» [8].

Вполне вероятно, что иранские правители считаются с возможностью возникновения еще одной угрозы, связанной уже с Ираком. Нельзя полностью исключать такого, благоприятного для Америки, варианта, при котором все же удастся рано или поздно подавить иракское сопротивление и создать достаточно стабильную власть. Она будет зависеть от США, и Ирак превратится в американского партнера и союзника. В таком случае Иран будет со всех сторон окружен проамериканскими режимами – Афганистан, Пакистан, Турция, Ирак. Иранская пресса после американо-британской оккупации Ирака с тревогой писала о том, что вокруг Ирана замкнулось кольцо недружественных или прямо враждебных государств. На этот случай, по мнению тегеранских правителей, для Ирана было бы полезно иметь военный потенциал, позволяющий обеспечить защиту страны от любой враждебной коалиции.

Суммируя все вышесказанное, следует прийти к заключению, что правители Ирана намерены довести процесс развития ядерной энергетики до такой точки, когда у них будет реальная возможность создать атомную бомбу. Но именно возможность. Реально произвести бомбу необязательно. Можно, опять-таки по примеру Северной Кореи, вести длительную игру в «кошки-мышки», «войну нервов» вплоть до намеков, что бомба уже есть или почти есть, затем вроде бы идти на уступки и т.д. Главное – удерживать инициативу, диктовать свои правила игры, заставлять считаться с собой. Помимо всего прочего, это льстит самолюбию иранских руководителей – ведь они находятся в центре внимания всего мира, могут на равных разговаривать с лидерами великих держав, даже запугивать их. Наконец, такая линия поведения полезна для правящих кругов Ирана в плане мобилизации общественного мнения внутри страны, раздувания духа национализма: тегеранские лидеры позиционируют себя как смелые борцы за права и достоинство иранской нации, не побоявшиеся бросить вызов сверхдержаве.

Но идеальным вариантом для Тегерана было бы все же, конечно, создание атомной бомбы.

Наличие собственного ядерного оружия означало бы для иранских правителей следующее: а) они сочли бы себя в безопасности, застраховали бы Иран от американской агрессии, обеспечили бы сохранение своего режима (а важнее этого для них, естественно, ничего нет); б) они резко повысили бы свой авторитет внутри страны, обеспечив себе общенациональную поддержку; в) Иран существенно увеличил бы свой международный вес, став не только первой ядерной державой на Ближнем Востоке, но и членом «элитарного клуба», в который входят, наряду с Соединенными Штатами, Россией, Англией, Францией и Китаем, только два государства Третьего мира – Индия и Пакистан.

Но это, повторяем, идеальный вариант для тегеранских властей. А более скромный, но тоже вполне благоприятный – добиться такого положения, когда, хотя бомбы в действительности нет, ее можно всегда создать при некотором дополнительном усилии.

Американские альтернативы

Иран, объявленный Джорджем Бушем в 2002 г. частью «оси зла», рассматривается, наряду с Северной Кореей, как главное враждебное Соединенным Штатам государство современного мира. Практически же Иран доставляет Вашингтону больше головной боли, чем режим Ким Чен Ира, хотя бы потому, что он расположен в несравненно более важном районе мира: Ближний Восток – это и основной источник нефти в мире, и арена полувекового противостояния арабов и Израиля, и колыбель, база транснационального исламистского терроризма; наконец, в одной из стран этого региона США более двух лет ведут военные действия. Поэтому можно согласиться с мнением вице-президента американского Совета по внешней политике Айлана Бермана о том, что «ни одна проблема не занимает больше места в повестке дня внешней политики Соединенных Штатов и их европейских союзников, чем Исламская Республика Иран» [9].

Фактически отношения между США и Ираном были враждебными, уже начиная с победы «исламской революции» и «дела заложников». И хотя после обескровившей Иран войны с Ираком и явного затухания исламистской экспансии Тегерана американская администрация успокоилась, само существование воинственного, радикального антизападного режима в Иране продолжало восприниматься как потенциальная угроза тому порядку, который Соединенные Штаты считают в наибольшей степени отвечающим их интересам в регионе Ближнего Востока. Когда в конце 1990-х гг. в иранском обществе стали нарастать протестные настроения и президентом был избран имевший репутацию либерала-реформатора Хатами, в США это сочли благоприятным признаком начала размывания клерикальной диктатуры. Для того чтобы ускорить этот процесс, американцы начали широкую кампанию

радио- и телевизионного воздействия на иракское общественное мнение. К настоящему времени 24 спутниковых канала и еще большее количество радиостанций осуществляют трансляцию на персидском языке из-за рубежа; в основном это американские каналы, настраивающие иранцев против правящего режима. Вашингтон тратит на эти цели 14, 7 млн. долларов в год. В апреле текущего года госдепартамент объявил, что он намерен предоставить дополнительно еще 3 миллиона долларов, выделенных Конгрессом «институтам образования, гуманитарным группам, неправительственным организациям и частным лицам внутри Ирана для поддержки развития демократии и прав человека» [10].

Однако ясно, что таким путем не удастся поднять иранцев на борьбу против власти. Хотя многие в Иране относятся к Америке гораздо лучше, чем в других странах Ближнего и Среднего Востока, и желали бы падения нынешнего режима (в чем автор этих строк имел возможность убедиться во время пребывания в Тегеране три года тому назад), это не означает, что народ в целом готов к революции. Президентские выборы, на которых победил ставленник наиболее консервативных клерикальных антизападных кругов («наследников Хомейни») Махмуд Ахмадинежад, показали, что значительная, если и не преобладающая, часть населения Ирана верит в возможность улучшения жизни при условии возвращения к «первоначальной, чистой», избавленной от коррупции «линии имама».

На этом фоне перед администрацией Буша встал вопрос: что делать с Ираном, явно продвигающимся по пути, который может привести к созданию атомной бомбы.

Можно предположить, что если бы не иракская ситуация, «унилатералисты», влияние которых неимоверно выросло при президенте Буше, могли бы оказать на администрацию сильное давление, дабы побудить ее к силовой акции против Ирана. Но Ирак изменил всю картину. Сейчас очевидно, что вооруженная борьба, которую ведут суннитские боевики под предводительством баасистов в альянсе с руководимыми Мусабом аз-Заркауи транснациональными джихадистами, не прекратится вне зависимости от того, как будет протекать процесс становления новых структур власти и каковы шансы на становление государственного строя, очерченного в Конституции. Надежды на то, что удастся передать дело подавления повстанцев и террористов в руки иракской армии и полиции и начать постепенно выводить американские войска, становятся все слабее. Основной силой антиповстанческой, антитеррористической борьбы на обозримый период останутся американские войска, и Буш вынужден выбирать между двумя одинаково плохими вариантами дальнейших действий. Уступить растущим требованиям американской общественности и уйти из Ирака он не может, так как это означает оставить Ирак в состоянии кровавого хаоса и почти наверняка

открыть путь к междоусобным войнам (межарабской суннитско-шиитской и арабско-курдской), что будет свидетельствовать о полном фиаско всей иракской авантюры. К тому же уход американцев будет означать неслыханный триумф «Аль-Каиды», иначе говоря – крупнейшую неудачу в той самой борьбе против международного терроризма, которую Буш положил в основу своей внешней политики. Все его президентство вообще окажется провальным. А упрямое продолжение нынешней линии ведет как к росту американских потерь, так и к расширяющемуся кровопролитию и гибели новых тысяч и тысяч иракцев (в чем и иракское население, и мировая общественность в любом случае будет обвинять США). Скорее всего, Буш выберет все же второй вариант, но тогда ему придется вместо поэтапного вывода войск посылать в Ирак новые воинские контингенты, что уже само по себе уменьшает возможность инициирования новых военных операций, в частности, против Ирана. У сверхдержавы просто может не хватить для этого сил.

К тому же надо иметь в виду, что военные действия против Ирана будут, безусловно, осуждены всем миром, включая на этот раз уже и ближайшего союзника США – Великобританию. Учитывая неприглядную историю с обвинением Ирака в наличии оружия массового уничтожения, которого там так и не оказалось, американцам трудно будет убеждать мировую общественность, что у Ирана действительно есть атомная бомба, разве что сам Иран поможет Вашингтону какими-либо опрометчивыми действиями (например, проведением испытания ядерного оружия); непохоже, чтобы тегеранские правители пошли на такие шаги, поскольку на самом деле они не заинтересованы в войне, прекрасно понимая ее последствия для страны. Только Израиль может поддержать американскую войну с Ираном и даже принять в ней участие. Но, во-первых, ликвидировать иранский ядерный потенциал будет гораздо труднее, чем уничтожить иракский ядерный реактор, что осуществила израильская авиация в 1981 г. Учтя иракский опыт, иранцы наверняка рассредоточили свои ядерные объекты, укрыли их под землей в разных местах. Во-вторых, совместная американо-израильская военная операция против мусульманской страны будет означать буквально катастрофическое падение американского престижа во всем мире ислама и поставит под вопрос перспективы американского сотрудничества с важнейшими странами Третьего мира, в том числе с нефтяными государствами. Наконец, не может быть гарантии, что даже разгромленный Иран, охваченный ненавистью и жаждой мести, не возобновит попытки добиться создания ядерного оружия. Как писал известный американский ближневосточник Джеффри Кемп, «в конечном счете, США, Европа или Совет Безопасности ООН не смогут воспрепятствовать тому, чтобы гордый 70-миллионный народ, обладающий обширными ресурсами, создал ингредиенты для ядерной бомбы, если его лидеры считают это необходимым» [11].

Наивно было бы ожидать, что иранский народ, как бы он не относился к своему правительству, поддержит американскую интервенцию и воспользуется ею для того, чтобы свергнуть существующий режим. Напротив, можно ожидать взрыва националистических, патриотических чувств. Стоит вспомнить, как во время войны с Ираком на фронт направились десятки тысяч добровольцев, включая мальчишек; это вполне может повториться и в войне с новым врагом. К тому же один только взгляд на то, что представляет собой сегодняшний Ирак после того, как Америка освободила его от тирании Саддама Хусейна, достаточен для того, чтобы иранцы посчитали американскую интервенцию – даже под знаменем демократии – лекарством, которое хуже болезни.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что военная операция США против Ирана представляется маловероятной.

Остаются три сценария: либо США совместно с Европой, а если получится, то и с другими членами мирового сообщества, приложат все усилия для того, чтобы путем дипломатического давления заставить Иран отказаться от работ по обогащению урана и прекратить попытки обзавестись ядерным оружием; либо, если это не получится, попытаются организовать изоляцию, блокаду Ирана с тем, чтобы наказать его экономическими санкциями и заставить все же уступить; либо признают провал всех попыток воздействовать на Иран и смирятся с мыслью о том, что он станет еще одной ядерной державой.

Но трудности с введением санкций давно известны: предполагается, что их не поддержит ни Россия, помогающая Ирану строить его первый ядерный реактор в Бушере (а вообще Иран желает построить у себя 20 таких реакторов), ни Китай, заключивший с Ираном в 2004 г. соглашение, в рамках которого китайцы закупят в течение следующих 30 лет иранский сжиженный газ на сумму в 70 млрд. долларов, а также помогут в разработке новых крупных месторождений нефти. Поэтому на данном направлении вырисовывается тупик, и если не будет найден выход, и первый, и второй варианты окажутся неосуществимыми; тогда останется третий вариант – смириться с такой ситуацией, когда вся проблема окажется «подвешенной» на неопределенный срок, Иран будет продолжать осуществлять свою ядерную программу, держа весь мир в неведении относительно того, действительно ли он может более или менее быстро произвести бомбу или нет. В принципе считается, что для этого ему понадобится от пяти до десяти лет. И не исключено, что именно такой вариант развития событий станет наиболее вероятным. Для США это будет, конечно, не катастрофой, но серьезной политической неудачей, ставящей под сомнение способность единственной сверхдержавы осуществлять гегемонию в современном мире.

Иран неуклонно идет своим путем

В 2007 году Россия сделала еще один шаг навстречу Ирану: было возобновлено замороженное на некоторое время строительство Бушерской АЭС и начаты поставки ядерного топлива на эту станцию. В середине ноября 2007 г. В.Путин посетил Тегеран, заявив накануне визита, что нет данных о намерении Ирана производить ядерное оружие. Но уже вскоре после этого сотрудники МАГАТЭ сообщили, что Иран ввел в строй центрифуги нового поколения, которые способны обогащать уран с более высокой скоростью.

Речь идет пока, вероятно, об экспериментальных образцах, но эксперты считают, что если они уже получены, то серийное производство новых центрифуг – лишь вопрос времени, и Иран сможет существенно ускорить процесс получения такого количества обогащенного урана, которое будет достаточно для производства сердечника боеголовки для атомной бомбы. А в начале февраля 2008 г. иранцы произвели испытания баллистической ракеты «Кавешгяр-1», и это дало экспертам основание утверждать, что Иран близок к созданию баллистических ракет большой дальности. Естественно, это событие произвело неблагоприятное впечатление не только на Запад, но и на Москву.

Первый вице-премьер РФ Сергей Иванов высказал мнение, что запуски ракет не добавляют доверия к ракетным программам Ирана. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил: «Мы не одобряем действий Ирана по постоянному демонстрированию своих намерений развивать ракетную отрасль, продолжать обогащение урана», а его заместитель Александр Лосюков добавил, что ракеты дальнего радиуса действия – это один из компонентов ядерного оружия. Председатель комитета по международным делам Государственной Думы Константин Косачев заметил, что Иран зря пошел по пути демонстрации силы в момент, когда отношение международного сообщества к нему не бесспорно. Это прискорбная ошибка иранского руководства [12].

Вряд ли можно согласиться с такой оценкой. Это не ошибка, а вполне осознанная политическая линия, полезная для правящих кругов Ирана в плане мобилизации общественного мнения внутри страны, раздувания духа национализма: тегеранские лидеры позиционируют себя как смелые борцы за права и достоинство иранской нации, не побоявшиеся бросить вызов сверхдержаве. Как уже было сказано выше, они рассчитывают, что в Совете Безопасности ООН Россия и Китай заблокируют введение сколько-нибудь жестких санкций. А если этого не случится, иранские правители все равно могут заявить своему народу: «Наша страна опять стала жертвой мирового заговора, организованного империализмом и сионизмом.

Нас берут за горло, пытаются задушить, не дают нам даже создать мирную атомную энергетику. Но наш великий древний народ не встанет на колени. И нет сомнений в том, каков будет отклик иранских масс, скандирующих на демонстрациях: «Будем сражаться, будем умирать».

В 2007 г. произошло еще одно событие, сыгравшее на руку иранскому руководству. Американские разведывательные органы опубликовали доклад, в котором констатировалось, что еще в 2003 г. Иран прекратил работы по осуществлению военной программы. Речь шла лишь о приостановке работ по созданию ракет, о продолжении обогащения урана не упоминалось, но в мировом общественном мнении сложилось впечатление, что иранская ядерная угроза «миновала». Лондонский «Экономист» комментировал новую ситуацию следующим образом: «Неуклонно нараставшее давление на Иран, уже приведшее к принятию двух чреватых санкциями резолюций ООН в декабре 2006 и марте 2007 гг., внезапно лопнуло, воздух вышел...». В своем последнем послании Конгрессу о состоянии союза Джордж Буш призвал Иран остановить обогащение урана с тем, чтобы можно было начать переговоры, – это очень далеко от пламенной речи насчет «оси зла», с которой он обрушился на Иран, Ирак и Северную Корею шесть лет тому назад [13].

Мотивы, по которым американские разведчики решили опубликовать данный документ, остаются неясными; возможно, проколовшись с оказавшейся фальшивой версией иракской угрозы, ставшей основанием для вторжения США в Ирак, разведчики на этот раз хотели загладить свою прежнюю ошибку или же просто перестраховывались. Так или иначе, американская разведка подложила свинью своему президенту. Ее доклад был подвергнут критике со стороны многих политиков США, включая Генри Киссинджера, а в Европе лидеры Франции и Германии заявили, что они по-прежнему считают, что иранская угроза существует. Иранские власти, тем не менее, немедленно воспользовались докладом и заявили, что отныне вопрос о ядерной программе Ирана вышел из сферы компетенции Совета Безопасности ООН (хотя этот международный орган тем временем принял еще одну, третью по счету, резолюцию в духе двух первых, т.е. предполагавшую санкции в случае, если Иран будет продолжать работы по обогащению урана) и что теперь Тегеран будет иметь дело исключительно с МАГАТЭ.

В мае 2008 г. генеральный директор МАГАТЭ Мухаммед аль-Барадеи опубликовал новый доклад, из которого следовало, что Иран не выполняет требования мирового сообщества, а лишь наращивает работы в ядерной области. По данным МАГАТЭ, в ядерном центре в Натанзе уже установлено 3500 центрифуг для обогащения урана, на 500 больше, чем было еще в феврале. В ближайшее время иранцы намерены удвоить это число.

Доклад аль-Барадеи был поставлен на обсуждение совета управляющих МАГАТЭ, состоявшегося в Вене в начале июня. На ней Мухаммед аль-Барадеи заявил, что Иран наращивает мощности по обогащению урана и не отвечает на запросы МАГАТЭ. Тупик сохранился, ничего принципиально нового не произошло.

1. Mangol Bayat-Philipp, Die Beziehungen zwischen den USA und Iran seit 1953, Aus Politik und Zeitgeschichte, Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament, 23 Februar 2004, S. 30.

2. Richard Cottam, U.S.–Iran Relations: Areas of Tension and Mutual Interest, in: H. Amirahmadi / E. Hoogland, U.S.–Iran Relations. Areas of Tension and Mutual Interest. Wshington, D.C. 1994, p. 117.

3. U.S. National Security Council, U.S. Policy toward Iran (NSC 5504), January 15. 1955, p. 1.

4. Middle East Policy Council, Washington, D.C., 25 May 1995.

5. Peter L. Munch – Heubner, Die kleinen Konige Irans, Das Parlament, Berlin, 08/15, August 2005, S. 11.

6. Don't be too nice, The Economist, February 14, 2004, p.p. 12, 13; Still failing, still defiant, The Economist, December 11, 2004, p. 24.

7. Christopher de Bellaigue, Iran, Foreign Policy, May/June 2005, p. 19.

8. Ilan Berman, Iran's Atomic Journey, The National Interest, Number 80, Summer 2005, p. 141.

9. Ilan berman, op. cit., p. 139.

10. Alex Vatanka, Iran and the US, The World Today, June 2005, p. p. 16, 17.

11. The Financial Times, August 31, 2005/

12. Ray Takeyh, Iran Builds the Bomb, Survival, vol. 46, number 4, Winter 2004–05, p. 60.

13. «Коммерсант», 12 февраля 2008 г., 15 февраля 2008 г. «Время новостей», 8 февраля 2008 г.

14. The Economist, February 2, 2008 p.29.

Владимир АХМЕДОВ

РОЛЬ АРМИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Сегодня отечественные и зарубежные научные и экспертные сообщества пока не выработали единой точки зрения по вопросу о роли армии в современном ближневосточном обществе, о формах ее взаимоотношений с гражданскими органами государства и способах влияния на политику. В то же время особенности военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке во многом определяют специфику развития основных политических процессов в арабском регионе.

Глубокое исследование проблем взаимоотношения армии и общества в арабских странах Ближнего Востока, степени влияния военных на экономику и политику арабских государств могут способствовать более полному и адекватному пониманию и прогнозированию развития политической ситуации в странах этого региона.

Исторический ход событий на Ближнем Востоке после Второй мировой войны на долгие годы вперед определил роль военных в развитии политических процессов в регионе. Вмешательство военных в политику определялось необходимостью усиления централизованного государственного управления для решения сложных социальных проблем и обеспечения ускоренного преодоления экономической отсталости[1]. Приход к власти военных являлся следствием фактического отсутствия в обществе иной реальной социальной и политической силы на этапе обострения внутриполитических и социальных противоречий. Поэтому силовое вмешательство военных в политику являлось, как правило, результатом социальных революций, осуществленных в форме переворотов.

С 1961 по 1969 г. в 9 арабских странах совершено 27 переворотов и попыток взять власть вооруженным путем. За 22 года (с 1949 по 1971 г.)

[1] Подробнее о причинах вмешательства армии в политику арабских стран после Второй мировой войны см: *Г.И.Мирский*. Третий мир // Общество, власть, армия. – М., 1976. С. 3–60.

в Сирии произошло 8 военных переворотов, в Ираке – 3 за 10 лет (1958–1968 гг.)[1]. С другой стороны, приход к власти военных в Египте, Сирии, Ираке и ряде других арабских стран содействовал укреплению внутриполитической стабильности, ликвидации внутренней междоусобицы. Это объяснялось тем, что на местах реальная власть зачастую концентрировалась в руках армейских командиров, решавших не только военные, но и общественно-государственные вопросы. К тому же армия в этот период служила фактически единственным поставщиком кадров в государственно-административный аппарат. Поэтому военные быстро превращались в важнейший элемент новой элиты, контролирующей основные сферы государственной деятельности.

Утверждение армии и сил госбезопасности в государстве и обществе в качестве определяющей политической силы имело неоднозначные последствия для развития арабских стран и их вооруженных сил. Удалось избежать внутренних междоусобиц, противостоять внешним угрозам, укрепить центральную власть, консолидировать общество, мобилизовать массы на решение острых социально-экономических проблем и, таким образом, продолжить движение по пути самостоятельного развития после достижения политической независимости. Приход военных во власть инициировал глубокие изменения в общественной жизни и сдвиги в политической структуре общества, укрепил позиции нарождавшихся новых социальных сил. Для многих выходцев из мелкобуржуазных слоев города и деревни, мелкого чиновничества, разночинной интеллигенции идеи об особой роли военных становились весьма привлекательными. Подобные теории находили благоприятный отклик в широких военных кругах, особенно среди молодых офицеров. Последние искренне верили в то, что гражданские правительства вряд ли способны обеспечить проведение необходимых социальных преобразований в рамках стабильности и конституционного порядка, обезопасить эти страны от угроз внутренней междоусобицы и внешней агрессии.

Данное обстоятельство надолго обусловило особую роль армии в политической системе арабских стран. В результате в большинстве их утвердилась авторитарная система власти, а развитие подлинно демократических институтов управления, гражданского общества было прервано. К тому же военные не всегда были достаточно профессиональны и последовательны в проведении реформ и осуществлении преобразований в обществе, особенно когда они угрожали корпоративным интересам армии. Поэтому внутриполитическая стабильность арабских стран на последующих этапах развития во многом определялась прекращением соперничества между гражданскими элитами и воен-

[1] *Ekkart Zimmerman.* Toward a Causal Model of Military Coups d'Etat. Armed Forces and Society, v. 5, n. 3, spring 1979.

ными. Иными словами, установлением и поддержанием определенного баланса военно-гражданских отношений в обществе.

После череды военных переворотов наступил период относительной стабилизации политической власти в странах Арабского Востока. На рубеже 70–80-х гг. XX века вооруженные силы обрели новую роль защитника власти, а не ее основного соперника. В большинстве стран региона (за исключением Йемена, Судана и Мавритании) за последние 30 с лишним лет военные не предпринимали попыток взять власть путем военного переворота. Во многом это было обусловлено логикой внутриполитического развития этих государств. Развитие многих арабских государств в этот период характеризовалось сосуществованием военных режимов и гражданской власти в виде своеобразных военно-гражданских коалиций. При этом военные продолжали играть ключевую роль в определении социально-политических процессов в арабских странах. Добиться этого удалось во многом за счет централизации роли армии и органов безопасности в процессе эволюции политических институтов государства. Армия превратилась в особый институт государства, а военные были выведены из-под контроля общества. К тому же армия и органы госбезопасности являлись единственным институтом государства, обладавшим реальной силой, способной гарантировать безопасность режима и обеспечить стабильность страны. Когда в Египте около 20 тысяч солдат и офицеров из рот охраны порядка (Central Protection Force) взбунтовались из-за низких зарплат в 1986 г., египетская армия силой трех дивизий (около 25% численности регулярной армии) разгромила бунтовщиков. Брат президента Х.Асада Рифа'ат, предпринявший попытку захвата власти в 1984 г., столкнулся с противодействием армейского спецназа, других лояльных власти подразделений армии[1].

Поэтому в политическом плане лояльность армий больше соотносилась с режимом, нежели с народом, демократической системой или военной наукой. Исключением были страны, где армия позиционировала себя как хранителя республиканского строя или же создавалась для обеспечения идеологических задач. Так, в Турции военные с самого начала кемалистской революции отождествляли себя с защитниками светского республиканского строя правления. В Сирии и Ираке военные были призваны защищать идеи баасизма, в Иране – идеи исламской революции.

По мере развития и укрепления гражданских институтов политической власти в арабских странах их правители все больше стремились ограничивать влияние военных на внутреннюю и внешнюю политику своих государств. Применительно к реалиям арабских стран это озна-

[1] Eliezer Be'eri. The Waning of the Military in Coup Politics. Middle Eastern Studies. Vol. 18, № 3, January 1982, p. 80.

чало поиск эффективных средств, способных удержать армию от вооруженного захвата власти[1].

Одним из важных элементов политики властей по налаживанию сотрудничества с армией служили личные отношения арабских лидеров с национальными вооруженными силами. Президент Египта Х.Мубарак и бывший президент Сирии Х.Асад командовали в свое время военно-воздушными силами своих армий. То же можно сказать и о молодом поколении арабских руководителей. Нынешний король Иордании Абдалла II командовал войсками спецназа и, возможно, продолжил бы свою успешную военную карьеру, если бы не стал монархом. С другой стороны, сирийский президент Б.Асад – врач по образованию, когда потребовали обстоятельства, стал осваивать профессию военного, чтобы завоевать авторитет и поддержку в армии.

В арабских монархиях Персидского залива, главным образом в Саудовской Аравии, наличие членов правящих королевских династий на высших постах в армии и спецслужбах являлось своеобразным контрольным механизмом, обеспечивающим лояльность армии и подчеркивающим ее роль как хранителя государства. Несмотря на кадровые перемещения в саудовском руководстве после кончины короля Фахда летом 2005 г., новый монарх Абдалла и наследный принц Султан сохранили свои прежние посты в качестве главы Национальной гвардии и министра обороны, соответственно. В большинстве конституций арабских стран имелись статьи, которые устанавливали правовой статус вооруженных сил. Таким образом, государство стремилось законодательно закрепить свой контроль над армией, одновременно придав ей характер «народности». Роль армии как важного института политической системы в арабских странах определялась также через наделения главы государства широкими военными и внешнеполитическими полномочиями.

Важным условием предотвращения открытого вмешательства военных в политику являлось повышение их статуса в обществе. На рубеже XX–XXI веков карьера военного в большинстве стран Арабского Востока по-прежнему считалась престижной и выгодной с материальной точки зрения. Однако по сравнению с периодом 1950–1970-х гг. в результате развития образования и совершенствования технологической базы, появления новых профессий положение стало меняться. Молодежь из столичных городских центров, особенно с университетским дипломом, уже сдержаннее относилась к службе в армии. Поэтому социальный состав арабских армий все больше пополняется сегодня

[1] Подробнее о методах контроля над армией в странах Ближнего Востока см: *Ахмедов В.* Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации // НКСМИ МГИМО (У) МИД РФ. Аналитический доклад. Выпуск 5(10), июнь 2006, с. 17–24.

за счет рекрутирования в вооруженные силы молодежи из малообразованных, бедных слоев и наиболее преданных власти групп населения.

Одновременно власть уделяла постоянное внимание расширению базы социальной поддержки режима за пределами армии. Наряду с военными, опорными элементами социальной инфраструктуры власти в арабских странах становились чиновничество, партийная бюрократия, религиозные меньшинства, буржуазия, общественные организации. Таким образом, власть стремилась сбалансировать влияние военных в обществе. В ряде ключевых государств Арабского Востока (Египет, Сирия, Ирак) был создан мощный государственный сектор экономики, аккумулирующий сотни тысяч чиновников и связанных с ним бизнес-структур, чье материальное благополучие было напрямую связано с бюджетной политикой властей. Рост бюрократического аппарата сопровождался, как правило, раздуванием численного состава армии, что не соответствовало возможностям их эффективного обслуживания и обучения личного состава. Однако это позволяло власти рассчитывать на то, что подобная структура вооруженных сил могла служить определенным барьером на пути создания антирежимной коалиции. Власти стремились использовать этнические и религиозные меньшинства своих стран и сформировать у них устойчивые интересы в сохранении и поддержке режима. Данная задача существенно упрощалась, если эти меньшинства удавалось вовлечь в репрессивные действия режима или возбудить у их представителей ненависть к большинству из-за их привилегированного положения в обществе. В этом случае у таких меньшинств появлялась устойчивая мотивация защиты режима.

Одними из наиболее распространенных средств контроля над вооруженными силами являлись: индивидуальное материальное стимулирование военных и финансовая поддержка армии в целом. Удовлетворение корпоративных потребностей армии и личных интересов высшего командного состава имело целью сформировать устойчивую материальную заинтересованность внутри военной элиты в сохранении правящего режима. Как правило, расходы на оборону в ключевых государствах Арабского Востока составляли до 1/3 бюджета страны[1]. К косвенным формам удовлетворения корпоративных интересов военных можно было отнести крупные затраты государства на приобретение современных систем вооружения. Подобные закупки производились не столько в целях укрепления национальной обороны и безопасности, сколько в интересах отдельных представителей военной элиты и были призваны удовлетворить самолюбие арабских лидеров, поддержать национальный престиж, продемонстрировать военную силу соседям по региону. Характерным примером этого могли служить арабские монархии Персидского залива.

[1] Офицерский корпус ближневосточных государств. – М., 2004, с. 11–13.

Сегодня ведущие арабские монархии Персидского залива – Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ – тратят на закупку вооружений в среднем около 10% ВВП, что составляет в стоимостном выражении 21,4 и 2,7 млрд. долларов, соответственно. В ближайшие годы Саудовская Аравия планирует затратить около 50 млрд. долларов на закупку ракетного вооружения, боевых вертолетов и танков[1].

Во многих арабских странах устанавливались особые формы контроля над армией. Наиболее общей для всех стран региона формой такого контроля служило увеличение служб безопасности и создание так называемых «параллельных» военных ведомств. Наряду с выполнением задач по обеспечению безопасности, спецслужбы зачастую имели большое влияние на главу государства в определении политики режима. Поэтому на рубеже 1970–1980-х. гг. в большинстве стран региона регулярная армия постепенно разделяла свою прежнюю функцию контроля над внутриполитической обстановкой в стране с «параллельными» воинскими формированиями. Как правило, они были тесно связаны с режимом общинными и этноконфессиональными узами и интересами.

Характерной особенностью «параллельных» войск являлось то, что они могли быть использованы скорее для подавления внутренних беспорядков, чем для защиты государства от внешнего противника. В Саудовской Аравии «параллельные» войска представлены национальной гвардией. Национальная гвардия Саудовской Аравии по своей численности (3 механизированные бригады, 5 пехотных бригад) была практически равна регулярной армии (3 бронетанковые бригады, 5 механизированных бригад, одна воздушно-десантная). «Параллельные» войска имели ряд отличительных особенностей. Как правило, у них была самостоятельная командная структура. В той же Саудовской Аравии армия и Национальная гвардия находились под контролем различных принцев. Национальная гвардия подчинялась непосредственно королю до 1962 г., когда король Фейсал назначил ее командующим наследного принца Абдаллу. Наряду с Национальной гвардией, в КСА действовали Специальные силы безопасности, подчинявшиеся непосредственно министру внутренних дел принцу Наифу. «Параллельные» войска дислоцировались в местах, наиболее «чувствительных» с точки зрения обеспечения безопасности режима[2].

Важным инструментом политического контроля над всеми силовыми структурами государства являлась кадровая политика арабских лидеров. Основной ее целью было использование разнообразных методов управления кадрами, с тем чтобы исключить малейшую возмож-

[1] The New York Times, 23 февраля 2007 г.

[2] *A.Cordesman.* Saudi Security and the War on Terrorism: Internal Security Operations, Law Enforcements, Internal Threats, and the Need for Change. CSIS. Washington, 2002, p. 6.

ность возникновения в вооруженных силах оппозиции, способной подорвать власть. В основе таких кадровых перемещений лежали не профессиональные качества офицера, а родственные связи и принцип личной преданности. Политическое руководство стремилось выдвигать тех, чья лояльность режиму была несомненна. В основу ротации кадров был положен не принцип меритократии, а политической целесообразности. В армии и спецслужбах происходила частая ротация старших командиров, с тем чтобы не допустить формирования вокруг них групп единомышленников.

В целом, арабские правительства много сделали для предотвращения открытого вмешательства военных в политическую жизнь своих стран и сохранения достигнутого уровня военно-гражданских отношений. Тот факт, что в ключевых странах Арабского Востока – Египте, Сирии и Ираке – после 1970-х гг. не происходили военные перевороты, может свидетельствовать об эффективности такой политики и наличии достаточно широкого диапазона техники выстраивания отношений власти с военными.

Рассматривая политическую роль вооруженных сил на Арабском Востоке, вряд ли правомерным будет говорить о снижении риска захвата государственной власти военными как об уже устойчивой тенденции. Даже в последней четверти XX – начале XXI вв. армия неоднократно вмешивалась в политическую жизнь в различных арабских государствах. Так, в конце 1980-х гг. южнойеменская армия установила контроль над югом страны и фактически способствовала ее объединению с севером. Похожая ситуация сложилась в Алжире в начале 1990-х гг., где военные отменили выборы в представительные органы власти, чтобы снять возможную угрозу прихода к власти исламистских радикалов.

Подобное развитие ситуации нельзя исключать и в ряде других арабских стран Ближнего Востока, где весьма напряженная внутренняя ситуация усугубляется общим негативным фоном региональных процессов и воздействием внешнего фактора. К тому же на этапе перехода от авторитаризма к демократии предпосылки для неожиданных действий армий кратно усиливаются, особенно в условиях глубокого социального кризиса в результате слишком поспешного перехода от одной общественно-экономической системы к другой[1].

В то же время, в отличие от периода 1950–1960 гг., военные перевороты последних лет заметно отличаются от прежних. Прежде всего, это касается степени вовлеченности армии в политику, объема власти, находящейся в руках военных, характера ставящихся ими целей и решаемых задач. Все чаще во главе переворота становятся лидеры, которых условно можно назвать «арбитрами». Они не столько стре-

[1] «Восток», 2006. №3, с. 72–78.

мятся к захвату политической власти и длительному личному управлению государством, сколько к «наведению порядка» в нем. Целями таких переворотов чаще всего являются: сохранение баланса сил между соперничающими политическими группировками, укрепление конституционных основ власти, предотвращение резких перекосов в системе распределения экономических благ.

В ряде случаев военные ставят цель изменить политический курс предыдущего правительства, повысить эффективность управления, перераспределить часть властных полномочий и общественных богатств, дабы избежать серьезных политических потрясений в стране. Как правило, они не стремятся к коренным преобразованиям экономической и политической системы. Более того, все чаще военные предпочитают действовать руками гражданских политиков, однако если им не удается таким образом достигнуть намеченных целей, они берут бразды правления в свои руки, но затем, как правило, достаточно быстро возвращаются в казармы.

Сегодня от позиции военных во многом зависят и дальнейший ход модернизации, и судьбы самих арабских режимов. Это особенно заметно в нынешний, непростой для арабских стран, период смены правящих элит и трансформации общества от жестко авторитарных типов правления к развитию в нем процессов либерализации и демократизации. С другой стороны, в представлении самих военных модернизация в регионе должна быть связана, прежде всего, с укреплением единства общества, сохранением территориальной целостности государства, проведением экономических реформ и строительством эффективных вооруженных сил, т.е., по существу, сводиться к модернизации экономической. Политическая же либерализация, особенно в условиях региональной нестабильности, возросшей угрозы раскола общества по религиозному и этническому признакам, усиления политической активности исламистов, рассматривается ими, в лучшем случае, как отдаленная перспектива.

Во многом непропорционально большое влияние на власть военных обусловлено еще и слабостью самих ближневосточных политиков, которая во многом детерминировалась особым статусом военных, утвердившимся в национальном сознании и исторической памяти народа. Политический класс смотрел на многие процессы в стране глазами военных, опасаясь бросить вызов армии. Политическое пространство, где гражданские власти могли бы действовать политическими средствами, оставалось весьма ограниченным, а действия политиков (всегда с оглядкой на военных) зачастую оказывались неэффективными, вызывали недоверие значительных групп населения и низкий уровень народной поддержки. И, напротив, на этом фоне доверие к военным было в обществе высоким. Неудивительно, что армия и до сих пор остается наиболее влиятельной политической силой в арабских госу-

дарствах Ближнего Востока, а уровень гражданского контроля над вооруженными силами – весьма незначительным.

Это, однако, не означает отсутствия всякого прогресса в этом отношении. Несмотря на относительную слабость своей социальной базы и нестабильность многопартийной системы, гражданские власти в ряде арабских государств (Египет, Сирия) все же способствовали введению в политическую практику элементов плюрализма и большего динамизма. Способность гражданской системы управления справляться с кризисными ситуациями в последнее время окрепла. Во многих государствах региона военные, продолжая пользоваться большим влиянием и доминируя в решении ряда специфических проблем, уже не могут полностью контролировать власть и страну.

С другой стороны, в подавляющем большинстве арабских стран гражданское общество только начинает складываться. Между формирующимся гражданским обществом и военными сохраняется немало противоречий. Первое выступает за глубокое реформирование армии, которая сохраняет все признаки вооруженных сил авторитарной системы, а власти стремятся сохранить статус-кво, опасаясь нарушить сложившийся баланс сил и интересов. Даже в такой светской и демократической стране, как Турция, правящая элита, особенно ее военное крыло, пока отрицательно реагирует на эти предложения. Военные стремятся всячески сохранить свое особое положение в обществе, ссылаясь на внешнюю угрозу, опасность радикального исламизма и этнического сепаратизма.

Если, в конечном итоге, арабские страны Ближнего Востока выберут демократический путь развития, то гражданское общество постепенно станет играть решающую роль в формировании власти и политики, осуществлении контроля над основными сферами жизни и деятельности государства, в том числе и над армией. Однако в условиях неразвитости демократических институтов в арабских государствах Ближнего Востока и практически полного отсутствия в них подлинно гражданского общества сегодня можно говорить не столько о гражданском контроле над армией, сколько о контроле со стороны политической власти, в состав которой, наряду с гражданскими политиками, входят также и представители военных кругов.

Шамиль СУЛТАНОВ

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ ЗАПАДА – ИСЛАМ

В ноябре 2004 года в Анкаре меня пригласил в гости к себе домой бывший премьер-министр Турции Наджметдин Эрбакан. Несмотря на его солидный возраст (тогда ему исполнилось 78 лет) и не самое блестящее здоровье, наша встреча продлилась более шести часов. Возможно, наиболее харизматический турецкий политик новейшей истории, он рассказал много интересного и поучительного из своей драматической жизни. В том числе Н.Эрбакан вспомнил один примечательный эпизод.

Весной 1992 года, во время саммита НАТО, на котором обсуждались последствия и перспективы окончательной победы Запада над СССР, «железная баронесса» Маргарет Тэтчер вдруг повернулась к рядом сидевшему Эрбакану и сказала: «Следующим будете вы». К тому времени турецкий премьер-министр не скрывал своего стремления консолидировать мусульман, поэтому «вы», без сомнения, относилось именно к глобальной исламской умме.

В своей книге «Будущий диалог цивилизаций: между исламом и Западом» Н.Эрбакан приводит несколько откровенных высказываний ведущих политических деятелей и специалистов по поводу действительного отношения высшего западного истеблишмента к исламу.

«Бывший генеральный секретарь НАТО Джон Калфен после падения Берлинской стены заявил: *«Холодную войну между Востоком и Западом мы выиграли. Но есть старое противостояние между нами и исламом, которое рано или поздно возобновится, и мы не знаем, кто выиграет это сражение»*.

М.Тэтчер, в то время премьер-министр Великобритании, оправдывая необходимость сохранения НАТО, сказала: *«Западной цивилизации угрожает опасность еще большая, чем коммунизм, и это ислам»*.

Майкл Сала из Американского университета в Вашингтоне предполагает, что отношения между западной внешней политикой и исламом

будут враждебными: *«И неверно говорят о существовании ислама экстремистского и другого ислама, умеренного. Вся разница лишь в тактике, и не более того»*.

С.Хантингтон считает, что именно исламская цивилизация является тем, что беспокоит Запад. *«Внимательный и терпеливый взгляд на события, происходящие на мировой арене, ясно показывает, что Запад настроен против мусульман»*.

Для нынешней элиты западной цивилизации, как известно, главную проблему представлял и представляет именно ислам как мировая религия и цивилизация. С.Хантингтон в своей широко известной книге «Столкновение цивилизаций» сделал весьма примечательную оговорку: *«Основная проблема Запада – вовсе не исламский фундаментализм. Это – ислам, иная цивилизация...»*

Р.Пайпс, в свою очередь, особо подчеркивает острые *«конфликты между исламом и современностью в экономических вопросах»*.

Ф.Фукуяма утверждает: *«...базовый конфликт, перед которым мы стоим, гораздо шире и затрагивает не только небольшие группы террористов, но и всю общность радикальных исламистов и мусульман, для которых религиозная идентичность затмевает все другие политические ценности»*. Как известно, глубина и масштабы такой религиозной самоидентификации – отличительная особенность Исламского мира.

Комментируя явно и подспудно углубляющийся кризис в отношениях между западной цивилизацией и Исламским миром, английский историк Дж.Э.Фраунд с достаточным сарказмом, и в то же время с заметными апокалиптическими интонациями, подчеркивает: *«Если десять человек верят во что-то столь истово, что готовы отдать за эту веру свои жизни, а другие двадцать верят во что-то столь истово, что готовы за это «что-то» голосовать, десять, рано или поздно, будут писать законы для двадцати»*. Надо сразу оговориться, что понятие «западная цивилизация» не идентично христианству. Ядром западной цивилизации является система экономических ценностей, и в этом ее исключительная уникальность во всемирной истории. Ни в какой другой цивилизационной модели экономика, материальное производство не занимали такого господствующего положения по отношению к другим сферам жизни. А массовое товарное производство, по определению, не может иметь каких-либо религиозных или культурно-духовных ограничений. Поэтому по своей сути западное общество является секуляристским.

Каковы основные факторы, основные причины жесткого предубеждения высшего западного истеблишмента по отношению к Исламскому миру?

Во-первых, господствующая ныне глобальная экономическая модель возникла в условиях дешевых нефти, угля, газа и может суще-

ствовать только в условиях экономического роста, который, в свою очередь, объективно предполагает постоянное увеличение энергопотребления. А между тем уже в последней четверти XX века человечество вступило в период растущего глобального энергетического дефицита с постоянно растущими ценами на углеводородные ресурсы. Страны ОЭРС производят свыше 80 % мирового валового продукта. Но зависимость этих стран от поставок нефти из Исламского мира, где сосредоточены 70% мировых нефтяных запасов, 49% – природного газа, 21% – урана и другие стратегические ресурсы, последние тридцать лет неуклонно возрастает.

Тот, кто в ближайшие 5–10 лет добьется решающего преимущества для гарантированного доступа к сокращающимся энергетическим ресурсам, получит главные козыри для формирования геополитического и геоэкономического ландшафта XXI века. Исходя из своих цивилизационных интересов, Запад, безусловно, будет стремиться, так или иначе, к установлению стратегического контроля над ресурсами Исламского мира.

Тем более, что экономический и сырьевой потенциал Исламского мира не ограничивается только нефтью и газом. Например, в арабском регионе площадь пригодных для сельского хозяйства земель составляет около 500 млн. гектаров. Из них сегодня используются лишь 70 млн., в том числе 10 млн. – орошаемых. Водные ресурсы оцениваются почти в 390 млрд. кубических метров, используется из них лишь 175 млрд. Элементарное улучшение землепользования позволит собирать ежегодно до 200 млн. тонн зерна, сейчас же собирается менее 30 млн. тонн.

Во-вторых, это демографический фактор и напрямую связанная с ним проблема воспроизводства рабочей силы. В 1960 году население промышленно развитых западных стран достигло 750 млн. человек. За последующие 45 лет воспроизводство населения в этих странах фактически прекратилось и начался процесс сокращения коренного населения. Из всех европейских стран только одна, мусульманская Албания, демонстрировала в 2000 году уровень рождаемости, достаточный для сохранения своего народа.

В 1960 году люди европейского происхождения составляли четверть мирового населения; в 2000 году – уже одну шестую; к 2050 году они будут составлять всего лишь одну десятую. Из нынешних 82 млн. населения Германии к 2050 году останется менее 50 млн., а к 2100 году эта цифра сократится до 38,5 млн. Население Италии сократится к концу этого столетия до 41 млн., Испании – уменьшится на четверть, а всей Европы – на две трети.

Драматические изменения произойдут и между соответствующими демографическими группами. В 2000 году в Европе проживали 494 млн. человек в возрасте от 15 до 65 лет. К 2050 году их численность

сократится до 365 млн. За 50 лет соотношение работающих и пенсионеров изменится с пропорции 5:1 до 2:1.

Стремительное старение населения уже сейчас приводит ко все большей социальной нагрузке на бюджеты развитых стран, а через двадцать-тридцать лет может привести к катастрофическим последствиям для всей европейской экономики.

Чтобы не допустить резкого падения существующего жизненного уровня (для западного потребительского социума это грозит фатальными социальными и политическими катаклизмами), государства Европейского сообщества должны будут резко увеличить приток иммигрантов. Возможно, речь пойдет о многих десятках миллионов человек из Америки, Африки и Ближнего Востока. Значительную их часть составят мусульмане. Уже к 2025 году численность мусульман в мире составит 30% от всего населения человечества.

Число иммигрантов-мусульман в Европе и в целом на Западе растет, несмотря на усиливающееся политическое, правовое и культурное противодействие такому притоку. Во Франции сегодня проживают более 7,5 млн. последователей ислама, в Великобритании – свыше 2 млн., в США – более 7 млн., Италии – более 1 млн., Германии – около 2 млн. и т.д. Всего в Европейском союзе уже живут более 18 млн. мусульман, и ожидается, что эта цифра возрастет до 40 млн. к 2015 году.

Динамика численности коренного населения не дает возможности воспроизводить необходимый для Европы уровень рабочей силы. Поэтому иммиграция рабочей силы в основные европейские страны – это не альтруизм или добрая воля со стороны европейских элит, не попытка помочь глобальному мусульманскому сообществу решить свои сложные экономические и социальные проблемы, а жесткая эгоистическая мера Запада. Как признает один из экспертов ЕС, достаточно предубежденно относящийся к исламу: «Экономика западного мира является процветающей за счет притока дешевой рабочей силы, в большинстве – мусульман».

В-третьих, западный истеблишмент, несмотря на все попытки, оказался неспособен провести эффективную секуляризацию мусульманского социума (как это произошло с бывшими христианскими странами), интегрировать Исламский мир в западную цивилизацию. Запад уже практически полностью поглотил остатки европейской, североамериканской, российской, индийской, японской цивилизаций. Достаточно успешно Запад сегодня интегрирует в себя и сущностные компоненты китайской цивилизации.

Исламский мир, в силу, прежде всего, религиозных факторов и причин, остается способным к цивилизационному сопротивлению. Торговля со странами Африки, Ближнего Востока и Азии (исключая Китай и другие азиатские «тигры»), а это прежде всего страны Исламского

мира, обеспечивает не более 9% товарооборота Соединенных Штатов и Европейского сообщества. Причем более двух третей стоимостного объема этой торговли приходится на нефть и нефтепродукты. Инвестиции США и ЕС в этот регион поддерживаются на минимальном уровне – не более 1,8% совокупного американского и около 4% совокупных европейских инвестиционных объемов.

Более того, растущие мусульманские сообщества в Европе и США не растворяются в общем потоке западного стиля жизни, а эффективно сохраняют свои религиозные ценности и традиции.

Но современная глобализация – это и жесткий корпоративный мейнстрим, который не терпит исключений в воспроизводстве различных глобальных рыночных сегментов. Почему, например, настойчиво реализуется пропагандистская кампания в защиту прав мусульманских женщин, требуя их «эмансипации», «равных прав», «допуска их на рынки труда» и т.д.?

На нашей планете в настоящее время более 700 млн. мусульманок. Потенциально это последний огромный, неосвоенный Западом рынок на нашей планете. Если разрушить фундаментальные исламские принципы и нормы, расшатать мусульманский социум, то освобождается огромное экономическое пространство для господствующей ныне потребительской цивилизации.

В-четвертых, в условиях постепенно углубляющегося глобального системного кризиса особую тревогу у западного истеблишмента вызывает мобилизационный потенциал ислама. Тотальная бюрократизация партийных систем, фактическое исчезновение массового профсоюзного движения, расширение виртуального медийного жизненного пространства для сотен миллионов граждан, широкомасштабная дифференциация альтернативных и субкультурных стилей жизни (включая зеленое движение) фактически привели к тому, что действительный мобилизационный потенциал западного сообщества стремительно сокращается.

Нечто противоположное устойчиво происходит в Исламском мире. Здесь увеличивается число и качество пассионарных и субпассионарных личностей, групп и страт, способных инициировать и возглавить массовые социально-политические процессы.

Свидетельством эффективности мобилизационного потенциала является и тот факт, что в критические моменты мусульманские движения и организации оказываются способны вывести на улицы в различных частях Исламского мира сотни тысяч и миллионов своих сторонников. Соответствующая реакция на так называемые «карикатурные скандалы» 2005–2007 гг. яркое тому подтверждение.

В период 1979–1989 гг. под лозунгом исламской солидарности, по некоторым данным, около двух миллионов моджахедов из почти тридцати мусульманских стран получили боевой опыт в военных столкновениях с советскими войсками.

В середине 1990-х гг. десятки тысяч добровольцев из Турции, Саудовской Аравии, Ирана, других исламских стран воевали на стороне своих единоверцев в Боснии и Герцеговине.

Против американского оккупационного корпуса в Ираке сражаются не только иракцы, но и мусульмане – представители более десятка исламских стран, а также новообращенные мусульмане из Западной Европы.

В Афганистане против вооруженных сил стран НАТО воюют не только талибы, но и моджахеды из различных уголков Исламского мира.

И полумифическая «Аль-Каида» во всех этих примерах играет третьестепенную роль. Нелепо же думать, что эта организация, созданная при поддержке США, ответственна за мобилизационную готовность во всем Исламском мире!

В-пятых, в рамках развивающегося системного кризиса западного социума резко обострилась интеллектуальная и метафизическая проблема смысла жизни. Эта совсем не тривиальная проблема для личности и общества выходит на передний план в истории именно на финальной стадии цивилизационной деградации; она становится критической, особенно для элитарных слоев тогда, когда духовно-религиозный кризис и отчуждение власти и общества достигают своего максимума.

В мусульманской умме проблема смысла жизни никогда не превращалась в личностную и общественную трагедию. Даже в случае социальной деградации и социального распада того или иного мусульманского общества ислам обеспечивал воспроизводство системы ценностных критериев, не допускавших разрушительного кризиса личности. В этом особая привлекательная сторона исламского мироощущения в нынешних условиях глобального системного кризиса. И во многом именно этот момент объясняет то, что в Европе растет число коренных европейцев, принимающих ислам. Более того, среди десятков и сотен тысяч новообращенных мусульман в западных странах абсолютное большинство составляют представители высокообразованных, интеллектуальных и элитарных страт.

С этим связан и еще один весьма интересный момент. В целом ряде европейских стран (Голландия, Франция, Дания и т.д.) в последние 10–15 лет углубляется внутренний раскол в обществе по отношению к исламу. И отношение к иммигрантам здесь является не единственным и даже не решающим. На фоне форсированного разрушения традиционных ценностей (широкомасштабный распад семьи, расширение практики однополых браков, распространение наркокультуры, экспансия гомосексуального стиля жизни и т.д.) для многих массовых слоев западного общества традиционные исламские нормы становятся все более и более привлекательными.

Кроме того, усиливается раскол западного социума в последние 5–7 лет и по отношению к палестино-израильскому конфликту. Антиизраильские, антиеврейские настроения начинают все чаще проявляться на массовом уровне (в том числе, и в США). Например, когда тысячи болельщиков на голландских стадионах скандируют антисемитские, антиизраильские лозунги, естественно, это вызывает тревогу правящих кругов.

Поэтому представляется, что практически все инспирированные антиисламские кампании последних лет (карикатурные скандалы, скандал вокруг исламофобского фильма «Фитна» в Голландии 2008 года) были попытками не допустить углубления этих трещин в европейских обществах.

В-шестых, целый ряд экспертов, в том числе и представители западной элиты, считают, что именно политический ислам может стать стимулятором, авангардом реализации идеи «мировой антиглобалистской революции». Российский политолог Б.Межуев, комментируя эту посылку, пишет: *«...общее мирополитическое унижение народов периферии совпало со специфическим цивилизационным унижением мира ислама. Преимущество именно этой оболочки «мировой революции» заключалось еще и в том, что у ислама как цивилизации отсутствовало «ядровое» государство, сверхдержава, которая обладала бы геополитическим влиянием и с которой, по этой причине, ислам как цивилизация мог бы связывать свою историческую судьбу. Если бы у ислама было такое государство, свой Третий Рим, сакральный приоритет которого признавался бы всеми адептами религии, с ним можно было бы заключать некие договоренности...у ислама такого государства нет, и это делает данную религию почти идеальным инструментом для тех сил, которые хотят радикальным образом изменить мировой порядок».*

Наконец, **в-седьмых,** это историческая память западного истеблишмента, который не может забыть об остром, драматическом, часто силовом соперничестве в течение столетий с Исламским миром. Это, кстати, один из факторов, почему и Турцию не хотят видеть в ЕС. Хотя есть и другая, более прозаическая причина. Если Турция получит полное членство в ЕС и свободный доступ на европейские рынки, темпы роста турецкой экономики могут возрасти до 15–17% в год. Это приведет к тому, что через 5–7 лет Турция войдет в число наиболее развитых экономических стран Европы.

С.Хантингтон недавно поправился, заявив: *«Исламская цивилизация продолжает существовать, и есть множество свидетельств возможности возвращения мусульман еще раз к руководству в мире. В моей прежней теории, упомянутой в книге «Столкновение цивилизаций», я говорил о том, что ислам неизбежно прекратит свое существование. Позднее я понял, что ошибся. До меня уже ошибались и*

другие ученые, например, Игнатиас Голдсигер, который настаивал на том, что ислам как религия и государство кончился в тот день, когда халиф Мустафа Камаль упразднил халифат. Однако события свидетельствовали не только о том, что исламская цивилизация не завершилась, но и способна возродиться. Ислам в Турции сегодня сильнее, чем он был до Мустафы Камаля».

Еще в 60-е годы прошлого столетия в элитарных западных изданиях стали появляться скрупулезные исследования, в которых с нарастающей тревогой говорилось о начавшемся «возрождении ислама», как глобальном феномене. Мировой нефтяной кризис 1973–1975 гг. привел к усилению политического, экономического, культурного, идеологического, военного давления на Исламский мир. А после исчезновения с политической карты мира Советского Союза политическое наступление против ислама перешло в новую фазу.

Уже осенью 1992 года Запад пошел на прямую политическую агрессию против независимой страны: были грубо и незаконно отменены итоги парламентских выборов в Алжире, на которых демократическим путем победил Исламский фронт спасения. Началась гражданская война, в которой погибли десятки тысяч алжирских мусульман. Тем самым высший западный истеблишмент продемонстрировал, что он ни перед чем не остановится, чтобы не допустить прихода к власти исламских сил.

Была предпринята попытка окончательно решить палестинскую проблему по американо-израильскому сценарию. Руководство ООП во главе с Ясиром Арафатом заставили подписать печально знаменитые соглашения в Осло, которые фактически дали старт процессу постепенного формирования жестко контролируемого Израилем палестинского квазигосударственного образования. В результате внутри Палестины и на арабской политической сцене укрепился ХАМАС – Движение исламского сопротивления как политическая альтернатива ФАТХ, поддерживаемого Западом.

В 1990-е годы наступление Запада против Исламского мира шло практически по всем направлениям. Были отстранены от власти исламские силы в Судане. Резко возросло экономическое и военно-силовое давление на Сирию и Иран. В Турции прозападно настроенный генералитет сместил правительство Эрбакана.

Во второй половине 1990-х гг. подготовка стратегического проекта тотального наступления на Исламский мир вступила в завершающую фазу. Появились десятки книг и сотни статей, в которых обсуждалась долгосрочная идеология и стратегия «отбрасывания ислама». Стали отрабатываться пропагандистские компоненты концепции «исламского терроризма», Клинтон первым вбросил в официальный оборот понятие «ваххабизм» (направленного против истеблишмента Саудовской Аравии). В целом ряде стран, в том числе в Африке, произошло нес-

колько странных «тренинговых» терактов, словно американские и британские спецслужбы отрабатывали некую схему.

Иногда эти конспирологические операции случайно выплывали наружу. В декабре 2005 года сторонникам Муктады ас-Садра в Басре удалось захватить группу британских коммандос, одетых в традиционные арабские одежды и свободно говорящих на арабском. Английские офицеры готовились совершить террористический акт – взорвать суннитскую мечеть, чтобы вызвать новую волну военных столкновений между суннитами и шиитами. Английское военное командование в Басре срочно направило тогда танки и спецподразделения, чтобы силой освободить своих опростоволосившихся агентов из полицейской тюрьмы.

После стратегического и идеологического обоснования неизбежности столкновения западной и исламской цивилизаций в США, как на заказ, взрываются две башни, а предполагаемые «арабские террористы», словно намеренно, оставляют на самых людных местах экземпляры Корана. Президент Соединенных Штатов Джордж Буш, озвучивая ключевые неоконовские установки, громогласно объявил политику новых крестовых походов и ультимативно потребовал исправления, реформирования ислама, связав его с терроризмом.

Америка, возглавив западный фронт, открыто перешла в военное наступление против мусульманского мира. Были захвачены и оккупированы Афганистан и Ирак. Угроза военного вторжения нависла над Сирией и Ираном. Израиль получил карт-бланш на массовые убийства палестинцев, включая ведущих руководителей. Были убиты харизматические лидеры ХАМАС шейх Ахмад Ясин и доктор Рантиси. Был отравлен Ясир Арафат. В назидание всем остальным лидерам мусульманских стран был публично казнен военнопленный президент Ирака Саддам Хусейн. Мощные волны исламофобии прокатились по основным западным странам.Р.Чейни и Дж.Буш заявили о неизбежности «длительной, на десятилетия, войны против исламского терроризма».

Суть и цели объявленной войны Исламскому миру были сформулированы в долгосрочной программе «демократизации Большого Ближнего Востока».

Запад хотел бы поменять реальный, но «неудобный ислам» «исламом либеральным, демократическим, а потому хорошим», заменить настоящий, но «плохой Коран» на Коран, отредактированный в одном из влиятельных американских университетов, еще больше разобщить Исламский мир и форсированно включить его важнейшие части (богатые нефтью и газом) в западную цивилизацию.

Наиболее полно эта программа была отражена в докладе «Мусульманский мир после 11/9 2001», подготовленном «Рэнд корпорейшн» в 2002–2003 гг.

З.Бжезинский, которого трудно заподозрить в симпатиях к исламу, прямо использует выражение «война с исламом» для обозначения политики неоконовского окружения Буша. Ключевой идеологический тезис неоконовцев, по мнению Бжезинского, заключается в том, что: *«Корень проблемы заключен в культуре и тем паче в философии ислама... А значит, в адрес западной цивилизации направлена глобальная угроза, которая требует столь же глобального антиисламского ответа»*.

Широкомасштабное западное наступление против ислама стало реальностью начала XXI века.

Однако парадоксальным образом попытка тотального наступления Запада против мусульман привела не к краху или поражению, а, наоборот, к укреплению и усилению Исламского мира. И многие на Большом Ближнем Востоке видят в этом знамение Всевышнего Аллаха.

Во-первых, ни одна из поставленных администрацией Буша-младшего стратегических задач по переформатированию «Большого Ближнего Востока» в глобальных интересах Запада не реализовалась. Американские позиции здесь не только не укрепились, но существенно ослабли. Соединенные Штаты не получили контроль над энергоресурсами региона. Огромное силовое превосходство Запада не привело к геополитическим и геоэкономическим выигрышам. В Ираке Вашингтон, по мнению самих же американских экспертов, оказался в «катастрофической ситуации». В Афганистане, несмотря на эскалацию численности вооруженных сил НАТО, влияние талибов постоянно возрастает. Израиль вынужден был уйти из сектора Газа, который стал оплотом ХАМАС – одного из наиболее сильных в суннитском мире военно-политических движений. В 2006 году Израиль фактически проиграл войну в Ливане, что привело к тому, что в мае 2008 года «Хизбалла» превратился в доминирующую силу в Ливане.

Во-вторых, за последние 5 лет у мусульманских нефтеэкспортирующих стран произошло накопление таких финансовых средств (речь идет о триллионах долларов), что объективно превратило их в качественно новый фактор мировой экономики. Вашингтон, стремясь ослабить Исламский мир и пойдя на использование военной силы (Ирак, Иран), еще больше стимулировал ажиотажный спрос на нефть, что привело к существенному росту спекулятивной составляющей в мировой цене на энергоресурсы.

В результате, за последние 5 лет резко усилилась глобальная политическая и экономическая конкуренция за влияние на страны Большого Ближнего Востока. Целый ряд государств (КНР, Япония, Южная Корея, Франция) создали специальные официальные и неофициальные институты для продвижения своих системных интересов в зоне Исламского мира. Например, КНР на государственном уровне создал механизм постоянного диалога не только с отдельными мусульманскими странами, но и, например, с арабскими странами (ЛАГ) в целом.

Франция при Саркози разработала и начала реализовывать специальную стратегию развития отношений с Саудовской Аравией, ОАЭ, Алжиром, Марокко. Италия при Берлускони официально извинилась за свою колониальную политику в Ливии и согласилась выплатить 5 миллиардов долларов в качестве компенсации, надеясь за это получить преференции для итальянских кампаний в ливийском газонефтяном секторе.

В-третьих, именно в Исламском мире за последние 7–10 лет антизападные, антиамериканские настроения достигли своего максимума как в элитах, так и в массовом общественном сознании. Но самое негативное в долгосрочном плане для США в том, что устойчивый антиамериканизм в Исламском мире становится фактором, способствующим углублению и расширению исламской самоидентификации.

В-четвертых, наступление Запада ускорило превращение ислама в основную составляющую внутриполитической жизни практически во всех мусульманских странах.

С одной стороны, экономика этих стран остается компонентом глобального экономического механизма Запада. Соответственно значительная часть правящих элит уже интегрировалась, в качестве младшего партнера, в мировой правящий класс. С другой, практически во всех мусульманских странах существенно усиливается ислам и как идеологический мобилизационный фактор, и как стиль повседневной жизни, и как ведущая политическая линия, и как форма внешнеполитической консолидации. Политический ислам уже стал главным идеологическим фактором, влияющим на значительную часть элитных группировок и общественное сознание в большинстве мусульманских стран.

Политический ислам неоднороден. Сегодня в нем можно выделить два основных направления: умеренные фундаменталисты, идеология которых близка или совпадает с традиционалистской идеологией «Аль-Ихван аль-муслимун» («Братья-мусульмане»), и целый спектр ультрарадикальных и экстремистских салафитских, джихадистских, такфиристских организаций и движений. Именно среди последних стремятся активно работать ряд западных спецслужб, прежде всего британские.

Одновременно существенно ослабли практически во всех этих странах старые светские идеологии, прежде всего националистические, левые, социалистические и либеральные.

Наиболее ярким примером кардинальной метаморфозы общественного сознания и усиления политического ислама стал за последние годы Ирак. Ядро иракского сопротивления американской оккупации составили (что признали в ЦРУ еще в 2004 г.) офицеры из бывших саддамовских силовых и армейских структур, перешедших из националистического БААС на позиции фундаменталистского ислама.

В-пятых, в Исламском мире в целом существенно усилились в последние пять-семь лет позиции умеренных фундаменталистов, неформальным идеологическим ядром которых являются «Братья-мусульмане». Это движение уже имеет своих депутатов в 87 парламентах мира. Значительная часть мусульманских, прежде всего арабских, диаспор в Европе разделяет большую часть принципов и взглядов «Братьев». Нынешнее руководство Турции во главе с премьер-министром Реджепом Эрдоганом и президентом Абдаллой Гулем – выходцы из структур, тесно связанных с «Братьями-мусульманами». Председателем парламента Индонезии является представитель умеренных фундаменталистов. ХАМАС – это организация, которая не только родилась в организационных и идеологических рамках «Братьев», но и сохраняет с ней тесные организационные и политические связи.

Фактически умеренные фундаменталисты заняли за последние годы достаточно обширный центр в политическом спектре большинства мусульманских стран, и этим определяется их уникальная роль в нынешней ситуации. Умеренные фундаменталисты не только ведут ожесточенную идеологическую полемику с ультрарадикалами, но и сохраняют разветвленные связи в этой среде, поскольку очень часто экстремисты – это бывшие выходцы из «Ихванов».

Различные направления фундаментального ислама представлены во многих эшелонах власти Исламского мира.

Радикальные исламисты путем вооруженного восстания пришли к власти в Иране еще в 1979 г. Однако сегодня режим в Тегеране претерпел изменения в сторону большей умеренности и гибкости.

В Турции умеренные фундаменталисты во главе с Р.Эрдоганом за последние 5 лет кардинально укрепили свое влияние и в турецком обществе, и в экономике, и в армии, и в спецслужбах. Поэтому попытка антиисламских группировок летом 2008 г. запретить правящую Партию справедливости и развития, а ее руководителей во главе с Р.Эрдоганом исключить из политической жизни, закончились провалом.

Несмотря на то, что в Египте «Братья-мусульмане» формально запрещены, именно они являются главной оппозиционной силой, противостоящей прозападному режиму Мубарака.

В Малайзии коалиция умеренных исламских политических сил, возглавляемая Анваром Ибрагимом, фактически вступила в финальную стадию борьбы за власть с режимом Махатхира-Бадави.

Попытки американцев насадить в Пакистане демократию «коррупционного образца» привели к существенному сближению между частью офицерского корпуса и умеренными фундаменталистами.

Рост исламистских тенденций в Сирии привел к тому, что возобновился осторожный диалог между светским баасистским режимом в Дамаске и руководством «Братьев-мусульман». Речь идет, прежде

всего, о возобновившихся контактах между Президентом Сирии Башаром Асадом и главным теологом «Ихванов» Юсефом Кардави.

Практически все правящие режимы в Исламском мире представляют собой своего рода компромисс или неустойчивый баланс сил между прозападными группировками и умеренными фундаменталистами.

В таких государствах, например, как Турция, Индонезия или Йемен, баланс склоняется в пользу умеренных фундаменталистов. В других странах, как Иордания, Мавритания, Марокко, Кувейт, Катар, Пакистан, Алжир, ситуация более неустойчивая и постоянно идет сложное политическое лавирование. Например, у Мухаммада VI бин аль Хасана, нынешнего короля Марокко, есть несколько советников. Один из них, советник по внешнеэкономическим вопросам, марокканский еврей, представляет интересы прозападной части марокканской элиты. Советник по внутриполитическим вопросам – представитель «Братьев-мусульман».

Шейх Хамад бин Халифа ат-Тани, нынешний эмир Катара, формально представляется одним из наиболее проамериканских лидеров Залива. На катарской территории находится региональная штаб-квартира ЦРУ, в Дохе расположен филиал «Рэнд корпорейшн». В то же время эмир является одним из главных финансовых спонсоров ХАМАС, многие региональные мероприятия умеренных фундаменталистов проходят в Дохе на средства эмира. Именно Халифа ат-Тани инициировал создание телекомпании «Аль-Джазира» – одного из наиболее успешных телевизионных проектов в мире, ставших возможным в результате творчества и деятельности, прежде всего, группы палестинских менеджеров. Именно эту телекомпанию администрация Буша считает одним из принципиальных своих идеологических оппонентов на Ближнем Востоке.

В-шестых, о росте значимости Исламского мира в глобальной политике свидетельствует формирование системы новых балансов сил на Большом Ближнем Востоке. Речь идет, прежде всего, о новом региональном альянсе (Иран, Сирия, ХАМАС, «Хизбалла»), успешно противостоящем силовому американо-израильскому тандему.

Существенно укрепились в районе Большого Ближнего Востока позиции Турции. Зависимость Запада от Анкары становится жизненно важной, особенно с учетом создания негласных альянсов Турция–Иран, Турция–Сирия и т.д.

Соединенные Штаты и Европа так и не смогли остановить реализацию иранской ядерной программы.

В-седьмых, под влиянием силового прессинга США и Израиля за последние 5–7 лет на Ближнем Востоке сформировался принципиально новый вид «стратегического организационного оружия». Имеются ввиду ХАМАС и «Хизбалла». Эти структуры гибко и эффективно сочетают в себе, с одной стороны, характеристики массовых политических

мобилизационных движений, с другой стороны – это жестко иерархические военно-силовые корпорации.

Военно-политические поражения, которые ХАМАС и «Хизбалла» нанесли Израилю, вынуждены были признать даже их принципиальные оппоненты. Поэтому, несмотря даже на то, что эти две организации были занесены в списки «террористических», после 2006 года ключевые западные страны стали активно зондировать почву на предмет установления с ними негласных контактов.

В-восьмых, демонстрацией укрепления Исламского мира стало появление принципиально новой плеяды руководителей, которые представляют собой пример «исламских технократов» или «технократов-фундаменталистов». Они влиятельны не только в своих странах. Эти лидеры популярны во многих уголках Исламского мира, к их мнению все более внимательно прислушиваются элиты десятков мусульманских стран. К числу таких «исламских технократов», прежде всего, относятся Реджеп Эрдоган и Абдулла Гуль (Турция), Махмуд Ахмадинежад и Али Лариджани (Иран), Халед Мишааль (ХАМАС), Анвар Ибрагим (Малайзия), Хасан Насрулла («Хизбалла»), Башар Асад (Сирия) и некоторые другие.

* * *

В своей широко известной книге «Смерть Запада» кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1992 и 1996 годов Патрик Бьюкенен написал: «В науке, технологиях, экономике, промышленном производстве, сельском хозяйстве, разработке и производстве вооружений и демократичности общества Америка, Европа и Япония ушли вперед на многие поколения. Но Исламский мир сохранил нечто, утраченное Западом, а именно – желание иметь детей и продолжать свою цивилизацию, культуру, семью и веру. Почти невозможно отыскать ныне европейское государство, коренное население которого не вымирало бы, и почти невозможно найти исламскую страну, население которой не возрастало бы с каждым днем.

Да, Запад узнал много такого, о чем неведомо исламу, однако ислам помнит то, о чем Запад позабыл: **«Нет иного мира, кроме сотворенного верой».**

Расим АГАЕВ (Азербайджан)

ТУРЦИЯ: СХВАТКА НА ПЕРЕПУТЬЕ

Независимо от того, чем закончится политический кризис, которым охвачена последние несколько лет Турция, последствия его будут иметь значение, выходящее за сугубо национальные рамки. Речь идет о глубоком и принявшем широкие международные масштабы процессе, который можно было бы назвать модернизацией ислама, ее европеизацией в смысле приобщения к европейскому образу мыслей и образу жизни, создания некоего исламо-демократического синтеза.

Именно так – как переломный момент в новейшей истории Турции – оценивает большинство экспертов сложившуюся ситуацию. Страна, едва ли не первой на мусульманском Востоке избравшая республиканскую форму правления, упразднившая халифат – исламский тип государственности, отделившая религию от власти, создавшая парламент и многопартийную систему, сумевшая абсорбировать либеральные идеи не только в экономике, но и в идейно-политических воззрениях, ныне стоит на перепутье.

Общество расколото. Объединенные силы левоцентристов и националистов, ведомые генералитетом и при поддержке либеральной интеллигенции, идут на штурм власти Партии справедливости и развития (ПСиР), называемой на Западе и в России происламской или умеренно исламской. Политические оппоненты ПСиР искренне убеждены, что политика правящей партии угрожает системе лаицизма, принципам светской власти, которых Турция придерживается со времен Кемаля Ататюрка (начало 20-х годов прошлого века), основателя современного турецкого государства.

Лидер ПСиР Реджеб Тайиб Эрдоган, как и нынешний президент Абдуллах Гюль, несмотря на нескрываемую приверженность исламским обычаям и нормам, заявляют о безусловном следовании заветам Ататюрка. Арест летом 2008 года большой группы отставных генера-

лов и представителей интеллигенции, обвиняемых в заговоре с целью свержения законной власти (легитимность появления исламистов у руля управления страной никто не отрицает, как и тот факт, что они пользуются поддержкой большинства электората), свидетельствует о решимости властей прибегнуть для разрешения общественного кризиса к действиям, чреватым новым витком обострения внутриполитической обстановки, когда открыто может выступить армия.

Прервется ли на этом турецкий исламско-демократический эксперимент или Турция найдет способ гармонизации отношений этих двух цивилизационных ценностей? – вот в чем существо турецкого кризиса. Познание сущности постигается при выходе за его пределы.

Началом кризиса принято считать ноябрь 2002 года, когда на парламентских выборах победила партия Эрдогана, представителя новой волны турецких политиков, харизматичность которому придавали не только его фамилия, означающая «Сокол-воин», но и молва о его мусульманской набожности, находившая подтверждение в ярких ораторских способностях, умении говорить с простым людом на понятном ему языке.

Он родился в Стамбуле в 1954 году. Противники Эрдогана утверждают, что в его жилах течет не только турецкая, но и лазская, греческая и даже еврейская кровь, что, впрочем, для граждан Турции с ее имперским прошлым, особенно стамбульцев, не редкость. В юности он увлекался спортом, проявив себя на футбольном поле. Страсть к западной игре, однако, не помешала ему оставаться ревностным мусульманином. Это умение ловко сочетать традицию с современностью, когда они для иных образуют противоречивый или даже взаимоисключающий клубок, не раз помогало ему и в политике. Уже в сорок лет он стал мэром десятимиллионного Стамбула, крупнейшего, европеизированного и самого великого из городов Турции. Он зарекомендовал себя энергичным администратором, немало сделавшим для благоустройства кишащего множеством городских проблем мегаполиса. Но тут следовало бы заметить, что Эрдоган был избран мэром как член Партии благоденствия Неджметдина Эрбакана, считавшейся происламской (открыто исламские партии в стране запрещены). Именно приход этой партии к власти в 1995 году на волне исламского движения знаменовал появление нового фактора – исламского – на политической арене Турции. Однако Н.Эрбакан спустя два года был отстранен от власти под давлением генералитета, а партия его была распущена (престарелого политика-исламиста освободили из-под домашнего ареста лишь недавно, в разгар кризиса). Генштаб, прибегший фактически к государственному перевороту, как не покажется странным, действовал, тем не менее, в рамках конституции. Известно, основной закон Турецкой республики объявляет светский курс национальным политическим приоритетом и на случай перевода страны на иные рельсы развития обязывает армию призвать к порядку отступников.

Не смог отработать положенный срок мэра и Эрдоган – его обвинили в разжигании религиозной ненависти за то, что он на публичном митинге прочел строки известного турецкого поэта Гёкалпа (не исламиста!), приравнивавшего минареты к штыку, а купола мечетей – к воинским шлемам. Суд дал ему десять месяцев, из которых он отсидел четыре. Но и этого было вполне достаточно, чтобы дорисовать столь обожаемый на Востоке имидж гонимого пророка. Из тюрьмы Эрдоган вышел кумиром большинства турок и турчанок, видящих в возрождении исламских традиций спасение от разлагающего влияния западного глобализма. В 2001 году на обломках запрещенной партии Эрбакана он создает Партию справедливости и развития, построенную по образцу западноевропейских христианско-демократических. Он сделал то, что рано или поздно должно было случиться в мусульманском мире и, скорее всего, в Турции, не понаслышке знакомой с политическими системами Запада. Таким образом, рассуждения типа «Почему христианские демократы могут править наравне с другими политическими силами в европейских странах, а исламские демократы – нет» из дискуссий узкого круга специалистов в конце 90-х прошлого и начале нового XXI века канализировались в область практической политики.

Толчком к исламскому повороту послужили бурные события 1970-х годов, когда этатистская система страны, называемая кемализмом, дала сбой перед натиском терроризма, и армия в очередной раз (1980 г.) вынуждена была взять власть, чтобы навести порядок в стране (до того военные считали нужным оттеснить гражданских лиц от государственного штурвала дважды – в 1960 и 1971 гг.).

Кемализм по сию пору считается краеугольным камнем идеологии политического истеблишмента Турции. Коротко суть его сводится к приверженности республиканской форме правления, как наиболее соответствующей характеру и обычаям турецкого народа и включающей демократические ценности, а также безусловное следование принципам светскости (лаицизма) и этатизма. Широкое распространение исламских настроений постепенно привело к оттоку значительной части электората от кемалистских партий, традиционно задающих тон в борьбе за доступ к управлению государством.

Резкое уменьшение влияния марксизма в конце XX века, высокая религиозность населения, а также идеалы социальной справедливости и равенства, заложенные в вероучении ислама, делали его социально-политическим мировоззрением, с которым связывали свои надежды на лучшую жизнь широкие социальные слои – от средних до беднейших. Несомненно, определенное влияние на общественные настроения оказала иранская революция, укрепление и небезуспешное нахождение у власти исламистов в Тегеране. Впрочем, многие историки полагают, что влияние это ограничивается не только соседними странами, но охватывает весь мусульманский мир (Бернард Льюис). Это влияние

усиливалось под натиском глобализации, обострившем многие социально-экономические и политические противоречия в зоне ислама. В частности, побудительную роль сыграло распространение западной концепции о неизбежности христиано-исламского противостояния.

Нескончаемый арабо-израильский конфликт, войны в Афганистане, на Северном Кавказе, а теперь и в Ираке, причисление ряда мусульманских стран к очередной «оси зла» воспринимаются новым поколением турков, да и большинством мусульман в мире, как свидетельство начала антиисламского похода, возглавляемого США. Таковы основные факторы, вызвавшие усиление исламского ренессанса в турецком обществе, его резкой политизации. Таким образом, ислам в Турции, впрочем, как и в других районах мусульманского мира, выступает, с одной стороны, в качестве интегратора новых социально-политических моделей, с другой – он воспринимается как цивилизационный ответ на вызов времени, ответ на угрозу своему существованию.

Трансформация политической власти в Турции, являющейся важнейшим элементом европейского геополитического пространства, происходит в условиях активизации глобалистских усилий по формированию нового мирового порядка, политической формой которого является демократия. Процесс модернизации восточных обществ приобретает для международного сообщества в связи с этим особое значение. Становится очевидным, что освоение ими институтов и норм западной политической демократии, каким бы успешным оно ни представлялось, является результатом все-таки формализированных подходов.

Демократическая модель государственного управления, перенесенная на мусульманскую почву, продолжает испытывать все возрастающее воздействие национально-конфессиональных идей, давних политических традиций и норм общественной жизни. Ибо трансформирующиеся общества не в состоянии отрешиться от духовного наследия прошлого. В этом смысле выглядят вполне закономерным явлением попытки восточных обществ встроиться в меняющийся мир с помощью различных форм исламской демократии, пользуясь при этом существующими политическими технологиями и возможностями демократических институтов. Вовсе не случайно, что параллельно с турецкой реформацией на другом конце азиатского континента – в Малайзии – была выдвинута концепция, получившая название Ислам Хадхари. Цель ее – вывести мусульман на передовые позиции в современном мире. По сути, речь идет о новой политической идеологии, основанной на мусульманских принципах, актуализирующей амбициозную конечную цель – формирование модернизированного мусульманского сообщества, конкурентоспособного в глобальном масштабе.

Говоря словами А.Токвилля и Вебера, известных исследователей демократии и капитализма, неоисламисты ныне пытаются сделать то, что когда-то сделали в Европе протестантские активисты, – соединить

религию (ее высокоморальный компонент) со свободой: «Идея свободы в западном понимании прокладывает себе дорогу в мусульманском мире. Она становится все понятнее, все ценнее и все желаннее» (Б.Льюис).

Турецкие исламисты утвердились у власти с помощью гибкой политики союзов, позволившей им сформировать новую модель партийной структуры, максимально адаптированной к изменившимся политическим обстоятельствам – внешним и внутренним. Ее критики предпочитают не упоминать о том, что костяк ПСиР, его политической опоры, составили прагматичные правоцентристы из Партии отечества, имеющие широкие международные связи и пользующиеся доверием либеральных правительств. Многие видные деятели ПСиР занимали важные государственные посты в период правления Партии отечества (А.Гюль, в правительстве Озала – едва ли не самом успешном за последние десятилетия – занимал пост госминистра по делам СНГ, до того он работал в ряде международных финансовых институтов, экономическая программа ПСиР, по мнению некоторых экспертов, является продолжением курса, начатого Кемалем Дервишем, видным турецким экономистом, хорошо знающим финансовую систему Запада).

Стоит отметить, что либеральные реформы Тургута Озала в свое время как-то заслонили идейно-политическое своеобразие его взглядов, представлявших, по мнению биографов, стройную концепцию турецко-исламского синтеза. Он был одним из инициаторов решения Высшего совета культуры, языка и истории им. Ататюрка (1986 г.), (учрежден военным режимом и поныне остается влиятельным идеологическим конституционным органом при правительстве) о принятии «всей нацией понятия культуры, которое составляет основу турецко-исламского синтеза». Открыв страну для либеральной экономики, достигнув значительного прогресса в деле социального скачка, Озал первым сказал то, чего не решался сделать ни один турецкий государственный деятель, – объявил кемализм исчерпавшей себя системой взглядов на общественное развитие.

Таким образом, активный поиск идей, которые составили бы приемлемую для политических элит и мусульманского массива систему взглядов о путях развития Турции, наблюдавшийся последние десятилетия в турецком обществе, подвел политиков новой генерации к осознанию необходимости отказа от явно устаревших методов турецкого этатизма, равно как и радикальных элементов национализма и исламизма. На этой ценностной базе вызрели предпосылки для формирования синкретической теории и партийной практики, представляющих собой причудливый идейно-политический сплав кемализма, экономического и культурного тюркизма и умеренного ислама. По-существу, Эрдогану и его сторонникам удалось опереться на две ведущие тенденции турецкого общества – набирающее силу в недрах народных масс

движение за возрождение ислама и пользующийся широким международным доверием турецкий либерализм.

С точки зрения выработки новой политической тактики, адаптирующей исламские ценности к современным политико-государственным системам, можно говорить не столько о возрождении ислама в качестве государственной конфессии, сколько о новом политическом явлении – неоисламизме, или евроисламе – концепции, нацеленной на выявление и применение в политической практике демократических ценностей ислама. Заметим, к слову, что идейно-политические воззрения этого общественного явления, равно как и стратегические цели, не определены и недостаточно изучены.

Оживление исламистских настроений, а затем усиление и расширение поля деятельности исламистов, их открытый выход на уровень управления крупнейшими городами, а вслед за этим и государством, неоднозначно воспринимается турецким обществом. Среди значительной части городского социума, интеллигенции, деловых кругов и, что особенно важно – генералитета, распространены серьезные предубеждения относительно желания и способности происламских сил придерживаться светского курса.

В свое время Ататюрк не просто отделил религию от государства, он произвел решительную деисламизацию Турции, действуя при этом методами, по жесткости сравнимыми с большевистскими в соседнем СССР. Однако, став на путь светского развития, Турция не перестала быть мусульманской страной. Соотношение светского и конфессионального всегда составляло своеобразие политической действительности Турецкой Республики. Стоит в связи с этим вспомнить, как после распада СССР в мусульманском ареале постсоветского пространства начался исламский ренессанс.

Генерал советской выучки Джохар Дудаев без тени сомнений благословил в независимой Ичкерии шариатский суд. Выезд бывшего члена Политбюро Г.Алиева вместе с группой своих бывших коммунистических соратников в Мекку с соблюдением всех ритуалов, предписываемых паломникам, и совершенный в самом начале своего вторичного прихода к власти, являлся знаковой акцией. С ее помощью опытный политик как бы брал под свой контроль новое идеологическое движение, которое не могло не затронуть в той или иной степени сознание всех слоев населения – от бывших коммунистов, еще недавно кичившихся своим атеизмом, до многократно возросшего числа служителей и посетителей мечетей. Вовсе не случайно, что в Азербайджане, как и в республиках Центральной Азии, бывшим коммунистам, приспособившимся к демократическим веяниям, удается еще удерживать общественное развитие в рамках светскости, на Северном Кавказе и Дагестане же вспышка исламизма получила радикально-доминирующие формы.

Своеобразие политической борьбы в обществах с преимущественно мусульманским массивом заключается в том, что и левые, и правые, и этатисты, и либералы, как правило, составляют сравнительно малую часть граждан, узкую социальную прослойку. Их противостояние с исламистами, приверженцами как бы общенародной идеологии, не может не сопровождаться известными морально-политическими потерями в глазах большинства населения, воспринимающего позиционирование традиционных политических партий в качестве светской, европеизированной силы, как попытку подавить, опрокинуть носителей истинно народной веры.

Извечное противостояние исламистов и кемалистов подпитывается своеобразным синдромом турецкого патриотизма, в котором фанатичная вера в вечное величие турецкой государственности уживается со страхом распада страны. В исторической памяти народа хранится не только богатейшая информация о многовековых и славных страницах могущественной империи турков. В ней и напоминание о крушении Оттоманской империи, ее безжалостном расчленении, которое, в контексте цивилизационного противостояния, в сознании многих турков воспринимается как война Европы за возвращение Константинополя в лоно христианства.

Приход неоисламистов к власти комментировался экспертами на Западе, да и в России, в лучшем случае, настороженно, что только подтвердило существующее мнение, что современный либерализм не воспринимает попытки мусульманских стран конструировать свои политические системы, зиждущиеся на собственном представлении о порядке и государственном управлении.

«Я опасаюсь, что турецкое правительство готовит радикальные перемены»,– заявил Дэниел Пайпс, один из авторитетных американских исламистов. Он даже утверждал, что выдвижение Эрдогана, «этого могущественного человека на пост премьера, можно считать первым шагом к провозглашению исламской республики». Однако развитие событий показывает нечто иное. А именно: «Мы видим, что никакой пресловутой «исламизации» нет, идет нормальный процесс создания демократического общества. Наоборот, как бы парадоксально это ни звучало, по сравнению с тем периодом в истории Турции, когда у власти были продолжатели идей Ататюрка, происходит процесс либерализации экономики, идет процесс активного включения в экономику страны тех принципов, которые приняты в западном мире»,– делает вывод доктор политических наук, исламовед, ректор Российского исламского университета Рафик Мухаметшин.

Согласно докладам Всемирной торговой организации (ВТО), Турция вошла в группу, состоящую из 21 страны с наивысшей динамикой внешней торговли и наиболее быстрыми темпами ее развития. Имя Тайиба Эрдогана у инвесторов ассоциируется с экономическими успехами Турции.

По данным турецкого Yapi Kredi Bank, за пять лет пребывания ПСиР у власти инфляция упала с 30 до 10%, государственный долг сократился вдвое. Экономика страны растет на 7% в год. Аналитики полагают, что Турция стала более привлекательной для иностранного капитала. Экономические успехи, наблюдающиеся с 2002 года в Турции, с удовлетворением отмечаются за рубежом, в первую очередь в Европе и США, чем, собственно, и объясняется приток внешних и внутренних инвестиций.

Наряду с либерализацией экономики, происходят принципиальные сдвиги в решении важнейших политических проблем. В практике турецких неоисламистов обнаружилось больше решимости в реализации планов общегосударственной стратегии – интеграции с Европой. Планам Копенгагенского саммита ЕС о начале в декабре 2004 г. переговоров о вступлении Турции в полноправные члены этой организации не помешал даже отказ Великого национального собрания (парламент Турции) в предоставлении запрошенных правительством в связи с войной в Ираке полномочий на «размещение иностранных военнослужащих на территории Турции и направление турецких солдат на территорию иностранных государств». Европейцы настояли на том, чтобы одним из условий начала переговоров стала отмена законов и установлений, ограничивающих свободы и нарушающих права человека. Турецкое правительство выполнило это требование, изменив законы, остановив машину полицейских и судебных преследований оппозиции.

Правительство неоисламистов рассматривает ЕС как гаранта по формированию гражданского общества. Это обстоятельство не только сближает позицию властей и курдов, апеллирующих в части нарушения их прав к ЕС, но и способствует лучшему пониманию существа национального вопроса в Турции, осмыслению его в контексте современных подходов, его осмыслению на европейской правовой и культурной платформе. Разумеется, Турции еще далеко до разрешения самой главной и болезненной внутриполитической проблемы – курдской. Но и достигнуто в этом плане немало: курды получили свои теле- и радиоканалы, они имеют свои печатные издания, разработана программа обучения на родном языке, у них имеются свои легальные общественные организации, на чем давно настаивал Совет Европы и что составляет серьезную основу для формирования базовых принципов культурной автономии. Впервые за многие годы курдское население проявляет политическую лояльность к существующей власти, поддерживает правительство Эрдогана. Во многом эта поддержка вызвана реальной политикой правительства неоисламистов в отношении курдского региона, где им инициирован ряд эффективных экономических проектов.

Неоисламисты нащупывают новые подходы, исключив силовые решения, что не может не импонировать европейским правовым

институтам. Сближение с Европой дало определенный дипломатический результат в турецко-греческих взаимоотношениях. Оно позволило Греции перестать сопротивляться вступлению Турции в ЕС, а Турции – нейтрализовать пристрастность Европы в кипрском вопросе. Опять же нельзя сказать, что в турецко-европейских отношениях наступил решающий перелом. Европейские страны, помня об исламском факторе, с определенной долей надежды, но и не без опасений, наблюдают за дальнейшим поведением турецких неоисламистов. Президент Франции Саркози выражает именно такого рода настроения, когда говорит, что Анкаре хватит и «привилегированного партнерства». В то же времяэту оценку можно считать данью взвешенной, в основных направлениях, внешней политики нынешней Турции.

Выведя сотрудничество с Россией на уровень, какого не знавали два соседних государства на всем протяжении своей истории, правительство Эрдогана сумело сохранить стратегическое партнерство с США, хотя отношения эти не раз подвергались риску (попытка Конгресса США провести резолюцию об армянском геноциде, особая позиция Турции в иракской войне и др.). Неоисламисты расширили каналы двустороннего турецко-американского диалога. В июле 2006 года между Турцией и США был подписан Документ о стратегическом партнерстве, а через год его основная часть была расширена и дополнена. Европейскую стратегию, военно-политическое сотрудничество с США и традиционные связи с Израилем Турция сочетает с укреплением своих позиций в мусульманском мире. Турция громко высказывается за прекращение оккупации Палестины и возвращение палестинцам их законных прав, она поддерживает арабские мирные инициативы.

Войска эрдогановской Турции действуют в составах натовского контингента в Афганистане и ооновского – на юге Ливана. Турция выступает за Ближний Восток, свободный от оружия массового поражения, за то, чтобы конфликт между Ираном и мировым сообществом был урегулирован мирными средствами.

С появлением неоисламистов в политической практике турецкого государства явно усилился элемент собственного видения перспектив национального развития, места и роли турецкого государства в региональных и международных делах.

Утверждение нового понимания общественного развития, каким бы успешным ни было решение национальных проблем, только усиливало критику правительства Эрдогана, причем политические оппоненты не скрывали, что ставят своей целью отстранить неоисламистов от управления государством. Побудительным мотивом тому служили два главных обстоятельства: а) откровенные опасения части политической элиты относительно постепенной исламизации общественной жизни; б) существующее убеждение, что для укрепления собственных позиций в западном мире неоисламисты проявляют готовность зайти слиш-

ком далеко в своих уступках США по кипрскому, курдскому и армянскому вопросам – главных и наиболее болезненно воспринимаемым турецким обществом национальным проблемам. Нельзя сказать, что опасения эти были так уж беспочвенны. Самому Эрдогану без конца напоминают о том, что, будучи мэром Стамбула, он ограничил продажу алкоголя. (Можно только гадать, обвинила бы оппозиция премьера в исламском экстремизме, если бы премьер запретил в Турции публичные дома.)

Правительство Эрдогана также пыталось провести через парламент законопроект, согласно которому лица, виновные в супружеской измене, могли быть наказаны тюремным заключением сроком до 3 лет. Опросы общественного мнения подтверждали, что большинство населения Турции выступает за принятие такого закона. Трудно сказать, что шокировало в большей степени европейцев – инициатива премьера-неоисламиста или широта общественных настроений. Эрдоган вынужден был отступить. Президент Сезер, как последовательный поборник светскости, неоднократно накладывал вето на законопроекты неоисламистов, имевшие явно происламский оттенок. Например, на предложение преподавать ислам в школах углубленно. Не иначе как вызывающим расценивали военные и светская оппозиция поведение министра иностранных дел А.Гюля, публично признававшегося в том, что ведет шариатский образ жизни. Его жена Хайруниса демонстративно носит платок, хотя по турецким канонам появление в нем в государственных учреждениях, университетах, школах воспринимается как вызов. Госпожа Гюль обращалась даже в Суд по правам человека с требованием признать законным право женщин носить платок в университете. Опять же опросы показывают, что такого рода утверждения, вызывающие раздражение сторонников светских норм, тем не менее, солидаризируются с мнением большей части населения.

Настроения народные, как известно, вещь переменчивая, тем более, женской половины. Теперь выясняется, что все большее число молодых турчанок воспринимают платок как символ современности и... либерализма, своеобразный вызов светскому фундаментализму. Объективно, дискуссии, от которых содрогается турецкое общество, в своей сущностной основе мало чем отличались от столкновения мнений вокруг запрета на ношение хиджаба, которое происходило недавно во Франции и Нидерландах. Актуализация данного вопроса в европейском масштабе связана напрямую с его цивилизационным подтекстом – возможностью сосуществования или шире – интеграции культур. Уже сегодня остро встал вопрос о поисках компромисса между соблюдением прав человека и сохранением идентичности того или иного государства. Противники неоисламистов в Турции, например, ничего не могут возразить тем, кто утверждает, что своим неприятием тюрбана они лишают основную массу женского населения права на образова-

ние, участие в управлении государством. В результате общество сталкивается с парадоксальной ситуацией, когда исламисты практически предлагают диалог цивилизаций, о котором столько говорится в просвещенной Европе, а последняя, вместе с приверженцами светскости в Турции, активно противится этому.

Турецкая оппозиция решение проблемы видела и видит в отстранении неоисламистов от власти. Своеобразие исторического момента заключается, однако, в том, что, в отличие, скажем, от 1980-х годов, третий игрок турецкой политической арены – армия – остерегается воспользоваться своим конституционным правом, как прежде, ибо слишком изменились обстоятельства – и в мире, и в самой Турции. Евросоюз, мнение которого никак не может игнорироваться в Анкаре, может окончательно отшатнуться от генеральских запретов и переворотов, к которым привыкли в Турции. В контексте ощутимого во многих точках мира цивилизационного противостояния действия армии, направленные на устранение исламского правительства, вряд ли могут быть поняты большинством граждан, да и в самом исламском мире. К тому же генералитет перестал быть «священной коровой» турецкой политической элиты, которая сама не раз становилась заложницей армейского понимания национальных приоритетов. Мнение ливанского писателя Ридвана ас-Сайеда, сказавшего в разгар кризиса, что Турция потеряет свой исторический шанс стать успешной страной, дружественной Западу исламистской моделью, если и далее за ее шею будут «цепляться старые солдаты Ататюрка», разделяется многими.

За год до истечения срока президентских полномочий Ахмеда Сезера у оппозиции появился шанс взять реванш у неоисламистов. Поскольку президент в Турции избирается парламентским большинством, в случае блокирования кандидата на президентский пост от правящей партии, возникал политический кризис, выход из которого конституция предусматривает в досрочных парламентских выборах. После четырех туров голосований, которые были, по существу, сорваны бойкотом оппозиции, Турция вынуждена была пойти на досрочные парламентские выборы, в которых одни видели выход из политического кризиса, а другие – реальную возможность возвращения страны в привычное русло общественного развития.

Итоги досрочных парламентских выборов в июле 2007 года, думается, еще долго будут оставаться предметом горячих споров и анализа. Неоисламисты одержали более чем убедительную победу. Поражение традиционалистов, сторонников, как принято считать, светского курса, было сокрушительным. Они явно переоценили собственный вес и влияние в турецком обществе. Партии Эрдогана отдали голоса почти 47 процентов электората. В результате ПСиР еще более укрепила свое положение в законодательном органе, заняв 339 мест из 550. Партия Ататюрка – Народно-республиканская партия Дениза Байкала –

с 21% голосов уже никак не могла составить ей конкуренцию даже в тандеме с националистами (14,7%). К тому же оказалось, что подавляющее большинство независимых депутатов являются представителями курдской общины, что позволило им создать в парламенте собственную фракцию – впервые за всю историю законодательного органа.

Парламентские выборы в Турции были признаны международным сообществом свободными и честными. Турецкие инвесторы ликовали. Индекс Стамбульской фондовой биржи подскочил на 4% и вплотную подошел к абсолютному рекорду – 55000 пунктов, сообщали европейские информационные агентства.

«Как военные, так и гражданские лица, а также правительство и оппозиция – словом, все слои общества должны признать реальный факт: большинство турецких избирателей выразили доверие Партии справедливости и развития, которую возглавляет Реджеб Тайиб Эрдоган, и нужно уважать выбор избирателей» – в такого рода призывах и примиренческих заявлениях недостатка не было. Но последующее развитие внутриполитических событий показало, что противостояние традиционалистов и неоисламистов вступает лишь в новую, еще более острую фазу. Пунктуалист и аккуратист в вопросах закона и правопорядка президент Ахмед Неджет Сезер даже не взглянул на список нового состава кабинета, который представил ему лидер партии большинства Эрдоган. Его слова о том, что «необходимости вручать этот список нет. Более целесообразно вручить его будущему президенту», явились для победителя парламентских выборов холодным душем. Новым президентом стал-таки Абдуллах Гюль. Но тут последовали обструкции генералов, заявивших, что они не могут принимать главу государства, являющегося на официальные приемы с супругой, одетой по мусульманскому обычаю, поскольку это противоречит военным уставам. А когда Конституционный суд (КС) принял к рассмотрению иск главного прокурора кассационного суда Турции относительно антигосударственной деятельности правящей партии, стало ясно, что против неоисламистов зреет политический заговор широких консолидированных сил.

Большинство членов КС, мягко говоря, не очень благоволят партии Эрдогана. Удовлетворение иска угрожало ПСиР запретом, лишением права на политическую деятельность ряду ее лидеров. Вердикт суда для правящей партии оказался в целом благополучным. Соглашаясь с тем, что деятельность ПСиР представляет все-таки угрозу светскому курсу, суд посчитал меру наказания в виде запрета партии чрезмерной. И тут грянул коррупционный скандал: арестованные в Германии с поличным два представителя крупнейшего благотворительного общества «Дениз фенери» («Маяк») признали, что нелегальная передача крупных денежных средств различным организациям и лицам является обычной практикой. В числе прочих получателей многомиллионных сумм фигурировало и имя премьера Эрдогана.

Особую пикантность свидетельствам придавало замечание в обвинительном акте относительно того, что турецкое правительство чинило препятствия в расследовании данного уголовного дела. Шквал новой волны критики, обрушившейся на правительство неоисламистов, свидетельствовал о перемене тактики оппозиции. Убедившись в невосприимчивости широкого социума к доводам об опасности перевода страны на исламский путь развития, противники правящей партии применили безошибочный прием компрометации, обвинив ее в масштабной коррупции.

Коррупционный скандал вокруг «Дениз фенери» разворачивался на фоне шокирующих заявлений известного медиамагната Айдына Догана, поведавшего о некоторых пикантных деталях своих переговоров с премьером. Премьер, по словам А.Догана, отклонил его просьбу о предоставлении лицензии на строительство нефтеперерабатывающего завода в Джейхане по причине того, что это противоречило бы личным экономическим интересам... Берлускони и Путина (?!). Даже для турецкого политеса, склонного к ударам ниже пояса и информационным мифам, это было слишком. Очень скоро стали известны скрытые мотивы подковерного поединка между премьером и медиамагнатом. Наблюдатели обратили внимание на то, что за время пребывания у власти Эрдоган, который всегда придавал особое значение информационному обеспечению исламистской идеологии, незаметно прибрал к рукам несколько влиятельных медиагрупп. И предметом его переговоров с А.Доганом был, скорее всего, не нефтеперабатывающий объект в Джейхане, а притязания премьера на печатные и электронные издания Dogan Media Group.

Опросы общественного мнения показывают резкое падение популярности правительства Эрдогана – вера его сторонников в чистоту неоисламистов поколеблена, и это, возможно, самый тяжелый урон, который они понесли в схватке со своими противниками. Для широкого народного массива ислам представлялся единственной духовной силой, свободной от пороков современного общества, способной спасти турецкое общество от пут все развращающей коррупции. Теперь эти надежды, очевидно, порушены, как и перспективы исламского демократического эксперимента в Турции. Отстранение неоисламистов от власти (особенно с помощью армии), каким бы желанным оно ни представлялось сторонникам светскости и вестернизации, или хуже того – уход их с политической арены, может усилить радикальные тенденции турецкой исламской матрицы. Ведь помимо политического истеблишмента, приведшего в движение мусульманские массы, имеются еще мусульманские общины, формирующиеся вокруг мечетей, чьи мировоззренческие взгляды так же далеки от философии и культуры ислама, как когда-то убеждения российских пролетариев от истинного марксизма. Эти общины имеют своего лидера, и это вовсе не Гюль и не

Эрдоган. Это – влиятельнейшая и уникальная в своем роде личность – Фатулла Гюлен, который с 2000 года находится в США, после того как на родине он был обвинен в попытке осуществления государственного переворота.

И это не единственная фигура, которая может указать широкому мусульманскому массиву новый истинный путь, путь радикального очищения от пороков вестернизации. С учетом таких, не исключаемых перспектив общественного развития, поиск модели исламской демократии, начатый в Турции, представляется куда как оптимальным способом разрешения сложного клубка общественно-политических проблем, которыми перегружена страна Ататюрка. Даже с учетом типичных для восточных демократий тоталитарных тенденций, периодически обнаруживающихся во взаимоотношениях правящей партии с ее противниками (например, публичный призыв Эрдогана к своим сторонникам бойкотировать издания Dogan Media Group), эти проявления могут быть относимы к болезням роста. Они вполне преодолимы в ширящихся интеграционных процессах, которых отнюдь не избегают турецкие неоисламисты.

А.Тойнби в «Постижении истории», размышляя о судьбах ислама, обращает внимание на то, что потенциал халифата «оказался столь велик, что он не только пережил века, но и дважды возрождался из небытия». В контексте этого вывода западнизму, в том числе и российскому, следовало бы отрешиться от старых стереотипных представлений о мусульманстве. Неоисламисты, как наиболее продвинутая, модернизированная часть мусульманской элиты, сумели критически осмыслить современный мир, сформированный Западом. Ее представители, а это, как правило, высокообразованные в соответствии с западными стандартами, политически активные люди. Им в одинаковой степени претят и пороки глобализма, и архаичные «народные» формы исповедания религии. В самой идеологии неоисламизма вызрело понимание необходимости открытости миру, без чего невозможно осуществление проекта модернизации, с помощью которого исламская демократия, как самостоятельно вызревшая политическое явление, рассчитывает сохранить национальный суверенитет, культуру и традиции в глобализирующемся мире, одновременно формируя государство современного типа, способное абсорбировать основные социально-политические, экономические и технологические достижения нового времени.

Можно предположить, что практика неоисламистов других мусульманских стран – от Индонезии до Марокко – представит дополнительный материал о готовности неоисламистов к реализации сколь честолюбивых, столь и прогрессивных целей. На данном этапе можно утверждать с известной долей оптимизма, что переход от ранних, восточных форм политизации ислама к новым, приспособленным к демократическим формам государственного управления состоялся.

Опыт политического ислама в Турции показал, что он в состоянии развиваться в качестве политической системы западного образца, пользоваться ее институтами и госструктурами, не идеологизируя их.

Оказалось, что неоисламистам под силу разработать и осуществить эффективную модель социально-экономического развития. Эффективным следует признать и реализуемый проект межнационального примирения. Позиционирование Партии справедливости и развития в качестве политической организации движения за исламскую демократию, какими бы ни были итоги противоборства с ней традиционных политических сил, не в состоянии окончательно удалить ее с политической арены. Равно как и невозможно теперь уже представить политическую жизнь и перспективы общественного развития в Турции без участия новых, ориентированных на неоисламизм сил.

Попытка преодолеть эту новую политическую тенденцию силовыми, запретительными методами может дать результат, обратный желаемому, или же реанимировать радикальные тенденции. Турецкий политический истеблишмент – кемалисты, правые, левые, националисты – не готовы признать неоисламизм в качестве объективного явления. Но гораздо важнее другое, а именно – все они теперь не могут в своей деятельности не считаться с исламским фактором. Будущее этого международного политического явления находится в прямой зависимости от способности мирового сообщества проявить толерантность, воспринять исламскую демократию не только как теоретическую доктрину, но и как новую политическую тенденцию, с которой можно и нужно налаживать общепринятые партнерские отношения в межгосударственной практике.

При подготовке статьи использованы: *Данилов В.И.* Турция 20–30-х годов: путь к демократии // Восток. 1997. №2; *З. Бжезинский.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М. 2005. «Вестник аналитики», «Россия в глобальной политике».

Выступления премьер-министра Малайзии Абдуллы Ахмед Бадави и документы съезда Объединенной малайзийской национальной организации (ОМНО). Статьи: Р.Мухаметшин. «Стратегия, предложенная Эрдоганом, – путь решения цивилизационных проблем», Newsweek, «Эрдоган и Бадави – новые лица исламского мира», «Ататюрк живее всех живых». Ежедневный аналитический журнал GlobalRus.ru ©2007.

Ш.Султанов, депутат ГД РФ. «Россия – Исламский мир и стратегический диалог», С.Кизюков «Курдская проблема» во внешней политике Турции.

Екатерина КУДАШКИНА

ПАКИСТАН КАК ОЧАГ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Контртеррористическая операция в Афганистане привела к укреплению позиций радикальных формирований, базирующихся на территории соседнего Пакистана – ключевого союзника США по антитеррористической коалиции. Вместе с тем, влияние самих американцев в Пакистане оказалось сильно подорвано. Стремясь восстановить потери, Соединенные Штаты пересмотрели свои пристрастия. Сегодня они предпочитают налаживать более тесное сотрудничество с гражданскими политиками. По отношению же к своим недавним соратникам в лице пакистанских военных и спецслужб Вашингтон занял жесткую позицию, обвиняя их в содействии террористам. По всей видимости, подобное изменение позиции США сыграло не последнюю роль в судьбе теперь уже экс-президента Пакистана П.Мушаррафа.

СПРАВОЧНО

Пакистан – страна с населением в 162 млн. человек, обладающая ядерным оружием и средствами его доставки. Территория Пакистана состоит из 4 провинций (Пенджаб, Синд, Северо-Западная пограничная провинция – СЗПП и крупнейшая провинция Белуджистан, на долю которой приходится 44% площади Пакистана), федеральной столичной территории, а также территории племен федерального управления (Зона племен). Кроме того, Пакистан контролирует спорные Северные территории и Азад Кашмир – часть индийского штата Джамму и Кашмир, захваченную им в 1947 году.

Обстановка в Пакистане, который США по-прежнему называют одним из своих ключевых союзников в борьбе с международным терроризмом, стремительно дестабилизируется. Специалисты отмечают значительный рост активности разного рода радикальных и исламистских группировок, базирующихся на территории Пакистана и действующих как внутри страны, так и за ее пределами – в первую очередь в Афганистане и в Индии.

По данным индийского Institute for Conflict Management (ICM), на территории Пакистана базируется более 40 радикальных организа-

ций, пакистанских и международных. В 2007 году в результате терактов по всей стране погибло по меньшей мере 3599 человек, из них 1523 мирных жителя, 597 военнослужащих сил безопасности и 1479 боевиков. Это в два раза больше, чем в 2006 году, когда от действий экстремистов погибло в общей сложности 1471 человек. При этом, первая половина 2007 года казалась относительно спокойной: с января по июнь 2007 года в акциях насилия погибло 869 человек, в то время как за тот же период 2006 года число жертв составило 984 человека. Таким образом, во втором полугодии 2007 года было убито 2730 человек – в три раза больше, чем в первом.

Резкий всплеск насилия связан был с событиями вокруг мечети Лал Масджид в Исламабаде. Летом прошлого года китайские власти заявили протест правительству Пакистана, утверждая, что студенты из двух медресе при Лал Масджид угрожают китаянкам, которые живут и работают в Исламабаде. 2 июля 2007 года тогдашний президент страны Мушарраф приказал поставить у мечети охрану из военизированного подразделения Рейнджеров, которые должны были ограничить путешествия студентов в город. На следующий же день студенты отобрали оружие у одного из охранников и открыли из него огонь. Тогда Мушарраф приказал коммандос из Группы специального назначения (SSG) войти на территорию комплекса и навести там порядок. Коммандос оцепили мечеть и медресе и потребовали очистить территорию. Часть студентов выходить отказалась. Вместе с ними были Абдул Рашид Гази, брат и помощник амира мечети, уже арестованного при попытке скрыться, а также члены Исламского движения Узбекистана, радикальной антишиитской группировки Лашкар-е-Джангви и несколько уйгуров. Оставшиеся оказали военным яростное сопротивление. Коммандос смогли выполнить поставленную задачу только 14 июля. При штурме мечети, по данным из индийских источников, погибло около 300 студентов медресе. Все студенты были из пуштунских племен, и большинство из них – девушки.

Ответом на эту акцию стала волна терактов, совершенных смертниками не только в зоне племен, но и за ее пределами, в том числе в таких городах, как Исламабад, Равалпинди, Лахор, Пешавар и другие. Радикальные организации поспешили придать событиям у Лал Масджид знаковый характер. С заявлениями в поддержку духовенства и студентов выступили Бен Ладен и Аль Завахири, а 4 июля 2008 года Лахорская газета Daily Times сообщила, что «Аль-Каида» выпустила видеокассету в память о погибших в Лал Масджид. 6 июля 2008 года в самом комплексе, в память о случившемся, была организована крупная религиозная конференция, на которую съехались студенты медресе из Зоны племен и Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП).

Самыми нестабильными провинциями Пакистана считаются Зона племен, СЗПП и Белуджистан. Впрочем, растет уровень насилия и в

Синде, и в Пенджабе. По мнению экспертов из ICM, даже там, где правительству еще удается сохранять контроль над ситуацией (в том числе в Азад Кашмире), в половине случаев это достигается за счет использования военной силы. Правда, армия становится все менее надежным средством борьбы с боевиками.

В Зоне племен размещается более 100 тыс. пакистанских военнослужащих, так как именно здесь находятся главные базы движения «Талибан», «Аль Каида» и других вооруженных формирований. Тем не менее сегодня Зона племен считается одним из наиболее опасных регионов Южной Азии, уступая разве что Северной провинции в Шри-Ланке. В 2007 году от действий экстремистов здесь погиб 1681 человек. Самыми неспокойными областями провинции считаются Северный и Южный Вазиристан и область Куррам.

Значительная часть территории Северного Вазиристана находится под контролем талибов. Обстановка здесь начала стремительно осложняться после событий в Лал Масджид, когда 15 июля 2007 года лидеры организации Tehrik-e-Taliban Pakistan в одностороннем порядке отказались от перемирия с правительством Мушаррафа. Участились столкновения подразделений пакистанской армии с крупными отрядами боевиков (численность – свыше 50 человек), а военные конвои стали подвергаться регулярным нападениям с использованием сложных взрывных устройств. За 2007 год в Вазиристане террористы-самоубийцы совершили 10 нападений на правительственные учреждения, из них два теракта были совершены на территории Южного Вазиристана, остальные – в Северном. В Вазиристане же в 2007 году все чаще отмечались случаи дезертирства из подразделений сил безопасности пакистанской армии.

Пакистанские военнослужащие все чаще оказываются заложниками исламистов. «Широко распространены случаи… дезертирства и отказа подразделений (в особенности укомплектованных пенджабцами) нести службу в Вазиристане и СЗПП, а также случаи добровольной сдачи в плен армейских, полицейских и военизированных подразделений небольшим отрядам талибов, – отмечается в одной из публикаций South Asian Intelligence Review. – Это свидетельствует о растущем нежелании воевать, а также идеологическом противостоянии и этнической поляризации внутри вооруженных сил, задействованных в операциях против исламистов». В материале приводится пример, когда 4 ноября 2007 года в Южном Вазиристане правительство освободило из тюрем 28 боевиков в обмен на 211 пакистанских военнослужащих. Среди освобожденных были подполковник и майор, которые оказались захвачены исламистами 30 августа 2007 года без единого выстрела. Понятно, что такие случаи подрывают и боевой дух, и репутацию пакистанских военных в Вазиристане, вынужденных противостоять серьезному противнику в лице «Талибана» и «Аль-Каиды».

Ситуация в Северо-Западной пограничной провинции представляется еще более мрачной. В отличие от Зоны племен, где влияние центральной власти всегда было слабым, в СЗПП позиции федерального правительства оставались до последнего времени достаточно прочными . Теперь ситуация ухудшается катастрофическими темпами. Еще в 2006 году здесь было зафиксировано 84 инцидента, в которых погибло 163 человека. В 2007 году число погибших от действий экстремистов составило по меньшей мере 1190 человек. Из 56 терактов, осуществленных террористами-самоубицами в 2007 году в Пакистане, 27 приходится на долю СЗПП. Сегодня высокая активность экстремистов отмечается в 22 из 24 областей провинции.

Еще два года назад эксперты считали СЗПП зоной конфликта низкой интенсивности, которая могла активизироваться под воздействием террористических элементов, проникающих сюда из соседней Зоны племен. Сегодня же, несмотря на то, что исламские радикальные организации стремительно расширяют свое присутствие и в других пакистанских провинциях, именно СЗПП быстро превращается в центр мобилизации исламистских вооруженных группировок, действующих на территории Пакистана и Афганистана. Процесс радикализации провинции, судя по всему, был «запущен» в ходе всеобщих выборов в октябре 2002 года, на которых неожиданно сильно выступил альянс Islamic of Muttahida Majlis-e-Amal, в состав которого вошло шесть религиозных партий. Тогда же этот альянс получил абсолютное большинство в законодательном собрании СЗПП.

По мнению Бахукутумби Рамана, бывшего руководителя антитеррористического подразделения индийской разведки, а ныне директора Institute for Topical Studies в Ченнаи (Мадрас), в действиях вооруженных группировок, действующих в Зоне племен и СЗПП, произошли значительные перемены. И Tehrik-e-Taliban Pakistan (TTP), и другие не связанные с нею радикальные организации начинают активно перенимать тактику, которую использует движение «Талибан» в Афганистане, а именно – сочетание терактов, осуществляемых террористами-самоубийцами, и традиционных методов партизанской войны. В силу этого обстоятельства, в Зоне племен и СЗПП складывается картина, напоминающая ситуацию в южном и восточном Афганистане: многочисленные очаги нестабильности сливаются в одну зону, охватывающую всю территорию провинции. И это должно вызывать особую озабоченность не только Исламабада, но и всего международного сообщества, уверен Раман. Дело в том, что именно в тех краях находятся хранилища ядерных отходов, принадлежащие пакистанской Комиссии по атомной энергетике. Если хранилища окажутся в руках террористов, это решит их проблему поисков материала для создания «грязной» бомбы.

В Белуджистане, где отмечается довольно высокая террористическая активность во всех 30 областях провинции, тем не менее, немного

спокойнее. В отличие от Зоны племен и СЗПП, местные экстремисты вдохновляются не столько исламистскими, сколько националистическими идеями. Самой крупной из действующих здесь националистических организаций остается Армия Освобождения Белуджистана, целью которой является создание самостоятельного правительства белуджей.

В Белуджистане пакистанским военным удалось добиться определенных результатов: 26 августа 2006 года пакистанские спецслужбы ликвидировали одного из наиболее влиятельных политических деятелей пакистанских белуджей Наваба Акбара Шахбаза Хана Бугти, выступавшего за предоставление автономии Белуджистану. Вслед за ним 21 ноября 2007 года то ли в Афганистане, то ли в Пакистане вместе со своей охраной был убит Навабзада Балуч Марри, по некоторым данным, руководивший деятельностью АОБ.

Сейчас число жертв терактов идет на убыль: если в 2006 году в Белуджистане от действий террористов погибло 450 человек, то в 2007 году число жертв снизилось до 245. По мнению специалистов, отчасти это объясняется тем, что белуджи-националисты практически не взаимодействуют с исламистскими радикалами с Севера, большинство которых составляют пуштуны. Тем не менее, в провинции продолжаются обстрелы и подрывы железных дорог, газопроводов, линий электропередач, мостов и прочих инфраструктурных, военных и правительственных объектов, а на севере Белуджистана базируются экстремисты, действующие как на пакистанской территории, так и на территории Афганистана.

В 2007 году было зафиксировано несколько случаев присутствия в Белуджистане боевиков «Аль-Каиды» и «Талибана». Более того, по некоторым данным, Абул Хак Хакик, арестованный представитель движения «Талибан», в январе 2007 года сообщил афганским разведслужбам, что лидер талибов мулла Мухаммед Омар живет в столице провинции – Кветте под опекой ISI (Управления Межведомственной разведки Пакистана).

Участились столкновения на межрелигиозной почве, главным образом между суннитами (77% населения) и шиитами (20%). Если в 2006 году было зафиксировано 38 инцидентов такого рода, в которых погибло около 200 человек и пострадало еще 349, то в 2007 году количество межрелигиозных столкновений выросло до 341 (441 погибших и 630 раненых). Основное число стычек и большинство жертв межрелигиозной вражды зафиксировано в Зоне племен в области Куррам. В апреле 2007 года вспыхнуло крупное столкновение между суннитами и шиитами в Парачинаре. Началось с того, что в пятницу 6 апреля неизвестные обстреляли группу шиитов и автомобиль скорой помощи. К утру следующего дня, несмотря на стянутые к городу дополнительные правительственные войска и введение комендантского часа, конфликт

выплеснулся за границы города, стороны задействовали тяжелые виды вооружения.

В субботу армейские подразделения при поддержке вертолетов и бронетехники вошли в Парачинар. Тем не менее, бои с использованием и тяжелых видов вооружения продолжались вплоть до 13 апреля. Точное число погибших не установлено, однако по приблизительным подсчетам приближается к 100. Некоторые политические деятели, в том числе знаменитый Имран Хан, бывший спортсмен, а ныне лидер основанной им в 1996 году партии «Пакистанское движение за справедливость» (Pakistan Tehreek-e-Insaf), назвали апрельские события в области Куррам этапом подготовки нападения США на Иран. В области Куррам имеет крупные базы вооруженная суннитская группировка Лашкер-е-Джангви, по данным индийских экспертов, ставшая в последнее время ключевым партнером подразделений «Аль Каиды» и «Талибана» на территории Пакистана.

В 2007 году в деятельности экстремистов проявились новые особенности. География терактов стала включать в себя крупные города, в том числе Исламабад и Равалпинди. Резко выросло количество терактов, осуществляемых террористами-смертниками. Если в 2006 году было зафиксировано семь акций такого рода, то в 2007 году – 56, в результате которых погибло 729 человек, из них 552 мирных жителя, а еще 1677 человек получили ранения. Между тем за весь период с 22 марта 2002 года, когда в Пакистане был совершен первый теракт с участием террориста-смертника, и вплоть до конца 2006 года были зафиксированы 22 подобные акции. При этом основными целями смертников все чаще становятся военные объекты, блок-посты, полицейские участки, а также мечети, правительственные учреждения.

В 2008 году было отмечено первое за последние пять лет нападение террористов на объект ВМФ Пакистана. 4 марта 2008 года в Лахоре двое неизвестных на мотоциклах на полном ходу снесли ворота, въехали на территорию престижного Военно-морского колледжа, расположенного в особо охраняемом районе, и там себя подорвали. Погибло шесть человек: офицер ВМФ, три охранника и оба террориста. При этом, как утверждают эксперты, целью террористов было продемонстрировать, что они способны проникать и производить разрушения даже на таких охраняемых объектах, как лахорский колледж ВМФ.

И спецслужбы, и исламистские организации с тревогой отмечают распространение такого явления, как «неорганизованные» террористы-одиночки. Речь идет о молодых мусульманах, настроенных весьма радикально, но не связанных с какой бы то ни было организацией. Они совершают теракты в знак протеста против действий США в Афганистане и Ираке, начитавшись инструкций в Интернете. После штурма Лал Масджид было зарегистрировано 13 терактов, организованных неподготовленными самоучками.

«Теперь у нас появились сотни ячеек, ведущих джихад, и сотни амиров – по большей части обычных компьютерных пользователей, которые стали «воинами джихада», насмотревшись компакт-дисков, – заявил недавно Маулана Масуд Аджар, амир пакистанской организации Jaish-e-Mohammad (JEM), в интервью изданию JEM «Al Qalam». – Эти люди прошли подготовку на сайтах в Интернете. Они полагают, что таким образом стали амирами. Если такому человеку попадется какой-нибудь простодушный юноша, он наденет на него пояс со взрывчаткой и отправит на поля джихада. Среди этих «воинов» попадаются и такие, кто связан с торговлей наркотиками, похищением людей для получения выкупа... Джихад стал всеобщим увлечением. Контролировать таких деятелей трудно».

Прежнее пакистанское правительство, очевидно, склонялось к такому же мнению в отношении всех радикальных группировок и потому, несмотря на требования Вашингтона перейти к более решительным мерам, предпочитало по возможности договариваться с ними, не прибегая к силе. Как поведет себя в отношении исламистов новое руководство страны, покажет время.

По оценкам специалистов, стратегические возможности и боевой потенциал движения «Талибан» в Афганистане сопоставимы с возможностями и потенциалом моджахедов в 1988 году, накануне вывода советских войск из Афганистана. По этой причине командование НАТО в Афганистане настаивает на проведении операции совместно с пакистанскими военными. Поскольку крупные базы поддержки движения «Талибан» находятся в Северном и Южном Вазиристане, подразделения НАТО контролировали бы приграничную территорию со стороны Афганистана, в то время как пакистанские военные контролировали бы границу со своей стороны. Таким образом, талибы, находящиеся в Афганистане, оказались бы отсечены от баз в Вазиристане.

Чтобы ускорить проведение такой операции, на Мушаррафа постоянно давили из Вашингтона. Судя по всему, давление было настолько ощутимым, что 14 июня 2008 года Рахман Малик, один из советников пакистанского премьера, о котором говорят, что он является премьером де-факто, объявил недействительными мирные договоренности, заключенные с экстремистскими вооруженными группировками, базирующимися в СЗПП в долине Сват.

Ответ талибов не заставил себя ждать. Боевики группировки Tehrik-e-Taliban Pakistan захватили город Джандолла, который находится в 70 км от Ваны – столицы Южного Вазиристана. Там они взяли в плен 30 членов правительственного мирного комитета и большинство из них убили. В другой раз талибы продемонстрировали свою мощь, дважды войдя в Пешавар – столицу СЗПП. Во второй раз они взяли в плен 16 человек. Все они были членами местной христианской общины, и талибы в конце концов их отпустили.

Демонстрация силы возымела действие. На экстренном совещании, которое созвал премьер-министр Пакистана Юсуф Раза Гиллани, пригласив на него руководителей разведслужб и начальника штаба армии генерала Ашфака Парвеза Кияни, было решено, что оптимальным способом воздействия на боевиков остается диалог.

Такой подход вполне соответствует настроениям в пакистанском обществе. Несмотря на то, что в Пакистане от действий экстремистов гибнет больше мирных жителей, чем самих боевиков, а с 2003 года разрыв этот стабильно расширяется, сочувствие публики – на стороне «Аль-Каиды» и талибов. По результатам опроса общественного мнения, проводившегося в Пакистане в мае-июне этого года американской организацией Terror Free Tomorrow совместно с Пакистанским институтом изучения общественного мнения (Pakistan Institute for Public Opinion), 58% из 1306 опрошенных пакистанцев заявили о необходимости вести переговоры с талибами. Около трети респондентов высказываются в поддержку «Аль-Каиды» и Бен Ладена – по сравнению с прошлым годом цифра увеличилась вдвое.

Результаты опроса свидетельствуют и о другом: в стране растет недоверие к американцам. На вопрос, кто несет ответственность за дестабилизацию в стране, 52% назвали США и только 8% – боевиков «Аль-Каиды». Планы нанесения военных ударов по базам «Аль-Каиды» и «Талибана» поддержало только 19% опрошенных. В качестве главного источника угрозы 44% респондентов назвали США, 14% – Индию, 8% – пакистанских талибов, 6% – »Аль-Каиду» и 4% – талибов из Афганистана.

Похоже, в Вашингтоне посчитали, что вернуть утраченное влияние в Пакистане, с которым США связывает полвека тесного взаимодействия, следует, действуя по нескольким направлениям: прежде всего, добиться смены элит и ослабления могущественных спецслужб, в которых растут антиамериканские настроения; а также путем предоставления дополнительной финансовой помощи не только на проведение контртеррористических акций, но и на строительство инфраструктуры и развитие наиболее нестабильных районов Пакистана.

В прошлом году США стали оказывать сильное давление на Исламабад с требованием активизировать усилия в совместной контртеррористической операции. В очередном докладе National Intelligence Estimate, посвященном проблемам борьбы с терроризмом, Пакистан неоднократно упоминался в качестве страны-прибежища террористов «Аль-Каиды», а Мушарраф – в качестве ее руководителя, неспособного справиться с проблемой. В прессе обсуждалось предложение президента Буш провести совместную пакистано-американскую операцию по уничтожению лидеров «Аль-Каиды» на территории Пакистана, и ответ Мушаррафа, что подобные акции на территории Пакистана будут проводиться только силами пакистанских спецслужб.

Для пакистанских военных такая полемика была крайне унизительной. Пакистанские спецслужбы на самом деле имеют богатый опыт работы с экстремистскими группировками. На территории Пакистана проходят подготовку боевики, которые затем направляются в Кашмир; в 1980–1990 гг. Управление межведомственной разведки (ISI) совместно с ЦРУ активно работало с лидерами исламистских группировок, используя их для борьбы сначала против советского присутствия в Афганистане, а затем против Северного альянса. На территории Пакистана они проходили подготовку и получали необходимое материальное обеспечение. В 1994 году при непосредственном участии ISI и с одобрения ЦРУ возникло движение «Талибан», с лидерами которого вплоть до 1997 года поддерживались тесные связи и велись переговоры, в том числе и о строительстве газопровода на территории Афганистана. Бороться с исламистами пакистанским военным приказали только в конце 1990-х годов, после того как в США решили, что исламский экстремизм угрожает их национальной безопасности. Сегодня пакистанским спецслужбам приходится платить по счетам. Накануне своего отъезда в Вашингтон в конце июля 2008 года премьер-министр Пакистана Юсуф Раза Гиллани подписал распоряжение, в соответствии с которым 26 июля 2008 года две спецслужбы ISI и IB (Intelligence Bureau) переходят под непосредственное управление МВД.

Формально ISI и IB должны подчиняться премьер-министру, в то время как Федеральное разведывательное агентство находится в ведении министра внутренних дел. Однако фактически все эти службы подчинялись непосредственно президенту страны вплоть до марта 2008 года, когда к власти пришло правительство Гиллани.

С того самого времени, рассказывает Бахукутумби Раман, правительство Гиллани испытывает на себе сильное давление со стороны Вашингтона, где от него требуют решить проблему, известную как «ISI внутри ISI».

Впервые о проблеме заговорили после того, как ISI не сумела раскрыть два неудачных покушения на Мушаррафа в декабре 2003 года. Разговоры об «ISI внутри ISI» зазвучали с новой силой после убийства Беназир Бхутто в конце декабря 2007 года. Затем полиция Пакистана сообщила, что у нее есть серьезные основания подозревать, что «ISI внутри ISI» организовала покушение на Карзая в Кабуле в конце апреля 2008 года, равно как и взрыв у индийского посольства в Кабуле в июле 2008 года. Тем не менее, пишет Раман, никому до сих пор не удалось выявить ни одного из членов этой гипотетической тайной организации.

Перевод спецслужб в подчинение МВД вызвал негодование у военных. Высшие офицеры пакистанской армии расценили этот шаг как попытку нового президента страны и Асефа Зардари сделать свое доверенное лицо – Рехмана Малика, должность которого называется (или будет называться) советник МВД со статусом члена Кабинета

министров, руководителем всех разведслужб, которые будут находиться в непосредственном его подчинении. Кроме того, высшие чины в пакистанской армии расценили попытку вывести ISI из-под контроля военных как стремление США получить через Малика доступ к хранящимся в архивах ISI документам о ядерных разработках.

Сходным же образом предложение о переводе ISI – службы, организовывавшей секретные операции против Афганистана и Индии, расценивается ими как попытка США получить подробную информацию об этих операциях. В результате этих протестов правительство Пакистана в течение 24 часов отменило сделанное распоряжение и опубликовало новое, в котором говорится, что предыдущее было истолковано неверно и что ISI будет по-прежнему подчиняться премьер-министру. Зато во время визита Гиллани в американской прессе появились материалы о тайном визите в Исламабад заместителя директора ЦРУ Стивена Каппса, который якобы представил пакистанскому руководству неопровержимые доказательства связей между высокопоставленными сотрудниками спецслужб Пакистана и лидерами «Аль-Каиды», укрывающимися в Зоне племен. Из Исламабада немедленно последовало опровержение. «Это хорошо организованная провокация против ISI», – заявил официальный представитель пакистанской армии генерал-майор Атхар Аббас.

Все происходящее несколько настораживает китайских наблюдателей, внимательно отслеживающих ситуацию в Пакистане. Китайский Международный Институт стратегических исследований International Institute of Strategic Studies (IISS) представил правительству и военному командованию Китая доклад, датированный 6 июля 2008 года. Сообщения американской прессы китайцы расценили как предупреждение со стороны США об их готовности в одностороннем порядке провести военную операцию против террористов на территории Пакистана. Тем более, что раньше министр иностранных дел Пакистана признал, что американцы опасаются, что на территории Пакистана готовится нападение на США, сопоставимое по масштабам с терактом 11 сентября 2001 года. По мнению китайских аналитиков, непосредственное вмешательство США приведет к ухудшению общей ситуации в непосредственной близости от китайской провинции Синьцзян, в которой отмечается повышенная активность уйгурских сепаратистов.

Авторы доклада опасаются и варианта, при котором этнические противоречия внутри Пакистана приведут к раздроблению страны на отдельные государственные образования пенджабцев, синдхов, пуштунов и белуджей. Если же в процесс окажется втянут Кашмир, то это, по мнению аналитиков, приведет к вовлечению в конфликт и Индии. Авторы доклада приходят к неутешительному выводу: «США ведут в Пакистане опасную игру, используя терроризм в качестве предлога для создания угрозы территориальной целостности Пакистана и Индии и угрожая безопасности самого Китая».

Диагноз – мрачный, и лучше бы он оказался неверным.

Валерий БУЯНОВ

ПОСЛЕДНИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗНИК НА ЗАПАДЕ

В 1999 г. подписаны Договор о создании Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь и Программа действий по реализации его положений.

Интеграцию двух стран можно и нужно рассматривать в политической, экономической, социальной, правовой и других сферах. Но важнейшее значение для России, с учетом современных угроз, имеет геополитический и геостратегический аспекты Союза.

Катастрофа 1990-х годов, когда распался Советский Союз, чрезвычайно осложнила геополитическое положение России, ослабила ее совокупную мощь. Россия утратила почти все геополитические зоны влияния в Центрально-Восточной Европе, защитные оболочки в других регионах, опорные геостратегические точки в Африке, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии. К рубежам России впервые вышел блок НАТО.

Можно выделить три «натовские волны», которые в постсоветское время накатывались на Россию. Первая – когда в состав НАТО вошли страны бывшего Варшавского Договора – Польша, Венгрия, Чехия и др. Вторая волна наступления датируется 2002 годом, когда в блок были приняты бывшие республики СССР – Латвия, Литва, Эстония, – что обострило ситуацию и вывело Североатлантический альянс непосредственно к границам нашей страны. Набирает силы третья волна, накат которой может привести к поглощению НАТО Украины и Грузии. В случае реализации данного сценария пять из шести причерноморских стран оказываются членами альянса. Это обстоятельство превратит Черное море во «внутреннее» море Североатлантического блока и США, поставит под вопрос всю южную военную инфраструктуру России.

Непосредственную угрозу безопасности России представляют элементы американской стратегической системы ПРО, размещаемые в Польше и Чехии. Очевидны планы создания антироссийской коали-

ции стран Балтийского и Черноморского ареалов. В целом складывается впечатление, что по отношению к России осуществляется принцип «анаконды», геополитического удушения российского государства.

В этом контексте создание фактического, а не просто провозглашенного Союзного государства имеет принципиальное значение. Здесь необходимо учитывать особое геополитическое положение Республики Беларусь, исторические связи наших стран.

Белоруссия находилась в составе разных государственных образований: Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза. В 1991 г. Республика Беларусь возникла как самостоятельное государство. Это страна европейского континента с населением 10 млн. человек и территорией почти 208 тыс. квадратных километров.

В советский период Белоруссия являлась одной из самых высокоразвитых республик. Одновременно БССР была весьма милитаризованной республикой, представляя собой передовую линию глубоко эшелонированной обороны СССР. Белорусский военный округ выступал центром второй линии обороны стран Варшавского Договора.

В современной Белоруссии поставлена задача создания максимально возможных отношений с Россией в оборонной области. Республика заявила, что завершено реформирование белорусской армии, которая насчитывает 75 тыс. человек (50 тыс. военнослужащих и 25 тыс. гражданских лиц). При поддержке Российской Федерации идет ее перевооружение. На территории республики находятся два важных военных объекта – радиолокационная станция (РЛС) космических войск России и узел дальней связи Военно-морского флота России с атомными подводными лодками.

Для Белоруссии союз с Россией – это не только льготное обеспечение энергоресурсами, кредитами и доступ к обширному российскому рынку. Это, в конечном счете, проблема выживания страны, выхода ее из внешнеполитической изоляции, а также прикрытие республики российским «ядерным зонтиком».

В свою очередь, для России Белоруссия представляет собой единственного союзника на западных рубежах, военно-стратегического партнера, существенным образом укрепляющего позиции РФ.

Тем не менее, у двух стран, при официально провозглашаемом желании строить Союзное государство, во взаимоотношениях немало проблем и противоречий. Движение к объединению буксует. Накапливается некая обоюдная усталость от малорезультативных усилий, от того, что качественный прорыв в создании Союза так и не произошел.

В чем причины такого положения? Назовем пять из них.

Первая причина. У двух стран разные политические, экономические и социальные системы. У Белоруссии много «социализма» и «советизма» с элементами рыночной экономики. У России много

«либерализма» в экономической сфере с крупными блоками госкапитализма. В Белоруссии авторитарный режим, который, тем не менее, обеспечивает стабильность и порядок в обществе и государстве. В России провозглашен курс на строительство демократического правового общества, где, однако, очевидны массовое неуважение к законам и тотальная коррупция. В Белоруссии сильна социальная защита населения. В России за чертой бедности, только по официальным данным, живет более 20 млн. человек.

Вторая причина – разные представления о форме интеграции. В 2002 г. В.В.Путин внес предложение о вхождении Республики Беларусь в состав Российской Федерации либо областями, либо как единый федеральный субъект. Этот сценарий встретил отрицательную реакцию не только у правящих кругов, но и у значительной части населения республики. В данном случае подменяются понятия и цели, ибо вместо создания Союзного государства предлагается поглощение Белоруссии Россией.

Российской стороне напомнили о том, что Республика Беларусь – суверенное европейское государство с достаточно развитой экономикой, страна, которая выступила одной из основательниц ООН и сейчас является заметным субъектом международных отношений.

Менее радикален сценарий построения Союзного государства по примеру Евросоюза. Но и эта формула кажется малоприемлемой. В ЕС интегрируются государства с разными языками, культурой, конфессиями, традициями и менталитетом. Поэтому европейская интеграция, которая продолжается и сейчас, заняла историческую дистанцию более чем в 50 лет. В случае с Белоруссией и Россией ситуация иная: их объединяет общее историческое прошлое, язык (любой белорус понимает русскую речь), культура и религия, во многом сохранившиеся со времен СССР экономические связи, очень близкий менталитет и взаимное глубокое уважение народов. Можно сделать вывод: у России и Белоруссии есть все объективные условия для того, чтобы уровень интегрированности Союзного государства превосходил Европейский союз.

Белорусская сторона придерживается следующей концепции: на добровольной основе Республика Беларусь и Российская Федерация объединяются, сохраняя суверенность, но передают часть своих функций Союзному государству. При этом ни о каком варианте «поглощения» Беларуси речь не должна идти.

Третья причина – неурегулированность многих экономических и финансовых проблем. «Газовая война» 2006–2007 гг. испортила не только экономические, но и политические отношения. В ответ на повышение цены на газ, хотя она и остается самой низкой в СНГ, Минск попытался выставить Москве свои финансовые претензии, в том числе в виде увеличения стоимости транзита. В поисках альтерна-

тивных поставок энергоресурсов руководство республики заявляет о готовности дружить с Ираном и Венесуэлой (забывая, по-видимому, поговорку: «за морем телушка – полушка, да дорог перевоз»), ревниво относится к строительству газопровода в Европу по дну Балтийского моря («Северный поток»). Белорусская сторона уклоняется от ранее принятого решения о введении единой валюты. Очевидны ее опасения в отношении экспансии российского капитала.

Руководство России, в свою очередь, то вводит в действие «фактор газа», то прибегает к методам финансово-экономического обольщения союзницы, то использует дипломатию сильных жестов.

Четвертая причина – противодействие объединению со стороны США и Евросоюза, которые не желают усиления восточного конкурента. В схеме «капсулирования» двух стран особенно активно используется такое универсальное политическое средство Запада, как демократия и защита прав человека. На Россию обрушиваются упреки в том, что она строит союзные отношения с самым недемократическим государством, с «последним диктатором» Европы. Белоруссия же подвергается ожесточенным атакам за отсутствие свобод, фальсификацию выборов и т.п. При этом критика чаще всего персонифицирована и направлена против главы Белоруссии.

В августе 2008 г. белорусский президент распорядился отпустить на свободу последних политзаключенных в стране. В конце сентября этого же года состоялись выборы нового парламента, ход которых отслеживало большое количество иностранных наблюдателей, в том числе из западных стран. И хотя последние отметили положительные сдвиги, тем не менее положение в республике, по их мнению, все еще не соответствует «стандартам демократии».

Пятая причина – субъективная. Интеграции двух стран препятствует часть их правящей элиты, хотя и по разным причинам. В России достаточно влиятельных людей, которые выступают против союза с Белоруссией, опасаясь, кроме прочего, претензий белорусского лидера на руководящую роль в Союзном государстве.

Вместе с тем значительная часть элиты Белоруссии тоже не горит желанием соединяться с Российской Федерацией. Некоторые правительственные чиновники предпочитают смотреть на Россию сквозь «черные очки», игнорируя положительные тенденции в развитии РФ. Другие понимают значение Союзного государства, но неопределенность собственной судьбы и неясность своего статуса в новом государстве сковывают их инициативу.

Исключительно важное значение в создании Союзного государства имеет **президентский фактор**. Взаимодействие президентов двух стран можно выразить формулой «1+3». Имеется в виду, что один и тот же президент Республики Беларусь на протяжении более десяти последних лет выстраивает отношения с тремя руководителями пореформен-

ной России. Не особенно сложились отношения между Лукашенко и Путиным, что, в числе других причин, сказалось на темпах интеграции двух государств. В Республике Беларусь стала распространяться версия, что Россия не хочет союза, что она решила «отфутболить союзную проблематику» на белорусскую половину и тем самым сбросить с себя груз ответственности за судьбу Союзного государства. В свою очередь, в российских правящих кругах и в СМИ широкое распространение получила мысль, что Белоруссии интеграция нужнее, чем России, что последняя является донором белорусской экономики и т.д. Особенно не скрывалась идея инкорпорации Белоруссии в состав РФ.

С нынешним президентом России руководитель Республики Беларусь стремится улучшить отношения и найти пути к большему взаимопониманию.

А.Г.Лукашенко, что бы о нем ни говорили, волевой и системный политик. Но драма его в том, что, правильно оценив в свое время важность и приоритетность союза с Россией для судьбы республики, своими дальнейшими действиями он зачастую пытается двигаться вопреки собственной внешнеполитической концепции. Отсюда постоянное лавирование белорусского президента, двойственность его позиции. Он то подчеркивает неизбежность единения с братской Россией, то акцентирует внимание, что «Белоруссия находится в центре Европы и у нас единые ценности». И уж совсем шокирующе заявляет иностранным корреспондентам (2007 г.): «Мы хотим быть похожими на Германию или Швецию. Ориентация на Россию была ошибкой».

Сбои в союзном строительстве обусловлены и тем, что оно ведется «сверху», на уровне госаппаратов. Огромный потенциал общественности двух стран оказался незадействованным. Это тем более огорчительно, если учесть, что большинство белорусов и россиян выступает за объединение. Исходя из предшествующего опыта интеграции, можно сделать вывод: политику и России, и Белоруссии следует строить на более прочных основаниях, чем диалог президентов.

Что ждет Союзное государство в будущем? В данном контексте можно говорить о трех возможных сценариях. Первый из них назовем оптимистическим, второй – пессимистическим, третий – неопределенным, или вялотекущим.

Оптимистический сценарий предполагает прорыв в процессе интеграции двух стран. Для этого потребуется политическая воля руководителей двух государств, четкое согласование по времени наиболее важных этапов сближения, их предельная конкретизация и жесткий контроль за исполнением. Принципиальное значение имеет принятие Конституционного Акта с последующим вынесением его на всенародный референдум в Российской Федерации и в Республике Беларусь.

До референдума должны быть согласованы позиции в области политического устройства и правовой системы Союзного государства, опре-

делена форма интеграции. При оптимистическом сценарии новый импульс получают многосторонние отношения между двумя странами, в том числе в сфере оборонного сотрудничества.

Не исключено, что в условиях геополитического окружения двух стран Республика Беларусь пойдет на пересмотр своего статуса внеблокового и нейтрального государства. На повестку дня будет вынесен вопрос о создании единой системы противовоздушной обороны России и Белоруссии и существенном укреплении Региональной группировки войск Союзного государства.

Пессимистический сценарий не сулит ничего хорошего обеим сторонам. Усилится угроза национальной безопасности России. Могут реализоваться планы воссоздания «санитарного кордона» на западном направлении страны. Затруднится реализация российских проектов транзитных путей в Европу. Обострятся проблемы западного форпоста России – Калининградской области, которая как пуповиной связана с остальной страной газопроводом, проходящим по территории Белоруссии и Литвы. Угроза для Калининграда – это серьезная угроза для Балтийского флота России, при этом нельзя забывать, что именно этот флот обеспечивает безопасность нашего государства на западном направлении. Как отмечают специалисты, один ракетный залп кораблей и береговых частей Балтийского флота в состоянии парализовать любую опасность, исходящую из европейского континента. Утрата этого флота означала бы в перспективе потерю для России акватории Балтийского моря.

В свою очередь, Белоруссия, если процесс интеграции будет развиваться по пессимистическому сценарию, лишится поддержки России. Можно предвидеть серьезное сокращение товарооборота между странами. Ухудшение российско-белорусских отношений приведет к ограничению доступа к сравнительно дешевым российским энергоносителям. Возникает вероятность утраты Белоруссией традиционных рынков сбыта своей продукции в российских регионах.

Реализация пессимистического сценария нарушит родственные и традиционные культурные связи, повысит опасность разрушения единого конфессионального пространства. Таким образом, последствия провала планов создания Союзного государства могут дорого обойтись и Минску, и Москве.

Сценарий неопределенности в строительстве Союза, когда де-юре он существует, а де-факто заморожен, может привести в конечном счете к обоюдному разочарованию и «разводу». Отношения будут развиваться сугубо прагматично, на основе стандартных межгосударственных соглашений. Республика Беларусь не будет, наподобие южного соседа, рваться в НАТО, ибо это противоречит ее Конституции и нынешним настроениям населения страны, но выставит большие счета за пребывание российских военных объектов на своей территории. Повышая

цены на энергоносители, Россия тем самым снижает уровень дотационности белорусского народного хозяйства, что приведет к замедлению темпов развития ее экономики и социальной сферы. В сочетании с противоречивостью внешней политики руководства Республики Беларусь это грозит недовольством значительной части белорусов.

Для России отсутствие прогресса в строительстве Союзного государства будет означать неумение быть локомотивом интеграции. Это подрывает авторитет РФ в странах СНГ, значительно ослабляет те силы и движения, которые выступают за реинтеграцию на постсоветском пространстве.

Между Россией и Белоруссией отсутствуют непреодолимые противоречия, исторический груз взаимных претензий и обид, что уже само по себе способствует достижению долговременного союза. Разногласия, которые сейчас существуют, по-видимому, неизбежны, учитывая, что создается новая союзная конструкция.

Главное при этом – понимание общности жизненно важных интересов двух государств в условиях глобализации и нарастающей конфликтности в мире. Если этого не произойдет и в ближайшие годы не осуществится прорыв в строительстве Союзного государства, то не исключено, что, устав от бесконечных споров с «амбициозной» Россией, белорусское руководство может осуществить дрейф в сторону Запада и впоследствии провозгласить курс на интеграцию в евро-атлантические структуры.

Это будет означать не только потерю последнего геополитического и геостратегического союзника в Европе, но и крах всей восточноевропейской политики России.

Анатолий ЦЫГАНОК

УРОКИ ВОЙНЫ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Подготовка и ведение боевых действий грузинской армии против южно-осетинских миротворцев и российской армии в августе 2008 года дали массу аналитического материала о планировании, стратегии и тактике сухопутных войск, ВВС и ВМС Грузии и России.

В ходе «Операции по принуждению Грузии к миру» обеими сторонами проводились полномасштабные наземные сражения, активно действовала авиация и велась полновесная информационная война. Военные действия на Южном Кавказе стали испытательным полигоном для проверки в реальных боевых условиях теоретических положений натовской военной мысли и новых технологических наработок в области вооружений, тактики частей грузинских вооруженных сил, оснащенных новым оружием, создания воздушных, морских и наземных группировок.

Но война стала проверкой на прочность и концепции национальной безопасности России. Судить о том, прошла ли концепция эту проверку или нет, пока сложно. С военной точки зрения, это была успешная операция, поскольку основная задача – выбить противника из Южной Осетии и защитить Абхазию – была выполнена. Но уроки, полученные в этой войне, несомненно, нуждаются в серьезном осмыслении, а сделанные выводы могут послужить хорошим подспорьем в решении актуальнейших задач совершенствования вооруженных сил России.

Цели и задачи, поставленные Грузинской армией

Основная цель: «наведение конституционного порядка» на территории Южной Осетии, чтобы вернуть отколовшуюся автономию под свою юрисдикцию, а затем навести «конституционный порядок» и в Абхазии.

Военные задачи: 1) разгромить «сепаратистские силы» Южной Осетии и одновременно нейтрализовать миротворческие силы России, в

последующем – перекрыть Рокский перевал; 2) проверить концепцию США и НАТО о ведении боевых действий в горных условиях.

Политические задачи: 1) изгнать осетинское население, нежелающее входить в состав Грузии; 2) немедленно начать переговоры о вступлении Грузии в НАТО: 3) реально начать переселение грузинских беженцев на земли Южной Осетии.

Геополитические задачи: 1) уменьшить влияние России на государства Южного Кавказа; 2) предоставить аэродромы подскока для авиации США и Израиля в случае возможных боевых действий против Ирана; 3) ускорить прокладывание очередного трубопровода.

Технические задачи: 1) провести массовые испытания в реальных боевых условиях модернизированного вооружения своей армии; 2) практически испытать «центры организации огня», созданные с помощью израильских военных.

Операция «Чистое поле»

Операция «Чистое поле» против Южной Осетии была разработана Грузией совместно с сотрудниками компании Military Professional Resources Incorporates (MPRI) – именно той компании, которая, заключив контракт с администрацией Саакашвили, все эти годы занималась подготовкой военных операций и переподготовкой личного состава грузинских вооруженных сил. Консультантами компании были отставные генералы армии США и несколько высокопоставленных «военных пенсионеров». Эта публика и ныне занимает четвертый этаж министерства обороны Грузии, куда вход грузинским военным закрыт.

Грузинскую армию численностью 20 тыс. человек (создание ее обошлось в 2 млрд. долларов) готовили американские инструкторы. Армия, которая отказалась от техники стран Варшавского Договора, готовилась к «локальным» войнам, прежде всего, с сепаратистскими анклавами в своих границах, а также для участия в миротворческих операциях в странах вроде Ирака. Более 5 тысяч грузинских военнослужащих в 2002-2007 годах прошли переподготовку в рамках двух программ Пентагона («Обучи и оснасти» и «Обеспечение операций стабильности»). Пентагоновские специалисты и инструкторы помогли грузинской армии создать четыре батальона: 12-й «Коммандос», 23-й Сачхерский горно-стрелковый, 11-й Телавский легкой пехоты, 13-й Шавнабадский легкой пехоты и смешанную бронетанковую роту на 10 Т-72Б1 и 10 БМП-1/2. Еще 3 тыс. грузинских солдат было подготовлено для участия в миротворческих операциях. В Турции было закуплено 2500 автоматов MP5A1(к), 1500 штурмовых винтовок G3A3/A4, подписан с Израилем контракт стоимостью 65 млн. долларов на поставку 7 тысяч современных штурмовых винтовок T.A.R. 21 (Tavor).

Располагая данными космической, воздушной, радиолокационной разведок, командование Грузии владело большей частью информации о структуре, возможностях и вариантах действий вооруженных сил Южной Осетии и России. Грузинская армия была построена для ведения наступления («блицкрига»). Все учения последних лет – «Огненный кулак», «Броня»– это проработка возможного захвата Южной Осетии и Абхазии.

Окончательная тренировка (КШУ) трех бригад была проведена заместителем министра обороны Баку Кутелия непосредственно перед наступлением. Именно тогда планировалось создать для нанесения удара шесть ударных групп. Территория Южной Осетии лучше всего подходила для возможного «блицкрига» – она отдалена от России Двалетским хребтом, а поставка вооружения была возможна только через Рокский тоннель. Южная Осетия имела и меньше вооруженных сил, чем Абхазия.

За основу были взяты уроки ближневосточных войн Израиля, опыт афганской и иракской войн. Тактика пехотных бригад базировалась на действиях штурмовых групп и отдельных снайперско-диверсионных групп спецназа МВД «Гиа Гулуа», «Омега». Каждая штурмовая группа должна была включать две мотострелковые роты, танковый взвод и саперное отделение.

В основу плана военной операции против Южной Осетии было положено одновременное нанесение двух сходящихся ударов по Цхинвалу: главного – с южного (Горийского) направления – основной группировкой войск (4-я мотопехотная бригада (мпбр), с глубоким полуохватом Цхинвала с востока, рассекающим оборону армии Южной Осетии, с выходом в район Тамарашени; второго – с Карельского направления – силами 3-й мпбр и полуохватом Цхинвала с западного направления и внутренним охватом границ Цхинвала со всех сторон и внешнего кольца окружения. Окруженную Цхинвальскую группировку противника планировалось сковать ударами авиации и РСЗО. Артиллерийские удары должны были, по замыслу грузинского руководства, максимально ее ослабить, дезорганизовать и вынудить Цхинвал к сдаче.

В первом эшелоне планировались действия 3-й и 4-й мпбр, во втором эшелоне – 1-я мпбр, при поддержке артиллерийской бригады и реактивного дивизиона, отдельного танкового батальона, центра радиоэлектронной борьбы, ВВС. В ходе операции грузинское командование намечало максимально использовать действия снайперско-диверсионных групп (от 10 до 12 человек). В задачу «Блуждающих рейнджеров» входили: наведение авиации и артиллерии на органы боевого управления, разведка, минирование дорог в тылу южно-осетинских войск, дезорганизация и деморализация обороняющихся частей, а при выдвижении российской армии – диверсии на коммуникациях и узлах связи.

Генштаб Грузии рассчитывал на одновременную поддержку подразделений национальной гвардии «Лиахвского коридора», созданных в селах (Ачабети, Кехви, Курта, Хейти, Тамарашени), и грузинских гарнизонов сел (Аневи, Ередви, Нули, Прис). Предусматривался также огонь с тыла батальона грузинских миротворцев (из состава коджорской бригады спецназа).

Основная ставка в стратегии грузинской армии против южно-осетинской и против российской армий была сделана на достижении максимального огня за короткий промежуток времени. На первом этапе вторжения в Южную Осетию большая роль отводилась массированному поражению противника ракетно-артиллерийским огнем, корректируемым с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), и ударам авиации.

Планировалось, что за 2–3 дня армия Грузии овладеет Цхинвалом, Джавой и захватит Рокский тоннель. За 3–4 дня возьмет под контроль 75% территории Южной Осетии с последующим переносом усилий на Абхазское направление с одновременной высадкой морских и воздушных десантов в Горском районе и с дальнейшим наращиванием сил для захвата к исходу первых же суток Сухими.

В целом грузинская стратегия и тактика базировалась на оперативной маскировке, на отличном знании местности большей частью офицеров (прошедших ротацию в миротворческом батальоне), на возможностях использования израильского БПЛА «Гермес-450» со спутниковым наведением на цель высокоточных снарядов 4-РЗСО 262-мм М-87 «Оркан»; артиллерийских батарей, GPS и центров «организации огня» авиационной и артиллерийской поддержки войск, которые в реальном масштабе координировали нанесение ударов ВВС и артиллерии для поддержки пехоты и танков. Активно использовалась и военная хитрость: преднамеренный отход грузинских войск из двух-трех кварталов в Цхинвале с последующим артобстрелом и бомбардировкой при занятии их южно-осетинскими войсками.

Основное внимание в боевой подготовке уделялось ночным боям. Именно в ночное время суток грузинские войска владели преимуществом по сравнению с российскими войсками. Грузинские танки Т-72-SIM-1 при посредничестве Израиля прошли основательную модернизацию, включая GPS, тепловизоры, систему опознавания «свой – чужой», наращивание брони. Серьезная ставка делалась на мощную радиолокационную и радиоразведку, на превосходство и насыщенность средствами связи, спутниковой навигации, приборами ночного видения сухопутных частей, на действия «пятой колонны Саакоева».

Благодаря радиолокации, радиоразведке и пеленгации Грузия отслеживала все сотовые телефоны и наносила по ним поражение огнем. Следует отметить наличие великолепно подготовленных топографических карт и снимков большого разрешения из космоса Цхин-

вала и территории Южной Осетии, найденных у артиллерийских наводчиков.

При подготовке частей и подразделений Грузии к войне учитывались сильные стороны российской армии: абсолютное превосходство в воздухе, на море, в тяжелом вооружении, и «узкие места» своей – слабость ПВО и недостаточность активных средств для противодействия ВВС на большей части грузинской территории. Но она имела обученные и превосходно экипированные части, вооруженные турецким, израильским, немецким оружием, полностью изжившие синдром поражения в предыдущей войне.

Грузия не верила, что Россия ответит на ее наступление в Южной Осетии, и была совершенно не готова к контратаке.

Уроки оперативной маскировки

Как Грузия, так и армии Южной Осетии, Абхазии и России, рассчитывали на высокую эффективность мероприятий по обеспечению скрытности действий войск и введение противника в заблуждение. Свои оперативные планы они строили, исходя из обязательного достижения целей оперативной маскировки. Для Грузии такими целями стали: сокрытие масштабов и сроков стратегической перегруппировки в зону, непосредственно примыкающую к Южной Осетии, трех бригад (3-й и 4-й бригад в первом эшелоне, 1-й бригады во втором эшелоне); введение руководства Южной Осетии и Абхазии в заблуждение относительно сроков операции, обеспечение внезапности первого удара и быстрых действий в наземной фазе операции.

Важные дезинформационные мероприятия были осуществлены в конце апреля – первой половине мая 2008 года, а также в июне, в момент интенсивного наращивания подготовки войск. В тот период через все каналы СМИ Тбилиси афишировались полеты БЛПА над территорией Абхазии, что вынуждало ее командование держать 1/3 личного состава в повышенном состояние готовности в ожидании удара с моря.

Для достижения стратегической и тактической внезапности президент Грузии Саакашвили в 20.00 7 августа объявил по телевизору о прекращении огня и о неприменении оружия грузинскими войсками, уже зная, что проведение первого массированного ракетно-авиационного удара намечено нанести в 23.30.

В 21.00 российскими миротворцами была замечена колонна из 20 автомобилей, прибывшая в Гори. В 21.30 – 30 автомашин, в 21.15 – еще одна колонна из 30 машин.

О неизбежности войны миротворцам стало ясно, когда проследовало 12 машин с мигалками из Тбилиси – по-видимому, на пункт управления, а из Гори в направлении грузинского села Эредви на окраине Цхинвала выдвинулась колонна из 100 машин.

Ровно через 2.30 начался ракетно-артиллерийский обстрел Цхинвала.

Основной акцент в оперативной маскировке отводился обеспечению внезапности первого удара. В целях предотвращения утечки информации было организовано прослушивание телефонных переговоров личного состава войск с членами семей. Резко ограничивался круг лиц, привлекаемых к планированию операции. Ее детали были известны только узкому составу в правительстве Грузии. Что, в общем-то, понятно: речь шла о массированном применении армии против собственного народа и преднамеренно – к началу Олимпийских игр.

Слабые стороны грузинской армии

Недостатками стратегии было отсутствие единого руководства. Каждой бригадой командовали два заместителя министра обороны и заместитель министра МВД. Грузинская армия была не готова к «бункерной» войне – к захвату хорошо укрепленных позиций в южной части Цхинвала. Реактивные системы залпового огня (РСЗО) «Град», которые могут бить только по площадям, не годились для нанесения точечных ударов и были бесполезны для целеуказания. Большая часть танков Т-72-SIM-1 действовала во втором эшелоне, поскольку грузинское командование берегло «усовершенствованные танки».

Попытка перевода на цифровые технологии не увенчалась успехом. Сказалась и слабая тренировка созданных с помощью израильских военных «центров организации огня», которые должны были в реальном масштабе времени координировать нанесение ударов ВВС и артиллерии для поддержки пехоты и танков. В реальной боевой обстановке взаимодействие этих центров со штурмовыми группами, ротами, батальонами оказалось низким, особенно по эффективности поражения целей.

В ходе наземных боев артиллерия, РСЗО, авиация в течение 14 часов вела огонь на поражение, город был практически полностью разрушен (около 70% зданий). Но результатами этого непрерывного огня танковые части не смогли воспользоваться. Бои за город подтвердили урок штурма Грозного: в условиях городской застройки танки малоэффективны и становятся легкой мишенью для хорошо обученных гранатометных групп.

С 10 августа грузинская армия в основном воевала за счет «самоорганизации». Артиллерийская поддержка была только в том случае, если командир лично знал номера мобильных телефонов артиллерийских офицеров.

Тыл «не сработал», как должно: из-за отсутствия боеприпасов многие подразделения были вынуждены выходить из боя. Из-за плохого взаимодействия грузинских войск не удалось избежать «дружественного огня»(когда наносят удары по своим). Противовоздушная оборо-

на, в условиях превосходства российской авиации, применяла тактику, подобную той, которую югославы использовали в борьбе с налетами натовской авиации, – временное очаговое включение средств ПВО, организация засад мобильных зенитных систем «Тор-М1» и «Бук» на предполагаемых маршрутах полетов российской авиации.

К основным недостаткам следует отнести и неподготовленность оборонительных позиций и рубежей. Правительство Грузии не допускало и в мыслях возможности контрудара и, тем более, бомбардировки своей территории. В ротах и батальонах солдат не обучали навыкам оборонительного боя, действиям в окружении и при отходе. Отступление грузинских войск быстро превратилось в беспорядочное бегство. Качество резервистов в разы уступало контрактникам. Многим из них выдавалось оружие, которое они впервые видели и не умели с ним обращаться. Часть резервистов дезертировала, и их перестали отправлять на фронт.

Отрицательное влияние на грузинскую армию оказало длительное участие армейских подразделений в полицейских операциях против «оппозиции». Приобретенные тактические навыки, приемы и методы для разгона демонстрантов оказались неэффективными при столкновении с хорошо обученными и вооруженными бойцами юго-осетинской армии.

Анализ действий российской армии

Ответным действиям российской стороны серьезно мешало то, что единственная автодорога Владикавказ–Цхинвал (167 км) имела крайне ограниченную пропускную способность. Большинство потерь наши войска понесли, выдвигаясь в колоннах к Цхинвалу. А переброска подкреплений по воздуху была невозможна из-за активного противодействия грузинской ПВО. Длительное выдвижение армейских колонн к Цхинвалу через узкое горлышко Рокского тоннеля и необходимость спешного сосредоточения значительного количества войск из различных регионов создали впечатление медлительности российского командования.

Тем не менее, за сутки группировка РФ была увеличена почти вдвое. Быстрота и успешность их реакции и действий оказались неожиданными не только для грузинского руководства, но и для Запада, а также для некоторых пессимистически настроенных отечественных наблюдателей. За трое суток на изолированном и крайне сложном по природным условиям операционном направлении была создана весьма мощная группировка сил и средств, способных к эффективным действиям и нанесению быстрого поражения численно не уступавшей группировке грузинской армии.

Но с концептуальными, доктринальными взглядами на стратегию и тактику российских вооруженных сил можно, несомненно, поспо-

рить. По крайней мере, в ходе войны проявились многие недостатки нынешнего состояния армии и концепции ее совершенствования и развития, над которыми следовало бы, на мой взгляд, хорошо подумать.

Прежде всего, надо признать, что по своему оперативному и боевому обеспечению, технической оснащенности армия оказалась не очень готовой к такого рода военным конфликтам.

В течение первого дня не было очевидным преимущество российской авиации, а отсутствие в войсках авианаводчиков позволило грузинским РСЗО и артиллерии беспрепятственно, в течении 14 часов, вести огонь по Цхинвалу. Причина, как оказалось, была в том, что оперативные группы ВВС не смогли выделить в общевойсковые соединения и части нужных специалистов без параллельного развертывания КП и ЗКП. Практически отсутствовали армейская авиация и вертолеты, поэтому танки шли без воздушного прикрытия. Не использовались ни воздушные десанты, ни вертолетные подвижные отряды минирования на участках отхода грузинских войск. Воздушный десант численностью 300 человек был проведен силами абхазской армии.

Традиционно слабыми сторонами российской армии, насколько было можно судить, остаются действия ночью, разведка, связь и тыловое обеспечение, хотя в данном случае, ввиду слабости противника, эти недочеты не сыграли существенной роли при ведении боевых действий. Сказалось отсутствие радиолокационного комплекса разведки позиций ракетных установок и артиллерии «Зоопарк-1», в радиусе 40 км мгновенно засекающего летящий снаряд и сразу определяющего точку выстрела. Буквально секунды требуются для полной обработки цели и выдачи данных на стрельбу. Этих комплексов в нужном месте и в нужное время почему-то не оказалось. Корректировка артиллерийского огня шла по радионаводке. По этой же причине оказалось недостаточно эффективным подавление грузинской артиллерии, быстро менявшей огневые позиции и стрелявшей не побатарейно, а единичными орудиями.

58-я армия располагала в основном танками устаревших конструкций (60–75% Т-62 и Т-72). Так, танк Т-72Б оборудован динамической защитой или «реактивной броней» первого поколения. Были еще танки Т-72 БМ, но и установленные на них комплекты «Контакт-5» уже не держат так называемые тандемные кумулятивные боеприпасы, которые были в арсеналах грузинской армии. Ночные прицелы танков, разработанные более 30 лет назад, не выдерживают никакой критики. Они «слепнут» от вспышек выстрелов и видят всего на несколько сот метров. Инфракрасные осветители увеличивают дальность наблюдения и прицеливания, но очень сильно демаскируют машину. Старые танки не имели ни GPS, ни тепловизора, ни система опознавания «свой–чужой».

В колоннах шли все те же БМП-1, «алюминиевые» танки ВДВ-1 – с тонкой броней, примитивными прицелами и приборами наблюдения. С бронетранспортерами – такая же безрадостная картина. Лишь изредка встречались машины, оборудованные экранами и дополнительной броней. До сих пор мотострелки, десантники и разведка ездят на броне (так безопаснее), потому что машина не защищена от подрывов фугаса или от бронебойного снаряда, выжигающих все изнутри. «Техника для парада, не годится для боя», о чем неоднократно писалось в наших СМИ. Уже на Зарской дороге колонны шли, оставляя за собой не столько подбитую, сколько поломанную технику. «Под Джавой часть техники встала – кончилось дизтопливо, и пришлось ждать, пока его подвезут со стороны тоннеля».

Отрицательное влияние на армию оказали длительное участие армейских подразделений в контртеррористических операциях в Чечне, Ингушетии, Дагестане. Приобретенные там тактические навыки, приемы и методы прочесывания оказались неэффективными в боях с мобильным противником. Отмечались случаи попаданий в «огневые мешки» грузинских войск. Российские части нередко обстреливали друг друга, не имея возможности определить свое точное местонахождение. Военнослужащие 58-й армии признавались, что иногда они пользовались американской GPS, но в этой системе после двух дней операции карта Грузии была « белым пятном». Корректировать огонь приходилось при помощи оптических приборов образца 1960–1980-х годов. Дистанционное зондирование земли со спутника-разведчика не применялось только потому, что не хватало приемников.

В ходе боев отмечалась недостаточная организация взаимодействия танковых и мотострелковых подразделений, между артиллерией и танкистами, между артиллеристами и разведчиками.

ВВС России были задействованы лишь в ограниченной степени. Это было связано, видимо, с политическими ограничениями: так, не подвергались атакам объекты инфраструктуры, транспорта, связи, промышленности Грузии, органы государственного управления республики. Очевидна также острая нехватка в ВВС России современного высокоточного оружия, прежде всего, со спутниковой системой наведения «Х-555», противорадиолокационных ракет фронтовой авиации «Х-28» (дальностью 90 км) и «Ч-58» (дальностью 120 км). Основным ударным оружием нашей авиации остаются обычная бомба и неуправляемая ракета.

В составе нашей группировки находился всего лишь один комплекс беспилотных летательных аппаратов среднего класса – беспилотник «Пчела». Вес «механического насекомого» около 140 кг, радиус действия – 60 км, продолжительность полета – 2 часа. «Пчелы» эффективно применялись в первую и вторую чеченские кампании. К сожалению, из-за сравнительно небольшого ресурса техника физически износилась.

Авиация потеряла четыре самолета, что подтверждено спутниковой системой международного поиска и спасения КОСПАС-САРСАД. Использование дальнего стратегического бомбардировщика Ту-22М для тактической разведки было крайне неразумным. Это несомненный просчет разведки ВВС. Война на Кавказе показала, что командующий объединением ВВС, которому напрямую подчинялись полки армейской авиации, при отсутствии отделов авиации общевойсковых армий, фактически не мог планировать летный ресурс – ежесуточно ставить задачи полкам и эскадрильям в интересах «мотострелков». Сомнительно, что это вообще возможно при перегрузке систем связи потоком заявок от «пехоты». Видимо, поэтому армейская авиация в войсках 58-й армии не участвовала в оперативно-тактических и тактических десантах.

Надо при этом подчеркнуть, что управление авиацией затруднено и тем, что в воздушных армиях ВВС и ПВО, в центральном аппарате ВВС специалистов по применению армейской авиации нет вообще. После ухода квалифицированного руководящего состава управлений и отделов авиации «специалистами» по боевому управлению вертолетными подразделениями стали управленцы из авиации ПВО. Не вина людей, проходящих службу в штатах ВВС и ПВО и не знающих специфики СВ, что они не готовы планировать применение и управление приданной (поддерживающей) авиацией. Что, собственно, и проявилось в военной операции 58-й армии.

При анализе действий российской армии к недостаткам можно отнести и отсутствие объединенных командований (в американских войсках оно практикуется уже двадцать лет), и слабую группировку ГЛОНАСС, а вместе с этим и неприменение управляемых снарядов и мин типа «Сантиметр», «Смельчак», «Грань», и неиспользование средств радиоэлектронной борьбы для подавления средств ПВО Грузии, и нестыковку морских и топографических карт. Нельзя не сказать также и о запоздалом поступлении данных разведки (радио, РЭБ, радиопеленгаторной, космической разведки), в результате чего руководство страны не было своевременно проинформировано о концентрации грузинских войск.

Информационная война

Следует признать, что Россия в первые пять дней боевых действий проиграла информационную войну. На всех ее этапах. Впрочем, в истории есть и более впечатляющие примеры. Это и США, выигравшие войну у республиканской армии в Ираке, и Израиль, победивший в Ливане «Хизбаллу» (в военном плане), но проигравшие информационную войну, а, в сущности, войну в моральном отношении в целом.

Сегодняшняя реальность состоит в том, что информация, направленная на «своего жителя», без учета мнения мирового сообщества, ведет к информационному поражению. Можно полагать, что впервые за всю постсоветскую историю авторитет России упал в глазах едва ли не большинства стран мира. Российское население считает и воспринимает войну как справедливую, армия выполнила «операцию по подержанию мира». Но и страна, и армия оказываются под огнем критики мирового сообщества. Стремление говорить на западном языке при описании происходящего в Южной Осетии не срабатывает так, как это работало на Западе, например, в случае с Косово. Причина проста – в распоряжении России нет того политико-информационного инструментария, которым располагают Соединенные Штаты и государства Западной Европы. Они обладают достаточным политическим влиянием, чтобы превратить собственную версию событий в доминирующее общественное мнение и, главное, в точку зрения международных организаций.

Обе стороны (Грузия и Россия) приуменьшали потери своих войск и преувеличивали потери своего противника. В течение первого дня Россия могла передавать свои телесюжеты на грузинские каналы, но очень скоро вещание на них прекратилось. Грузинская сторона беспардонно оперировала завышенными цифрами потерь российской армии. К концу недели, по информации тбилисских СМИ, насчитывалось более 20 «сбитых самолетов России». При этом не показывалось никаких документальных видеоматериалов и документов. На митинге 14 августа Саакашвили заявил о том, что в Грузию пришло 1200 (!) российских танков.

Обе стороны широко использовали в открытых СМИ дезинформацию, но следует признать, что Грузия сумела сохранить полную неопределенность истинного положения дел в республике и потерь в ходе войны. Надо отдать им должное – они активно использовали опыт Израиля, в течение пяти дней не допустив публикаций ни одной фотографии или панорамных снимков занимаемых их войсками позиций.

Очевидно, что пресс-центр Министерства обороны в одиночку не в состоянии был решать массу связанных с информационной работой проблем, и вряд ли стоит упрекать его в очевидных упущениях в этой сфере. Успех сегодняшней информационной войны, ориентированной как на внешнюю, так и на внутреннюю аудиторию, может обеспечить лишь значительный корпус профессионалов из числа дипломатов, экспертов, журналистов, операторов, писателей, публицистов, переводчиков, сотрудников связи и пр. И здесь требуется отдельный разговор.

Стратегические уроки военных действий на Кавказе

Основной урок – полная зависимость всех средств поражения – ВВС, ВМФ, СВ (самолетов, вертолетов, кораблей, танков, артиллерии, РСЗП, высокоточных боеприпасов, крылатых ракет) – от навигационного обеспечения.

Назрела необходимость и введения в действие новой системы оперативного обеспечения – навигационной, которая в настоящее время в российской армии находится в зачаточном состоянии. Прежде всего, следует полностью развернуть орбитальную группировку спутников ГЛОНАСС. В настоящее время на орбите находится 13 спутников. Для бесперебойного же покрытия территории России нужно как минимум 18, а для покрытия всего мира – 24. Такое количество аппаратов обеспечит круглосуточное нахождение четырех спутников над одной и той же территорией, а значит, и точное определение координат. Армия должна располагать переносными и стационарными приемниками. Проблема эта для России, скорее, технологическая. У нас есть только опыт проектирования чипов с технологией 0,18–0,13 мкм. Приемники на таких компонентах, даже если и есть, не могут обеспечить таких же точностных характеристик, как современные GPS-приемники. Следовательно, необходимо развернуть производство ГЛОНАСС-чипов по технологии 0,09 мкм.

Второй урок войны – видимо, нужно начать работу по созданию новой службы или даже рода войск – информационных, с учетом уроков прошедшей войны.

Третий урок – существующие системы разведки, связи, управления необходимо срочно адаптировать из аналоговой в цифровую.

С учетом этого фактора войны переход на цифровые технологии в российской армии нуждается в разработке «оперативно-тактических центров организации огня», но в программы управления потребуется внести корректировку и реакцию на информацию, получаемую по данным наземной разведки подразделений и частей сухопутных войск.

К 2010 году в России должны быть выполнены задачи по переводу сетей на цифровые носители, а всей системы связи армии и флота – к 2015 году. Тогда же завершится создание объединенной системы связи вооруженных сил страны. Российская армия уже отстала от Америки, где перевод войск на цифровые технологии начался в 1987 году. Первый «Сухопутный боец» – Land Warrior появился в армии в 2002 году, сейчас проходит обкатку в Иране. Немецкие военнослужащие в Афганистане (в 2006–2007 годах) проводят полевые испытания комплекта «Солдат будущего» (IdZ – Infanterist der Zukunft). На основе полученных в ходе полевых испытаний результатов предполагается разработать совершенно новый комплекс – IdZ-ES.

Мы отстаем от Франция, разрабатывающей программу «Скорпион». Натурные испытания «цифрового» солдата, обеспеченного комплектом военнослужащего FELIN (Fantassis a Equipement et Liasons Integres) «Интегрированные оборудование и средства связи пехотинца», – проведены в 2000 году. В настоящее время готовятся к войсковым испытаниям три комплекта: солдата, командира отделе-

ния и командира взвода. В Израиле армейские специалисты разработали программы перевода коммуникаций войск на цифровую основу, которые были показаны на выставке новейших военных технологий для ведения локальных боевых действий в 2005 году. В 2006 году во второй Ливанской войне они уже применялись в отдельных израильских частях.

Суть аналогичных систем – объединение всех находящихся на поле боя сил в единую коммуникационную сеть. То, что видит перед собой рядовой солдат, командир отделения и командир взвода, транслируется через миниатюрную видеокамеру на монитор в штабе, кабине самолета, вертолета или танка. Команды из штаба поступают одновременно всем родам войск, что помогает их взаимодействию и способствует успеху в бою.

Четвертый урок войны – все возрастающее значение разведки на поле боя и насыщение боевых порядков войск мощными ПТО, способными поражать объекты на максимальной дальности.

Пятый урок – все возрастающее значение маскировки и скрытности, как одного из основных видов боевого обеспечения. В условиях поставки в Грузию натовской и израильской систем электронной и оптической разведки и приближения ТТХ– тактических средств к максимальным дальностям этой разведки, соблюдение маскировки и скрытности становится стратегической задачей наступающих и обороняющихся войск.

Учитывая опыт войны на Кавказе, можно сказать, что передача армейской авиации в состав ВВС и ПВО было ошибочным решением. Ее необходимо вернуть в состав сухопутных войск и восстановить командование армейской авиации в сухопутных армиях и корпусах. Одновременно ввести должности по армейской авиации и ПВО при Главкоме СВ, командующем войсками военного округа и командующем общевойсковым объединением с воссозданием управлений и отделов авиации. Нахождение армейской авиации в составе сухопутных войск позволит осуществлять ее планомерное развитие в интересах СВ, а также примерно на 30% уменьшит нагрузку в штабах ВВС и увеличит эффективность применения авиации в интересах операций и боевых действий и частей. Кроме того, необходимо срочное и обязательное оснащение всех штурмовиков и боевых вертолетов ВВС России современными комплексами защиты от ракет переносных зенитных комплексов. Без этого авиация непосредственной поддержки войск обречена на потери в любой операции.

Один из важных уроков войны августа 2008 года в том, что беспилотные летательные аппараты в руках грузинских военных позволили им в режиме «он-лайн» вести постоянное наблюдение за полем боя, наводить на цели артиллерию и авиацию.

Военно-техническая комиссия России приняла в 2006 году решение – до 2012 года отказаться от разработки беспилотных ударных самолетов и аппаратов, которые предлагали совместно фирмы «Иркут» и «Яковлев», а также компания «Сухой».

Мы и так отстали от наиболее развитых стран в этом отношении. От США и Израиля – надолго, от Индии и Пакистана на десяток лет. Во всем мире идет соревнование за первенство в этой области, поскольку в перспективе (если, конечно, говорить о сохранности человеческой жизни) за беспилотными аппаратами явное преимущество при нанесении ударов по объектам в глубине обороны противника. В частности, в Пентагоне поставлена задача создания «тяжелых» БПЛА, которые могут закрыть «брешь» – существующую неспособность сейчас наносить удары с помощью истребителей и бомбардировщиков по таким целям, как ракетные комплексы и другие стратегические объекты, находящиеся в глубине территории неприятеля. Для этой цели разрабатывается «Боевая беспилотная авиационная система» Unmanned Combat Air Vehicle – UCAVJ для супер-БЛА.

Отсюда следует вывод, что уроки недавней войны требуют не только пересмотра и отмены ранее принятого решения военно-технической комиссии Российской Федерации по свертыванию программ производства беспилотных летательных аппаратов, но и восстановления программ по конструированию и производству беспилотных летательных аппаратов различного назначения. Правительство должно отменить это недальвидное решение Промышленной комиссии и заказать уже в этом году производство фронтовых и тактических БПЛА. Кроме того, необходимо и решение сопутствующей проблемы разработки новых систем радиолокационных станций для обнаружения и опознавания беспилотных летательных аппаратов и других малоразмерных воздушных объектов и целей, так как имеющиеся на вооружении российской армии РЛС бессильны для решения этой задачи.

Требуется принятие решения о разработке систем «свой–чужой» для оружия и боевой техники разных поколений, разновидовых вооружений, для улучшения взаимодействия сухопутных войск и ВВС; специальных войск и сухопутных войск; ВМФ и ВВС; ВМФ и сухопутных войск. Кроме того, необходимо разработать специальные сменные комплекты визуального опознавания (цветные полотнища) для военнослужащих, бронетанковой и автомобильной техники.

В современных условиях боевых действий, когда время на принятие решения по огневому воздействию сведено к минимуму, а средства разведки позволяют обнаруживать противника на достаточно большом расстоянии, исключающем визуальное опознавание, «огонь по своим» – весьма частое явление.

Для обеспечения комплексного огневого поражения на приморских направлениях необходимо решить и проблему по состыковке топографических основ морских и общевойсковых карт на прибрежных зонах морей и океанов.

При проектировании новых образцов наземного тяжелого вооружения (танков, САУ, бронетранспортеров), кораблей военно-морского флота и самолетов ВВС и ПВО надо учитывать поражающий фактор радиоэлектронного противодействия, вызывающего сбои электроники. Поэтому необходимо предусматривать и дублирование систем электроники механическим ручным управлением бронетанкового и самоходного артиллерийского вооружения, летательных аппаратов и кораблей ВМФ.

Излишнее доверие к электронным показателям приводит к потере навыков ручного управления и традиционным «классическим способам ориентирования».

Павел ГУРЕВИЧ

АТОМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК НОВЫЙ ФЕНОМЕН

Существует известная притча: три английских ткача, обращаясь к британскому королю, начали свое послание словами: «Мы, английский народ...». Разумеется, три простых человека не могут представлять нацию. Но, кроме этой наивности, есть здесь и нечто иное – чувство поразительной общности, которая рождена образом жизни, совместным ощущением единения, слитностью народа. С этим можно сравнить, пожалуй, только реплику персонажа из Андрея Платонова: «Без меня народ неполный...».

Писатель Анатолий Приставкин несколько лет руководил комиссией по помилованию преступников. Потом комиссию ликвидировали. Понятно, вор должен сидеть в тюрьме, а убийцу следует заточить или расстрелять. И все правильно, потому что подсказано злобой дня. Только Приставкин, оставшись не у дел, задается вопросом: отчего исчезло у нас то самое сострадание, которое всегда отличало русскую культуру?

Среднестатистический англичанин, чьи, казалось бы, недавние предки казнили голодных детей за украденные булки, вряд ли мог понять, почему сердобольные русские крестьяне подкармливали закоренелых преступников «чем Бог послал» на арестантских трактах. Каторжникам несли еду, а за убийц молились. Не понять европейцу, отчего на Руси издревле почитались юродивые.

Почему же теперь наше общество в целом стало более жестоким? Как случилось, что в нынешней безжалостной и технологичной среде каждый усвоил простой урок: «Курицу есть одному веселее»? Куда делось в нашей стране поразительное ощущение общей судьбы? Почему распадаются элементарные социальные связи, разрушаются общественные скрепы? Как случилось, что многие пытаются выживать в одиночку, не рассчитывая на других?

Может быть, это и есть торжество принципов свободы и индивидуализма? В этом случае мы пожинаем плоды многовековой либеральной тенденции. Тогда что сулит в перспективе этот социологический факт?

Давно известно, что общество –это не скопище людей. Вероятно, английскому писателю Даниэлю Дефо представлялось, что возможна некая сумма людей, из которой вырастает сообщество. Но знаменитая «Робинзонада» подверглась критике уже во времена К.Маркса. Герой романа Дефо изолирован. Но он не утратил социальных уз. Хотя «другие» в его окружении отсутствуют, но они в этом качестве все-таки бытийствуют. Робинзон вовсе не одиночка, а

человек, имеющий огромный социальный опыт. Он просто реализует его в диких условиях. Если пользоваться понятиями современного философского модернизма, то «другие» сохраняют свой «след» (последним термином часто пользуются сегодня постмодернисты). «Другие» присутствуют, даже если они отсутствуют, ибо символизируют социальные отношения. Тех, кого уже нет, мы храним в нашем социальном контексте. Это и есть их наличие. Вот что происходит, если «другие», мертвые и живые, покидают социальное окружение и мы перестаем чувствовать их и считаться с их наличием.

Питирим Сорокин ввел понятие «социального пространства», которое быстро получило хождение. Покупатель и продавец, поставщик и получатель, работодатель и наемник, властитель и подданный... Конкретный труд хлебопашца, станочника, учителя, программиста требует разных способностей, навыков и товаров, создает неодинаковые продукты, отличные друг от друга потребительные стоимости. Но на рынке труда и товаров они как-то сравниваются, получают абстрактную количественную меру. (*Кутырев В.А.* Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). – Смоленск, 2006, с. 41.) Разумеется, не только экономические отношения обеспечивают фундамент общества. Не менее важны культурные, духовные связи.

Классическая «социальная физика» не ошибалась, когда зафиксировала феномен атомизации общества. Но она оказалась несостоятельной, утверждая, что атомизация –«естественное состояние общества», как полагал, к примеру, Т.Гоббс. Но это не так. Социетальность – сущностное определение человека. Что же касается атомизации, то это, скорее, исторический эпизод, вынужденный ответ на ущербность сообщества, захваченного социальным хаосом, феноменом тотального отпадения жизненно важных скреп общества. Социальный хаос –особый способ организации сверхсложных систем, которые находятся в далеких от равновесия состояниях. Порой общество действительно рассыпается, дезинтегрируется. Но это вовсе не закон социальной истории. Есть и социальная сплотка, и чувство оправданного единения, и рождение новых социальных смыслов, воссоздающих целостность общества.

Известно, что Ж.-Ж.Руссо пытался понять, как существование множества личных воль может составить общую волю. Он полагал, что расслоение на богатых и бедных – это первая ступень неравенства. Он думал над тем, сохраняется ли индивидуальная воля в «общей воле» или она исчезает в социальном растворе. Логичным завершением поступательного развития неравенства Руссо считал превращение государственной власти в деспотизм, чреватый общественным напряжением и хаосом. В современной социальной философии не случайно возникло разделение понятий «общества» и «социума».

Нередко они кажутся синонимами. Но теперь часто говорят о терминологическом различии общества и социума. Обычно под обществом разумеется идеальное социальное устроение. Социум как социологическое понятие выражает, как правило, нестабильные общественные отношения, переходные состояния, неполные связи. Высшая форма социума – общество как целостная социальная система. Понятие социума служит обозначением неупорядоченной, неорганизованной и неиерархизированной совокупности социальных структур. Социум – не целостность, а некий конгломерат, диффузное образование, интересное именно своими социальными руинами (или «осадками», как их называет Б.Вальденфельд). Превращаясь в социум, общество утрачивает центрацию и обретает мозаичность.

Известный польский фантаст Станислав Лем заметил в своей «Кибериаде», что существование – состояние, как правило, банальное. Оно поэтому и лишено интереса. Если мы хотим изучить и понять тот или иной феномен, лучше всего наблюдать его именно в ситуации, когда он, по сути дела, не существует или находится в кризисном состоянии. В той же мере сокровенная тайна человека открывается в тот миг, когда он приближается к антропологической границе, живет на пределе своих возможностей и ресурсов. Социальная философия законно проявляет интерес к общественной патологии, чтобы выстроить идеал общества. Утраченные свойства общества –крайне интересный феномен исторической мысли, именно благодаря отсутствию названных качеств.

Не существовать можно по-разному. Общество, в котором утрачиваются его существенные черты, продолжает функционировать, обнажая сокровенное социальное ядро. То, что не является сущим, вдруг оказывается весьма значимым, неотъемлемым, невосполнимым. Такова истинность парадокса, подмеченного С.Лемом.

Мы характеризуем общество как феномен, рожденный многообразием социальных связей. Это положение кажется единственно точным для диагностики общества. Но что если эти связи торчат, словно прутья в арматуре? Как быть, если они начинают изолироваться друг от друга?

Разумеется, у общества, как социального феномена, есть надежный критерий –многообразие и эффективность общественных связей. Все мы, обитающие в этом мире, связаны между собой определенными узами. Мать лелеет свое дитя. Если она откажет ему в опеке, оно просто погибнет. Но мать и не собирается бросить на произвол судьбы родное чадо. Между ней и ребенком –кровнородственные отношения. Не будь таких уз, человечество перестанет существовать. Что станет, если бросить маленьких детей, где нет ни любви, ни заботы, ни взаимного общения, ни воспитания? Не случайно З.Фрейд, размышлявший над тайной появления феномена, которого нет в природе, то есть общества, увидел возможную разгадку в простом социологическом факте: в первобытном стаде объявились экземпляры, готовые взять на себя ответственность за тех, с кем они и не связаны никаким родством. Это бескорыстие и рождает социальные отношения.

Но что происходит с обществом, в котором бескорыстие оказывается бесполезным рудиментом? Чем чревато стягивание многочисленных социальных нитей к извлечению пользы из дальнего и ближнего? Каковы социальные последствия этого одиночества в толпе или экземплярности в процессе рвущихся общественных связей? Что случится, если пренебречь кантовским предостережением о недопустимости видеть в человеке средство, а не цель? Во что может мутировать общество, в котором наличествует сложная социальная структура, усложняется стратификация, но утрачивается единение, коммуникативность, реальный полифонизм?

Социальный хаос

Данное явление не является новостью для истории. Убеждение в том, что общество атомизировано, по определению, возникает обычно в эпоху социальных катастроф. Таким индикатором для Т.Гоббса явилась английская революция. Под ее воздействием английский философ писал о том, что

человеческие существа, желая безопасности и мира, постоянно вовлечены в конфликт с другими. В естественном состоянии люди руководствуются только природными законами самосохранения. Здесь каждый имеет право на все, захваченное силой. Подобное состояние Гоббс называет «войной каждого с каждым», когда «человек человеку волк».

Средневековое общество, в отличие от современного, характеризовалось отсутствием личной свободы. В раннем средневековье каждый был прикован к своей роли в социальном порядке. Человек почти не имел шансов переместиться социально – из одного класса в другой – и едва мог перемещаться даже географически – из города в город или из страны в страну. За немногими исключениями он должен был оставаться там, где родился. Часто он даже не имел права одеваться, как ему нравилось, или есть, что ему хотелось. Ремесленник был обязан продавать за определенную цену, а крестьянин – в определенном месте, на городском рынке. Член цеха не имел права передавать технические секреты своего производства кому бы то ни было за пределами цеха и обязан был допускать своих коллег по цеху к участию в каждой выгодной сделке по приобретению материалов. Личная, экономическая и общественная жизнь регламентировалась правилами и обязанностями, которые распространялись практически на все сферы деятельности.

Но человек при этом, как показывает Э.Фромм, не был ни одинок, ни изолирован. Занимая определенное, неизменное и бесспорное место в социальном мире с самого момента рождения, человек был закреплен в какой-то структурированной общности. Его жизнь была с самого начала наполнена смыслом, что не оставляло места сомнениям, они и не возникали. Личность отождествлялась с ее ролью в обществе. Это был крестьянин, ремесленник или рыцарь, но не индивид, который по своему выбору занимался тем или иным делом. Социальный строй рассматривался как естественный порядок, и, будучи определенной частью этого порядка, человек ощущал уверенность, чувство принадлежности к нему. Было много страданий, много боли, но была и церковь, которая в какой-то степени облегчала эти страдания.

Либеральные философы и социологи написали десятки книг о том, что распадение сложившихся социальных уз является благом для общества. Культ безграничной свободы и индивидуализма служил неоспоримой меткой прогресса. Разрушается семья, отбрасываются цеховые и корпоративные ограничения, ослабевает гражданственность, никнет справедливость и сострадание – все это примечательные издержки социальной динамики.

Социальные мыслители, описывающие общественное поступательное движение, на протяжении последних десятилетий постоянно подчеркивали роль индивидуальной свободы в летописи человечества. Наиболее основательно выразил эту тему К.Поппер в работе «Открытое общество и его враги» (М, 1992). Он писал о том, что закрытое общество даже в его лучших образцах сходно со стадом или племенем в том, что представляет собой полуорганическое единство, члены которого объединены полубиологическими связями, общей жизнью, участием в общих делах, одинаковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами. Это – все еще конкретная группа конкретных индивидов, связанных друг с другом не только такими абстрактными социальными отношениями, как разделение труда и обмен товарами, но и конкретными физическими отношениями типа осязания, обоняния и зрения.

Английскому философу такое общество справедливо кажется нединамичным. В нем поведение людей регулируется многочисленными запретами.

Соответственно формируется особый тип сознания – трибалистское. Его современным аналогом выступает тип ментальности, который Поппер назвал «коллективистским». Разумеется, современный коллективизм далеко ушел от примитивного трибализма, но у них есть общая наследственная черта. Трибализм есть утверждение наивысшего значения племени, без которого индивид ничего из себя не представляет. Другие формы, которые уже не являются трибалистскими, сохраняют присущий ему элемент коллективизма. Все они настаивают на исключительном значении некоторой группы или коллектива, например, класса, без которых индивид уже ничто.

К.Поппер, безусловно, ратует за открытое общество. Но, оставляя трибализм за исторической далью, следовало бы, вероятно, поразмыслить над тем, как сохранить в свободном обществе близость социальных дистанций между людьми, как избежать социального хаоса. Ведь у открытого общества есть опасность стать «абстрактным обществом». Можно вообразить общество, в котором люди практически никогда не встречаются лицом к лицу. Все вершится в полной изоляции. В таком обществе утрачивается неизменная для человека социальная потребность. Общество распадается на фрагменты, несущие в себе опасность общественных рассогласований.

Экономический подъем и зарождение технической культуры в Европе эпохи Возрождения сопровождался вполне различными проявлениями социального хаоса. Мы можем судить об этом по пятитомному роману Ф.Рабле. В гротескных образах, навеянных фольклором, выражено смятение, связанное с культурными разломами его времени. Внутренняя неуверенность, происходящая из положения изолированного индивида во враждебном мире, – вот черта возрожденческого социального хаоса.

Но каждый шаг по пути большей индивидуализации угрожал людям новыми опасностями. Первичные узы, уже разорванные, невосстановимы. Человек не может вернуться в потерянный рай. Для связи индивидуализированного человека с миром существует только один продуктивный путь: активная солидарность с другими людьми, спонтанная деятельность (любовь и труд), которые снова соединяют его с миром, но уже не первичными узами, а как свободного и независимого индивида.

Однако если экономические, социальные и политические условия, от которых зависит весь процесс индивидуализации человека, не могут стать основой для такой позитивной реализации личности, но в то же время люди утрачивают первичные связи, дававшие им ощущение уверенности, то такой разрыв превращает свободу в невыносимое бремя, она становится источником сомнений, влечет за собой жизнь, лишенную цели и смысла. И тогда возникает сильная тенденция избавиться от такой свободы: уйти в подчинение или найти какой-то другой способ связаться с людьми и миром, чтобы спастись от неуверенности даже ценой свободы.

История Европы и Америки с конца средних веков – это история полного обособления индивида. Этот процесс, по словам Э.Фромма, начался в Италии в эпоху Возрождения и, по-видимому, достиг своей наивысшей точки только сейчас. Потребовалось больше четырехсот лет, чтобы разрушить средневековый мир и освободить людей от самых явных ограничений. Во многих отношениях индивид вырос, развился умственно и эмоционально. Степень его

участия в культурных достижениях приобрела неслыханные прежде масштабы. Но в то же время диспропорция между свободой от каких-либо связей и ограниченными возможностями для позитивной реализации свободы и индивидуальности привела в Европе к паническому бегству от свободы в новые узы или по меньшей мере к позиции полного безразличия.

История социальных учений показывает, что социальный хаос до основания расшатывает социальную иерархию и ранжированность. В то же время он никогда не бывает абсолютным. Поэтому попытки многих западных авторов представить атомизацию общества как неизбежный результат прогресса вряд ли справедливы. Нет сомнений в том, что в развитых странах современного мира на фоне достаточно стабильного экономического и политического положения обнаруживаются катастрофические императивы социального хаоса –финансовый кризис, надвигающийся продовольственный голод, территориальные притязания. В современной литературе все чаще укореняется образ нецелостного, разрозненного и децентрированного мира. Атомизацию нередко характеризуют как естественную реакцию людей на искривленный социум. По словам П.Бергера и Т.Лукмана, «мир сошел с ума», а человек обрел патопсихологические черты.

Разумеется, социальный хаос имеет реальные причины. Укажем на урбанизм, то есть образ жизни городского населения, который привлекает внимание социологов с начала прошлого века. М. Вебер указывал на тот очевидный факт, что люди, живущие в больших городах, не могут знать своих соседей столь же близко, как люди, жившие в небольших сообществах. Г. Зиммель продвинул эту идею еще на шаг, высказав весьма оригинальную мысль о том, что если бы городской житель эмоционально реагировал на любого и каждого человека, с которым он вступает в контакт, или если бы он загромождал свой мозг сведениями об этих людях, то он был бы совершенно раздроблен внутренне и пришел бы в совершенно немыслимое психическое состояние.

Луи Вирт, в свою очередь, отмечал фрагментированность отношений между городскими жителями. Он писал о том, что городские жители встречаются друг с другом, выступая при этом в весьма ограниченной роли... Их зависимость от другого человека ограничивается лишь каким-либо частным аспектом деятельности последнего. Вместо того чтобы глубоко войти в целостную личность каждого индивида, с которым мы встречаемся, мы поддерживаем необходимые поверхностные и частные контакты с некоторыми из них. Мы заинтересованы только в том, насколько хорошо продавец обуви удовлетворяет наши нужды, и нам дела нет до того, что его жена страдает от алкоголизма.

Это значит, что с большинством окружающих нас людей мы вступаем в отношения ограниченного участия. Сознательно или неосознанно, но мы строим свои отношения с другими людьми по функциональному принципу. Поскольку мы не принимаем участия в домашних проблемах продавца обуви, не разделяем его надежды, мечты и горе, он для нас полностью взаимозаменяем другим продавцом той же компетентности. Мы применяем модульный принцип к человеческим отношениям. Тем самым мы создаем личность, подобную предметам одноразового использования, – модульного человека.

Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей его личности. Каждая личность может быть предста-

влена как некая уникальная конфигурация из тысяч таких модулей. Таким образом, никакой индивид не может быть заменен каким-либо другим, если рассматривать личность в целом, а не ее отдельные модули. Поскольку мы хотим купить всего лишь пару ботинок, а не дружбу, любовь или ненависть, постольку для нас нет никакой необходимости в том, чтобы интересоваться другими модулями, формирующими личность продавца. Наши отношения весьма ограниченны. И склонность к ограничению существует с обеих сторон. Эти отношения влекут за собой принятые формы поведения и общения. Обе стороны, сознательно или неосознанно, понимают и ограничения, и законы, вытекающие из них. Трудности возникают только тогда, когда одна из сторон переступает принятые границы и пытается вступить в контакт с каким-либо модулем, который не имеет отношения к данной функции.

Обширная социологическая и психологическая литература посвящена сегодня проблеме отчуждения, которая обусловлена, как полагают, именно фрагментацией отношений между людьми. Многое в риторике экзистенциалистов и в студенческих бунтах декретирует эту фрагментацию. Говорят, что мы недостаточно «сливаемся» с близким человеком. Миллионы молодых людей заняты попытками достичь «полного слияния».

В любых отношениях модульного типа требования строго ограничены. Поскольку продавец обуви выполняет свою достаточно ограниченную миссию, обслуживая нас и удовлетворяя таким путем наши довольно небольшие ожидания, мы не будем настаивать, чтобы он верил в нашего Бога, или был опрятен дома, или разделял наши политические пристрастия, или любил ту же пищу или ту же музыку, что и мы. Мы предоставляем ему право быть свободным во всех других сферах, так же, как и ему нет дела до того, атеист я или еврей, гетеросексуалист или гомосексуалист.

Так не бывает и не может быть при целостных взаимоотношениях. До какого-то момента фрагментация отношений и свобода идут рядом друг с другом.

«Безместность человека»

В социальную философию входят новые темы. Классическое определение общества как особой надприродной реальности, в которой люди вступают в общественные отношения, уже кажется недостаточным. Специфическая форма организации совместной жизни людей полна парадоксов. Далеко не всегда совокупность общественных отношений рождает устойчивые социальные структуры, обеспечивающие целостность общества. Приметой многих коллективных образований оказывается социальный беспорядок.

В пространстве социального хаоса то, что традиционно объявляется термином «общество», выступает как более или менее упорядоченная, организованная и иерархизированная совокупность формальных и неформальных социальных структур, детерминирующих коммуникацию.

Но современную реальность проще описать через два новых термина: «атопия» и «ахрония». Первое слово обозначает разрушение социального пространства или, говоря словами М.М.Бахтина, «тела общения». Люди разбредаются по разным локалам и утрачивают связующие нити.

Эксперты отмечают, что элита и народ в современном российском социуме – это разбегающиеся галактики. В России формируется новая российская

аристократия. Она живет в отдельных анклавах. Экономически и духовно она отделилась от своего народа – у нее своя собственная культура, свой круг общения, свои жизненные интересы. Ректор коммерческого института, продающий дипломы (о чем жизнерадостно сообщает в собственном почтовом ящике), летает на Кипр в выходные дни. И огромные массивы людей, озабоченных тем, чтобы дети получили свой скудный завтрак, чтобы почта пришла вовремя, чтобы горели фонари и можно было после получки купить лекарство в аптеке.

Локалы дробят социум. Исчезает, говоря социологическим языком, интерсубъективная реальность. Обнаруживается одиночество в перенаселенном мире. Размывается феномен идентичности. Люди попросту ощущают себя социальным атомом. Социальное пространство разрывается на особые, автономные локалы, но каждый из них движется по своей автономной траектории.

Беда не в том, что есть элита и масса. Драма в том, что у них особые цели, ценности, смыслы. Проще говоря, они не пересекаются.

С этим связан и феномен «ахронии», то есть безвременности. В стране огромные массы людей живут еще в прошлом веке. Политик подарил спортсменке автомобиль, но не уразумел, что в деревне, где она живет, нет дорог или других признаков цивилизованности. Где-то возобладали рыночные принципы, а рядом, в соседнем районе, произошел откат к натуральному хозяйству, да еще и в сочетании с «неофициальной» экономикой. «Статистика ясности не добавляет», – отмечает Вячеслав Глазычев. Например, непьющие семьи самых что ни на есть медвежьих углов иногда обеспечивают себя, зарабатывая на обслуживании туристов, на заготовке грибов или ягод, при этом имея по два десятка официальных зарплат, и вовсе они не такие уже «нищие», как значится в официальных документах. Еще один пример. Педагогические коллективы, состоящие из «офицерских жен», предлагают учить сельских детей (действительно отстающих) на дому. Чтобы не смешивать их с городскими и «не портить хороших ребят».

Иногда эксперты оценивают эти события через традиционные для социологии понятия «страты». Общество, мол, неоднородно, оно и должно быть таким. Есть элита, есть масса, есть город, есть деревня, есть олигархи, а есть и бомжи. Общество всегда похоже на мозаику страт. Однако сегодня эта традиционная схема не работает. Впервые термин «страта» использует Цицерон (исходно «покрывало», то есть «одеяло») для обозначения пространства, где человек чувствует себя дома.

Критериями подразделения общества на страты чаще всего называют профессию, доход, образование, престиж, самооценку личности своей социальной позиции. Стратификация – действительно естественное социальное расслоение общества. Она устойчиво поддерживается институционализацией, постоянно воспроизводится и модернизируется. Страты – формы соорганизации людей и так называемые группы солидарности. К страте индивид причисляет себя посредством принятия ее поведенческих установок. Символическая статусная рента – привилегии данной страты. Статусная рента тематизирует поведение индивида. Он решает свои жизненные проблемы соответственно нормам поведения, присущим страте. Страта является формой системы соотнесения и отражает единство жизненного опыта людей.

Но в том-то и дело, что сегодня данного понятия недостаточно для описания социальной реальности. Страты складываются не в результате органически реализующейся социальной структуры. Они зачастую субъективны и подвижны. Социальная структура все более становится виртуальной, а социальная реальность – все более симулятивной. По мнению Жана Бодрийяра, все социальные события, в том числе реставрация, упадок, реабилитация, восстановление старых границ, старых различий, особенностей, религий, даже на уровне обычаев или социальных признаков, приобретенные на протяжении века, затушевываются, а, может быть, исчезнут в конце концов совсем.

Что мешает адекватному осознанию социального пространства? Отсутствие общезначимых событий. Эти маркеры в современном обществе утрачиваются. Время дробится на автономные участки, каждый из которых не соотносится с другим. Настоящее, прошлое и будущее меняются местами. На уровне индивидуального поведения социальный хаос проявляется в нарушении групповой и стратовой самоидентификации, в утрате общезначимой биографии. Дело в том, что пока в обществе существует некий общезначимый проект, сохраняется и ее институциональная структура.

Советский простой человек идентифицировал себя с государством (партией), минуя групповые солидарности. На улице, в транспорте, в очередях социальный статус нивелировался. Сами локалы обособлялись, замыкались. Возникали такие явления, как семейственность, трудовые династии. Но замыкание страт не вело к атомизации общества.

Социальная структура советского общества сохраняла свое единство через общие интересы, жизненные и практические ориентации. Центральным маркером оказывалось государство. Оно и позволяло ранжировать смыслы и ценности.

Но эта шкала рухнула. Рядовой человек потерял линейку, с помощью которой он мог бы идентифицировать себя и других. Социальность стала расползаться. Исказилась картина мира, поскольку, кроме осколков прежних самоидентификаций, появились новые.

Эти различия частично сохраняли прежнюю связанность, а частично перестали сцепляться. А многие из них просто выпали из поля зрения. Социальный хронотоп стал утрачивать существование. Произошла радикальная сброска социальных соразмерностей. Так обнаружилась социальная ахрония.

Еще в 1990-е годы в нашей стране обнаружилась тенденция «уйти в себя», в частную жизнь, возник «синдром улитки». Это означало, что приватное Я стало подавлять Я социальное. Но даже улитка нуждается в некотором публичном образе, хотя бы в признании ее права оставаться улиткой. В отсутствии и потрясении «трансцендентальных ценностей» и регулятивов социальное пространство (социальный универсум) распался на подуниверсумы, сегментированные, не связанные между собой.

Единая социальная реальность оказалась свернутой. Социальная семантика разрушилась и перестала быть коммуникативной. Распад государства вызвал напряженный поиск «идентификаций».

Теперь социальный контакт становится авантюрой, полной риска и непредсказуемости. Социум перестает быть организованным со-бытием людей. Хаос служит границей тому, что без него просто затерялось бы в абсо-

лютной пустоте. Таким образом, экстремальные явления, сами пребывая в тайном беспорядке, предотвращают посредством хаоса беспредельный рост порядка и прозрачности. В социальном пространстве принимают участие виртуальные группы людей, коммуникация нередко оказывается фиктивной.

Тот же Ж. Бодрийяр отмечает, что архетип сидящего человека, созерцающего в день забастовки пустой экран своего телевизора, когда-нибудь сочтут одним из самых великолепных образов антропологии нашего века.

Фиктивные образования

Тем не менее огромная, трудно насыщаемая потребность человека в социальности ищет выхода и зачастую находит его в фиктивных образованиях. Рождаются некие общности, которые не имеют никакого отношения к социальной структуре, зато сохраняют потребность в социальной смазке. Появляются общности вроде «любителей гербалайфа» или обманутых вкладчиков. Эти временные образования, разумеется, не могут в полной мере играть роль общественных референтов, но все-таки заполняют социальное пространство.

Так расширяется спектр жизненных практик, когда фиктивные образования, ранее замкнутые на себе, вступают в контакты друг с другом.

Одно из самых популярных и массовых движений 1990-х годов и настоящего времени – эмостиль. Эмо – молодежная субкультура, образовавшаяся из поклонников одноименного музыкального направления. Идеология эмо – эмоциональность, гипертрофированное проявление всех чувств. Все эмо-киды носят волосы средней длины с рваной челкой, наполовину закрывающей лицо. Одеваются в узкие брюки, разноцветные кеды, не забыв снабдить свою большую сумку через плечо множеством ярких значков.

Как и многие другие стили, он возник среди молодежи, а затем уже задал новые тенденции мировой моде. Эта субкультура вобрала в себя и готику, и панк, и кибер-панк, и даже немного гламура. Классическая одежда эмо – одежда в черно-розовой гамме, с узорами также двух цветов. В наше время появились эмо, которые сочетают черный цвет с любым другим, но обязательно ярким и обязательно одним (кстати, в этом сезоне модно сочетание черного с желтым).

Эксперты отмечают, что все чаще в толпе мелькают черные одежды, и черные с проблесками розового локоны. Многие считают черно-розовых детей потенциальными самоубийцами. Течение пришло к нам с Запада с одноименным музыкальным направлением, характеризующимся особой эмоциональностью (подвывание, стоны, крики солистов; приверженцев этого стиля стали называть «эмо-кидами» (от англ. *kid* – ребенок), или просто эмо. Стиль эмо отражает яркие эмоции, как положительные, так и отрицательные, предполагает открытую демонстрацию чувств и поведения.

Наряду с возрастающей ролью фиктивных образований, другой особенностью современного социального пространства можно считать утрату общественного центра. Рождение партийного гиганта в результате слияния единороссов и аграрников является значительным событием партийной жизни. Но оно не организует социальное пространство. Центр общества оказывается плавающим.

Децентрация социального мира поставила под сомнение идеал предсказуемости социального развития. Все яснее становится, что непредсказуемость – не следствие слабости нашего познающего разума, а свойство социальной реальности наших дней. Социальная действительность оказывается неопределенной, а жизненные проекты принимаются и реализуются (или не реализуются) в условиях все возрастающей степени рисков. У.Бек называет наш социум «обществом риска».

Повседневная жизнь людей сегодня определяется надежностью функционирования абстрактных планетарных систем: информационных, финансовых, транспортной, топливно-энергетической, ресурсообеспечивающей, эколого-стабилизационной. По «абстрактным» сетям циркулируют не столько материально-вещественные репрезентанты ценностей, сколько абстрактные социальные символы: символические (безналичные, счетные) деньги, символические (еще не произведенные) товары – объект фьючерных сделок, определяющих жизнь целых регионов, различные виды информационных кодов и другие символические практики. Сохраняя известную автономность, они, взаимоопределяясь, образуют глобальное социальное планетарное сознание.

Глобальные структуры абстрактного общества распространяются на повседневные рутинные практики рядовых людей.

Они определяют расселение и характер занятости населения, международное разделение и специализацию труда, социальную стратификацию – вплоть до самых интимных сторон быта, которые во многом зависят от рекомендаций «невидимых» специалистов в области социального менеджмента, медицины, градостроительства.

Жизнь рядового человека в конце минувшего столетия определяется гигантским массивом общественно признанных знаний, встроенных в абстрактные системы, которыми он так или иначе пользуется, будучи в них не более чем дилетантом.

И блага, и риски от работы абстрактных сетей и весомей, и значимей, чем традиционные риски и традиционные блага. Не то чтобы современный человек рисковал больше, чем древний грек или обыватель сороковых годов прошлого столетия, когда формулировалась концепция частично абстрактного общества. Требуется другое отношение к ним. Во-первых, новые риски во многом утратили избирательность: они угрожают не какому-то отдельному региону или какой-то особой группе риска, а всем регионам и всем индивидам, независимо от отношения последних к социальным структурам и институтам власти.

Во-вторых, это рикошетные риски: сбои в одной системе рикошетом поражают все другие, проявляясь в самом неожиданном (любом) локусе социального пространства. В-третьих, социальные проблемы сегодня столь многофакторны, что никакая сколь угодно представительная профессиональная экспертиза не может дать рекомендаций, учитывающих всю совокупность факторов.

Движение хиппи и панков к экзотическим культурам – реакция личности на напряжение цивилизации. Перед глазами западных исследователей всегда была достаточно устойчивая социальная структура. Собственно хаотические процессы воспринимались, скорее, как теоретически мыслимые, чем реально существующие. Они оттеснялись в «маргинальные пространства» (Э.Гидденс) и «изнаночность» (Ж.Делёз) или даже в «ничто» (Ж.-П.Сартр).

Социальный контакт оказывается авантюрой, полной риска и непредсказуемости. Социум не есть совместное, но не сорганизованное со-бытие людей, в нем возникают, принимают участие в социальном взаимодействии и тут же исчезают особого рода солидарности – виртуальные страты. Эти страты не существуют в традиционном смысле слова, их нет ни в начальном, ни в итоговом состоянии. Они возникают в ходе поиска.

Вот почему французский философ Ж.-Ф.Лиотар отмечает, что теперь социальная реальность представляет собой плотно заполненное пространство, которое не предполагает ничего иного, кроме себя. Исчезает сама социальная структура, она становится областью ни чем не ограниченной свободы.

Процесс разрушения старой системы, образа жизни зачастую опережает процесс рождения новых структур. Поэтому человек на какое-то время оказывается среди социальных руин («осадков», по определению Б.Вандельфельда). Тогда люди не располагают для конституирования себя и социальной реальности ничем, кроме этих развалин.

Что же в сухом остатке? Вектор социального развития, намеченный либеральной мыслью, обеспечил многим странам вполне динамичный рывок в развитии общества. «Открытое общество», несомненно, предпочтительнее «общества закрытого». Однако оно отнюдь не является идеальной моделью. Социальные мыслители так много говорили о ценности демократии, свободы и индивидуализма, что проглядели, как выясняется, негативные тенденции современного мира. Одним из несомненных упущений социальных философов сегодня можно считать недооценку феномена атомизации общества.

Свобода – несомненная ценность, но подобно тому, как в физике молекула формально свободна, а, по сути, повязана общей структурой, так и в глобальном мире каждый человек обретает формальную независимость от социума, но само общество распыляется все больше и больше.

Люди, смотрящие на экран телевизора или снующие по Интернету, утрачивают реальные корпоративные связи. Они фактически отчуждены.

Однако в российском обществе нет эффективных механизмов, которые могли бы обеспечить необходимую сплотку людей. Общественные партии, различного рода объединения создаются сверху и поэтому не выполняют своей консолидирующей роли. Даже гражданское общество все больше превращается в «младшего брата», которого государство опекает, творит и ведет на помочах. Недавно выступая с докладом на слушаниях, посвященных гражданскому обществу и организованных Общественной палатой, я был просто обескуражен выступлением исследовательницы из Владивостока, которая сетовала, что молодежные организации их региона не получают поддержку государства. Разве это гражданское общество?

Автономность человека, безусловно, значимая ценность. Но сегодня многие молодые люди не хотят служить в армии, отказываются от любых форм общественной солидарности, изо всех сил стараются жить в обособицу. Гражданская самостоятельность отсутствует. Индивид утрачивает ту самую социальную идентичность, которую Э.Фромм считал одной из глубинных человеческих потребностей.

Со времен Аристотеля известно, что человек –политическое животное. Он нуждается в чувстве локтя, в разъемной принадлежности к семье, группе, социальному коллективу. Разрывая общественные связи, индивид превращается в одиночку, в блуждающий атом общества.

Мир глобализируется, а человек атомизируется.

Роберт ЧВАНОВ

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Развитие малого предпринимательства является одним из важнейших путей решения социальных и экономических проблем на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В мае 2008 г. на совещании в Кремле Д.Медведев поставил задачу к 2020 г. довести уровень занятости активного населения предпринимательством до 60–70%. Малые предприятия способствуют ускорению экономического роста, сокращению безработицы и повышению уровня доходов населения, развитию инноваций. Но именно эти предприятия более уязвимы в финансовом отношении, им необходима поддержка со стороны государства.

Одной из реальных форм такой поддержки являются льготные условия налогообложения малых предприятий, которые в российской экономике реализуются через введение специальных налоговых режимов, олицетворяющих регулирующую функцию налогов: упрощенную систему налогообложения, систему единого налога на вмененный доход и единого сельскохозяйственного налога.

Нормы налогового законодательства в отношении субъектов малого предпринимательства, регламентированные Налоговым кодексом РФ и действующие на данный момент, требуют доработки с учетом накопленного российского и зарубежного опыта. При этом необходимо дальнейшее развитие теоретических аспектов налогообложения малого предпринимательства на основе анализа складывающихся тенденций.

Несмотря на либерализацию налогообложения субъектов малого предпринимательства, их вклад в создание валового внутреннего продукта России составляет 12,5%, доля работников, занятых в этой сфере экономики, – 17,8% , что явно недостаточно. Структура малых предприятий в основном ориентирована на сферу услуг, общественное питание, розничную торговлю. Доля предпринимателей в обрабатывающих производствах, осуществляющих технические инновации, не превышает 1,7%. Ограниченное применение получила система едино-

го сельскохозяйственного налога среди товаропроизводителей, практически не работает упрощенная система налогообложения в виде патента для индивидуальных предпринимателей. Пока еще не имеют налоговой поддержки предприятия среднего бизнеса, границы которого были законодательно определены Федеральным законом от 12 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Вклад малых предприятий в формирование доходной части бюджетной системы страны пока невелик – порядка 2%. При этом льготы, предоставляемые субъектам малого предпринимательства, должны не только способствовать решению проблем занятости и повышения доходов населения, но и обеспечивать экономический эффект в виде роста налоговых поступлений. Однако это возможно только лишь в тех случаях, когда налоговая нагрузка налогоплательщиков будет более объективно учитывать их реальные доходы и активы.

В настоящий момент специальные налоговые режимы предоставляют существенные преимущества большинству налогоплательщиков в сфере малого предпринимательства, которые могут ими воспользоваться и улучшить свое финансовое положение за счет снижения налоговой нагрузки.

Сумма налогов на совокупный доход, поступивших в 2007 г. в бюджетную систему, составила 141,8 млрд. руб., превысив показатель 2005 г. в 1,8 раза. Это свидетельствует о том, что роль налогов, уплачиваемых налогоплательщиками, применяющими специальные налоговые режимы, повышается, а их потенциал имеет перспективы дальнейшего роста.

За последние годы структура налоговых доходов от применения специальных налоговых режимов изменилась. Если в 2005 г. в структуре налогов на совокупный доход, хотя и незначительно, преобладал единый налог на вмененный доход, то к 2007 г. его доля уменьшилась примерно до 40% и соответственно увеличилась доля единого налога при упрощенной системе налогообложения. Поступления единого сельскохозяйственного налога хотя и выросли в абсолютном выражении, структурно остались на уровне 1%.

Безусловно, применение специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства не имеет главной задачей рост налоговых доходов бюджетов. Основная их цель – увеличение сферы малого предпринимательства для решения социальных проблем территорий, таких, как обеспечение занятости населения, рост доходов граждан, развитие предпринимательской активности. Это подтверждается данными статистики, согласно которым рост числа малых предприятий существенно опережает увеличение поступающих от них налоговых доходов. Но при достижении намечаемого уровня развития сферы малого предпринимательства, адекватного зарубежному, эта сфера должна обеспечивать более существенную часть доходов бюдже-

тов. И тогда специальные налоговые режимы могут быть заменены льготами, которые сохраняются для малых предприятий в рамках общего режима налогообложения. Такое развитие налоговой системы подтверждается опытом развитых зарубежных стран, которые весьма редко применяют специальные налоговые режимы для субъектов малого предпринимательства.

Кроме того, развитие венчурного бизнеса, способствующего переходу экономики на инновационный путь, тесно связано с формированием соответствующего сектора в малом предпринимательстве, для которого сохраняются инвестиционно-инновационные налоговые льготы.

С 2003 г., то есть с момента начала действия **упрощенной налоговой системы** (УСН) в соответствии с главой 26.2 Налогового кодекса РФ, в нее были внесены многочисленные изменения, существенно улучшившие условия налогообложения. Это отразилось на значительном увеличении числа субъектов, применяющих данную систему, и росте налоговых поступлений.

Общие поступления единого налога от субъектов, применяющих УСН, за период с 2005 по 2007 г. увеличивались высокими темпами, в среднем 1,5 раза в год. При этом преобладает налог, уплачиваемый с налоговой базы в виде доходов. Его доля составляет более 65% к общей сумме налога, хотя за анализируемый период она имела тенденцию к снижению. Доля единого налога, уплачиваемого с дохода за вычетом расходов, находится на уровне примерно 25%. Практически не получило развитие налогообложение в виде патента для единоличных индивидуальных предпринимателей. На начало 2008 г. патент применяли немногим более 700 человек по всей России.

Очевидно, что ряд положений главы Налогового кодекса РФ, регламентирующей эту систему, вызывает определенные сложности и создает проблемы, затрудняющие и ограничивающие более широкое и эффективное использование этой системы.

Во-первых, предельное значение суммы годового дохода для многих предприятий слишком мало и не соответствует разрешенной величине средней численности работающих.

Во-вторых, порядок определения и признания расходов ограничивает возможности учета ряда необходимых затрат при определении налоговой базы налогоплательщиков.

В-третьих, невозможность уплаты, а, соответственно, и зачета НДС для ряда налогоплательщиков, прежде всего занятых в производственной сфере, существенно затрудняет их взаимоотношения с контрагентами, которые являются плательщиками НДС, и приводит к потерям прибыли.

В-четвертых, преимущество в виде единовременного вычета стоимости приобретаемых основных средств приводит к возникновению финансовых затруднений при их продаже до истечения сроков, предусмотренных законодательством.

С 2008 г. в связи с принятием закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в стране появилась новая категория хозяйствующих субъектов – средние предприятия со средней численностью работников от 101 до 250 человек, которые пока не пользуются никакими налоговыми преимуществами.

Система единого налога на вмененный доход (ЕНВД) с 2003 г. также претерпела ряд изменений. За истекший период были увеличены ставки базовой доходности, расширился перечень видов деятельности, для которых может вводиться этот специальный налоговый режим.

По применению данного налогового режима много спорных вопросов возникает при квалификации объектов налогообложения, особенно в торговле, общественном питании, в отдельных видах услуг, а также когда налогоплательщик осуществляет несколько видов деятельности и по каждому из них вынужден платить отдельный единый налог.

Обнаружилось, что поступления данного налога растут, но темп их роста существенно снизился. Число плательщиков единого налога на вмененный доход практически не зависит от их желания, а определяется условиями федерального законодательства и нормативными актами муниципальных образований. При сохранении действующего законодательства можно ожидать роста поступлений единого налога на вмененный доход лишь в пределах планируемого роста экономики, т.е. на уровне темпов 2008–2009 гг.

На наш взгляд, назрела необходимость расширить в Налоговом кодексе РФ сферу применения ЕНВД за счет следующих видов деятельности: курьерская (доставка различной корреспонденции и товаров); оценочная и риэлторская; охранная; консультационная и консалтинговая; прокат легкового автомобильного транспорта; услуги по найму рабочей силы и подбору персонала; чистка и уборка производственных и жилых помещений; сдача в аренду складских помещений; хранение товароматериальных ценностей в складских помещениях, на стоянках и в других помещениях; услуги по ремонту телефонных аппаратов.

Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей в виде **единого сельскохозяйственного налога** (ЕСХН) является самой либеральной, но и здесь имеется ряд проблем, таких, как определение профиля налогоплательщика – сельскохозяйственного товаропроизводителя, предоставление права уплаты НДС, дифференциация ставок налога (или его временная отмена) для отдельных групп налогоплательщиков в зависимости от приоритетности производимой сельскохозяйственной продукции.

В итоге можно сделать ряд выводов и рекомендаций.

1. Теория единого налога, выдвинутая отдельными экономистами, несмотря на видимую простоту построения налоговой системы, имеет существенный недостаток, который не позволяет обеспечить равенство и справедливость налогообложения хозяйствующих субъектов. Специальные налоговые режимы, использующие отдельные элементы

этой теории, в частности единый налог, также не свободны от недостатков. Однако их применение в сфере малого предпринимательства возможно и целесообразно, поскольку обеспечивает упрощенное администрирование налогов и выступает эффективной формой поддержки хозяйствующих субъектов в этой сфере. В отношении единоличных индивидуальных предпринимателей налог в виде патента является наиболее удобной формой налогообложения.

2. Налоговая политика в период с 1992 по 2002 г. слабо содействовала развитию малого предпринимательства. С 2003 г. после введения новых глав Налогового кодекса РФ по специальным налоговым режимам налоговая нагрузка субъектов малого предпринимательства сократилась, упростился порядок администрирования налогов. В результате существенно увеличилось число предпринимателей, добровольно использующих УСН, расширились сферы применения ЕНВД и ЕСХН, что способствовало росту числа малых предприятий и доходов бюджетной системы России.

3. Основные направления совершенствования упрощенной системы налогообложения состоят в следующем:

– увеличение и дифференциация предельных значений суммы годового дохода в зависимости от средней численности работников, включая средние предприятия;

– установление повышенных значений ограничиваемых показателей для предприятий, производящих и реализующих высокотехнологичную продукцию и осуществляющих инновационную деятельность;

– расширение перечня расходов, учитываемых для целей налогообложения;

– смягчение условий лишения налогоплательщика права использовать упрощенную систему налогообложения в случае однократного превышения предельных показателей в течение календарного года.

Учитывая зарубежный опыт, для расширения возможности применения УСН предприятиями производственной сферы целесообразно предусмотреть для них вариант сохранения НДС в качестве самостоятельного налога. При этом для плательщиков НДС налоговая ставка единого налога в условиях упрощенной системы может быть уменьшена, если в качестве налоговой базы налогоплательщик использует величину дохода.

Количество индивидуальных предпринимателей, не привлекающих наемных работников, которые используют патент в рамках УСН, очень мало. При видимой простоте этой системы налогообложения основной причиной ее сдерживания является невозможность привлечения наемных работников. Очевидно, здесь может быть установлен некий предел для таких работников, например, 3–5 человек.

4. В отношении системы единого налога на вмененный доход целесообразно:

– уточнить формулировки и расширить виды предпринимательской деятельности, в которых может применяться данная система;

– в случае осуществления налогоплательщиком взаимосвязанных видов деятельности разрешить уплату одного единого налога при соответствующем объединении показателей базовой доходности или путем введения поправочных коэффициентов;

– расширить диапазон значений корректирующего коэффициента $К_2$ до 2-х, чтобы повысить степень его обоснованности в соответствии с уровнем доходов налогоплательщика и влияющих на него факторов;

– упростить бухгалтерский и налоговый учет;

– обеспечить частичную компенсацию высоких арендных платежей налогоплательщикам за счет уменьшения суммы вмененного дохода, снижения корректирующего коэффициента или установления фиксированной суммы, уменьшающей налог.

5.Учитывая относительно небольшие суммы поступлений единого сельскохозяйственного налога в бюджет, целесообразно полностью освободить сельскохозяйственных товаропроизводителей от этого налога (в течение определенного периода) и таким образом обеспечить дотирование роста цен и инвестирование средств в эту сферу национального хозяйства.

Альтернативным вариантом отмены ЕСХН может быть разрешение законодательным (представительным) органам субъектов Федерации устанавливать дифференцированные ставки этого налога (или полностью его отменять) для отдельных групп налогоплательщиков в зависимости от производимой продукции растениеводства и животноводства. Это позволит мелким и средним сельскохозяйственным и фермерским хозяйствам активно развиваться и конкурировать с крупными сельскохозяйственными структурами.

6. Для увеличения доходов бюджетной системы от применения специальных налоговых режимов целесообразно:

– по упрощенной системе налогообложения отменить право уменьшать налоговую базу будущих периодов на сумму разницы между минимальным налогом и суммой расчетного налога;

– по единому налогу на вмененный доход расширить в Налоговом кодексе РФ перечень видов деятельности, включив в него такие виды бизнеса, где учет фактических доходов происходит весьма условно, а официально показываемая часть доходов значительно отличается от реально получаемых в меньшую сторону.

Реализация предлагаемых мер по совершенствованию налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства позволит обеспечить приоритет регулирующей и социальной функций налогов по сравнению с фискальной, будет стимулировать их развитие.

Дальнейшее расширение сферы малого бизнеса позволит решить многие социально-экономические задачи, стоящие перед страной, и, в конечном итоге, приведет к росту налоговой базы и налоговых поступлений в бюджет.

ДЕБЮТ

Сегодня на страницах «Вестника» – статья студентки 4-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ ***Полины Тонких.***

Полина ТОНКИХ

ПОЛИТИКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США

«Внешняя политика США должна стоять на «трех китах»: укреплении экономической безопасности страны, поддержании демократии и соблюдении прав человека».

У.Кристофер,
бывший государственный секретарь США

Сегодня в мире наблюдаются две, казалось бы, противоречивые тенденции. С одной стороны, это несомненный рост глобализации экономик стран и растущая зависимость стран между собой. С другой – это политика ряда государств, направленная на защиту своих национальных экономик с целью избежать зависимости от других стран. Эти противоречащие друг другу тенденции, несомненно, грозят нарастающими кризисами. Так, на саммите «G8» этим летом среди прочих обсуждался кризис продовольствия, быстрый выход из которого невозможен в связи с тем, что в развитых странах (США и странах Западной Европы) действует субсидирование фермеров, а следовательно, фермеры других стран не могут конкурировать с ними на внешних рынках. Важно понимать, что в развитых странах очень грамотно простроена политика внешнеэкономической безопасности (ВЭБ). И поскольку в странах с развитой рыночной экономикой (прежде всего в США) накоплен достаточно большой позитивный опыт в сфере обеспечения ВЭБ, то он в настоящее время, безусловно, представляет особый интерес.

Внешнеэкономические связи США

Внешнеэкономическая безопасность – это состояние внешнеэкономических связей, отражающее участие национальных производственных сил в мировых воспроизводственных процессах и воздействие мировой хозяйственной системы на национальные производственные отношения, которое построено на основе баланса интересов национальных и зарубежных участников и

обеспечивает устойчивый экономический рост. Исходя из этого определения, рассмотрим внешнеэкономические связи и внешнеэкономическую деятельность США.

США – крупнейший в мире экспортер товаров (13% мирового экспорта) и услуг (18% мирового экспорта). В общем, объем экспорта США составляет 16% мирового объема экспорта. Сегодня около 10% валового внутреннего продукта страны и 30% всех производимых в США материальных ценностей реализуются на внешних рынках. В 2006 году экспорт составил около 1,5 трлн. долларов. Благоприятным экспортным позициям страны способствовало улучшение экономической конъюнктуры в развитых странах мира во второй половине 90-х годов, а также ускорение инвестиционных процессов в быстрорастущих экономиках Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Экспорт товаров и услуг создает около 11–12% ВВП США. Торговый баланс США составляет минус 13% (отрицательный за счет того, что стоимость импорта превышает стоимость экспорта).

Опережающими темпами развивается экспорт полупроводников и телекоммуникационного оборудования, транспортных средств (автомобилей и авиалайнеров), энергетического оборудования и двигателей, измерительных и научных приборов. После мирового валютно-финансового кризиса несколько сократились поставки авиационной техники и химической продукции потребителям в страны Азии и Латинской Америки. Экспорт в страны Азиатского региона составляет около трети всего американского экспорта. На сегодняшний день в экспорте услуг преобладают финансовые, управленческие, транспортные, медицинские, образовательные и консалтинговые услуги.

Значительный стимул к росту американского экспорта дало вхождение Мексики в НАФТА (1994 г.). После этого немедленно увеличился экспорт инвестиционных и потребительских товаров в Мексику. В пограничных с США районах Мексики на базе прямых инвестиций американских ТНК создана мощная производственная база по изготовлению готовых товаров из импортных комплектующих с последующим экспортом в США (так называемая maquailadora industry). Американские ТНК пользуются низкими издержками труда в Мексике, но это приводит к росту взаимной торговли между Мексикой и США. Сразу же после образования НАФТА экспорт в Мексику и Канаду дал половину всего прироста американского экспорта. Основными партнерами США по экспорту являются Канада (23% экспорта США), Япония (10,3%), Мексика (10,1%), Великобритания (5,3%), Германия (3,7%), Южная Корея (3,4%) и Тайвань (3,2%). Основу экспортной экспансии американских монополий составляют машины, оборудование и продукция сельского хозяйства.

На долю США приходится также около 20% мирового экспорта продукции наукоемких отраслей. Импортируется огромное количество электронных компонентов, бытовой электроники и компьютеров. Важнейшее значение для США имеет и тот факт, что на их долю приходится ежегодно около половины мирового экспорта зерна. Заграничные предприятия транснациональных корпораций США обеспечивают производство товаров и услуг общей стоимостью почти 1,5 трлн. долларов в год. США является крупнейшим в мире экспортером капитала (в год вывозится около 0,3–0,4 трлн. долларов). Прибыли на прямые инвестиции за границей являются также важным источни-

ком финансирования экономического развития США, они составляют до трети всего объема прибыли американских корпораций. Расширение производства услуг и товаров для сбыта на заграничных рынках – один из главных факторов американского хозяйственного роста. Экспорт услуг и товаров из США постоянно растет.

Примерно треть ежегодного прироста ВВП страны происходит за счет экспортного производства в высокотехнологичных, высокопроизводительных секторах хозяйства. Благодаря этому было создано 1,5 млн. новых рабочих мест. Иначе говоря, интернационализация воспроизводственных процессов в США вступила в качественно новую фазу, главная особенность которой – участие Соединенных Штатов в становлении, в рамках мирового хозяйства, единого воспроизводственного механизма.

Импорт в США составляет 23% мирового объема импорта (в 2001 году импорт в США достиг 1,4 трлн. долларов). Импорт имеет для американской экономики еще большее значение, чем экспорт. Доля импорта во внутреннем потреблении бытовой электроники, обуви и ряда других потребительских товаров превысила 80%, металлообрабатывающих станков и нефти – 50%, черных металлов и текстиля – 20%. С импортом связано 13% производства ВВП, а на долю США приходится 17% мирового импорта товаров и 12,5% мирового импорта услуг. Машины и оборудование дают 2/3 прироста импорта США, на долю автомобилей и товаров потребительского назначения приходится четверть прироста. В связи со значительным укреплением курса американского доллара по отношению к ведущим мировым экспортерам товаров в конце 1990-х годов в США хлынул поток относительно дешевой и конкурентоспособной продукции из Европы, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

До 40% дефицита торгового баланса США приходится на Японию, столько же на другие страны региона ЮВА. Немалая доля импорта связана с внутрифирменными поставками зарубежных филиалов и дочерних компаний американских корпораций, использующих преимущества международной специализации. Среди стран-экспортеров потребительских товаров на рынок США Китай и другие быстрорастущие экономики Юго-Восточной Азии значительно потеснили Японию на рынке бытовой техники и захватили довольно большую долю рынка одежды и обуви. США является самым привлекательным рынком для иностранных инвесторов.

По данным платежного баланса, ежегодно в США ввозится капитала на 0,5 трлн. долларов. Растет приток в страну как прямых инвестиций (приближаясь к 0,1 трлн. долларов), так и портфельных (0,3–0,4 трлн. долларов). Огромное положительное сальдо движения капитала не только смягчает проблему платежного баланса, но и помогает финансировать значительную часть капиталовложений в американскую экономику. Так, только прямые иностранные инвестиции обеспечивают до 7% капиталовложений в основные фонды американской экономики.

Ряд американских экономистов и членов правительства выражают беспокойство по поводу зависимости американской экономики от импорта. Значительное преобладание импорта над экспортом является серьезной проблемой для США. Основными источниками несбалансированности внешних связей являются пассивы в торговле с Японией, Западной Европой и новыми индустриальными странами. Хотя в последние годы дефицит сократил-

ся, вопрос выравнивания торговых потоков остается одним из самых острых для США. В отдельные годы темпы роста импорта страны вдвое превышали темпы увеличения экспорта. Так, в 1998 г. дефицит внешнеторгового баланса страны превысил 120 млрд. долларов. В связи с этим американская администрация предприняла ряд мер по стимулированию экспорта. Была принята государственная программа консультационной помощи американским экспортерам по поводу особенностей отдельных зарубежных рынков. Развернулась широкая кампания по преодолению барьеров для иностранных товаров на рынках Японии, Китая, некоторых новых индустриальных стран. Основными странами-экспортерами товаров и услуг на американский рынок являются Канада (19% импорта США), Япония (17,4%), Мексика (7,3%), Китай (5,6%), Германия (4,6%), Тайвань (3,9%) и Великобритания (3,6%).

Сеть международного производства и коммерческой деятельности, созданная зарубежными филиалами транснациональных корпораций посредством прямых иностранных инвестиций, получила в экономической литературе название «второй экономики» страны, т.е. сети международного производства, созданной посредством прямых заграничных инвестиций. «Вторая экономика» США по объему прямых иностранных инвестиций, суммарному производству товаров и услуг, продажам на внутреннем рынке и экспорту (включая внутрикорпорационный экспорт) значительно превосходит другие развитые страны.

Доля американских корпораций в общем объеме накопленных прямых инвестиций в мире составляет около 25%. «Вторая экономика» выступает мощным стимулом развития внешней торговли США: более 50% объема экспорта филиалов американских корпораций приходится на внутрифирменную торговлю и более 40% вывоза товаров и услуг материнскими компаниями направляется их зарубежным филиалам. Около 20% всех международных сделок, осуществляемых американскими компаниями, обусловлены их международным производством. На зарубежных филиалах американских корпораций трудятся около 10 млн. рабочих и служащих.

Примерно 2/3 продаж дочерних компаний американских ТНК осуществлялось по месту их нахождения. Лишь в Канаде и Мексике американские инвестиции производились в значительной мере в расчете на реализацию продукции на рынке США. Американские ТНК занимают прочные позиции на мировых рынках, заграничные предприятия которых обеспечивают производство товаров и услуг в объеме примерно 3 трлн. долларов в год (почти 40% ВНП США). Костяк «второй экономики» образуют зарубежные промышленные фирмы, на которые приходится свыше 70% продаж всех заграничных подразделений. Они оказывают огромное влияние на экономику стран, где эти предприятия работают.

Стратегия национальной безопасности: внешнеэкономическое измерение

Основополагающим документом, определяющим курс обеспечения ВЭБ США, является «Стратегия национальной безопасности США».

Экономическая мощь и жизнеспособность – фундамент, на который опирается национальная безопасность США. Экономическая составляющая страте-

гии национальной безопасности США предполагает решение трех приоритетных задач:

- обеспечить экономическую безопасность, сделав экономику США и глобальную экономику более устойчивой к экономическим потрясениям;
- способствовать глобальному процветанию путем расширения торговли и инвестиций между странами;
- обеспечить полноценное участие бедных стран в общемировом подъеме благосостояния.

Для того чтобы обеспечить свою экономическую безопасность, США сосредоточивают свое внимание на решении четырех ключевых задач: развитие диверсифицированных и надежных источников энергии; обеспечение надежности и безопасности международных пассажирских и грузовых перевозок; блокировка каналов финансирования террористов; а также обеспечение стабильности международной финансовой системы и экономической стабильности ключевых союзников.

Энергетическая безопасность

В «Стратегии национальной безопасности США» сказано: «Мы намерены укреплять свою энергетическую безопасность и повышать уровень общемирового благосостояния путем взаимодействия с нашими союзниками, торговыми партнерами и поставщиками энергоресурсов на пути расширения разнообразия источников и видов энергии, особенно в Западном полушарии, в Африке, Центральной Азии и Каспийском регионе. Кроме того, мы намерены и дальше взаимодействовать с нашими партнерами в целях создания более чистых и энергосберегающих технологий».

США должны обеспечить наличие надежных поставок энергии по разумным ценам, что способствовало бы экономическому росту и процветанию, а также препятствовать использованию нефти в качестве инструмента влияния и давления. США необходимо решить ряд трудных проблем на международных рынках нефти. Две трети разведанных в мире запасов нефти находятся на Ближнем Востоке. Так же, как и Соединенные Штаты, Европа и Япония удовлетворяют все большую часть своих потребностей в нефти за счет ее импорта. Последствия любых срывов в системе глобальных поставок нефти будут ощущаться всеми участниками глобальной экономики. Кроме того, значительные запасы нефти находятся под контролем так называемых «проблемных» государств.

Интересы энергетической безопасности требуют наличия надежной международной стратегии и тесного сотрудничества с другими странами. Взаимодействуя с Международным энергетическим агентством, США уже взяли на вооружение проверенный подход, позволяющий предотвращать ущерб мировой экономике от внезапных потрясений на рынках нефти. В среднесрочном и долгосрочном плане необходимо обеспечить увеличение и диверсификацию производства энергии и в Соединенных Штатах, и в надежных странах-производителях. В рамках этих усилий США способствуют формированию в целом ряде стран более благоприятного климата для инвестиций в нефтяную отрасль и активно помогают совершенствованию инфраструктуры, необходимой для получения доступа к относительно новым поставщикам, в том числе в Каспийском и Среднеазиатском регионах.

Транспортная безопасность

Безопасность воздушных и морских перевозок, а также наличие надежных границ выступают важнейшим условием экономической безопасности и благополучия. США ведут неустанную работу с правительствами зарубежных стран и международными организациями в целях обеспечения безопасности грузовых и пассажирских перевозок через границы. Во взаимодействии с Международной организацией гражданской авиации США разрабатывают и внедряют еще более надежную программу контроля за безопасностью аэропортов. Самыми быстрыми темпами осуществляется укрепление дверей кабины пилотов на самолетах. Внедряются более строгие процедуры визового контроля и пропускного режима работников транспортной сферы.

В партнерстве с зарубежными странами США начинают реализацию «Инициативы по безопасности контейнерных перевозок» и других мер, предусмотренных разработанной «Большой восьмеркой» Программой совместных действий по обеспечению транспортной безопасности, а также Инициативой о безопасной торговле в регионе АТЭС, выдвинутой форумом Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Эти действия дают Америке возможность осуществлять проверку содержимого прибывающих в страну контейнеров на предмет наличия в них опасных материалов и оружия массового поражения, а также прослеживать их путь к террористам, которые могут использовать эти материалы и оружие против США. Наряду с этим США должны содействовать и Международной морской организации в обеспечении выполнения международных стандартов, касающихся морских перевозок и портовых сооружений.

Финансовая стабильность ключевых союзников

Начав войну с терроризмом, США заручились поддержкой многих стран мира. США заинтересованы в том, чтобы страны, находящиеся на линии фронта в этой войне, не оказались перед угрозой экономической и финансовой нестабильности. США оказывают необходимую поддержку этим государствам путем активного взаимодействия с другими странами, международными финансовыми институтами (МФИ) и частным сектором в целях предотвращения финансовых кризисов и более эффективного разрешения таких кризисов, если они все-таки происходят. Содействие развитию региональной торговли станет еще одним важным фактором стимулирования экономического роста в ключевых прифронтовых государствах, таких как Афганистан и Пакистан.

США работают над устранением финансовых диспропорций (особенно в Латинской Америке), способных привести к дестабилизации нарождающихся рынков, взаимодействуют с МФИ в вопросах предоставления рекомендаций и оказания поддержки странам, пытающимся проводить надежную макроэкономическую политику, добиваться более высокой прозрачности, принимать разумные стандарты, контролировать уровень задолженности и удерживать низкие темпы инфляции.

Курс на открытость рынков как условие процветания

Президент США сформулировал план, позволяющий положить начало новой эпохе глобального экономического роста путем открытия рынков и рас-

ширения свободной торговли. В «Стратегии национальной безопасности» отмечается, что «сильная мировая экономика служит интересам нашей национальной безопасности, способствуя повышению уровня благосостояния и расширяя границы свободы в остальном мире». Страны, готовые вместе с США противостоять угрозам, исходящим от террористов и государств-изгоев, нуждаются в высоких темпах экономического роста и высоком уровне стабильности, потому что только в этом случае они смогут поддерживать общие усилия и ценности. Соединенные Штаты способны укрепить эту глобальную коалицию путем стимулирования экономического роста у себя дома и в других развитых странах, содействия экономическому развитию бедных стран и их уверенному движению к открытым рынкам как условию процветания.

«С этой целью мы [США] вместе с нашими основными торговыми партнерами предпринимаем меры, способствующие стимулированию роста и появлению новых возможностей для развития во всем мире. Мы начали с закрепления тех экономических преимуществ, которых добились в рамках Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) с нашими ближайшими соседями – Мексикой и Канадой». Одним из прямых следствий ужесточения глобальных требований к безопасности стало временное замедление поставок промежуточных продуктов и полуфабрикатов через границы с партнерами по НАФТА. Соединенные Штаты разработали специальные планы действий по упорядочению пограничного сообщения как с Мексикой, так и с Канадой, обеспечивающие более высокий уровень безопасности и упрощающие процесс торговли между этими тремя участниками НАФТА.

Европа и Япония выступают для США важнейшими партнерами в области торговли и инвестиций. Они стали союзниками в войне с террором, понимая, что их собственная безопасность поставлена на карту. Согласованные усилия Соединенных Штатов, Европейского союза (ЕС) и Японии – непременное условие реализации принятой в Дохе Повестки дня ВТО (Всемирной торговой организации) в области развития, призванной создать новые многомиллиардные возможности, обеспечить доверие к рынкам и процессу интеграции и вывести мировую экономику на дорогу к стабильности.

Сегодня Япония увязла в экономических проблемах, а Европа демонстрирует слишком низкие для нее темпы роста. Соединенные Штаты и весь остальной мир хотят видеть Японию и Европу сильными и процветающими. США поддерживают попытки Японии реформировать ее тяжело больной банковский сектор с целью более полной реализации своего потенциала в области экономического лидерства и роста.

Экономические аспекты стратегических отношений с ключевыми странами мира приобретают все большее значение. Сегодня центральное место в этих отношениях отводится мерам, призванным обеспечивать расширение торговли и инвестиций. Китай стал членом ВТО. К вступлению в ВТО стремится и Россия. США работают над стимулированием частных инвестиций в экономику этой страны.

Соединенные Штаты разработали комплексную стратегию содействия свободной торговле. Наряду с многосторонними усилиями в рамках ВТО, США продолжают работать и над региональными, и над двусторонними инициативами в области торговли. Америка уже располагает успешным опытом, наработанным в рамках Североамериканского соглашения о свободной торговле. Соглашение о свободной торговле в Америке – следующая цель. Развивая

успех, достигнутый США в рамках двустороннего соглашения о свободной торговле с Иорданией, США будут работать над заключением аналогичных соглашений с Чили, Сингапуром, Австралией, Южноафриканским таможенным союзом и другими странами и организациями.

* * *

Анализируя внешнеэкономическую деятельность и положение США в мире, можно сделать следующие выводы.

Влияние США в мире в ближайшее десятилетие будет меняться при сохранении абсолютных показателей американской мощи. Лидерство США немного ослабеет в связи с вероятным уходом из Ирака в ближайшей перспективе. Можно предположить, что это причинит урон уверенному курсу американской внешней политики. Однако Америка, скорее всего, вернет свои позиции.

Коррекция внешнеполитического курса, вероятно, приведет к росту политического влияния Америки в мире. Тем не менее маловероятно, что в ближайшее десятилетие оно достигнет такого же состояния, как в начале 2000-х гг. Причина тому – изменившееся соотношение сил в мире, появление новых сильных экономик и возможность складывания многополярной системы.

Важно отметить также, что США, по всей видимости, сохранят и увеличат свой потенциал в военной сфере, продолжится создание системы ПРО. Уже сейчас военный бюджет США – это 40% (!!) мировых расходов на оборону. И ожидается, что объем этих расходов будет возрастать. А это свидетельствует о приоритетности этого направления в курсе внешней безопасности США.

Конечно, экономика США – это сильная, наиболее динамичная экономика мира. И видимо, останется таковой, несмотря на возможные кризисы. Недавний пример: кризис рынка жилья 2007 г. не вывел американскую экономику из равновесия. Тем не менее сама доля США в мировом ВВП может немного снизиться. Логично также предположить, что доллар продолжит терять свои позиции, но останется безусловной резервной валютой и единицей международных расчетов.

Представляется, что для обеспечения внешнеэкономической безопасности внешняя политика США будет предполагать диверсификацию инструментов внешней политики, а также более активное использование различных экономических механизмов; дальнейшее развитие тесных отношений с Индией и налаживание отношений с Китаем – при продолжающемся нарастании соперничества с ним; усиление участия в международных организациях в многостороннем формате; продолжение борьбы с терроризмом и сотрудничество с другими странами в этой сфере (согласно «Стратегии Национальной Безопасности» от 2002 г., а также ее последней версии от 2007 г.); пересмотр курса распространения демократии в связи с усилением внимания к другим задачам, как, например, укрепление государственных институтов развивающихся стран, развитие образования и уровня управления в таких странах; пересмотр ранее принятого курса на проведение свободных выборов; диверсификация источников энергоресурсов в связи с растущими ценами на энергоносители, а вследствие этого – планомерное изменение политического курса.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗВИЛКИ РАЗВИТИЯ

В обсуждении проблемы приняли участие: доктор философских наук, политический обозреватель «Литературной газеты», член редакционного совета журнала «Вестник аналитики» ***А.С.Ципко****, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, член Научного совета ВЦИОМ* ***Л.Г.Бызов****, кандидат философских наук, доцент кафедры публичной политики Высшей школы экономики* ***М.В.Малютин****, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения» ИМЭМО РАН* ***А.В.Рябов****, доктор исторических наук, политический аналитик* ***В.Д.Соловей*** *и президент Центра стратегических исследований «Россия – Исламский мир»* ***Ш.З.Султанов****.*

А.Ципко. Не скрою, тему очередного КС журнала «Вестник аналитики» спровоцировали авторы доклада «Демократия: развитие российской модели». Меня, честно говоря, поразило, что авторы этого доклада не только не ответили, но даже не поставили «больные», само собой напрашивающиеся вопросы, без ответа на которые невозможно понять особенности, в том числе и изъяны сложившейся у нас политической системы. На мой взгляд, сами по себе все эти набившие оскомину либеральные разговоры о том, что без демократии невозможна модернизация, критика авторитарных тенденций в нынешней политической практике, мало что дают, если, во-первых, вы не выявите причины возрождения в посткоммунистической России традиционного русского всевластия (моносубъектности, как ее называли авторы книги «От Бориса I к Борису II), и, во-вторых, если вы не предложите реальные, не революционные пути реставрации практики разделения властей, которая в зачаточной форме все же существовала с августа 1991 года по сентябрь 1993 года.

Не могу не обратить внимание на то, что авторы упомянутого доклада, при всей их критичности к сегодняшней политической практике, почти не говорят об исходной конституционной, правовой основе нынешнего всевластия, о том, что авторитаризм и всевластие президента прописано в его конституционных полномочиях. Складывается впечатление, что для авторов доклада наш основной закон – священная корова, которую они всячески оберегают, правда, как мне кажется, для своего собственного всевластия.

Конечно, смешно и даже неприлично уподоблять авторитаризм в политической практике Путина моносубъектности эпохи Сталина. Не могу не сказать, что качество нашей демократии необходимо оценивать и в сравнении с

той советской политической практикой, от которой мы ушли, и, конечно же, в сравнении с нынешней политической практикой родственных нам бывших социалистических стран Восточной Европы. Кстати, именно по этой причине я призываю участников «КС» объяснить, почему и Польша, и Венгрия, и Чехия обошлись без расстрела законодательной власти из танков, а мы нет.

На мой взгляд, и подтверждением тому – наш общий опыт работы над научными докладами, анализ той или иной политической системы предполагает, прежде всего, исследование истории и предпосылок ее становления. Отсюда, на мой взгляд, и сам собой напрашивающийся интерес к развилкам нашей политической истории, к роспуску Съезда народных депутатов СССР в сентябре 1991 года, к разгону силой оружия Съезда народных депутатов РФ в октябре 1993 года, к своеобразным всенародным выборам президента России в 1996 году, где альтернативный кандидат по определению не имел права победить.

И здесь возникает вопрос, на который обычно не обращает внимание либеральная интеллигенция. А могла ли на самом деле сложиться у нас развитая демократия после всех этих антиконституционных переворотов, которые предшествовали появлению нынешней «управляемой демократии»? Может быть, нечего на зеркало пенять, коли рожа крива? Даже такой активный в те дни сторонник «Демократического выбора России», как Евгений Киселев, сейчас говорит, что он и его единомышленники тогда совершили ошибку, что если бы они содействовали выходу из «тупика политическими методами», то жизнь страны сложилась бы по-другому. По крайней мере, Киселев признает то, что не хотят видеть авторы упомянутого мной доклада о демократии, признает, что «президент, наделенный колоссальными полномочиями, которыми Путин в течение восьми лет воспользовался в полной мере, – оттуда, из октября 93-го». Вот почему в нашем вопроснике выделена специально проблема условий преодоления наследства гражданской войны 1993 года, той парадоксальной ситуации, когда такая системная парламентская партия, как КПРФ, на самом деле не имеет никаких шансов на власть.

И все же наиболее интересный вопрос связан с условиями появления в России какой-то власти, какого-то политического института, который действительно будет независим от президентской власти и который будет действительно иметь собственные гарантии независимости, не западные, которые имеют наши правозащитники, а собственные гарантии независимости, чтобы действительно иметь право молвить свое независимое, политически значимое слово. Где может возникнуть этот политический институт, с чего может начаться разделение властей в России на деле?

Понятно, что с точки зрения перспектив анализа особый интерес представляет нынешнее перерастание традиционной российской моносубъектности в двоецентрие. Тут много неопределенностей, которые сами по себе нуждаются в анализе. Не обернется ли это двоецентрие двоевластием? Чем обернется нынешнее разделение властей между «моральным лидером нации» и главой государства? Сделает ли Путин самый важный шаг на пути перерастания нынешней президентской республики в парламентско-президентскую? Сможем ли мы когда-нибудь преодолеть российскую традицию всевластия главы государства?

М.Малютин. Начну сначала. Как раз ответы на первые вопросы в достаточной степени очевидны и просты. В странах Восточной Европы (до Прибалти-

ки включительно) все-таки речь шла о восстановлении «своих» национальных государств. Бывших именно частью Западной Европы, в той или иной форме большую часть своей истории и имевших уже какую-то традицию национальной государственности (в период двух мировых войн). Вот здесь я бы слово «национальное» жирно подчеркнул, а государственность рассматривала бы как надстройку над этим самым национальным «хотением». Прежде всего – городской «образованщины», созданной индустриализацией и урбанизацией «советского типа».

А.Рябов. А Балканы сюда включать?

М.Малютин. Нет, славянско-православная, как тип культуры, зона – нечто иное: вот здесь наступал цивилизационный разлом (в «запад» тут еще в девятнадцатом веке интегрировались только Греция и Румыния). Пограничной зоной является уже Словакия (времен В.Мечьяра). Я на этой «точке разлома» остановлюсь подробнее. В Восточной Европе, как «эрзац-Европе», наложились две вещи: западное культуртрегерство НАТО–Евросоюза и некое массовое желание (прежде всего советской и социалистической, по генезису, местной «образованщины») к «независимости в Европе». Нас, мол, принудительно, по «сговору в Ялте», засунули сюда, в социализм, «русские дикари» руками палача Сталина, а мы вообще-то хотим «стать Европой». Наложение этих тенденций способствовало тому, что большинство населения (при всех больших социально-экономических издержках подобной «независимости»), как показывают опросы в Прибалтике, все-таки в целом считает новую ситуацию позитивной. Когда опросы проводятся «20 лет спустя», ответы большинства все одни и те же: в социально-экономическом плане, конечно, лучше жилось в СССР, но, тем не менее, «независимость в Европе» надо было получить, и никаких сомнений у «коренных жителей» в этом вопросе не существует.

Фундаментальная проблема России и Белоруссии (да и большей части Украины) заключалась именно в том, что они вообще не принадлежали к этому культурному кругу. И здесь сама по себе модель построения западной схемы «самостоятельного государства» с процессом «ускоренного» формирования демократических институтов изначально была сформирована путем того, что условно можно назвать наведенной индукцией. Просто если в Москве и Питере (да и в Киеве) оказалась достаточно большая концентрация подобной «вестернизированной образованщины», которая ухитрилась себя навязать в качестве гегемона данного процесса «этим странам», то в Белоруссии, в силу целого ряда обстоятельств, независимость оказалась своего рода «принудительным ассортиментом». Ее никто, по большому счету, не хотел (кроме кучки национал-психов из «гуманитариев»), только в результате долгого и сложного по последствиям правления А.Лукашенко как-то ситуация «своего государства» понемногу «стерпелась и слюбилась». Однако как «самоценность» (в отличие от большинства нынешних украинцев) большинство белорусов «незалэжность» не воспринимают, это просто полезный инструмент, чтобы строить свои отношения с ЕС и Россией...

В этом смысле модель разделения властей изначально не имела ничего общего с социокультурной средой городских русских, бело-русских, южнорусских (о сербах и болгарах судить не берусь – плохо знаю эти страны), восточно-украинских и т.п. граждан СССР. Если бы Советский Союз в этом смысле был бы предоставлен самому себе «без давления Запада» и примера Восточной Европы, то лозунг восстановления власти Советов как конкретной

исторической формы народовластия – это было примерно то, чего во второй половине 1980-х хотело большинство населения страны. «Власти Советов» вначале искренне хотела интеллигенция городов-миллионников (в лице того же академика Сахарова). В этом смысле я абсолютно согласен с Александром Шубиным, что этот политтехнологический ход 1989–1990-х годов, когда народовластие превратилось в разделение властей, а экономическая реформа – в «ускоренно внедряемый» рынок, это изначально оказалось тем самым моментом «слома нормальных преобразований». Когда таким подброшенным «троянским конем» был создан нежизнеспособный гибрид и кентавр «эРэФии». А дальше возникла ситуация удержания «любой ценой» власти «кликой Ельцина», изо всех сил поддержанной Западом.

При этом вот здесь для меня фундаментальное разграничение с автором рубрикатора обсуждения: о «корпоративной природе» власти Ельцина говорить не только бессмысленно, но и вредно. Клика – да, камарилья – да, а при чем здесь «корпорация»? Суть ситуации заключалась в том, что очень узкая группа честолюбивых не по разуму людишек изначально даже до конца не рассчитывала, что власть ей свалится в руки. До «бархатных революций» 1989 г. они не сомневались, что «власть у нас» – это все бесконечно далеко. Опыт событий в странах Восточной Европы доказал, что достаточно на два-три дня вывести толпу на улицу, танки все равно не будут стрелять, и мы, «любимые», неожиданно окажемся в роли «международно признанной» власти. Известная фраза, которую запомнил Коржаков: на его слова «Борис Николаевич, какой мы кабинет отхватили!», он получил ответ: «Ничего ты не понимаешь, дурак Сашка, мы всю Россию отхватили!» – очень точно охарактеризовала то, что произошло. Развилка произошла осенью 1991-го.

А.Ципко. Геннадий Пересадченко, мой сосед и коллега по ЦК ВЛКСМ, сидел в приемной в тот момент, когда в Ореховую комнату утром 27 декабря 1991 года ворвались Ельцин, Бурбулис, Коржаков и Хасбулатов. Была бутылка коньяка, но не было закуси, и первый тост был не за Россию, а за Ореховую комнату.

М.Малютин. Совершенно верно. На самом деле, главный, «первородный грех» Верховного Совета, за который мне лично его не жалко, произошел осенью 1991 года. С моей точки зрения, развилка возникла тогда, когда они под давлением Ельцина и его группы отказались от прямых выборов губернаторов и когда была «заболтана большинством» ситуация: надо срочно проводить на многопартийной основе выборы в Учредительное собрание. Об этом говорили тогда многие в течение всего лета 1991 года, хотя слова при этом были разные (кто-то говорил, например, о «Конституционном собрании»). Почему «сразу получилось» у отцов-основателей Соединенных Штатов и не получилось у нас – о родной фундаментальной причине все забывают. Пресловутая схема разделения властей даже в конце XVIII века сработала потому, что у них было такое промежуточное звено государственного устройства, как федерализм. У них ведь была «своя паранойя» – не меньшая, чем у нас. У нас была паранойя, что вернутся коммунисты, а у них – что верхушка республики может продаться, наша власть «гикнется», и после этого англичане нас повесят (и правильно сделают). В этом смысле федерализм выступил как промежуточное звено массовой народной поддержки новой власти Штатов. А в «эРэФии», напротив, в тот момент возник второй «параноидальный страх», навеянный искус-

ственным «беловежским» крахом СССР. Кроме страха перед возвратом мифических в тот момент «типа коммунистов», была у самозваных «элит» еще бредовая идея, что «Россия находится на грани развала». Нам еще сейчас на полном серьезе напоминают, что великий Путин спас в конце 1990-х годов «Россию от развала»: это – конечная редакция этого самого страха, этого самого психоза.

Быстро выяснилась на рубеже 1991–1992-х годов «основная проблема безвластия», которую очень правильно и быстро понял Ельцин своим уникальным «властным основным инстинктом», и, к сожалению, абсолютно не поняли его конкуренты. Вся структура советской власти, в руки представителей которой формально «свалилась власть на рубеже 1991–1992-х года, повисла в воздухе, под ней вообще ничего не было. В этом смысле любая мало-мальски решительная, энергичная группировка «реформаторов» оказалась способной делать все, что ей заблагорассудится (делясь «правом безнаказанно воровать» с другими бюрократическими кликами – местными властями, «Газпромом», генералитетом и т.п.). И, наоборот, все попытки апеллировать к населению, социальным слоям, «трудящимся» вообще не имели никакого значения – они уходили в пустоту.

Почему? Отсутствовала русская нация. Для меня этот момент – самый принципиальный, и, откровенно говоря, тогда, в 1990-е годы, я его не понимал. Только после «оранжевой» революции в Украине стало ясно, в чем фундаментальная разница между нами: в Украине начала формироваться нация, в том числе и политическая, и начало формироваться национальное государство. А у нас, после некоторого количества пертурбаций, воспроизвелась та модель, которую Олег Григорьев, с моей точки зрения, очень точно назвал «территориальной империей». Ведь империй существует несколько видов, и само слово «империя» различие этих видов и маскирует. Возможна империя-идеократия (от самой примитивной мегамашины, где только «мы – настоящие люди»); возможна империя как «национальная империя», где вначале есть доминирующий этнос со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наконец, вероятна территориальная империя, где господствующего народа, по существу, просто нет (кстати, русские за тысячу лет писаной истории были всегда для любой власти – от «призвания варягов» до избрания Путина – только «стройматериалом»).

Все, что дальше мной описывается, потому и существует, что продолжает сохраняться, воспроизводиться и регенерироваться схема «территориальной российской империи»: именно она всячески препятствует формированию и нации, и каких бы то ни было классовых субъектов. Потому что ситуация ее всевластия базируется именно на том, что она единственная и неповторимая. Ее «конкуренты» только «вовне» страны, внутри страны она боится лишь «верхушечного заговора своих», не меняющих ее природы. В России ни одна власть еще не приходила к власти путем выборов (они ее только «потом легитимировали»), и уж тем более не допускала своего «переизбрания». Потеря власти реально происходила только путем очередной национальной катастрофы (точнее – «имперской катастрофы», оборачивающейся для русских национальной трагедией).

Если брать то, что существует здесь и сейчас в стране в смысле «власти», – она полностью адекватна положению дел в стране. Именно по той причине, что раз в России по-прежнему нет нации и нет каких-то внятных социально-

классовых субъектов, то, как бы неаппетитно не выглядела постсоветская бюрократия, она действительно имеет полное (и пока единственное!) право говорить от имени России. И когда она избавилась в августе 2008 года от западного «зомбирования» (в том виде, как оно было ей навязано в предыдущую историческую эпоху), выяснилось, что ей только могут грозить пальцем, потому что для того, чтобы устроить «оранжевую» или любую другую «цветную» революцию, нужна нация. Только нация с национальным недовольством может выступить как субъект национальной революции...

Ш.Султанов. Михаил, ты вначале сказал, что на Украине только формируется нация, а закончил тем, что нация там уже сформировалась, именно нация является субъектом, и, более того, «оранжевая» революция – результат этой субъектности. Дело в том, что нация не может сформироваться за 10–15 лет, тем более – в условиях перманентного экономического кризиса и раскола элит.

М.Малютин. Здесь происходит вот что: маскирует ситуацию в Украине и порождает достаточно странные взгляды на эту страну, если не изучаешь ее изнутри, а смотришь только из России, одно «отождествление», на котором сломал себе шею «проект Янукович – 2004» (и его поддержка из Кремля). Надо различать, и жестко различать, «русских» и «русскоязычных украинцев». Кроме, может быть, Севастополя – даже большая часть русских жителей Крыма в Россию не рвется (не говоря уже о Донбассе). Общий русский язык там действительно многое маскирует, потому что есть огромная масса «русскоговорящих украинцев», считающих себя украинцами и полагающих, что «наша страна Украина» должна развиваться как наша страна (так, к примеру, в Харькове думают 90% жителей). И есть два достаточно искусственных, присоединенных благодаря советской власти «куска», действительно населенных почти исключительно русскими (Донбасс и Крым).

А.Ципко. Михаил, я боюсь, что так мы далеко уйдем от темы нашего исследования. Вы выстраиваете логику следующим образом: не было нации, и никакой демократии в этом случае быть не может. Но все же нельзя не учитывать качественную разницу между легитимностью, укорененностью в народе Съезда народных депутатов РСФСР и легитимностью уже всех последующих Дум. Нельзя не учитывать качественную разницу между советскими советами, которые были органами представительной демократии, и «советами без коммунистов», избранных во время утраты со стороны КПСС контроля над подбором и избранием депутатов. У Верховного Совета РСФСР образца 1991 года хватило укорененности, чтобы отстранить от власти Горбачева, распустить КПСС, а затем и развалить ее. Здесь существует серьезная методологическая проблема. В какой степени Съезд народных депутатов был уже парламентской структурой, а в какой – продолжением старой, советской системы? И еще очень важный методологический вопрос: когда ты говоришь об архетипе, ты делаешь акцент на народе. Но проблема состоит в том, что Съезд народных депутатов РСФСР разогнал не просто Ельцин, инициатором всего этого была образованщина, советская интеллигенция. Призывы «давить гадину» шли не от народа, а от таких архиинтеллигентных людей, как актер Олег Басилашвили.

М.Малютин. В чем здесь фундаментальное противоречие: Советы были типом «общинной демократии». Леонтий Бызов в своих исследованиях блестяще показал, как это «традиционное общество» в деревне и городе было «размолото» в советский период, как общины превратились в «советскую

видимость» и в квазиобщинную структуру «трудовых коллективов». Этими штампами мыслила (больше было нечем!) страна середины 1980-х годов: был, действительно, массовый подъем «желания народовластия», но он не отлился ни в какую структуру. Почему я говорю, что за советами не оказалось никакой базы? Они оказались «парламентами без парламентаризма», они, по существу, представляли самих себя, они могли апеллировать к своим маленьким инициативным группам, которые их избирали. Когда Хасбулатов в решающий момент борьбы попробовал подвести некую «советскую основу» под Верховный Совет, проводя все эти совещания советов разных уровней, люди из регионов просто не понимали, о чем идет речь в «вашей Москве». Фракция «Смена – новая политика», которую я тогда консультировал, пыталась заниматься этим в 1992–1993-х годах, эти совещания советов разных уровней проводились регулярно, но у них не было никакой единой точки зрения, а договориться всерьез с местными региональными властями они боялись и не умели (исполнительная власть, захватив ЦБ РФ в конце 1992 г., лишила Съезд последнего рычага воздействия на регионы). Более того, Ельцин сделал, по существу, гениальный ход со своим «берите суверенитета сколько хотите» – и еще осенью 1991 г. «подставил под себя» назначенных самим собой «маленьких Ельциных» местного уровня...

Теперь о том, о чем мечтала образованщина и почему массовая образованщина второй раз после 1917 года выступила в роли тарана самых радикальных преобразований, которых сама в основной массе реально не хотела и боялась. У «интеллигенции» оба раза было в целом верное убеждение, что русское быдло не хочет «радикальных реформ» (а фактически – «революции сверху»). Да, крестьянское быдло не хотело социализма, по крайней мере, пролетарского, а городское «русское быдло» в конце XX века хотело каких-то медленных, осторожных реформ с учетом интересов этого самого быдла. Вся надежда «радикалов» была в том, что мы этим решительным броском прорвемся в развитое, цивилизованное, европейское общество – и «станем Европой». Причем, самое главное, чего люди не понимали – элементарных последствий реализации этой «хотелки»: либералы выступили в роли козлов-провокаторов для стада баранов – «образованцев»!

Надо отдать должное Виктору Милитареву, он неоднократно об этом говорил, но никто не желал слушать: два года подряд ельцинская верхушка цинично «кидала» свою массовую базу в лице городской образованщины. Они ровным счетом ничего не сделали для того, чтобы эти люди стали собственниками; они ровным счетом ничего не сделали для улучшения материального положения этих людей, все было как раз наоборот. Но они успешно «переводили стрелку на красно-коричневых» – благодаря контролю за ТВ – на Верховный Совет, который мешает им проводить радикальные реформы...

В.Соловей. Это доказывает их политическую эффективность.

М.Малютин. Согласен. Но в этом смысле момент истины произошел на рубеже 1993–1994 годов, когда избавились от красно-коричневых, а лучше жить образованным горожанам не стало.

А.Ципко. О твоей мысли, что можно было легко разогнать Съезд народных депутатов, потому что в критический момент под ними ничего не было, кроме пустоты... Ельцин имел, как ты помнишь, уже через год 4–6% рейтинга. Все воспринимали новую власть через год как навязанную, враждебную. Как это объяснить?

М.Малютин. Объяснить, как и в 1917 году: с одной стороны, была некая энергичная клика со «своей идеей», которая была уверена, что она «знает, как надо». И с фундаментальной разницей, в отличие от 1917 года, когда была только вера в мировую революцию, мировой пролетариат и все остальное. А здесь было прямое программирование и финансовая помощь «мирового сообщества», и вся эта поддержка. Разумеется, «силу Запада» не надо преувеличивать в духе газеты «Завтра», но, тем не менее, ощущение, что за нами Запад, что мы являемся авангардом мировой демократической революции, которая началась в 1989 году и ведет свое происхождение непосредственно от Великой французской революции – было и придавало силу. При этом, как и в 1917-м, этому радикальному авангарду, который был уверен, что знает, как надо, противостояло «охвостье», вот этот самый парадоксальный блок «красных» и «белых», который, кроме лозунгов «Банду Ельцина под суд!» и желания убрать ее, ничего не имел. Причем, ужас положения заключался в том, что парализовывало сопротивление в октябре 1993 года: убрать Ельцина и посадить себе на шею Руцкого и Хасбулатова – взбунтовавшихся ельцинских холуев, людей еще более мелкого и ничтожного уровня, и, собственно говоря, что творил Руцкой в Курске, великолепным образом показывает, что, при всех многочисленных недостатках Бориса Николаевича, он был все-таки политиком крупного масштаба.

А.Ципко. Значит, можно сказать, что в этот критический момент люди выбирали не парламентскую систему, а избирали просто тип лидера, который им был нужен.

М.Малютин. Абсолютно верно. И чтобы закончить эту тему. Лев Сигал утверждает, что он этого письма не писал, но, тем не менее, это то, за что на какое-то время закрыли журнал «XX век и мир». Было письмо в июне 1991 года какого-то человека из народа, который написал, что наконец-то народ России изберет себе подлинного народного президента – самодура, пьяницу и полного идиота. Борис Николаевич был великолепно народен, он полностью соответствовал этим самым интенциям «настоящего буйного», которого народ в тот момент и хотел в «выборные цари».

Л.Бызов. Анализ, который дал Михаил, все-таки больше подходит для немного более раннего периода, потому что в 1993 году противостояние западнической интеллигенции и основной массы населения практически выдохлось, и уже мало кто воспринимал Ельцина как народного типа, более соответствующего образу традиционного российского правителя. События осени 1993 года прошли при практически полном равнодушии общества: харизма Ельцина сникла, в его реформах люди успели разобраться, и отношение к ним в основном было негативное. После апрельского референдума, на котором буквально «выжали» поддержку социально-экономического курса чуть выше 50%, а к августу эта цифра упала ниже 30%. Но разочарование в политике Ельцина не привело к росту популярности Верховного Совета. Он воспринимался негативно потому, что эта парламентская демократия с постоянной говорильней и борьбой каких-то многочисленных групп и партий воспринималась обществом как носитель хаоса. Страх людей перед нарастающим хаосом вызывал у них ощущение, что лучше порядок, пусть и плохой, пусть несправедливый, но это лучше, чем скатывание к новому противостоянию. В результате, уставшее общество было готово присоединиться к любому победителю, просто инстинктивно искало сильнейшего. Это ощущение переносилось

в последующие периоды на всю парламентскую демократию, независимо от того, кто там заседал – коммунисты, которых после 1995 года было там большинство, или кто-то еще, в том числе и «партия власти». Но негативное отношение к парламентской демократии все равно оставалось, она инстинктивно воспринималась людьми, для которых ценности порядка начинали превалировать над всеми идеологическими пристрастиями, как источник хаоса. Эта тяга к порядку и породила то, что мы сегодня называем моносубъектностью «партии власти».

Решающей точкой поворота стал 1998 год, дефолт, после которого у людей возникла осознанная потребность в том, что должна существовать партия власти, носитель порядка, плохая или хорошая. Да, она должна действовать в определенных ограничениях, в том числе и идеологических, главным образом это касается идеологии патриотизма. Партия власти должна стать неким центром, вокруг которого могут собираться все остальные политические структуры общества. Это касается и оппозиции, идеи которой могут частично использоваться партией власти, а отдельные лидеры даже получать высокие должности, но сама оппозиция как политическая сила обречена быть статистом на политической сцене. Этот запрос сначала переносился на Примакова, потом – на Путина, но дело здесь не в фамилиях, он существовал в воздухе, его важно было во что-то материализовать, чтобы это была не просто твердая власть, но власть, действующая в парадигмах традиционной российской государственности. Начиная с этого времени в обществе стал формироваться ценностный консенсус, представляющий определенные рамки – там и патриотизм, и какие-то левые и либеральные идеи – всего понемногу, кроме крайностей, угрожающих общественному порядку. Эти крайности и отдаются на откуп оппозиции, а тот же Путин для демократов – главный демократ, для патриотов – главный патриот, для левых – тоже главная надежда и опора. Таким образом, рамочный консенсус, внешне эклектичный, превращается в свою идеологию, которая обществом, мы проверяли на фокус-группах, воспринимается вполне целостно, органично. Вокруг этой ценностной триады – порядок, справедливость и только на третьем месте свобода – и начал формироваться консенсус, и было не так уж и важно, кто является его носителем. В электоратах всех партий, от правых до левых, пусть немного в разном порядке, лидировала данная триада ценностей, да и программы почти всех партий стали похожими друг на друга. Ну а власть – от нее требуется немного: соблюдать и со своей стороны консенсус, периодически подавать знаки всем слоям общества. Она должна быть обязательно патриотичной, выполнять роль национальной субъектности, общество не приняло бы прозападническую власть. Общество готово поддержать любую власть, а власть обязана действовать, по крайней мере, на парадно-формальном уровне, как выразитель национальной субъектности.

Повторяю, это не было всегда и не будет всегда, как имманентное свойство русской нации – падать в объятия власти, или, как говорят либералы, в этом проявляется рабское прошлое русских. Нет, это естественная здоровая реакция нации, доведенной до состояния полураспада, запрос, являющийся предтечей формирования нации. Российская нация не сформировалась, она находится в процессе формирования, который, одному Богу известно, будет ли доведен до конца. Но некая внутренняя потребность в ясности, понимание, что общество может выжить только как нация, а у нации должен быть какой-

то верховный представитель, национальный субъект высшей верховной власти, – вот этот запрос после 1998 года усиливался, укреплялся и продолжает укрепляться и сейчас.

Другое дело, что моносубъектность, заявленная как главная тема нашего заседания, носит очень условный характер, потому что, если вдуматься, никакой моносубъектности нет, она носит символический, а не функциональный характер. Вот у нас считается, что президент или президентская вертикаль всем руководит. Да ничего подобного. Я только что читал цифры – исполняется 3–4% решений, принимаемых Путиным. У нас существует огромная сумятица интересов отдельных бизнес-группировок, бюрократических группировок, отдельных региональных группировок, кланов. И в этой каше никакой моносубъектности нет, и даже президент здесь не указ, он не в состоянии разгрести, навязать свою волю и даже сформулировать свои пожелания и намерения. Для огромной массы чиновников Путин – это портрет над их рабочим столом всего лишь, и они крутят собственными делами, без всякой оглядки, Путин там или не Путин. То есть моносубъектность, по сути, касается только большой политики, от которой подавляющему большинству и простых людей, и чиновников не жарко и не холодно. Ну, конечно, у Путина есть какие-то рычаги контроля над какими-то самыми важными для него процессами и финансовыми потоками, но это лишь островок в бескрайней болотной хляби. И в этой хляби идет жесточайшая борьба интересов, идет без всяких правил и законов, по праву сильного. Вся наша политическая система не работает на этом поле, и поэтому выглядит мертвой. Политическая система, рожденная в 1990-е годы под совершенно другие цели, под цели революции, оказалась не способной реально быть ретранслятором вот этой каши интересов. Она регулируется посредством совершенно других договоренностей вне рамок политической системы.

И президент сегодня является символом в большей степени, чем реальным политиком. Я много времени посвятил анализу того, в чем на ментальном уровне проявляется моносубъектность, при которой, что бы в стране ни происходило, плохого или хорошего, у президента рейтинг 80% , и он непоколебим. Да просто никто от него особо и не ждет ничего: сидит себе под Спасской башней, где красивые кремлевские елочки. Поздравил всех с Новым годом, и ничего больше от него не надо. Что он делает, даже особо и неинтересно, происходят провалы во внутренней политике, но это ни на чем не отражается: власть есть власть, а провалы – это провалы. Огромному количеству людей, для которых политика перестала быть делом жизни, с которым связаны их личные, важные интересы (у нас политикой интересуется всего 11% людей, в основном представляющих высшие слои общества), все равно. Им надо два раза в год включить телевизор, увидеть президента, послушать его «здрасьте – до свидания», убедиться, что все в порядке, и забыть про политику, еще полгода заниматься своими делами. Это не есть вера в «царя-батюшку», которую многие политологи склонны видеть за этой моносубъектностью. Путина никто не боготворит, как никто не боготворит Медведева. По большому счету, вчера – Путин, сегодня – Медведев, завтра будет кто-то еще. В этом отношении нет теплоты и интимности, веры и ожиданий. Власть нужна обществу как символ. Заменить Путина рисованным Путиным – от этого ровным счетом ничего не изменится. Он – парадный символ национальной субъектности, некий каркас, без которого общество инстинктивно ощущает, что нация сформироваться не сможет.

А мы эти десять лет как бы беременны новой русской нацией, мы ее рожаем-рожаем и никак не можем родить. На мой взгляд, в этом нет ничего рокового, в первую очередь, это проблема неработающих институтов, той же политической системы, но не только ее. Я склонен принимать обе из двух причин этой моносубъектности: с одной стороны, за ней некая цивилизационная основа, подтверждающая, что мы, действительно, Восточная Европа, православный мир, мы никогда не можем родить демократию, но, с другой, это и чисто функциональная проблема неработающей политической системы. Я понимаю, что есть и то, и то, но все-таки я, в первую очередь, вижу неработающую политическую систему. Вот выборы... Выборы – это форма легитимизации власти, а у нас это скорее форма легитимизации себя: я иду голосовать, я себе подтверждаю, что я – дееспособный член общества, нации, а выбрали, не выбрали, кого выбрали – мне, по большому счету, все равно. На легитимности власти это никак не сказывается, а выборы все больше и больше становятся ритуалом, потому что все прекрасно понимают, что выбора нет, выбор существует в рамках ядра, идеологического консенсуса, внутри которого, конечно, есть различия, но недостаточные, чтобы сформировать реальные, значимые парадигмы развития.

Большая политика умерла, пока снова не захочется делать революцию. А для решения нереволюционных, но вполне важных задач нужны совершенно иные политические институты.

А.Ципко. Получается, что в силу якобы природного анархизма, отчуждения от власти, нелюбви к власти разделение властей воспринимается как дополнительная обуза. Любая лишняя власть воспринимается как обуза. Поэтому моноцентризм более удобен, и если я жду каких-то дополнительных тягот и лишений от власти, то тогда пускай это будет исходить уже от одной единственной власти.

Л.Бызов. Я еще раз хочу сказать, что этот моноцентризм касается только одной узкой сферы – национальной субъектности, она вне критики, вне общественного дискурса, те, кто ее оспаривает, сразу становятся маргиналами. Именно национальная субъектность, предполагающая, что государство, страна, общество, которое должно быть представлено кем-то персонально, на этом и исчерпывается. В нашей внутренней политике я никакой моносубъектности не вижу, сколько людей – столько мнений, сколько мнений – столько споров, и я считаю, что здесь огромные возможности для развития реальной демократии, но просто наша политическая система не приспособлена для того, чтобы всерьез обсуждать эти проблемы. Возможно, нас бы устроила такая система, при которой символическая власть была бы отделена от реальной.

А.Ципко. Для меня моносубъектность – это отсутствие каких-либо институтов, наряду с верховной властью, которые могли бы быть независимыми и равнозначными конституционно. Нет у нас в сознании привычки воспринимать как эту власть, так и другую, конституционную власть как имеющую какую-то силу и ценность. Отсюда так и не решаемая проблема независимости судебной власти. Судьба и биография нынешнего председателя Конституционного суда Валерия Зорькина достаточно полно характеризует политическую культуру и старой, и новой России.

В.Соловей. У меня несколько методологических замечаний. Первое. Обсуждение проблем демократии – не предмет политической философии, а дискуссия об эффективности управления. Судя по историческому опыту Рос-

сии, которая попробовала различные политические системы и режимы, нам настоятельно стоило бы попробовать и работающую демократию, тем паче, что в других странах, причем не столь уж далеко отстоящих от нас географически и культурно (я имею в виду Восточную Европу), она свою эффективность доказала.

Второе замечание. В предложенном нам вопроснике имплицитно содержится определенный концептуальный взгляд на демократическую трансформацию (или, вернее, демократическую деградацию) России. Насколько я понял, его автор, Александр Сергеевич Ципко, придерживается мнения, что мизерабельное состояние русской демократии вовсе не было предопределено. Я полностью разделяю эту точку зрения и призываю не рассматривать историю как теологический процесс, т.е. как движение к каким-то и непонятно кем предзаданным целям. А это, кстати, сейчас весьма влиятельный стиль мышления, причем особенно среди либералов: мол, если мы имеем то, что имеем, то это было предопределено российской политической культурой, русским народом и т.д. – в общем, нужное подставьте сами. В результате выстраивается внешне логичная, но на самом деле квазинаучная концепция, ведь зная результат, легко подогнать под него ответ.

Я уверен, мы могли прийти и к другому результату, к тому, например, что в нашей недавней истории было несколько развилок, на которых мы могли бы свернуть в ином направлении. По крайней мере, две из них уже были названы. Первая – 1991 год, когда была упущена возможность учредительных выборов. Если бы эти выборы состоялись, то мы бы получили иную политическую конфигурацию и, стало быть, иное будущее. Вторая развилка – сентябрь-октябрь 1993 года. Хотя я не считаю, что победа Верховного Совета, и в особенности Руцкого и Хасбулатова, была бы для России лучше, чем победа Ельцина (возможно, как раз хуже), но вот компромисс между противоборствующими силами, несомненно, дал бы очень мощный импульс развитию демократии. Причем возможность компромисса была заложена в самой структуре той ситуации.

А.Ципко. Как я уже говорил, очень показательна в этом отношении нынешняя позиция Евгения Киселева. Он тоже считает, что такая возможность компромисса была, что возможен был и иной путь политического развития России. Я добавлю от себя, что компромисс был возможен, если бы Запад был в нем заинтересован. Если бы Запад сказал тогда Ельцину: «Идите на компромисс», то тогда он был бы. Но вся проблема состоит в том, что Ельцин и его реформаторское окружение получили от США другие сигналы, сигналы «раздавить красно-коричневую гадину». Правда, сейчас серьезные аналитики в США говорят, что их безоговорочная поддержка Ельцина в те драматические дни осени 1993 года была ошибкой.

В.Соловей. И третья развилка, о которой мы не упоминали, но которая была еще более реалистичной, чем две, обрисованные выше, это рубеж 1998–1999 гг. Если бы тогдашний премьер-министр Примаков решился открыто выступить против президента Ельцина, то в результате мы имели бы сейчас ответственное перед парламентом правительство и полноценное разделение властей.

За каждой из этих развилок стояла своя уникальная констелляция структурных факторов и переменных, а исход ни одной из них не был предопределен: развитие событий могло пойти как в одну, так и в другую сторону.

Третье замечание. Есть такая аксиома макроисторической социологии: в ситуациях бифуркации решающее значение приобретают не структурные факторы, а переменные, и прежде всего поведение групп элиты или просто групп людей и даже отдельных личностей. Довольно очевидно, что не будь на рубеже 80–90-х годов прошлого века Бориса Ельцина, судьба страны могла бы сложиться иначе. Образно говоря, действия микрогрупп и личностей оказываются той самой соломинкой, которая ломает спину верблюда, той самой бабочкой, взмах крыла которой рушит старые миры и создает новые.

Здесь, к слову, надо сказать еще об одной, пропущенной мною развилке, и одновременно о роли личности в истории. Если бы в ходе президентских выборов 1996 г. у Зюганова оказалось воли хотя бы столько, сколько в мизинце у Ельцина, то он бы выборы выиграл и последующая ситуация развивалась бы в более демократическом русле. Причем Запад был готов смириться с возвращением коммунистов в Кремль. Помню, как весной 1996 г. в Москву приезжали представители крупнейших американских финансовых корпораций и консультировались с русскими экспертами о том, как им договариваться с коммунистами после победы тех на президентских выборах.

А.Ципко. Я добавлю. В фонде Хэритейдж в Вашингтоне в феврале 1996 года я слушал доклад профессора Лондонской Высшей школы экономики, который доказывал, что с западной точки зрения выгоднее победа Зюганова, ибо он менее коррумпированный.

В.Соловей. И они были готовы с этим согласиться.

Кстати, о важности переменных факторов. Если бы начиная с 2003 г. цены на нефть не стали бы очень быстро расти, у нас было бы сейчас несравненно более демократическое общество, поскольку перейти к квазиавторитарному режиму управления и проводить нынешнюю политику можно, только имея солидные гарантии финансовой безопасности. Вот когда эти гарантии финансовой безопасности закончатся, что может произойти гораздо быстрее, чем кажется, то мы снова окажемся в ситуации выбора, на очередной развилке.

Четвертое замечание касается отличий России от Восточной Европы. Конечно, они весьма значительны, а инвентаризировать их можно почти до бесконечности. Но главное, на мой взгляд, состояло в том, что в России, в отличие от Европы, идеи демократии и национализма были не просто разведены, а противопоставлены друг другу. А ведь не бывает демократических обществ без национализма, и в то же время любой национализм субстанциально демократичен. Именно таким образом – через сочетание демократии и национализма – создавалась современная Европа, а у нас эти силы работали на взаимное уничтожение.

И, наконец, последнее замечание. Дискурс о демократии родился на Западе, и когда мы говорим о демократии, то всегда оперируем западными концептами. Наша постсоветская история доказала, что не стоит искать доморощенную, качественно отличную от западной, демократическую модель. Ведь ни одна из незападных моделей демократии не только не оказалась универсальной, но даже не доказала свою эффективность. Западная модель – единственная эффективная и универсальная, которая вполне применима даже в странах третьего мира.

Более того, русские уже адаптировали основные демократические ценности, процедуры и институты. Хотя ценность разделения властей для нас носит довольно абстрактный характер, в том, что касается личных свобод, жела-

тельности политической конкуренции и политического плюрализма, свободы слова и экономической свободы, то эти ценности не просто адаптированы, но уже и укоренились. Так что при всем отрицательном отношении массы народа к терминам «демократия», «либерализм» само содержание этих понятий в России уже прижилось.

Л.Бызов. Они пассивно поддерживаются, как парадные ценности, но не являются ценностями первого ряда.

В.Соловей. Они и не должны быть ценностями первого ряда, потому что готовность умереть за ценности и даже бороться за них – привилегия небольших групп людей. Важнее другое: пусть даже пассивно страна, в которой мы живем, готова к демократии. Очень важно, что в ней есть тот плюрализм социальных и экономических интересов, о котором так хорошо говорил Леонтий Бызов и который служит фундаментом демократии.

А.Рябов. Я позволю себе вернуться к одной из любимых своих тем – сравнению России с Восточной Европой, несколько дополняя сюжет, о котором уже начал говорить Михаил. Существует широко распространенный миф о навязанности коммунистической системы всем странам Восточной Европы. Утверждают, в частности, что органично, на собственной почве, она возникла разве что в титовской Югославии да в Албании, где во время Второй мировой войны были мощные партизанские движения. И при этом игнорируются результаты выборов 1948 года в Чехословакии, где никакого коммунистического террора не было. Правда, в Польше и Венгрии было намного хуже.

А.Ципко. В Польше намного хуже, ибо для того, чтобы установить там социализм, надо было с оружием в руках подавить сопротивление Армии Крайовой.

А.Рябов. Но, тем не менее, отрицать существование в странах Восточной Европы какого-то периода увлечения коммунистическими ценностями в послевоенный период было бы несправедливо. В той или иной степени это присутствовало во всех странах и затронуло различные общественные слои. К чему этот исторический экскурс? А для того, чтобы сказать, что предтечей «бархатных» революций 1989 г. стал общественно-политический консенсус, возникший в результате антисталинистского восстания в Венгрии 1956 г., Пражской весны 1968 г., многочисленных антикоммунистических восстаний в Польше 1956, 1968, 1970 годов и, наконец, взлета профсоюза «Солидарность» в 1980–1981 годах. Именно в результате этих событий, которые полностью дискредитировали коммунистическую систему в сознании миллионов граждан стран Восточной Европы, и появился мощный слой, если угодно, «местной образованщины», сделавший вывод о том, что эта система была навязана извне и надо возвращаться к исходным корням европейской цивилизации. Иными словами, сначала революция была осуществлена в сознании людей, то же, кстати, касалось и стран Балтии, а потом уже, когда вмешательство извне стало невозможным, «бархатные» революции смели коммунистический политический порядок в этих государствах. Строго говоря, эти революции и стали бархатными, бескровными, потому что национальный консенсус в отношении вектора дальнейшего движения уже сложился, а какое-нибудь сопротивление со стороны сил, которые теоретически могли быть заинтересованы в сохранении прежнего общественного строя, отсутствовали. Не было и никаких реальных политико-идеологических альтернатив вектору

национально-демократических, буржуазных, проевропейских революций в странах Восточной Европы.

Чем отличалась ситуация в России? Прежде всего тем, что в конце 1980-х годов у нас не было массового запроса на масштабную демократизацию. В широких общественных слоях существовала усталость от коммунистической системы. Но это разные вещи – усталость и наличие запроса на принципиально иную систему, запроса, оформленного в политические установки, программу, идеологию, разделяемую достаточно большими группами населения. С чего начались политические изменения? С попыток придания системе большей эффективности, не поисков новых ценностных ориентиров, а именно эффективности для уже существующей модели. Для того чтобы лучше узнать общество, в котором мы живем, что предлагал еще генсек Юрий Андропов в 1983 г., тогда было решено использовать такие инструменты, как представительная демократия; заинтересованность человека в результатах своего труда в качестве главной мотивации его деятельности; человеческий фактор как главный фактор развития экономики. А поскольку эти усилия совпали хронологически с новым мировым трендом в направлении, как тогда казалось, к созданию демократий западного образца, политической унификации – словом, к «концу истории» (такое название дал известный американский политолог Фрэнк Фукуяма), то это создало иллюзию, что наша страна проходит и должна пройти те же фазы эволюции, что и Восточная Европа. Хотя изначально у нас были совершенно разные стартовые позиции для изменений. И в этой связи действительно весьма логичной, с точки зрения этих базовых условий, была попытка реанимировать институт советов в рамках линии на демократизацию тогдашней системы.

Это очень интересный институт, в нем можно найти самые разные политико-идеологические влияния. Отчасти в нем воплотились некие восходящие к русскому средневековью примитивистские представления крестьян о прямой демократии. В какой-то мере в этом институте воплотились эсеровские идеи 1918 года о создании «Совета Всея Земли», т.е. всероссийского представительского органа, который определяет ключевые направления политического развития страны, а дальше изберет из себя маленький профессиональный парламент, который будет разрабатывать законы. Отчасти, возможно, эта идея была связана с Земскими Соборами XVII в. В общем, институт советов по своему генезису достаточно сложный. И появился он вовсе не из европейской трансформационной традиции, его там не было. И когда Владимир Ленин обосновывал необходимость его введения в своих известных работах, он точно обрисовал разницу между европейскими демократическими институтами и институтом советов. Я думаю, что это неслучайно, он понимал, что этот институт, появившийся в бурные дни Первой русской революции 1905–1907-х годов, имеет совершенно другую природу. И понятно, к чему должны были привести эти различия между Восточной Европой и Россией.

Благодаря тому, что в Восточной Европе к демократии относились, как к ценности, там население считало, что, несмотря на экономические трудности переходного периода, бедность, все же игра стоит свеч, поскольку впереди воссоздание суверенных национальных государств, возвращение в свою европейскую цивилизацию и т.д. Иными словами, верность ценностям позволяла преодолевать, превозмочь любые экономические трудности. А в России сложился инструментальный подход к демократии. В одном из опросов обще-

ственного мнения весны 1993 г., который теперь в качестве примера фигурирует во многих учебниках по практической социологии, один из респондентов на вопрос о том, как он понимает демократию, ответил: «Демократия – это когда я просыпаюсь и мне хорошо». Очевидно, что при первом же столкновении таких представлений с реалиями перехода к рынку, с социально-экономическими трудностями, идеал демократии мог потерять свою привлекательность. Я не хочу сказать, что от него отказались. На уровне парадных ценностей он остался, закрепился, но как мотивация к социальному и политическому поведению он перестал работать, в отличие от стран Восточной Европы.

Из сказанного вовсе не вытекает, что существует историческая предопределенность России к невосприятию демократии. Я хотел лишь подчеркнуть, что изначально были различные условия для трансформации в России и странах Восточной Европой. Они находились в ином политическом и идеологическом кластере, с другими возможностями, с другими перспективами развития.

Второй вопрос, который хотелось бы обсудить, – о природе возникновения моноцентризма в тогдашней России. Я согласен с Леонтием в том, что это в значительной степени было реакцией на провал институтов в ходе трансформационных изменений. Но проблема, на мой взгляд, глубже: непонятно, почему институты провалились практически на всем постсоветском пространстве, исключая Балтию. Отвечая на этот вопрос, я считаю целесообразным сравнить наш тип трансформации уже не с Восточной Европой, а с Дальним Востоком, с китайско-вьетнамским типом. Это будет корректно, поскольку везде правящие элиты преследовали одну и ту же цель адаптации сначала административного рынка, а потом уже и самой номенклатуры к новым хозяйственным условиям.

Китайско-вьетнамский тип предполагал очень жесткое сохранение и регулирующий характер институтов. В итоге и без политической демократии он обеспечил серьезный прогресс в рыночной модернизации китайского и вьетнамского обществ. Почему на постсоветском пространстве институты рухнули, почему они оказались не востребованы новым правящим слоем? Ведь за прошедшие с момента краха коммунистического строя 17 лет ничего так и не было сделано для создания нормальных, стабильных политических институтов. Сначала был Совет Федерации, созданный по такому же принципу, как и американский Сенат. Затем из него сделали «палату господ», состоявшую из губернаторов и спикеров региональных парламентов, а потом превратили в собрание лоббистов, собранное по непонятному принципу. Сегодня один закон о выборах в Государственную Думу, завтра с легкостью принимается другой. Был один порядок избрания губернаторов, потом его коренным образом изменили. Сегодня есть федеральные округа с огромным управленческим аппаратом, завтра их могут упразднить.

Для меня это открытый вопрос, почему сильные и устойчивые институты в нашей стране в посткоммунистический период оказались невостребованными. А когда институты не востребованы, то естественной моделью для организации политического пространства становится персоналистский политический режим, когда не просто личность, а харизма президента заполняет пустоты, возникающие на развалинах старых институтов. И эти персоналистские режимы на постсоветском пространстве возникли везде, от Туркменистана с его неприкрытым деспотизмом Ниязова до вполне демократической

Армении периода правления Левона Тер-Петросяна или Украины в годы президентства Леонида Кучмы. Несмотря на все различия между этими режимами, природа этого явления по сути одна и та же.

М.Малютин. И самый успешный – Назарбаев.

Ш.Султанов. Потому что у него нефть.

А.Рябов. Теперь несколько слов о том, были ли исторические развилки в нашем развитии за последние 17 лет. Я полагаю, что в этом плане функциональный подход в теории транзита мог оказаться вполне эффективным для понимания этого вопроса. Конечно же, альтернативные линии развития в 1990-е годы могли возникнуть, но ключевым был 1996 год. Если брать его, исходя из положения транзитологической теории о консолидирующей фазе демократии, которая предполагает приход к власти сил, отодвинутых от нее в результате антикоммунистических революций, но затем прошедших через внутреннюю модернизацию и вернувшихся к власти по итогам так называемых «выборов разочарования». Это когда после первой волны болезненных реформ силы, их осуществляющие, утрачивают популярность. Мы знаем прекрасные примеры из опыта стран Восточной Европы – Венгрии, Польши. Там в итоге «выборов разочарования» приходили уже другие, реформированные левые силы, состоявшие в основном из бывших коммунистов. А вот Болгария 1997 года дала абсолютно иной пример. Там к власти пришла фактически нереформированная Социалистическая партия, которая, по сути, не отличалась от своей прародительницы Компартии Болгарии. Она пришла к власти в результате свободных парламентских выборов, начала активно реализовывать на практике собственную теорию «третьего пути», но потерпела поражение. Состоялись новые выборы, на которых снова победили либералы, социалисты были вынуждены осуществить внутреннюю модернизацию и превратиться в обычных социал-демократов. В результате этого страна, у которой, по большому счету, демократического опыта было не больше, чем у России, а может, и меньше, тем не менее, как-то встроилась в общеевропейский процесс демократизации.

Но и 1991, 1993, 1998 годы в нашей недавней истории тоже были развилками, проходя которые в одном направлении, Россия тем самым практически с каждым днем сужала себе пространство для демократического выбора.

И еще один важный фактор, который, как мне кажется, сыграл заметную роль в определении нашего вектора развития в посткоммунистический период. Это роль Запада. Это были совершенно разные роли, которые Запад играл по отношению к странам Восточной Европы и государствам постсоветского пространства, особенно к двум из них – России и Украине. Дело в том, что страны Восточной Европы, несмотря на все различия, рассматривались в ведущих западных столицах, прежде всего, как объект, как жертва некоей военной и политической экспансии с Востока, как эксперимент, проделанный над ними вопреки их воле. И, естественно, задача вхождения этих стран в Европейский союз воспринималась как задача слома сопротивления трансфер-классов, то есть новой посткоммунистической номенклатуры, связанного с ней бизнеса, которые возникли в ходе революции и которые захотели сделать транзит, как и у нас, вечным. А Россия и Украина рассматривались на Западе как родина коммунистической системы. И поэтому в западной политике по отношению к ним доминировали совершенно иные приоритеты. Главное – не допустить реставрации коммунизма. Не обеспечить вхождение в европей-

скую цивилизацию – т.е. осуществить позитивную цель, а изначально негативную. Эта политика, по сути, восходила к давней американской стратегии сдерживания коммунизма, которую США применяли в Азии, Африке, Латинской Америке в годы «холодной войны».

М.Малютин. И еще один важнейший момент – под этим пласт старой русофобии.

А.Рябов. Я сравнивал идеологические дискуссии вокруг выборов 1996 года Ельцина и 1999 года Кучмы – как много там общего! Всем ясно, что Кучма коррумпирован. И, тем не менее, Запад осуществляет линию на стопроцентную, жесткую поддержку его как реформатора. Точно так же, как и у нас было в 1996 году с Ельциным. Может быть, в настоящее время это не играло бы такой роли, но тогда тренд мирового конца истории, вера в тотальное торжество западной политической системы сыграли вполне определенную роль в выборе нашего пути развития, способствовали консервации наиболее архаичных элементов прежней системы. Это было наше отличие от Польши, где, как мы знаем, остатки прежней системы доламывались в последние годы через коррупционные скандалы, как, впрочем, доламывались и в Румынии, и в Венгрии и т.д. и т.п., поскольку правящие элиты подгоняли эти страны под стандарты Евросоюза. Сравнивать Россию со странами Дальнего Востока здесь нельзя, поскольку им никто таких предложений с Запада не делал. Да и вопросы демократизации не стояли и до сих пор не стоят на повестке дня развития Китая и Вьетнама.

Поэтому мне кажется, что возможности для иных вариантов развития России в 1990-е годы были, в том числе и по пути демократизации либерально-европейского типа, но сейчас мы оказались в точке, когда исторический выбор в силу институциональных, социальных и прочих причин ограничен. Если сравнивать это с железнодорожным полотном, то было очень много развилок, а сейчас заехали куда-то в сторону, а там одна колея, и непонятно, где появится следующая станция и следующая развилка.

А.Ципко. Да, действительно, «левые» играли в Польше большую роль при подготовке к этим переменам, но надо понимать, какие «левые». ПОРП была основана и на остатках довоенной Польской социалистической партии, которая была куда больше националистической партией, чем марксистской. Польская социалистическая партия, партия Пилсудского, была националистической партией и сильно католической. Левые коммунисты – просоветские, до войны их насчитывалось всего несколько десятков тысяч человек. И, кстати, Сталин довольно беспощадно и жестоко значительную их часть уничтожил. Хитрость Сталина в том, что когда он конструировал эту систему, он учел две вещи: он сделал ставку не на недобитых коммунистов, а на Социалистическую партию, на патриотов, выросших из войны, и в этой же связи, в конце концов, отказался от коллективизации. Но когда ты говоришь об опыте стран Восточной Европы, то между ними качественная разница. Даже в Чехословакии не было реально серьезной оппозиции до событий 1968 года, и после была одна руководящая сила – из России. В Польше никогда не было единовластия, там всегда, с 1945 года, была ПОРП, которая контролируется из Москвы, но, с другой стороны, всепольский Костел. Костел как сила независимая, сила сопротивляющаяся. Когда я там жил, общался со своими соседями, были там и ксендзы, иезуиты, которые пришли в церковь не во имя духовных соображений, а в знак протеста против системы. Сама церковь и развет-

вленная система религиозных организаций – это была параллельная власть. Когда Сталин в конце 1940-х годов посадил кардинала Вышинского в знаменитую тюрьму на Раковецкой, то он и из камеры руководил католической Польшей. Поэтому можно сказать, что польский пример нетипичен, там никогда не было монолитной неосоветской системы.

А что касается политики американцев, то я сам свидетель, я трижды был участником Форума, который проводила картеровская группа, по-моему «Хартия-77». И там появился Александр Квасьневский еще в 1992 году, за два года до президентских выборов. Американцы его пасли с 1992 года, и было видно, что для американцев польские националисты в 10 раз более опасны, чем польские «левые», особенно для них, американцев, была опасна крестьянская «Солидарность». Кстати, эти братья Качинские тоже американцам абсолютно не нужны. Запад все эти годы в Польше играл большую роль, но он всегда ставил на те интеллектуальные силы, которые противятся и национальному сознанию, и чувству национальной гордости. Помните, как Квасьневский приходил к власти? На критике польского клерикализма, на критике Костела, на утверждении, что свободная Польша должна освободиться от традиций консервативного прошлого.

Ш.Султанов. Я хотел бы коснуться, прежде всего, некоторых методологических вопросов при анализе этой темы, которую, кстати, в том или ином обрамлении мы за предыдущие годы не раз обсуждали. С моей точки зрения, в нашей стране доминирует особая реальность, которую я называю системным кризисом. Он начался, а в исторической ретроспективе, точнее даже сказать, возобновился в Советском Союзе во второй половине 1970-х годов и продолжается до сих пор вот уже более тридцати лет. Есть несколько специфических особенностей, несколько составных частей этого системного кризиса, которые имеют непосредственное отношение к обсуждаемой проблематике.

Одна из наиболее бросающихся в глаза характеристик длительных и сверхдлительных системных кризисов, которую демонстрировали многие империи и страны в истории, начиная с классического Рима II–IV веков и заканчивая, например, Турцией XX века, потеря субъектности. Кто является таким субъектом, если он есть, в нынешней России? Народ, правящий класс, политический истеблишмент, президентская вертикаль власти, коррупционная система, кланово-корпоративная структура общества, что-то или кто-то еще? Традиционно, в контексте принятых конвенциональных убеждений, мы, так или иначе, соглашаемся на то, что таким субъектом, в конечном счете, является некий абстрактный российский народ. Но ведь мы понимаем, что если вдруг завтра введут карточную систему, отменят выборы, ограничат передвижение и т.д., никакой народ на улицу не выйдет. А если еще по телевизору авторитетно десять раз скажут, что все эти временные меры нужны для того, чтобы дать по башке американским империалистам – аплодировать будут. Другое дело, что недолго, но тем не менее... Итак, размытая субъектность и, как следствие, расползающаяся безответственность – существенная особенность реальности системного кризиса.

Далее, второй момент – быстрая, форсированная смена режимов и институтов. Со второй половины 1970-х годов у нас одно государство поменяло другое, сменились четыре режима – режим Брежнева–Черненко, режим Горбачева, режим Ельцина, режим Путина, появилось и исчезло огромное количество различных эфемерных и полуэфемерных институтов, а еще больше их назва-

ний. Все эти режимы оказывались персонифицированными, а институты – неэффективными и неустойчивыми. Но, по определению, если институт неустойчив, то это не институт.

Кстати, есть интересный вопрос – почему страна не развалилась до сих пор? С середины 1970-х годов, с началом системного кризиса Советского Союза, быстрыми темпами стала развиваться коррупционная система, которая не смогла заменить КПСС в качестве скрепляющей СССР силы, но уже в России она превратилась в действительно реальный консолидирующий фактор. Что бы мы там ни говорили, это единственная система, которая обеспечивает, плохо, может быть, очень неэффективно, но обеспечивает пока функционирование российского геополитического пространства. Именно как альтернатива неэффективной системе формальных институтов.

Третий момент – это продолжающийся передел собственности внеэкономическими способами. Один из теоретических индикаторов завершения системного кризиса – когда все основные игроки соглашаются на общие согласованные правила социально-экономического поведения, а дальше говорят, что кто выходит за рамки этих правил, тому башку долой. Можно ли сказать, что на сегодня в России передел собственности закончился? Нет, он все еще продолжается, начавшись еще в горбачевский период.

И, наконец, четвертый важный компонент системного кризиса для данной темы – острейший дефицит или вообще отсутствие объективного (верифицируемого) знания по поводу процессов, происходящих в данном социуме. Что представляет собой нынешнее российское общество, мало кто из представителей нынешнего правящего класса реально себе представляет. Доказательством является то, что у нас напрочь отсутствуют даже попытки построения и развития многофакторных математизированных общенациональных информационно-поисковых или информационно-управляющих моделей, способных адекватно описать системные параметры нынешнего российского социума.

И это не в первый раз. Накануне Первой мировой войны руководство Российской империи не имело общей реальной картины системных процессов, происходящих в недрах общества. Дальнейшие события показали, что описания российской реальности, зафиксированные Толстым и Горьким, Чеховым и Гиляровским, оказались на несколько порядков качественнее по сравнению с докладами могущественного министерства внутренних дел, основанными на отчетах и данных, полученных из разветвленной агентурной сети. То же самое произошло в 1980-е годы прошлого столетия, только с тем различием, что в советской действительности не оказалось мыслителей, сравнимых с Львом Толстым.

Вернусь еще раз к вопросу субъектности. В вопроснике несколько раз упомянута «элита». Я считаю, что у нас нет никакой реальной элиты, главнейшая функция которой, между прочим, заключается в воспроизводстве традиций ответственности на всех ключевых уровнях социума. Если бы в стране была элита, то проблема субъектности не стояла бы так остро. Один из ключевых компонентов того, что происходило в период системного кризиса за последние 30 лет, это постоянная борьба внутри постоянно раскалывающегося правящего класса.

Сегодня уже говорили по поводу КПРФ, почему она не сделала того-то и того-то. КПРФ уже интегрирована в сложившуюся систему, и никакой угро-

зы статус-кво уже давно не представляет. Но почему-то действительная органическая консолидация постсоветского правящего класса не происходит. Хотя попытки были. Был призыв Березовского идеологически объединиться, создать новый субъект – партию крупного капитала. Была попытка консолидации в рамках т.н. чекистского проекта, тем не менее, рано или поздно неуправляемые противоречия выходили наружу, угрожая устойчивости того или иного режима. Вот сейчас, в ближайшие несколько недель или месяцев, мы можем столкнуться с очередным кризисом.

Реплика. Нас ждет перетряска аппарата?

Ш.Султанов. Главное при этом не сам факт очередной административной перетряски аппарата, а продолжающееся отсутствие эффективной ценностной идеологической шкалы или системы, дающей возможность разрешать постоянно возникающие противоречия внутри истеблишмента на основе согласованных процедур, не прибегая к форс-мажорным методам.

Теперь по поводу сопоставимости политического опыта Восточной Европы и России. И тут очень интересный момент – соотношение внутренних и внешних факторов развития. Когда Москва критически ослабла, запутавшись в тупиках перестройки, наши партнеры из Восточной Европы оказались перед архисложной проблемой – как не допустить у себя критической социально-экономической дестабилизации, как прокормить народ? И умные люди на Западе им в нужное время и в нужном месте подсказали: вы получите место в Европе, получите выход на европейские рынки, получите такие-то и такие-то преференции, если будете делать то-то и то-то. И это очень важный пункт политической методологии системного кризиса. Есть только два варианта выхода, преодоления такого кризиса. Самый простой и легкий (во всяком случае, на первый взгляд) – это переход, без дискуссий, без споров, в другую систему, когда берешь все, что тебе дают, делаешь все, что тебе говорят. Иначе говоря, это тотальная и безоговорочная интеграция в другую систему. И в этом смысле пример Восточной Европы совсем не уникален. А что произошло с послевоенной Японией или с Германией? Они проиграли, были разрушены и деморализованы. И когда им сказали: «Будете действовать и жить вот так», споров и дискуссий на эту тему не могло и быть. Германия и Япония вышли из системного кризиса через тотальную интеграцию в англосаксонскую глобальную систему неокапитализма. На это двум странам потребовалось 7–10 лет.

И здесь возникает любопытнейший вопрос: а почему с Россией-то так не произошло? Разве наш постсоветский правящий класс, разве наши посконные западники не были готовы в любой момент, в любой позе лечь под Запад? Почему этого не произошло? Ожидание либералов «Запад нам поможет!» через некоторое время сменилось на тревожащий вопрос: «Почему же Запад нам не помогает, мы же на все готовы?». Мой ответ на этот вопрос достаточно парадоксальный: а Запад сам не знает, что делать. У них есть опыт интеграции национальных или квазинациональных государств. А что делать с огромной геополитической реальностью Советского Союза, а позднее России – они не знают. Приведу два примера для подтверждения. В свое время Александр Александрович Бессмертных рассказал мне об одном интересном факте. В мае 1991 года, когда Украина объявила о своей независимости, Джеймс Бейкер, который в это время находился где-то в Европе, позвонил Бессмертных в Москву и попросил срочно встретиться в Киеве. Там Бейкер топал ногами, бил

кулаком по столу и кричал: «Вы чего не спасаете Союз? Вы разве не понимаете, что независимость Украины – это начало краха Союза?» Естественно, в этот момент Бейкер отнюдь не являлся примером выдающегося альтруиста и гуманиста...

А.Ципко. Ну, Буш повторил это в июле.

Ш.Султанов. Да, но это был май. А суть заключалась в следующем: американцы уже приноровились управлять большой системой под названием «горбачевский» Советский Союз. И они, как настоящие политики-рыночники, для которых определенность важнее всего, испугались. Для действительных стратегов самое неприятное – неожиданная и неуправляемая неопределенность. Помните, как в 1991–1992 годах американцы бегали по территории бывшего Советского Союза и сгребали все ядерное оружие на территорию России. Внезапное появление нескольких ядерных держав для них стало бы катастрофой.

Пример 1996 года с Зюгановым. С одной стороны, да, они были готовы работать с Зюгановым, другой вопрос, почему Зюганов этого не сделал. Можно сказать, что там были личностные моменты (Зюганов просто испугался), плюс отсутствие реальной команды, плюс деградация социальной базы: к этому времени «красные» директора, которые поддерживали Зюганова, отошли от него, и это стало окончательно ясно во время избирательной кампании в Думу в 1995 году.

Мой вывод прост: мы не имеем в нашей стране реального субъекта, поскольку у нас нет ни ответственной элиты, ни даже консолидированного правящего класса. Российский социум не структурирован и по-прежнему находится в переходном состоянии. В этой ситуации любые попытки форсировать разделение властей, усиливать роль парламента, ратовать за развитие демократических процессов принятия решений и т.д. будут только способствовать усилению российского системного кризиса. Кроме того, есть исторический, пусть и достаточно тривиальный пример: из системного кризиса страны выбираются авторитарными, а не демократическими методами. Либо, как в случае послевоенных Японии, Германии, Южной Кореи, Тайваня, когда заинтересованные внешние силы просто составляют инструкцию, что поэтапно делать. Или второй вариант – когда авторитарный режим выдвигает и реализует принципиально новый системный проект (например, «сталинский проект»).

Шансы на реализацию западной демократии в настоящее время появляются только в рамках одного сценария, который достаточно серьезно рассматривается, по крайней мере, в двух американских think tanks. Слом нынешнего режима, возвращение к ситуации 1991 года, постепенный переход к внешнему контролю. Россия должна быть в этом случае разделена: либо это будет рыхлая, мягкая федерация, либо некое конфедеративное образование. В рамках этого нового пространства и с учетом культурных особенностей на определенных территориях должны быть созданы в качестве примерных моделей какие-то демократические анклавы. Но в действительности этого не будет, поскольку нынешний режим, судя по его действиям, готов действовать вплоть до самых решительных мер, чтобы не допустить этого сценария.

Я предполагаю, что будет предпринята попытка ускоренными темпами двигаться в сторону авторитаризма. Тем более, что демократический импульс на Западе тоже постепенно гаснет. Где то мощное профсоюзное движение,

которым мы восхищались 30–40 лет назад? Оно куда-то исчезло. Сфера социальной защищенности, социальных прав личности сокращается. Но классический парадокс заключается в следующем. Авторитарная тенденция в России рано или поздно окажется на развилке: либо умный, рефлексивный авторитаризм, либо бессмысленный и беспощадный тоталитаризм.

А.Ципко. С Леонтия мы начнем второй и самый важный круг обсуждения. Причины появления этой, в каком-то смысле тупиковой ситуации мы очертили, а теперь самый важный вопрос: а какой же выход? Шамиль сказал, что мы движемся в сторону авторитаризма. А в какой степени люди готовы к настоящему авторитаризму, примут ли они его, насколько эти люди отличаются от людей конца 1920-х и начала 1930-х годов, которые стали участниками воплощения в жизнь сталинского проекта?

По поводу США хочу согласиться с Шамилем, что в 1990 году они боялись, не знали, что делать. 1 декабря 1990 года у меня была лекция для специалистов по СССР Госдепа и ЦРУ. Денис Росс тогда был начальником комитета планирования, вся верхушка там была, а уже к заместителю госсекретаря я пошел на прием на следующее утро. Кстати, тогда в ЦРУ еще было очень много выходцев из России, 2–3-е поколение, а когда я читал аналогичную лекцию в 1995 году, славян в ЦРУ уже не было. И на этой встрече звучал один и тот же вопрос: «Что вы делаете с Россией? Что нужно сделать, чтобы помочь вам, чтобы Горбачев остался?» На следующее утро, когда я пошел к заместителю госсекретаря, он спрашивал, готовы ли мы к зиме, переживем ли мы зиму, будут ли отключения электричества, как будет с отоплением. Это было 2 декабря 1990 года.

Л.Бызов. Это было перед Вторым съездом народных депутатов.

Ш.Султанов. То, что они не знают, не доказательство нашего знания. Трагедия этих больших циклов 1917–1918 годов, 1991 года, сейчас – это то, что мы не знаем, не ощущаем общества, в котором живем. Я недавно перечитывал Трубецкого-младшего «Смысл жизни». Там есть замечательная статья, где он пишет о русском патриотизме в начале Первой мировой войны, религиозный подъем, и тут же, через 20 страниц, другая статья. Прошло только два года, осень 1916 года, массовое дезертирство, рушатся социальные структуры, внезапный оглушительный кризис национальной идентичности. Трубецкой разговаривает с этими людьми, спрашивает: «Почему ты сбежал с фронта?» – «А я саратовский, германцы до нас не дойдут». Вятские казаки говорят, что мы вообще нерусские, вы сами там разбирайтесь и т.д. Появившаяся в 1980-е годы концепция «советского народа» как единой политической нации абстрактно была совершенно правильной, но полностью оторванной от реальности, без учета того, что реально происходило в стране, без учета сценариев, куда это все могло привести и т.д. И получилось так, как получилось: эта концепция де-факто только способствовала усилению советского системного кризиса.

А.Ципко. Когда мы говорим о процессах демократизации в СССР на территории РСФСР, мы, наверное, сами того не желая, упрощаем природу такого явления, как августовская демократическая революция 1991 года. Принято считать, и я часто на это обращаю внимание, что «бархатные» революции в Восточной Европе были сильны, ибо там произошло слияние борьбы за национальную независимость с освобождением от коммунистического тоталитаризма. Но при этом мы забываем, что и в РСФСР, и в других советских социали-

стических республиках происходило нечто подобное. Не забывайте, «идея суверенитета РСФСР», идея великорусского сепаратизма у нас стояла за всеми демократическими процессами! Другое дело, что у нас, в отличие от Польши, идея суверенитета РСФСР имела не столько созидательный, сколько разрушительный характер, эту идеологию оседлали те, кто просто хотел разрушить Россию. Вы ничего не поймете в процессах, происходящих в России, если не учтете, что всегда, и в 1917 году, и в 1991 году, революцию делали те, кто страдал «национальным» и «государственным» отщепенством. Правда, сами народные массы не понимали, что их великорусский сепаратизм на самом деле порочен и разрушителен.

В.Соловей. Главное, что не они погоду делали.

А.Ципко. Надо все же знать, что и у нас тогда была попытка соединить демократические перемены с возрождением русской нации, русского государства. Я еще тогда говорил, что это полный идиотизм, но почти все верили, что когда русские освободятся от империи, они вздохнут свободно и заживут богато.

Л.Бызов. Я сначала чуть-чуть отреагирую на то, что говорил Александр Сергеевич, почему у нас в начале 1990-х годов действительно разошлись ценности «нация» и «демократия». Мне кажется, что это тоже не было предопределено исходно. Если посмотреть на ситуацию, которая была в 1985–1986 годах, то наша интеллектуальная, художественная элита в принципе была готова держать такие национально-демократические идеи. Не было и такого жесткого размежевания на западников и патриотов. Но уже в 1987 году среди реформаторов окончательно восторжествовала партия западников. Все патриоты были изображены, и во многом по своей вине, мракобесами, людьми, тянущими страну назад, для этого были использованы провокации типа «Памяти» – разные были провокации, направленные на то, чтобы замазать патриотическую часть российской интеллигенции. В результате проявилось острое размежевание, и уже в 1989 году, когда образовалась Межрегиональная группа, московская ее часть, которая собрала в себе всех реформаторов, условно говоря, костяк будущей «демократической» партии власти, то среди них никакой патриотической общественности уже не существовало.

А.Ципко. Станкевич был.

Л.Бызов. Для Станкевича это была всего лишь хамелеонская риторика, потому что это все было у него на сугубо поверхностном уровне, а реальных, серьезных патриотических сил в этой группе не было. Ельцин по своей натуре и взглядам вовсе не был уж таким западником, в том же 1987 г. он дружил с писателем Юрием Бондаревым, принимал в Моссовете «Память», он к 1989 г. убедился, что ставить свою политическую карьеру имеет смысл только на демократов-западников. Огромную роль в его «перевоспитании» сыграл Г.Попов.

Все это предопределило дальнейший ход событий. По сути дела, небывалый в истории страны демократический подъем «лег к ногам» западнической элиты. Использовав низовую демократию для прихода к власти, западники ее предали и растоптали. Победившим «демократам» демократия уже стала не нужна. И она стала заложником большой политики, не ради которой создавалась. Те ростки демократии, настоящей народной демократии, возникшей на руинах советской власти, уже никогда не повторятся, этот уникальный период 1990–1991 годов, потому что народ уже никогда снова не станет хозяином даже в своем собственном селе или районе. Демократия этого периода

начала разлагаться уже в 1991 году, после того как Ельцин пришел в Кремль, и вся низовая демократия ему и его окружению стала уже не нужна. Не нужна стала и «Демократическая Россия» в качестве массовой базы, и муниципальная демократия, пышно расцветшая после первых выборов, стала постепенно сворачиваться. Это был первый пункт перехода к мягкому авторитаризму со стороны класса «победителей», решивших все делать в узком кругу «своих». Демократия была во многом в этот период уже обречена, потому что общество оказалось расколотым, благодаря доминированию западников в тогдашней реформаторской элите. В условиях раскола демократия всегда обречена, потому что она не в состоянии консолидировать общество. Консолидировать может пусть и плохая, но авторитарная власть, что, в конечном счете, и произошло.

Теперь, переходя к сегодняшнему дню – что нас завтра ожидает. Шамиль сказал, что нас ждет переход к авторитаризму. Я в это не очень верю, я не верю ни в демократию, ни в авторитаризм. Переход к авторитаризму может быть только в условиях резкого ухудшения ресурсной базы нынешнего режима. И то гнилой, неуспешный авторитаризм.

Ш.Султанов. Это очень скоро будет.

Л.Бызов. Я тоже так думаю, но когда это начнет происходить, когда все начнет сыпаться из рук, те рычаги, которыми сейчас власть пользуется без сверхусилий, начнут даваться ей с трудом, попытки с ее стороны установить более жесткий авторитарный режим весьма вероятны. Но я столь же уверенно могу сказать, что они вряд ли будут успешны. И также нет никаких оснований считать наоборот, что у нас, в этой мягкой авторитарной ситуации, в которой мы оказались, вдруг начнет развиваться какая-то демократия. Это тоже крайне маловероятно. Т.е. мы будем длительное время находиться в ситуации авторитарного режима, но очень мягкого, который контролирует только некоторые внешние рамки, но не лезет дальше, в то, что для людей является очень ценным. Политической демократией люди готовы пожертвовать, потому что это уже давно не то, что важно гражданам, здесь для массового россиянина все умерло. У них отняли игрушку в лице относительно плюралистичной Государственной думы, где они могли то ли за Явлинского, то ли за Жириновского бросить бюллетень. Собственно говоря, даже выборы губернаторов, которые людей затрагивали гораздо сильнее, чем выборы в Госдуму, и то общество сглотнуло, был небольшой всплеск недовольства, но через полгода про это забыли. Оказалось, что и эти выборы не лежат в русле жизненно важных интересов, которыми общество не может пожертвовать. Но есть некая красная черта, это то, что касается личных свобод: свобода ездить за границу, выбирать себе карьеру, свобода работать или не работать, свобода читать, свобода сексуальная, интеллектуальная и т.д. То есть влезть к себе в квартиру, за закрытые двери, люди не позволят. И любые попытки, которые бы исходили от властей, от клерикалов, от кого угодно, будут самым жестким образом иметь обратную реакцию. Атмосфера 1937 года, когда нельзя куда-то поехать, рассказать анекдот, доносы друг на друга, – она невосстановима, она отторгается очень жестким образом массовым сознанием. Поэтому я думаю, что если режим начнет прибегать к авторитарным методам, он очень скоро выроет себе могилу и развалится, это не приведет к его консолидации.

Теперь – откуда ждать демократию, если ее вообще имеет смысл ждать. Мы недавно провели большое исследование по поводу нашей партийно-поли-

тической системы и выяснили, что какой бы эта система не являлась мерзкой, антипатичной для нас, людей интеллектуального круга, у нее нет альтернативы, потому что она базируется на фундаментальных вещах, на том самом идеологическом метаконсенсусе, где чуть меньше 50% людей считают важным примерно одно и то же – такой компот, где немножко «левого», немножко «правого», и люди не видят альтернативы. На самом деле справедливость не есть альтернатива порядку, свобода не есть альтернатива справедливости – всего понемножку. Я считаю, что в этом эклектическом компоте есть некая идеология, реально сформировавшаяся при Путине. Если ему что-то и можно поставить в заслугу, то именно то, что общество перестало быть расколото. Под это возникла социальная база, потому что можно говорить, что у нас большой или маленький средний класс и что есть значительная масса, по своим ценностным установкам идентичная среднему классу. Образовался союз серединного слоя, людей массовых профессий, и среднего класса. Если, скажем, при том же Ельцине этот серединный слой скорее тяготел к оппозиции, то сегодня он адаптировался, у него те же ценностные идеалы и жизненные стратегии, как у среднего класса, он, в общем, рассчитывает, и небезосновательно, на успех, потому что у людей массовых профессий сейчас возник социальный лифт и ситуация для них небезнадежна. И вот этот монолит как-то расчленить, попытаться навязать им какую-то альтернативу на уровне большой политики или идеологии, представляется невозможным.

Можно, конечно, сетовать на то, что у нас нет в парламенте националистической партии – давайте ее сделаем. Один раз уже сделали, с известным результатом. Нет у нас некоммунистических «левых», давайте натужимся, может, и можно сделать. Вот сейчас материализуется идея сделать вместо СПС лояльную либеральную партию. Может быть, даже какая-то из этих партий и пройдет в Госдуму, потому что наберется сколько-то процентов, готовых проголосовать за оппозицию той или иной ориентации. Но опять-таки основная часть националистов (нерадикальных), как и либералов, так и левых – все равно лежит корнями в этом самом путинском метаконсенсусе, они видят главным националистом именно Путина, а не Рогозина с Савельевым, или еще бог знает кого. Только радикальные «хвосты» традиционных идеологий выпадают из этого консенсуса, и считать, что на базе этой идеологической оппозиции когда-то у нас может сложиться демократия, не приходится. Это определенный фасад, определенный ритуал, власть может даже от этих коммунистов-националистов брать какие-то идеи или, как Рогозина, приглашать на какие-то определенные должности, но, тем не менее, как политические силы они в России никогда ничего не получат. Впрочем, и «Единая Россия» немного власти получила, потому что назвать ее «правящей партией» нельзя, она, раздувшись, как лягушка, никакой реальной власти не получила, более того, ее постоянно тыкают носом в грязь, мол, вы никто, завтра не понравится Грызлов – его уберут, сменят, перетасуют, никого не спросясь. Все наиболее важные решения последнего года были приняты без участия «Единой России». Это очень унизительное положение для правящей партии.

Поэтому единственным росточком, который может во что-то вырасти, я считаю определенную конкуренцию внутри партии власти. У нас сейчас сложилось своеобразное двоецентрие. Действительно, как бы ни складывались отношения Медведева с Путиным, за ними стоят две парадигмы: Путин – это человек, который объединил Россию, образно говоря, попрыскал ее мертвой

водой, но не смог ее оживить, сейчас стоит идея прилить живой водички, чтобы эта мертвое единство наполнилось жизнью, содержанием, как-то задышало. Поэтому эти две парадигмы, стоящие за ними, независимо от их личных отношений, будут каким-то образом стимулировать определенный раскол политических элит, раскол экспертных групп, раскол идей и планов. Вот в рамках этого я вижу оживление нашей политической жизни, из которой, конечно, полноценной демократии не родится, но что-то, отдаленно ее напоминающее, возможно, появится, чем черт не шутит.

А.Ципко. Мне бы хотелось еще обсудить некоторые институциональные вещи. Речь идет об институциональных результатах превращения обычного технологического премьера в национального лидера, в основной, как мне кажется, центр власти. На наших глазах складывается новая политическая система, отличная от той, которая была до 2 марта 2008 года, политическая система со спаренным, как говорят, центром власти. Тихо-тихо у нас президент все более олицетворяет символы единства нации, собирает мордву, открывает города, выставки и т.д., а премьер – это олицетворение действующего лица, занимающегося реальной экономикой и т.д. Можно ли сказать, что сейчас, когда, временно или нет, лидер у нас премьер, это может привести к усилению парламентского премьерского начала и, соответственно, к ослаблению начала президентского. Не сложится ли после этих четырех лет ситуации, когда эти изменения в институтах станут необратимыми. Происходят ведь изменения и в сознании людей, и это очень серьезная вещь. Можно абстрактно говорить, что нельзя вернуться к авторитаризму и т.д. Но есть какая-то динамика, какой-то тренд развития даже в этой устойчивой системе. Как сложится судьба этой политической системы?

И еще один вопрос. Да, люди равнодушны к власти и т.д. Но у меня такое ощущение, что операция «преемник № 2», несмотря на ее блестящие результаты, далась очень тяжело. Кто общался с людьми, тот это чувствовал. Но здесь встает вопрос, может ли так долго существовать система, где выборы символа главы государства носят во многом формальный, инерционный характер? Не может ли произойти сбой в нашей уже отработанной системе «управляемой демократии»?

Л.Бызов. Я не вижу здесь большой проблемы и считаю, что так и будет неизбежно и дальше, потому что, как я уже сказал, президент по большому счету – символ, он равноценен красной кремлевской звезде или курантам, нет тут альтернативы, потому что это наши национальные символы, независимо от того, как фамилия президента, как он называется. Я думаю, что в этом ключе события будут развиваться, и не считаю, что это может привести к кардинальному изменению политической системы. Другое дело – этот нынешний тандем может очень неоднозначно сказаться на перспективах хотя бы малейших тенденций перехода к парламентской демократии. Потому что в тех условиях, когда президент в меньшей степени контролирует партию власти, чем премьер, харизматический лидер вчерашнего дня, безусловно, в интересах Медведева эту партию не усиливать, а, наоборот, как бы распасовать, разделить на какие-то фракции. Этот монолит может в любой момент объявить ему, условно говоря, импичмент, потому что Путин является его лидером, поэтому ему выгодно партию ослабить. Я, общаясь с нашими прикремлевскими стратегами, знаю, что они постоянно эти идеи обсуждают, прикидывают, как бы из этой «ЕР» сделать две, три конкурирующие группы, фракции и т.д.

Вот сейчас решили либеральное крыло единороссов делегировать в самостоятельное как бы плавание. Эта же судьба ждет и другие «крылья» партии власти. Но речь идет не о том, чтобы сделать из нее реальную парламентскую партию, усилить конкурентность, а о том, чтобы ее ослабить и подчинить другим центрам влияния, выбить это оружие из рук даже не самого Путина, а всех, сидящих от него по правую руку. И я знаю, что в любом случае время будет работать на то, что власть будет консолидироваться вокруг Медведева, и будет консолидироваться на внепартийной основе, и роль партии через 4 года, к следующим выборам, будет еще меньше, чем она была. Здесь эти партии, если не функционально, то как идея, оказались полезны Путину для того, чтобы свою идею национального лидерства, внеинституционального, как-то закрепить. А к следующим выборам эта идея может увять.

А.Ципко. То есть ты считаешь, что все вернется на круги своя.

Л.Бызов. Да. Ждать от этой партийной системы, что она вдруг оживет, наполнится реальной властью, реальным влиянием, нет ни малейших оснований. Но какие-то иные центры, конкуренция проектов внутри партии власти, причем, не в рамках парламента, а в рамках реальной власти, мне кажется весьма вероятной и даже неизбежной.

М.Малютин. Для меня абсолютно мертворожденно и превращение технического главы правительства в политическую фигуру и т.д. Это то, чего некоторые люди хотели, но чего фактически не произошло. К тому, что говорил Леонтий, я добавлю один принципиально важный момент, который для меня существенно важнее любых формально институциональных вещей. До тех пор пока страна не продемонстрировала и себе, и окружающим некоторого рода декларацию независимости, это ощущение, что у нас демократия колониальная, не настоящая, а какая-то неправильная, внутри населения сидело. Но теперь, когда Медведев произнес историческую фразу: «Нельзя безнаказанно убивать граждан России», ситуация изменилась. Ведь, собственно говоря, в этом смысле была подведена черта под опытом, продолжавшимся 20 лет. Советский Союз кончился в Карабахе, в Сумгаите. Когда выяснилось, что одна часть граждан Советского Союза может совершенно безнаказанно резать другую часть граждан, а Кремль может только растаскивать их, как сцепившихся собак, и произносить моралистические фразы, стало ясно, что на самом деле страны нет. Но, конечно, мы понимаем, что то, что заявил Дмитрий Анатольевич, – это декларация. На самом деле можно пока безнаказанно убивать граждан России, на самом деле мы пока не очень понимаем, что означают эти грозные слова про геноцид и все остальное, но, тем не менее, здесь взят некий рубеж. Есть и другой важнейший рубеж, о котором я уже неоднократно говорил и писал: под эпохой господства новых русских в области экономики тоже подведена определенная черта. 20 лет этой экономической философии сводились к одному: скоммуниздить здесь и увезти туда. Это тоже по целому ряду причин кончается. Это кончалось и до последней кавказской войны, но теперь окончательно сформировалась ситуация подводной лодки, с которой стало некуда деваться. Сейчас началась адаптация к этой подводной лодке, как к другой стране.

И здесь к тому, что сказал Леонтий, я бы добавил еще один важнейший момент: действительно, внутри самого истеблишмента (пока не элиты) начали формироваться какие-то группировки, какие-то центры сил по совершенно другим основаниям. То есть для которых вся предыдущая политическая

эпоха имеет примерно такое же значение, как для 1992 года имели значение споры 1986 года внутри Политбюро. Это какая-то другая страна, это в достаточной степени другой язык со всеми вытекающими отсюда последствиями.

А.Ципко. Мне, как ведущему нашего КС, интересно сейчас другое. Как сказалась или скажется война в Южной Осетии на нашей государственной идеологии, на политической системе?

В.Соловей. Я согласен, это самый важный и горячий вопрос, к которому мы подошли.

Ш.Султанов. Мы подошли к очередной развилке?

А.Ципко. Это не развилка. Губернаторская элита дезориентирована, она не знает, на кого опираться. Этот фактор тоже надо учитывать.

Ш.Султанов. Это элемент раскола?

А.Ципко. Реально – да, поэтому интересно, что вырастет из нашей двухголовой модели.

В.Соловей. Это вопрос, на который даже теоретически невозможно ответить. Я попробую объяснить, почему. Дело в том, что то, о чем вы говорили сейчас – о дезориентации элиты, и то, о чем несколько ранее говорил Андрей Рябов – об институциональном хаосе, это с точки зрения классической теории свидетельствует о незавершенности революции в России. Революция, начавшаяся на рубеже 1980–1990-х годов, не завершилась, ибо не отвердели структуры нового порядка, что является главным критерием завершения революции. В этом смысле революция в России все еще продолжается и, более того, весьма вероятно, что мы вступаем в ее заключительную и наиболее острую фазу.

8 августа мы встали на опасный и далеко ведущий путь. Но он был единственно возможным. Как очень точно сформулировал военный эксперт Храмчихин, лучше быть агрессором, чем ничтожеством. Так или иначе, мы сразу попали в очень агрессивную среду. Вернее, мы превратили латентно агрессивную внешнюю среду в актуально агрессивную. К тому же здесь действует логика: ты сделал шаг, и надо делать второй, и третий, и четвертый, а число переменных и рисков вокруг будет возрастать. Вызовы и угрозы будут множиться, и очень похоже, что мировая экономическая конъюнктура начинает меняться в неблагоприятном для нас направлении. Хотя этот новый вызов проявится со всей мощью лишь года через полтора, и пока что у нас еще большой запас финансовой прочности.

По идее, мы должны двигаться в направлении авторитаризма. Уже началась идеологическая кампания, которая будет нарастать, и основные мотивы ее уже понятны. Первый: Россия в кольце врагов, она – осажденная крепость. Патриотизм – второй лозунг кампании, причем пропаганда патриотизма будет включать и пропаганду соответствующего образа и стиля жизни: аскетизм, отказ от потребительства и буржуазных ценностей. Третий мотив: преимущества плановой экономики и вообще советской модели. Не все в советском опыте было плохо, и многое надо использовать. Так вот, самое любопытное, что эта идеологическая кампания была подготовлена еще весной, то есть до пятидневной войны.

Однако ее осуществление натолкнется на следующее фундаментальное ограничение: постоянное соотнесение телевизионной картинки с реальностью или, говоря академическим языком, официального дискурса с социальными практиками. Ага, вы призываете нас к самоограничению? Прекрасно, тогда пусть элита покажет нам образцы аскетизма и служения Родине.

Отсюда логично предположить движение к более авторитарному стилю правления, который заставит стать патриотами и аскетами сопротивляющееся этому простонародье. Но ведь у нас нет политической машины для введения авторитаризма, зато имеется потенциальное массовое неприятие авторитаризма обществом.

Общество, как об этом хорошо сказал Леонтий Бызов, готово принять любую идеологию и любую власть, но не дай бог наступить на его базовые социальные интересы. А эти интересы весьма просты и даже примитивны. Русский мужик наконец осуществил свою вековую мечту – у него есть свой железный конь, много доступного пива, дешевой водки и семечек. И главное, впервые за всю историю России мужик может наконец не работать. Он готов пробавляться извозом, перепродажей, на чем живет половина населения страны, в общем, чем угодно, но только не производительным индустриальным трудом. Все, сбылась вековая русская мечта о крестьянском рае!

Такое общество может принять авторитаризм, но лишь без мобилизационной его компоненты. Ведь мобилизовать подобное общество просто невозможно. А какой смысл тогда в авторитаризме и идеологической накачке, если они не мобилизуют, не стимулируют ускоренное развитие? Другими словами, существует фундаментальное противоречие между логикой вызовов, в которую сейчас включилась власть, и возможностью ответов на эти вызовы, ответов, которые предопределены мизерабельным состоянием общества.

Пока будут, скажем, переформировывать Совет Федерации, делать его однопалатным, назначаемым, пожизненным, и даже вводить в сенат, подобно Калигуле, лошадей – это в стране мало кого затронет. А вот попробуйте наступить на базовые интересы «мужичка», как сказал бы Ленин, и тотчас же получите массовую негативную реакцию и даже агрессию с его стороны.

Я лично склонен полагать, что мы потихонечку, полегонечку вползем в весьма серьезный кризис. Как только наши ресурсы критически сократятся, тут же выяснится, что менеджмент наш никуда не годится, что он не в состоянии управлять ни госкорпорациями, ни страной. Вот этот кризис и станет той самой очередной развилкой.

Здесь важно иметь в виду, что мы можем с высокой точностью предсказать вхождение в кризис. Точность прогнозирования кризисов по американским методикам достигает 85 %. Это очень много, это выше точности краткосрочного прогноза погоды. Причем можно спрогнозировать кризис в любой стране мира, то есть методика универсальна. Так вот, согласно этой методике, Россия уже находится в предкризисном состоянии. Но самое интересное начинается дальше, ведь даже самый изощренный аналитический аппарат не в состоянии описать развитие кризиса и его результаты.

Резюмирую сказанное мною. Первое, скорее всего, мы будет двигаться в направлении авторитаризма.

Второе. Построить эффективную авторитарную систему мы не в состоянии в силу фундаментальных ограничений.

Третье. Скорее всего, в обозримом будущем мы втянемся в тяжелый кризис, который станет одновременно завершающим этапом великой демократической революции. Причем горизонт этого кризиса уже проглядывает.

Ш.Султанов. Ты имеешь в виду в стране или во всем мире?

В.Соловей. Наш кризис встроен в мировой, и в то же время он будет иметь глобальные последствия. Конечно, нам может очень повезти. Скажем, Мак-

кейн, став президентом США, начнет войну с Ираном, и тогда цены на нефть подскочат до 200 долларов за баррель.

Ш.Султанов. Не надейся, этого не будет.

В.Соловей. Но ведь и войну в Осетии тоже мало кто ожидал, это как раз была переменная, которая постоянно маячила на заднем плане, но которая в актуальный анализ не включалась, ибо невозможно в анализе учесть все переменные.

Четвертое. Мы не знаем, ни как будет развиваться кризис, ни как мы из него будем выходить, но если мы из него будем выходить более-менее успешно, то нам, скорее всего, придется реанимировать многие демократические институты и процедуры. И вот по каким причинам. Чтобы привлечь общество и обеспечить его лояльность, надо ему что-то предложить, а предложить ему смогут лишь участие в управлении, хотя бы на низовом уровне. Ведь Россия слишком большая и слишком сложная страна, чтобы ею можно было управлять в ручном режиме и из одного центра. Авторитаризм вполне адекватен гомогенному обществу, каковым была Россия начала XX в., но нынешняя страна слишком сложна для него. Наконец, если часть элиты в этом кризисе выживет, а не предпочтет бежать, какова до сих пор и была стратегия русской элиты во всех революционных кризисах, то она окажется гораздо более чувствительной к общественным требованиям и ей придется пойти на демократические уступки населению. В принципе, установление демократии во многих странах проходило именно таким путем: через вспышки насилия, чередование демократических приливов и авторитарных откатов.

А.Ципко. Твоя модель представляет интерес для прогностического исследования. Исходный ее пункт – противоречие между тенденцией авторитаризма и подготовленностью населения к ее отторжению. Вот конфликт. И здесь первый вопрос: такого рода конфликт может использовать две противостоящие силы. Одни могут говорить, что нам не нужен авторитаризм, т.е. идея реванша западников, нам нужны свободы, блага, нас «чекисты привели к кризису» и т.д. Это один возможный вариант. Второй возможный вариант – не может быть аскетизма в стране, где много миллиардеров, пора покончить с частной собственностью и т.д. Т.е. лево-националистический вариант. И возникает вопрос: что возобладает? И не обострятся ли в условиях кризиса центробежные настроения, не начнется ли новый этап распада страны, теперь уже России? Из твоей логики сразу возникают вопросы: у кого больше шансов в условиях этого кризиса, у западников или у левых государственников? А еще к тому же прогнозируется и массовый исход элиты.

В.Соловей. Я начну с последнего вопроса – о центробежных тенденциях. История России свидетельствует: в ситуации ослабления центральной власти центробежные тенденции всегда усиливаются. Бегство (или дистанциирование) окраин от центра происходило всегда, причем оно было связано не столько с экономическими и политическими соображениями, сколько с соображениями безопасности: если в Москве свара, то надо от нее отдалиться и отгородиться. Но я не очень верю в возможность русского сепаратизма и даже в возможность кавказского сепаратизма. Ведь Кавказ дотационен и экономически сильно зависим от России. Сепаратизм там появится лишь в случае основательного идеологического разогрева, который уже идет, но пока еще не принял необратимого и критического характера. В то же время такой гипотетический разогрев может произойти лишь при самом активном участии внешних

сил, то есть здесь вновь появляется переменная, о существовании которой мы теоретически знаем, но которая с трудом монтируется в анализ.

Вопрос о критике власти со стороны либералов и националистов. Конечно, будут критиковать, но равно ничтожны и те, и другие. В настоящий момент ни либералы, ни националисты не могут повлиять на эволюцию власти. Потенциальная полисубъектность – различные экономические и социальные интересы – политически не актуализирована. И мы не знаем, как будет происходить подобная актуализация в кризисной ситуации. Мы можем сколько угодно тасовать известных нам людей и известные нам политические силы, но ведь все сложится совсем иначе, если найдется несколько по-настоящему сильных людей.

Пример из нашей недавней истории. Единственный генерал, который всерьез готовил в России вооруженный переворот, был Лев Рохлин. И он был не так уж далек от успеха. Так каким же анализом таких людей можно вычислить, если они представляют собой неизвестную, скрытую переменную? Мы можем лишь допустить возможность (и даже неизбежность) их появления в ситуации бифуркации. Но разве мог кто-нибудь предвидеть появление Наполеона Бонапарта?

А.Ципко. Хотел добавить, что центробежных, в смысле выхода республик из состава России, может не быть, но центробежных, как в 1917 году, отделения русских регионов от столиц – это возможно. Помнишь, в 1993 году в Нижнем Новгороде нам говорили, что «мы спасемся, если погибнет эта Москва!».

В.Соловей. Я думаю, что на этот раз у них уже не будет шапкозакидательских настроений, ибо последние 17 лет многому научили, в том числе и осторожности. Русское общество стало несравненно более трезвым.

И последний вопрос – о бегстве элиты. Да, она попытается бежать. Но, как мне объясняли понимающие люди, у которых и недвижимость в Лондоне, и счета на крупные суммы, все это хорошо иметь, когда ты гражданин России и в той или иной мере прикрыт государством. А вот когда ты эмигрант, то не только твое состояние, но и твоя свобода оказывается под очень жирным знаком вопроса. И гарантированно выжить смогут только держатели мелких и средних счетов, но не киты. Когда дело дойдет до серьезных перемен здесь, в России, то там, на Западе, осуществят такую санацию русских капиталов и такую люстрацию людей, что мало не покажется никому, особенно тем, кто сейчас пытается пугать Запад.

Однако это понимание не носит среди российской элиты всеобщего характера и потому остается открытым вопрос: готова ли она держаться в России до конца, что означает жертвовать жизнями, причем не только чужими, но и собственными, или предпочтет бежать.

Тем более, что нельзя исключить селективного подхода Запада в отношении российской элиты. Вот ваша фамилия такая и такая, вы – хороший бизнесмен и либерал, ваши счета мы не тронем. Но если вас зовут так или так, то на вас будет распространена конвенция о противодействии отмыванию преступных доходов. То есть прилетите, скажем, вы в Лондон как частное лицо, а вас возьмут за фалды и отволокут для допроса. Как, кстати, уже было с Пал Палычем Бородиным и с банкиром Вавиловым. Такой гипотетический механизм сепарации российской элиты – отделения овец от козлищ – способен очень накалить ситуацию как в самой России, так и в ее отношениях с внешним миром.

А.Ципко. Что следует из утверждения, что, оказывается, в этой кризисной ситуации ждать исхода элиты нельзя. Она будет бороться до конца?

М.Малютин. У меня реплика о детонаторах. Украина и то, что там будет происходить в самый ближайший промежуток времени, с моей точки зрения, как катализатор начнет оказывать очень сильное влияние на то, что происходит здесь, потому что все уже находится на грани. И если все будет продолжаться так, как продолжается, то эта самая грань будет перейдена достаточно быстро.

А.Ципко. Нет никаких свидетельств того, что у нашего руководства есть желание посягнуть на территориальную целостность Украины. Медведев и весь пропагандистский аппарат повторяет: мы за соблюдение международного права, мы за открытость, мы против конфронтации, мы уважаем Запад. Путин ясно и однозначно сказал, что Россия признает территориальную целостность Украины.

А.Рябов. Я остановлюсь на двух главных темах. Первая касается состояния политических институтов нашего общества. Одна мне кажется более простой, хотя бы потому, что часто обсуждается в нашей печати. Вторая тема затрагивает более сложные вопросы, касающиеся возможных сценариев дальнейшего развития России, главным образом политико-социологических аспектов этих сценариев.

Я глубоко убежден, что эта нынешняя система разделения властей, в которой баланс между различными ветвями власти существенно смещен в сторону института президента, и сам этот институт фактически вынесены за пределы всей системы, поставлены над ней, созданы и существуют не для целей модернизации. Мне уже много пришлось говорить и писать на эту тему, что принципиальные идеи построения данной системы не были оригинальными. Их позаимствовали из политической практики царской России 1907–1917 гг., когда в стране была предпринята попытка найти некий баланс в отношениях между трудно реформируемым самодержавием и только зарождавшимся парламентаризмом. Недаром, кстати, наша современная российская суперпрезидентская, по сути, система власти иногда в литературе называется полумонархической. Но и та модель 1907–1917 гг. тоже не была оригинальной. Она в значительной мере повторяла устройство высшей власти, принятое во Второй Германской империи после реформ Бисмарка.

Подобные системы никогда и не создавались во имя интересов модернизации. Напротив, они преследовали иную, консервативную, по сути, цель – обеспечить плавное вхождение, интеграцию в новый хозяйственный порядок правящих классов и сословий прежнего, уходящего общества. Причем такое вхождение, которое и в новых условиях гарантировало бы этим классам доминирующие позиции в госаппарате, политике и бизнесе. В империи Гогенцоллернов это касалось прусских юнкеров, «прусской военщины», в Российской империи – служилого дворянства и помещиков. Наша современная система была создана для интеграции советской партийно-советской и хозяйственной номенклатуры в новые рыночные отношения. Время ее возникновения – 1993 г., после кровавого разгона Верховного Совета РСФСР. К тому моменту Ельцин, видимо, уже ощущал, что выработал весь свой реформаторский потенциал. В этих условиях своей главной задачей он видел стабилизацию новой системы, а для этого требовалось примирить оба крыла постсоветской номенклатуры, как прореформаторское, так и то, что выступало против политики Гайда-

ра и Черномырдина и поддерживало уничтоженный Верховный Совет. По большому счету, после 1993 г. Ельцин отказался от политики глубоких рыночных реформ. Его деятельность сводилась к двум целям: собственному политическому самовыживанию и проведению такой политики, которая обеспечила бы скорейшее врастание номенклатуры в рынок через массовую приватизацию бывшей госсобственности.

Закрепленная в Конституции 1993 г. система разделения властей лучше, чем какая-либо другая, соответствовала этим целям. В условиях, когда право не действовало, государство и его аппарат были слабыми, основная нагрузка по управлению страной ложилась на институт президента, точнее, даже на личность главы государства. В каком-то смысле российская политика стала зависимой от личных способностей, качеств президента. В этих условиях глава государства в первую очередь выполнял роль верховного арбитра в спорах и конфликтах между разными группами элиты. Все это привело к тому, что на базе нашей Конституции стали устойчиво формироваться персоналистские политические режимы. И, кстати, подобные режимы возникли не только в России, но и в других постсоветских государствах. В этом смысле можно сказать, что разница между относительно мягким режимом Леонида Кучмы на Украине или Левона Тер-Петросяна в Армении, с одной стороны, и полусредневековым режимом Сапармурада Ниязова в Туркменистане, с другой, касалась только количественных параметров, но никак не природы этих режимов.

Итак, характерными особенностями нашей политической системы являются слабые институты и сильная персоналистски окрашенная власть президента. Слабость институтов порождает всесилие неформальных центров власти, как при дворах средневековых монархов. Давайте вспомним, чем была изначально ельцинская «семья». «Чайный кабинет», кружок ближайших друзей Татьяны Дьяченко, дочери президента, и не более. Потом это стало превращаться в неформальный центр власти по мере ухудшения здоровья Ельцина, когда он уже не мог в оперативном режиме осуществлять ежедневное управление страной. Собирались какие-то люди, там были и Березовский, и никому неизвестный и ничем не выдающийся Абрамович, и разные доверенные политтехнологи, обсудили какое-то решение и потом понесли его на подпись «дедушке». А уже потом, по мере вхождения в сферу взаимоотношений между разными фракциями элиты, данное сообщество, быстро обрастая связями, трансформировалось в мощную группу финансово-промышленных интересов, долгое время обладавшую эксклюзивными возможностями влиять на принятие политических решений. Подобная система с присущим ей фаворитизмом, где главный политический ресурс – не публичная активность, не наличие массовой поддержки населения, а доступ к «уху» президента, была выгодной для номенклатуры. Созданный на этой базе механизм лоббирования, отстаивания интересов, принятия решений был привычным, понятным, удобным для нее.

Но эта система явилась весьма удобной и комфортной и для носителя верховной власти потому, что, по большому счету, главная его преференция в такой системе – это отсутствие политической ответственности. Вопреки распространенному мнению, проблема нашей Конституции не в том, что у президента слишком много власти. Я думаю, что у американского президента власти-то побольше. Но проблема в том, что президент США – лицо ответствен-

ное. Он не может, например, сказать, что дефолта не будет, а потом свалить вину за происшедшее на министра финансов или главу Федеральной резервной системы, сказав, что они, понимаешь, меня обманули. Президент США принял решение, и он за него отвечает, и никто другой – ни госсекретарь, ни глава Минфина или шеф Пентагона. Наша же система гениальна тем, что она позволяет президенту оставаться в роли лидера, всегда принимающего правильные решения. Президент принял решение, приведшее к провалу в политике, а отвечают другие – правительство, премьер, министры, губернаторы, парламент, партии, да мало ли еще кто.

Традиционная русская мифологема «хороший царь, плохие бояре» многократно воспроизводится этой системой в ходе принятия и реализации политических решений. Таким образом, мой вывод заключается в том, что амбициозные планы и стратегии развития при такой системе невыполнимы. Она хороша только для поддержания стабильности, сохранения status quo. Но никак не для развития – и одна из важнейших причин этого, что никто из политических акторов не захочет на себя брать ответственность, поскольку понимает, что при любой неудаче президент всегда спишет ее на политически активных игроков. Поэтому лучше говорить правильные речи, но ничего реально не предпринимать, «не высовываться». Так что если говорить о задачах развития, то Конституцию рано или поздно менять придется. Но произойдет это лишь тогда, когда в элитах появится запрос на сильные институты. Сейчас этого запроса нет, потому что идет постоянный передел собственности, о чем говорил Шамиль. Устойчивые институты опасны, потому что с ними придут и нормы, которые потребуется выполнять, и санкции, которые будут неизбежно применяться за невыполнение правил. А сейчас игра «с правилами», если и не устраивает всех, то при таких условиях многие привыкли жить, знают, как действовать, и, прежде всего – элиты.

Что касается нынешней системы, возникшей после того, как Дмитрий Медведев был избран президентом России, а прежний президент Владимир Путин стал председателем правительства. Я не считаю, что это шаг в сторону смешанной парламентско-президентской республики. И не только потому, что не было сделано никаких поправок в Конституцию и основные конституционные законы. Я полагаю, что это по-прежнему персоналистский политический режим, только во главе которого стоят сразу два лидера, отношения между которыми, разделение полномочий и власти регулируются неформальным личным соглашением. Его содержание, надо полагать, известно лишь очень узкому кругу лиц. Для обозначения этого режима используется сейчас новый и, на мой взгляд, очень удачный термин – «тандемократия». Он представляется наиболее точным для обозначения данного феномена.

А.Ципко. Но ведь традиционная русская мифологема «хороший царь, плохие бояре» уже не работает в условиях тандемократии.

А.Рябов. Конечно. Самое главное в тандемократии в том, что эта система невоспроизводима с какими-либо иными персональными носителями власти. Она сделана исключительно под нынешнего президента и нынешнего премьера, договорившихся между собой, и не может быть перенесена на каких-либо других политических лидеров. Поэтому говорить о «президентско-премьерской республике» как некоей новой стабильной системе власти в России нельзя. Я полагаю, что тандемократия не может носить устойчивого характера, несмотря даже на очень хорошие личные отношения между двумя центрами

власти, потому что рано или поздно конфликты интересов, которые присутствуют в верхах, начнут ее постепенно «разрыхлять» и подтачивать. Пришли к президенту пробивать решение, не получилось – пошли к премьеру. Раньше так было нельзя, поскольку все вопросы и споры разрешались только в одном месте. Но об этих перспективах неизбежной эволюции тандемократии много писалось.

Второй фактор, который будет оказывать серьезное влияние на ее перспективы. Хорошо известно, что сознание российской элиты моноцентрично. Вряд ли я здесь скажу что-то новое. Сейчас же для любого губернатора, выезжающего в Москву, это большая проблема: к кому идти? К двум лидерам, или к одному и к кому именно? К кому, к двум сразу, и если «да», то в какой очередности? Строго говоря, содержание обсуждаемого вопроса становится не столь уж и важным, а вот технология его продвижения в федеральной власти приобретает уже первостепенное значение.

Действительно, «пятидневная война» очень сильно спутала карты, потому что многие сделали вывод, что президент сильно укрепился; другие говорят, что, наоборот, та линия, которая существовала накануне войны, при которой явно усиливался премьер, стала еще более заметной. Я думаю, что ничего радикально не изменилось. Это был очередной раунд, надо сказать, незапланированный, в «утряске», в упрочении этой системы. Осенью будет следующий раунд, когда в Госдуму будет внесен и начнет обсуждаться депутатами пакет антикоррупционных законов, подготовленный президентом. Если этот пакет не только будет утвержден, в чем мало кто сомневается, но начнет реализовываться на практике, наряду с другими инициативами президента, такими, как укрепление и придание самостоятельности судебной власти, формирование президентского управленческого резерва, тогда система будет эволюционировать к своему исходному, заложенному в Конституции порядку – моноцентристского суперпрезиденциализма. Если эти инициативы «не пойдут», то она будет эволюционировать либо в сторону республики, где главным и единственным центром принятия решений является правительство во главе с премьером, либо в направлении возвращения к власти прежнего президента, возможно, через досрочные выборы.

Дуалистическая система власти в наших условиях не может быть устойчивой. Даже на Украине, где для подобной системы гораздо больше предпосылок – и элита рассредоточена по нескольким гораздо более конкурирующим центрам, в том числе и географическим, и политическая культура более толерантная, чем в России, и парламент, ставший публичной площадкой для согласования интересов между конкурирующими группами элиты, – президентски-парламентская республика утверждается с огромным трудом. Не исключено, что от нее в конечном итоге все равно откажутся.

Что же касается сценариев, выскажу мысль о том, что в случае масштабного социально-экономического кризиса возрастают шансы для развития страны не по пути либеральных реформ, а как раз наоборот, по линии укрепления авторитарных и изоляционистских тенденций. И главная причина этого – не в устремлениях российских элит. В основе своей их как раз нынешнее состояние страны как международное, так и внутреннее, устраивает. Внутри страны они полностью контролируют все необходимые ресурсы, у них нет никаких конкурентов в борьбе за эти ресурсы. А встроенность России в мировые рынки как поставщика сырья их вполне устраивает. Это приносит огромные прибы-

ли, дает возможность покупать престижную недвижимость за рубежом, учить детей в лучших западных университетах и т.д. Запрос на авторитаризм и изоляционизм может прийти снизу.

Дело в том, что за последние годы в результате определенной социально-экономической политики патерналистские настроения среди значительных общественных слоев, и не только бюджетников, сильно укрепились. Они-то и могут породить запрос на «большую справедливость» в обществе, понимаемую, прежде всего, как усиление перераспределения в обществе и ослабление зависимости страны от Запада. Для нынешних же элит в ситуации кризиса следование подобному запросу может оказаться последним шансом на сохранение у власти. Что же касается либерального сценария, то он имеет незначительные шансы на реализацию, в первую очередь потому, что, в отличие от конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века, нынешнему городскому среднему классу есть что терять, а буржуазные верхи до последнего момента будут стремиться договориться с правящей группой.

Ш.Султанов. Я не согласен с Андреем по поводу того, что у нас именно в настоящее время наверху некий властный дуализм. Есть один лидер, который сформировал этот режим, расставил людей своей команды на ключевых местах, контролирует силовые структуры, организовал избрание преемника, которого сам же и назначил.

Следующее. Я исхожу из того, что начнется формирование нового режима, т.е. старый политический режим, как он сформировался с 2000 по 2008 год, будет кардинально модернизирован. И каким образом он будет изменен, знает тоже один только человек. Вот такова структура особой моноцентричности власти, которая у нас сложилась. И в отличие от периода Горбачева-Ельцина, здесь гораздо большая закрытость, которая, кстати, является фактором усиления авторитарных тенденций власти.

Третье. Последняя война на Кавказе была использована для того, чтобы начать атаку против внешнего врага сразу в двух направлениях. Не секрет, что сейчас происходит очень непростая попытка консолидации высшей американской политической элиты. И одним из факторов такого объединения является тезис – «Чекистская Россия – это враг номер один». Не потому, что Россия очень уж сильна, а потому, что именно Россия демонстрирует самый высокий уровень неопределенности в отношении своего будущего. В условиях разворачивающегося глобального системного кризиса, как точно сказал Валера, значение личностного фактора колоссально возрастает. Вызов Саакашвили – это вызов лично Путину. Поэтому очень важно было продемонстрировать в этой ситуации именно политическую волю. Тем более, помните, как в различных элитах в свое время отреагировали на решение отказаться от третьего срока? Назарбаев и Каримов прямо ему говорили: ты должен остаться, чтобы продемонстрировать и врагам, и партнерам свою волю. Этот фактор – демонстрация воли и решимости, правда, другим способом, – был совсем немаловажным.

Но есть и другой момент. Когда происходят какие-то кардинальные внутренние изменения в стране, рано или поздно всплывает вопрос о ключевом враге внутри страны. Кто объективно главный внутренний враг и для российского социума, и для руководства нынешнего режима, когда страна вступает в очередную фазу циклического обострения национального системного кризиса? Коррупционная система, которая контролирует, как минимум, 70–75%

принимаемых решений. Устинов в свое время оценивал объем коррупции в стране в 2000 году приблизительно в 35–38 млрд. долларов. В 2006 году, по данным руководства Генпрокуратуры, коррупция возросла приблизительно до 260 млрд. долларов. Здесь надо учитывать, конечно, и инфляцию доллара, и нефтяные доходы, и т.д. Большая часть нынешнего правящего класса, собственно, и составляет эту коррупционную систему. Поэтому руководство нынешнего режима отдает себе отчет в главных источниках внутренних угроз в случае неизбежного резкого ухудшения внешней конъюнктуры.

Почему усиление авторитарных тенденций неизбежно, как и связанное с этим обострение внутриполитической ситуации? Объективно есть два варианта. Первый вариант – мобилизационный проект. Мобилизация общества, чтобы дать ответ на вызов Запада. Но есть и другой вариант, который имеет и существенную социальную поддержку в обществе, и политическую поддержку в истеблишменте. Действительно, с исторической точки зрения Запад победил в России, он внедрил здесь свои массовые потребительские стандарты, Запад привязал российское общество к своему рынку. Когда говорят, что у нас нет идеологии, – это чепуха. У нас тотально победила потребительская идеология. Она стала повседневностью – и для правых, и для левых, и для криминала, и для обывателей, и для молодежи, и для олигархов. Поэтому можно, конечно, говорить об аскетизме (в любом случае для долгосрочного будущего это неизбежно), но сегодня для реализации антипотребительской идеологии должны быть действительно гениальные идеологи и пропагандисты. Но и живые примеры, конечно. Сталин действительно был аскетом и имел право требовать этого же у своего окружения.

А.Ципко. Эта идеология аскетизма держалась только тогда, когда была громадная система страха. Убери ГУЛАГ – и никакого аскетизма.

Ш.Султанов. Теперь я возвращаюсь к последнему тезису. Я считаю, что усиление авторитаризма для нас неизбежно, потому что, с одной стороны, плана нет, есть потребность, я имею в виду режим, он окружен – с одной стороны, он находится внутри коррупционной системы, которая всегда готова его сдать. А с другой – его же определили, я имею в виду нынешний режим во внешней среде, в качестве главного врага, поэтому они должны драться, хотя бы из-за инстинкта самосохранения.

А.Ципко. Ближайшая история вынесет вердикт всем нашим спорам и определит, какая из спорящих сторон была ближе к истине. Я лично в катастрофические сценарии не верю потому, что я их выслушиваю еще со времен создания нашего сообщества, тогда оно называлось «семинар Горбачева», с 1992 года, и, к счастью, ни один из этих апокалипсических прогнозов не осуществился. На самом деле, начиная с 1993 года происходит и духовное оздоровление масс, и образование элиты. У нынешних россиян появился инстинкт самосохранения, которого у них не было в 1991 году. Михаил Малютин верно говорил, что 8 августа 2008 года – это и день кончины эпохи «новых русских» как типа паразитического присвоения национального богатства, как откровенно аморального образа жизни. И пессимисты-участники КС признают, что в последние годы на наших глазах происходило отрезвление электората – и экономическое, и политическое, и духовное. Носителей традиционного русского патернализма, на котором паразитирует авторитаризм, сейчас куда меньше, чем людей, рассчитывающих только на себя.

Конечно, мы родились в стране, в которой возможно и невозможное. Но все же нельзя не видеть, что запрос на личные свободы в современной России как никогда высок, что сама новая духовная субстанция уже несовместима с проектами типа сталинского. На мой взгляд, все же ближе к истине осторожный оптимизм Леонтия Бызова. Право строить свою жизнь по собственному проекту российский человек уже не отдаст так просто никому. За всеми ныне модными разговорами об особой эффективности сталинского проекта нет реального образа той жизни и той психологии, на которых на самом деле держалась созданная Сталиным система. Эта система все же держалась не на аскетизме, не на особой идейности советских людей, а, прежде всего, на страхе, на созданной Сталиным уникальной машине подавления всего личного.

Все эти книжные разговоры о разлагающем влиянии потребительской идеологии на советского человека не имеют под собой какой-либо серьезной почвы. Никто так не склонен обожествлять потребительские идеалы, никто так не был угнетен потребительством, как несчастные советские люди, вынужденные значительную часть своей жизни посвятить добыванию дефицита. Человек, которого легко соблазнить дефицитной икрой или дефицитной колбасой и т.д., куда более уязвим в духовном отношении, чем устроенный в жизни, сытый бюргер.

Конечно, нельзя не согласиться с нашим общим выводом, что главной политикой в ближайшие годы станет внутриэлитная борьба. Не вызывает сомнение и тот факт, что наша нынешняя тандемократия уже обострила внутриэлитную борьбу. Но я глубоко убежден, что выиграет ее тот, кто больше будет считаться с запросом на справедливость, на равную ответственность всех слоев общества за будущее страны. Новая, уже трезвая в своих притязаниях и ожиданиях Россия хочет, чтобы ее услышали, чтобы ей дали высказаться, чтобы с ее мнением считались.

9 сентября 2008 года

ПУБЛИКАЦИИ

Максим САПРЫКИН

КАК Я НАЧАЛ ДУМАТЬ И ПОЛЮБИЛ РЕАЛЬНОСТЬ

Каждый день мы получаем массу информации в виде зрительных образов, теле- и радиопередач, общения с людьми. Что-то остается в памяти, что-то уходит очень быстро, над чем-то мы размышляем. Вся эта информация оказывает значительное влияние на нас, наши поступки, наше поведение и видение окружающего мира.

Я предлагаю остановиться более подробно на тех образах, которые формируются у нас под воздействием рекламы, скрытой или прямой. Понаблюдать за тем, как изначальный образ рекламируемого товара или услуг меняет наше восприятие и начинает руководить мотивацией наших поступков.

Давайте вернемся на 30 лет назад и вспомним, как выглядела реклама в стране, называемой СССР.

Говоря кратко – в СССР рекламы не было. Если смотреть из сегодняшнего дня. Безусловно, были рекламные вывески, реклама товаров и услуг. Были рекламные каталоги и даже газета о рекламе – «Рекламное приложение» (к газете «Вечерняя Москва»). Но все это не может считаться рекламой, которой нас «пичкают» последние 15 лет. Цели у советской и современной рекламы разные. Главным отличием можно считать то, что советская реклама описывала свойства и качество товаров и услуг, в отличие от современной рекламы, где это как раз скрывается (а то не купят). И в постперестроечные 1990-е гг. мы вошли людьми, привыкшими доверять печатному слову. Возможно, поначалу было просто интересно смотреть рекламные ролики. Это было необычно. Но очень скоро произошел лавинообразный всплеск рекламы на телевидении и в печатных изданиях. Причем всплеск рекламы такого образца и такого качества, что поневоле задумываешься о том, КАК воспринимался зритель и потребитель рекламы людьми, создающими такие образчики (вспомните хотя бы печально известного Леню Голубкова) рекламной продукции. Ведь создавая такие «шедевры», предполагают, что невысокий интеллект потребителей не позволит им задуматься – о чем это? Почему так? Не будем разбирать, почему такое стало возможно, это тема для отдельного исследования. Но произошел буквально взрыв низкокачественной рекламной продукции, «впаривающей» все подряд и ориентированной на зрителя, не способного думать и видеть очевидное.

Дальнейшее развитие рекламной индустрии, видимо, вследствие притупления потребительской способности у населения, стало двигаться в сторону сокрытия самого факта рекламы. Говоря иначе – информация подавалась таким образом, чтобы она выглядела как часть обыденной реальности.

Ярким примером этого являются многочисленные глянцевые журналы, заполненные рекламой – с первой страницы и до последней, изредка разбавляемые статьями (тоже часто являющимися рекламой чего-либо). Даже узкоспециализированные журналы используют прием, когда часть статьи прерывается рекламной вставкой (в худшем случае окончание статьи переносится в конец журнала), которую трудно не заметить. Понятно, что все это делается с учетом тематики журналов и с учетом целевой аудитории (больше вероятность того, что потребитель «клюнет»).

К сожалению, относительно недавно появилась реклама, отключить внимание от которой практически невозможно. Яркими примерами подобной рекламы являются так называемый product placement (реклама товарных брендов в кино) и голосовая реклама (в транспорте). В самом деле, очень сложно блокировать такого рода информационные потоки (разве что не смотреть кино и передвигаться исключительно пешком). Т.е. мы получаем информационное воздействие, которое, минуя уровень контроля сознания, попадает непосредственно в подсознание. Такое воздействие в нужный момент может проявиться при принятии решений конечным потребителем.

Давайте рассмотрим и выделим основные принципы воздействия рекламы, которые подталкивают нас (потребителей) к конкретным действиям. Их не так много, как кажется на первый взгляд.

Принцип – покупай или проиграешь

Задумывались ли вы, почему то, что было куплено сравнительно недавно, уже через полгода-год становится неактуальным, «бледным»? Большинство современных товаров, не относящихся к продуктам питания (о них отдельный разговор), имеют очень короткий цикл жизни. Посмотрите товарный каталог годичной давности практически любого производителя. Что из того, что продавалось тогда, можно купить сегодня? Большинство производителей за это время успели сменить товарный ряд полностью. Да и сами товары не отличаются качеством. Создается впечатление, что изначально товары рассчитаны на короткий срок службы (добавьте к этому проблемы и расходы на утилизацию). Это как бы заложено на стадии проектирования и производства. Ведь если производить надежные товары, то потребитель будет покупать их один раз, а не каждый год. Ну а для того, чтобы чересчур умный потребитель не понял, как на нем наживаются, раз в полгода у товара появляется новое свойство или к нему приделывается «новая кнопка» и обзывается каким-нибудь псевдонаучным словом. И все довольны – производители «отбили» деньги, потраченные на армию копирайтеров, и получили очередные сверхприбыли, а потребители ощущают себя современными людьми, идущими в ногу с прогрессом. Только вот почему-то потребительских настроений ненадолго хватает, а бурный поток корпоративных сверхприбылей остается и не иссякает.

Принцип – жажда превосходства

Рекламы, активно играющей на психологическом восприятии социального статуса индивида, на стремлении к респектабельному образу жизни, гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Все эти улыбающиеся менеджеры, зарабатывающие на разнице курсов, «молодые семьи», покупающие квартиры, домохозяйки, жизнь которых стала значительно лучше за счет использования современных моющих средств, всякий раз как бы говорят: «Твоя серая и скучная жизнь может измениться, надо всего лишь купить что-то или взять кредит». Поневоле начинаешь ощущать себя аутсайдером, сравнивая свой социальный статус и свой жизненный уклад с тем, что тебе показывают. Возникающее желание не отстать от соседа, купившего новую иномарку, сотрудников по работе, купивших квартиру по ипотеке и т.п., толкает на определенные действия, катализатором которых и является такого рода «респектабельная» реклама.

Принцип – инстинкт это наше все

Обилие рекламных образов, эксплуатирующих идеи З. Фрейда, достигло такого количества, что иногда становится удивительно – неужели это все еще работает? Попробуйте обратить внимание, сколько раз за день вы увидели полуобнаженные тела или слоганы, намекающие на подсознательное желание? Образы, эксплуатирующие этот инстинкт, постепенно стирают границы любой нравственности за счет банального привыкания. То, что вчера казалось шокирующим, сегодня стало нормой. Этим уже никого не удивишь (представьте, какой шоковый эффект произвела бы реклама такого типа лет 30 назад). Для такого рода внушения характерно постепенное наращивание воздействия (сравните, как это использовалось в течение последних 10–15 лет). *Завтра будет больше. Сильнее. Живи инстинктом. В конце концов, обезьяна – твой далекий предок. Это природа. Это твое естество.*

Принцип – устрашение

Противоположностью стремления к «красивой жизни» является реклама устрашающая. Боязнь потерять работу, «потерять» здоровье, близких людей, стабильность в жизни и множество других страхов наполняют нашу жизнь. Вообще, страх является одним из самых мощных факторов воздействия на мотивацию поступков человека. Для людей, делающих рекламу, таким образом, основной задачей является вычислить наиболее сильные страхи (или усилить слабые) с последующим переводом их в звуковые или визуальные образы, воздействующие на слабые стороны нашей психики. Так, появляется реклама, рассказывающая о миллионах ужасных бактерий (которые вот-вот заполнят все вокруг, и тогда уж точно никто не спасется, если, конечно, не купит чудо-мыло или чистящее средство), или реклама медицинских препаратов – ведь люди практически вымирают от насморка или ушибов. Удивительно, как человечество вообще дожило до наших дней!

Особо хотелось отметить вариант, когда рекламным агентом становится сам потребитель. Многочисленные призы, подарки и прочий рекламный мусор стали неотъемлемой частью жизни. Эксплуатация желания получить

что-либо бесплатно заставляет нас покупать совершенно ненужные вещи. И очень редко возникает мысль о том, что, покупая «2 в одном», мы переплачиваем вдвойне. Компании, в свою очередь, получают прекрасную возможность либо рекламировать свои товары за счет нас, неважно, что это будет – футбольные мячи или радиоприемники, на всех на них обязательно изображен красочный логотип компании производителя, – либо просто продать устаревший товар.

Теперь о наиболее, как мне кажется, важном – о том, какие идеи и как внедряются посредством рекламных компаний в наше общество. Конечно, на первый взгляд здесь все очень просто – реклама направлена на стимулирование покупательского спроса, на конкретные виды товаров или услуг. Однако при более близком рассмотрении оказывается, что через рекламу очень легко можно проводить те или иные идеи, давать установки и создавать определенное психологическое состояние.

Приходя в ресторан, кафе или магазин, мы неизменно слышим музыку. Это может быть радио или просто сборник ненавязчивой легкой музыки, которая создает то или иное настроение. Формально человек, составляющий такие сборники, управляет в определенной мере нашим состоянием. Аналогичную мысль можно применить и к рекламе с той лишь разницей, что реклама оперирует значительно менее абстрактными понятиями, нежели музыкальный фон.

Можно возразить – плакатная реклама (я специально сужаю круг рекламных материалов) забывается через 10 минут после просмотра. Но, вооружившись принципом «повторение – мать учения», современные производители рекламы штампуют огромное количество повторов для гарантированного «отпечатка» в сознании обывателя. Это, можно сказать, стало нормой. Без этого невозможно воздействие на человека, т.к. наши каналы восприятия заполнены информационным мусором сверх всякой меры.

Какие же мысли проводятся через современную рекламу, отечественную и зарубежную? Отличий между ними осталось совсем немного, и все они касаются большей частью качества изготовления рекламной продукции.

В современном мире жесткой конкуренции очень сложно оставаться в рядах преуспевающих людей. Большинство находится в пограничном состоянии и вынуждено предпринимать достаточно решительные действия, чтобы не скатиться за черту бедности. Это происходит, в частности, и за счет рекламы, которая говорит о том, что ВСЕ ОЧЕНЬ ЛЕГКО И ПРОСТО. Все действия для достижения результата сводятся к телефонному звонку или к покупке чего-либо. Т.е. подразумевается (и наше сознание это воспринимает именно так, как нечто само собой разумеющееся), что результат показанный (счастливые лица людей, не имеющих никаких проблем социального плана), или рассказанный результат достигается, как по мановению волшебной палочки. Безусловно, эти образы обладают очень мощной привлекательностью. Стремление человека к гарантиям неважно в чем, желанию уверенности в том, что завтра не случится ничего ужасного, вполне естественно. Пока это не становится самоцелью. В этом случае возникает страх, основанный на хрупком балансе современной жизни.

Конечно, это относится в большей степени к так называемому среднему классу, т.к. у класса богатых людей этого страха меньше – есть деньги, и, соответственно, массу проблем пока (!) можно решить, а у людей неимущих

денег нет, но и терять им особо нечего, – у них и так нет никаких гарантий. Именно к потребителям, находящимся между бедными и богатыми, относятся идеи того, что показанная комфортная и респектабельная жизнь ПОТЕНЦИАЛЬНО возможна. Именно потенциально, потому что в случае более глубокого анализа не возникает никаких сомнений насчет того, что покупка чего-либо не приведет к состоянию, аналогичному изображенному в рекламе. Добавьте к этому еще и то, что люди, рекламирующие тот или иной товар, почти всегда являются профессиональными актерами, и для них не составляет большого труда изобразить состояние восторга или радости от чего-то, чем они, возможно, даже не пользуются.

Конечно, не всегда такого рода внушение будет восприниматься, поэтому иногда реклама строится от обратного: неприличное показывается привлекательным и возвышенным, в то время как нормальное, культурное поведение преподносится как что-то устаревшее и неактуальное. Ведь важнее всего вызвать психологический всплеск у индивида, и на этом всплеске протолкнуть название/бренд. В нужный момент это всплывет, и клиент купит именно то, что от него требовалось. Особенно сильным воздействием являются фразы, подразумевающие некую двусмысленность, причем обязательно с налетом неприличия. Вот и видишь иногда слова, раньше писавшиеся на заборах, написанные на огромных рекламных транспарантах. Конечно, не полностью, а ровно настолько, чтобы было понятно, что это именно те самые слова. Радует, что рекламы такого свойства пока еще очень мало. Заботит, что она появляется, и ее становится больше. По сути, ненормативная лексика (корнями которой является тюремный сленг) начинает появляться и вводится как норма в информационное пространство. И то, что раньше называлось «непечатное выражение», сейчас постепенно становится печатным. Формируется интерес к грязным и непристойным образам/поведению/стилю жизни. Именно за счет рекламной пропаганды и привыканию потребителей к этому.

Связывая это с общим падением нравственной культуры, можно сказать иначе – очень часто реклама выдает желаемое за действительное. И дело не в том, какие слова и фразы для этого используются. Возьмем для примера две услуги, реклама которых заполнила нашу жизнь, – кредитование и ипотека. За последние 20 лет денежные знаки приобрели поистине мистическое значение. Кредитные карты, счета в банках, игры на разнице валют (слово «спекулянт» из уничижительного приобрело привлекательное значение – «валютный спекулянт») и многое другое очень сильно культивируют страсть к накоплению. Обладание значительными суммами создает иллюзию легкости бытия.

Другая проблема заключается в том, что иллюзия эта «заражает» сознание все большего количества наших сограждан. И помогает в этом именно реклама банковских услуг, ведущее место в которой занимает реклама кредитных услуг. От множества других типов кредитная (и в определенной степени ипотечная) реклама отличается, прежде всего, тем, что ПОТРЕБИТЕЛЬ ПОЛУЧАЕТ деньги, а не тратит. Момент расплаты (в прямом и переносном смысле) сознательно скрывается. Думаю, что любую рекламу такого типа можно свести к простому слогану «У тебя будет все, только приди к нам». В самом деле, очень тяжело устоять, когда вокруг такое количество товаров, а окружающий мир постоянно шепчет – «купи, купи, купи». И ведь действительно, стоит только дойти до любого банка, специально обученные люди,

надев сверкающую улыбку, уже не отпустят тебя и сделают все возможное, чтобы ты БЫЛ ДОЛЖЕН. Конечно, наваждение спадет через определенное время, и платить все же придется, но это где-то там, в будущем, а сейчас ведь все так легко. Конечно, никто из менеджеров банка не станет описывать, какие меры будут приниматься, если кредит не будет погашен в срок. Зачем пугать? Жизнь и так страшна. И никто не скажет, что, по сути, современная система кредитования (да и не только современная) является относительно честным (ведь жертва выполняет предписанные действия по *собственной воле*) способом отъема денежной массы у населения. Проще говоря – грабежом. Но ведь как приятно почувствовать, что ЖЕЛАЕМОЕ стало ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ. Тем более, когда одно выдают за другое. Отличия кредитования от ипотеки (ипотечного кредитования) очень незначительны. Безусловно, всем хочется иметь свой дом. СВОЙ. Не снимать, не жить у родственников. И именно поэтому так легко человеку, ежедневно понимающему, что завтра могут настать проблемы с жилплощадью, навязать «решение» этих проблем. Только вот в этом случае «давай-ка, друг, вкалывай с утра до ночи, а мы заработаем на тебе».

Десять лет назад автор статьи жил некоторое время в США. И, наверное, самое сильное впечатление оставило то спокойствие (мне почему-то кажется, что слово «обреченность» лучше описывает это состояние), с каким мне рассказывали о том, что за купленный в кредит дом, стоимостью в $150000 после погашения кредита будет заплачено $400000. Получается, реальная стоимость дома и сумма, заплаченная за него, отличаются более чем в 2,5 раза. Конечно, тогда казалось, что у нас такое вряд ли возможно (за последние 10 лет слово «кредит» из термина, знакомого лишь экономистам, перешло в разряд разговорной речи). К сожалению, я ошибался. Сейчас это воспринимается как нечто такое, что было всегда и везде, а ведь мы, еще совсем недавно, оторвавшись на 70 лет от «демократического мира», получали жилье абсолютно бесплатно.

Такого рода реклама уводит от трезвого и серьезного анализа окружающего мира. При поверхностном восприятии в цепочке *желание – действие – результат* опускается описание действия (вы берете ипотечный кредит, но вы не можете описать достаточно подробно, как вы его будете отдавать). В момент желания это вас мало интересует. Умножьте силы улыбающихся девочек в банковских залах и возведите в квадрат ощущения обладания... Думаю, ощущения *желание – результат* заставляют людей влезать в кредитные ямы, покрывать сегодняшними кредитами вчерашние. Это становится своего рода наркотической зависимостью. Результат примерно такой же, как и у обычных наркоманов, – человек оказывается выброшенным из жизни. А ведь, кажется, так легко следовать принципу «живи по средствам». Нет. Хочу здесь и сейчас. Потом все отдам. Жалко только, что аппетит приходит во время еды и размеры кредитов все больше и больше.

Другой противоположностью данного рода рекламы являются многочисленные примеры того, как способ заработка умышленно опускается (все-таки получая кредиты на любые нужды, вам придется ответить на вопросы относительно вашей зарплаты). Предлагается нечто, причем в таком виде, что от потребителя требуется только прийти и взять (или заплатить смехотворную сумму). А многочисленные скидки, постепенно приближающиеся к 100%, никого не оставят равнодушными. Конечно, в жизни так не бывает, и

думаю, многие сталкивались с тем, что заявленная стоимость товаров и услуг значительно отличается от той, которую предлагают в конце концов оплатить. Беда в том, что такого рода обман вызывает привыкание к постоянной дезинформации.

Есть и положительная сторона. Такого рода реклама перестает оказывать свое магическое действие, но повсеместный обман становится нормой. Порождаемое же им недоверие начинает распространяться, подобно вирусу, проникая во все сферы общения человека. Конечно же, не реклама является инициатором такого рода отравления, но то, что она является катализатором этого процесса – безусловно.

Многочисленные наблюдения и анализ современной рекламы наталкивает на мысль о том, что одной из основных задач рекламы является желание (подчас весьма наглое и неприкрытое) ВЫВЕСТИ ЧЕЛОВЕКА ИЗ СОСТОЯНИЯ зыбкого РАВНОВЕСИЯ. С одной стороны, жесточайшая провокация (обратите внимание, как часто это слово стало использоваться в рекламе), направленная на желание дотянуться до чего-то недоступного, а с другой – постоянное запугивание – потерять то, что есть. Трансформация последовательного и упорядоченного все больше и больше подменяется на мозаичное восприятие, при котором информационные блоки часто являются взаимоисключающими. Добавим к этому мощный аппарат воздействия современных СМИ, и мы получим весьма неприглядную картину современного информационного поля. Не получается ли так, что наша жизнь заполнена заменителями чего-то реального и естественного?

Если, например, прочесть состав продуктов, которые мы покупаем в супермаркете каждый день, взять некое среднее описание этого состава, то окажется, что продукты эти сделаны из «идентичных натуральным» ингредиентов. Вы помните вкус настоящего апельсина? Еще помните? Но ведь мы покупаем апельсиновые жевательные резинки, апельсиновые газированные воды и многое другое, в названии чего есть слово «апельсин». Только вот к натуральному апельсину это имеет весьма далекое отношение. И окружающая нас реклама убеждает нас каждый день – именно ЭТО и есть апельсин. И мы охотно верим, ведь на коробке нарисован такой сочный, сверкающий каплями на солнце фрукт, что его настоящий собрат, сваленный в коробки, уже выглядит бледно на его фоне. Кстати, помните, в стране СССР конфеты расфасовывались в блеклые бумажные пакеты (без надписей и рисунков!), и (о чудо!) там внутри был действительно шоколад и сахар, а не заменители того и другого. Выходит, мы покупаем (и реклама очень сильно «помогает» нам в этом) то, что выглядит ярче? Хорошо, это всего лишь продукты питания, но ведь жизнь – это не только потребление материальной пищи, это еще и внутреннее, духовное состояние населения.

Обратимся к этой сфере. Что нам нашептывает (а сейчас все больше и больше кричит) многоликий дух потребления, воплотившийся в тысячах рекламных образах? Да очень простые вещи. И то, что наша жизнь скучна, и то, что начальник, зараза, не считает сотрудников за людей, и то, что соседи достали, и многое-многое другое. А что взамен? А взамен дается очень много (мало чем отличающихся одна от другой) *имитаций* настоящей жизни. Так, нам начинают внушать (и мы «съедаем» это), что друзья – это те, с кем можно выпить пива, а близкий человек – это всего лишь тот, с кем можно поделиться жевательной резинкой.

Иными словами, происходит очень сильное перенаправление восприятия окружающей действительности. Настоящие эмоции и чувства заменяются рекламными клише и шаблонами. Постепенно происходит привыкание, и что-то настоящее начинает вызывать стыд. Боязнь быть непонятыми начинает все больше и больше наполнять нас, вызывая нарастающую психологическую и социальную самоизоляцию. Происходящий таким образом процесс вызывает атомизацию (дробление) общества, поскольку он в той или иной мере затрагивает всех нас. Я думаю, можно даже говорить о своеобразной реализации принципа «разделяй и властвуй».

Во многих социальных областях жизни происходит замещение своего собственного мышления стойкими (за счет примитивности) логическими выражениями рекламного пространства. Мне не раз приходилось быть свидетелем ситуаций, когда собеседник в разговоре использовал фразы и понятия, полученные им из рекламной продукции. Можно говорить о появлении новояза, основанного на достаточно простом и вульгарном словарном запасе героев рекламного мира. К сожалению, смысл и значение многих понятий, изначально описывающих определенные отношения или высокие чувства, постепенно меняется под воздействием все той же рекламы. И фраза «Любимые достойны лучшего» начинает ассоциироваться с мылом, шампунем и т.п. Рекламой порождается целый сонм стойких образов, многократно повторенных в виде печатной и визуальной продукции. Причем, образов, противоречащих обыкновенному здравому смыслу. И оказывается, что потребление винно-водочной продукции – это не путь к алкоголизму, а путь к привлекательности и общительному времяпрепровождению (больше жизни, друг!). А курение – всего лишь «открытие мира» и «радость жизни» (ни слова про никотин!).

Перечисление таких абсурдных ситуаций, я думаю, займет по объему несколько таких статей, хотя, конечно, в их основе лежит всего лишь одна цель – клиент должен купить. Неважно, какие будут последствия. Важна лишь прибыль. Здесь и сейчас.

Можно говорить о том, что функция рекламы сместилась с описания характеристик и свойств товаров и услуг на внушение, что этот товар надо приобрести. Причем утонченность такого рода внушений поистине поражает своей беспринципностью и вульгарностью. Как результат, с точки зрения потребителя, мы хороним себя под спудом ненужных вещей. Точнее, нужных, но только для получения прибыли (или даже сверх прибыли) за счет стирания духовного содержания каждого из нас.

Жажда превосходства и желание показать свою значимость цветут пышным цветом с телеэкранов и из радиоприемников. Жажда познания заменяется механистическим мышлением. Нас просто отучают думать. Ведь как просто принять в себя, на первый взгляд, правильные, логические цепочки, описываемые рекламной продукцией. Тем более, что, по сути, они часто повторяются, и именно за счет повторения наше мышление привыкает и стабилизируется в таком состоянии. Не происходит ли при этом подмены реального мира на выдуманную креативными PR-менеджерами реальность. Реальность, в которой отсутствуют нравственные принципы, реальность красивых, но пустых фраз. Нашу реальность.

Человек способен привыкнуть ко многим вещам. Тем более, к таким, которые создают иллюзию постоянной новизны в этом сером мире. Реклама сама становится продуктом потребления с эффектом привыкания. Да, паузы

между рекламой, заполненные отрывками фильмов, раздражают, но это скоро пройдет.

Как уйти от этого? Возможно ли «отключить» себя от этого ненасытного животного, потребляющего ваш разум? Я думаю, что да. Несмотря на то, что воздействие рекламы все более и более утонченно и вычленить, а самое главное – осмыслить суть описываемого становится все сложнее и сложнее, мне кажется, можно взять на вооружение несколько простых правил.

Достаточно понять, какое отношение имеет используемый в рекламе антураж (текст, картинка, описываемые эмоции) непосредственно к рекламируемой продукции, и сразу станет ясно, насколько далеко одно от другого. Необходимо просто разорвать связь между рекламируемым объектом и соответствующим эмоциональным посылом, сопровождающим этот объект. Это сложно, т.к. плотность информации подбирается таким образом (очень быстрый текст, очень большой текст, «бросающийся в глаза», очень быстрая смена сцен в ТВ-рекламе), чтобы, миновав центры контроля, попадать непосредственно в подсознание, но, тем не менее, возможно.

Технический прогресс двигается вперед с огромным ускорением, и созданные визуальные образы все трудней и трудней отличить от реальности. Говоря иначе, не все, что мы видим, является таковым на самом деле. И именно здесь важно понимать – то, что мы воспринимаем, является, в конце концов, просто набором электромагнитных импульсов в нашем телевизоре или типографской краской в журнале. И за каждым роликом или фотосессией стоит человек, зарабатывающий деньги.

Необходимо просто понять, чем отличается рекламируемый предмет или услуга от того, что до нас пытаются донести посредством рекламы. Говоря иначе – надо просто задуматься. Это совсем не то, что от нас хотят, но это помогает сформировать СВОЕ отношение, ОТЛИЧНОЕ от навязываемого вам. Надо быть предвзятыми. Думаю, вопрос – «а зачем мне ЭТО» многое расставит по своим местам. В конце концов, надо научиться не замечать рекламы.

Окружающий нас мир имеет одно замечательное и весьма значительное отличие от телеэкрана – он реален.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

СЛОВА, КОТОРЫЕ ТРЕБУЮТ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ

Старобинский Жан. Действие и реакция. Жизнь и приключение одной пары. Санкт-Петербург, 2008, 468 с.

Действие книги швейцарского литературоведа и историка культуры Жана Старобинского (род. 1920) разворачивается на территории многих дисциплин – философии, физики, литературы, политики – и нескольких европейских языков от греческого и латыни до современных французского, немецкого и английского. Следуя формуле Бальзака, автор берется проследить жизнь и приключения двух слов – *действие* и *реакция*, приобретавших на протяжении своего более чем двухтысячелетнего существования различные значения. Они служили выражением различных, подчас противоположных, позиций и постепенно прижились в обиходном языке, где, имея отчетливый характер оценочных ярлыков, они ничем не напоминают о своей долгой и богатой перипетиями истории.

Продолжает ли она, история, оказывать влияние на судьбу названных слов, и если да, то каким образом? Жан Старобинский ищет ответ на этот вопрос, показывая, как, обрастая частными значениями и переходя вместе с ними из одной дисциплины в другую, слова проецируют устоявшиеся представления на новую, только что зарождающуюся мысль и тем самым усложняют наше представление о мире, служа движущей силой культуры.

Можно восхититься замыслом исследования. Действительно, слова и их значения оказывают воздействие на историю. Язык неотделим от истории обществ, познаний и технических значений. И речь, разумеется, идет не о состоянии языка. Важнее ракурс культуры, ее смысл, ее динамика, ее актуальность.

Насколько можно судить о замысле, автор следует кантовскому понятию «отношение». Ведь именно через это слово можно сопоставить два полноправных явления. По сути дела, можно вести речь о действии и противодействии. Разве мы не видим сегодня, что, замышляя некое действие, мы часто не задумываемся над реакцией или помышляем о ней в желаемом для нас направлении. Поэтому Жан Старобинский и подчеркивает, что «реакция» быстро пустилась в самостоятельные приключения.

«В политико-историческом словаре слова «действие и реакция» поначалу привлекались в поддержку циклической истории, пишущей «революции» во множественном числе. Но затем, когда история оказалась подчинена

цели совершенствования, Революция и Прогресс назначали Реакцию своей противницей: о ней немало говорилось на политических собраниях, в газетах, листовках, обыденной речи. В рамках неологизма «взаимодействие» наши два слова вновь сблизились и зажили совместной жизнью» (с. 9).

К этому можно добавить различные и далекие от политики противостояния. Например, в психоанализе появилось слово «реагирование». Даже некоторые психические болезни стали называть «реакционными». Сегодня это слово «реакция» стало расхожим. Оно растворено в разговорном языке. Оно оправдывает все, вплоть до преступлений, привязывая любые действия к их социоисторическим предпосылкам. Область наук действительно пронизана им насквозь, но сам по себе термин «реакция» ничего не значит, все зависит от заключаемого им в каждом случае союза. При этом очевидно, что, когда речь идет об исторических событиях, мы имеем основание тревожиться, ведь реакция в самом деле оказывается непредсказуемой. Мы часто рвем социальную ткань, думая, что таким образом усиливаем ее прочность. Мы нередко подстегиваем события, полагая, что оказываем истории родовспоможение, не подозревая о целой серии абортивных рождений.

Почему интересно читать эту книгу? Потому что вдруг оказывается, что каждое слово, вынесенное в название книги, имеет великое множество преображений смысла. Но дело не только в этом. Занятно, что новый оттенок одного слова трансформирует и другой смысл. И хотя современные философы критикуют исследовательский навык, сводящий каждое явление к оппозиции понятий, анализ лингвистических приключений задает мысли осторожность и предостерегает от поспешности. Опустим для ясности средневековые экзерсисы относительно связи элементов, о семантическом перерождении слов. Понятно, что история научных слов связана не только с именами подлинных ученых, которые употребляют их сознательно. Поищем в исследовании злободневное и поучительное.

Из авторской рефлексии возникает любопытная проблема. Когда мы размышляем о законах истории, надо ли нам ориентироваться на ее нормальное течение или именно сумасшествие открывает нам логику и динамику общества? Вспоминая Гиппократа, Вильгельм Освальд характеризует флегматиков и меланхоликов, как людей с замедленной реакцией, а сангвиников и холериков, как типов, обладающих быстрой реакцией.

Улавливаете мысль? Как трудно удержать обретенное наследие под натиском странных и эксцентричных романтиков.

Но вот накануне Французской революции к слову «реакция» пришло широкое признание. Его употребление, в начале столетия очень ограниченное, становится общераспространенным. Это симптом перемены. Сдвиг, перетолкование формулы. Слово «реакция» приобретает негативный смысл. Действие желанно, а «реакция» лишь мешает волшебной силе активности. Оно обладает огромной консервативной мощью. Но вдруг с конца XIX века семантическая функция слова «реакция» идет на убыль. Триумф «реакции» приблизил ее устаревание. А что это означает? Надо избирательно пользоваться этим понятием. Ведь согласно Н.А.Бердяеву, о котором Ж.Старобинский не упоминает, слово «реакция» неправомерно клеймила здоровые консервативные силы.

Бурная экспансия реакции рождает скепсис и разочарование. Французский писатель Этьен Сенанкур (1770–1846) создает образ мира, соответствую-

щий научной мысли его эпохи. Но каков этот мир и почему он основательно напоминает наши дни?

«Образ разочарованный, вынужденный смириться с всесилием механической необходимости. Добро и зло отныне неразличимы. Бог не был творцом мира, и защиты человеку ждать не приходится» (с. 252).

Сенанкуру казался неоспоримым образ мира, пронизанного необходимостью и тленом. Сегодня мы задумываемся о неоспоримом шествии глобализации, которая не пощадит локальные миры и прокатится катком по вселенскому миру.

Но, быть может, человеческая природа способна к совершенствованию? Возможно, приспособившись к новому бравому миру, она сумеет смягчить тяготы прогресса? Увы, еще Кант, говоря о прогрессе человечества, всякий раз предусматривает противоположный исход. Он умножал вопросы. Не могут ли конфликты между государствами вести к случайному, глубоко непрочному равновесию? (Вот и война с Грузией в качестве примера.) Не угрожают ли эти конфликты свести на нет достижения культуры и вернуть нас к варварству? Не исключено, что все действия и реакции, которые происходят между людьми, не увенчаются ничем или ничем разумным.

«Все эти гипотезы сводятся, очевидно, к вопросу о смысле, направляющем действия и реакции, бесконечный спектакль которых являет собой история государств. Столь регулярно упоминаемые Кантом, эти действия и реакции образуют ткань истории, ее эмпирическую реальность» (с. 323).

Философу мнится, что по отношению к первобытному варварству наши цивилизации, при всем своем совершенстве, являются чем-то лучшим. Кант усматривает в этом обещание новых достижений, благодаря которым договорные связи приведут, быть может, к сближению государств, принадлежащих к более просвещенному, нежели нынешнее, человечеству. Но считать ли страны, вошедшие в НАТО, именно таким союзом разумных стран?

Кого критиковать, кого унизить? Канту кажется таким объектом человеческая природа. Что не позволяет прогрессу развернуть свои ресурсы? Человеческая необузданность, та «корявая древесина», из которой сделаны люди. Кант усматривает в людях «необщительную общительность», которая, как ему кажется, в достаточной степени объясняет то, что насущные духовные и политические преобразования идут медленно. История наделила человека способностью к преуспеванию. Кант связывает трудности прогресса не только с незрелостью и предубежденностью: препятствие заключено в самой человеческой природе. Незрелость и ущербность ее, следуя логике автора, в том, что люди мыслят в пол-ума. Вот почему в современной политической лексике слово «реакция» оказывается орудием, которым каждая партия пользуется с целью осуждения другой. Термин действительно сохраняет плавающий смысл. Однако слово «реакция» в наши дни означает противодействие глобальной поступи. Теперь мы видим, что не один Маркс клеймил ярлыком реакции соперничающие революционные группы.

Современная философия предприняла пристальное исследование некоторых фундаментальных чувств – страха (С.Кьеркегор), тревоги (М.Хайдеггер), меланхолической депрессии и маниакальной эйфории (Л.Бинсвангер), тошноты (Ж.-П.Сартр), усталости (Э.Левинас). В центре исследований этих авторов оказался человеческий опыт, основанный на переживаемом. И опять мы вслед за Ж.Старобинским погружаемся в стилистические дебри.

«Совпадали ли феноменологические анализы аффектов в своем истоке с самими аффектами? Не следовали ли они вместе с тем к тем картам уже сложившихся языковых сетей? Не то чтобы обращение к опыту, к непосредственности переживаемого опыта давало сбой, но часто, быть может, недооценивалось то обстоятельство, что этот опыт поддерживается и направляется языковыми отношениями» (с. 372).

Трудно оспорить экспертизу Ж. Старобинского. Слова, слова, слова, о которых говорит Гамлет, определяют наше восприятие, наше мировоззрение. Эй, вы там, властители, будь осторожнее со словами!

Избранная автором лингвистическая вселенная охватывает совокупность превращений одного слова. Но есть и другие слова, которые услаждают ухо, возбуждают энтузиазм масс, но при этом сохраняют семантическую неопределенность. Это и опасно….

Эльвира Спирова

РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА МИРОВОЙ РЫНОК ПРЕССЫ

На международном конгрессе DISTRIPRESS Россия представляла книгу Russian and World Printed Mass Media Market, Москва, 2008 г.

Рынок издания и распространения печатной продукции в России развивается активно. Едва ли не ежедневно появляются новые издания, создаваемые с учетом современных веяний, внедряются передовые технологии, перенимается прогрессивный опыт зарубежных издателей. И хотя до сих пор многие мировые эксперты приписывают издательскому рынку нашей страны статус «развивающегося», уже сейчас можно с уверенностью говорить о том, что по уровню развития он во многом опережает схожие рынки ряда других стран.

Да, наши СМИ далеко не всегда представляют на суд читателей достоверный контент, а полиграфическое качество порой не соответствует уровню издания. Отсутствуют достоверные статистические данные о тиражах, да и системы подписки и розничных продаж отнюдь не отличаются прозрачностью. Однако все это – лишь симптомы роста, свойственные любому молодому и перспективному рынку, а их наличие лишь подтверждает активность развития.

«Российский рынок периодики демонстрирует немало позитивных перемен. Издатели массово переходят на новые бизнес-модели, технологии и форматы, радикально модернизируют работу редакций, в корне пересматривают маркетинговую политику. Это позволяет ведущим издательским домам России, несмотря на сокращение совокупной аудитории одного выпуска изданий у многих из них, не только сохранять, но и успешно наращивать свои финансовые и рекламные показатели», – отмечают президент Ассоциации распространителей печатной продукции **Дмитрий Мартынов** и председатель правления ассоциации **Александр Оськин** в только что вышедшей из печати книге *Russian and World Printed Mass Media Market*.

Книга представляет мир медиабизнеса не только в России, но и за рубежом. Проанализировав состояние и тенденции рынков периодической печати стран Западной Европы, Индии, Китая, Южной Кореи, авторы подробно рассматривают положение российского рынка СМИ на мировой арене. Причем основной акцент в описании сделан на систему дистрибуции как одну из главных отличительных черт любого рынка печатных СМИ. Сопоставление вариантов развития рынков периодической печати в разных странах позволяет

авторам издания сделать ряд прогнозов относительно будущего издательского сегмента в России.

Представленный на страницах издания глубинный анализ демонстрирует очевидность того, что на российском рынке периодики сегодня имеются ресурсы для более интенсивного развития, а по темпам роста он вполне мог бы догнать индийский или китайский. Однако так же очевидно и то, что на современном этапе этот рынок нуждается в определенных мерах, направленных на серьезное, качественное улучшение происходящих на нем бизнес-процессов и всей инфраструктуры.

Книга состоит из четырех глав и приложения и предназначена для всех специалистов в области печатных СМИ. Издание вышло на английском языке и было представлено широкой мировой медиаобщественности на 53-м Конгрессе DISTRIPRESS – международной организации, деятельность которой направлена на развитие мирового рынка прессы (26–30 октября 2008 года, Стамбул, Турция).

Евгения Трушина

Новые книги, которые могут вас заинтересовать

Рубрику ведет
кандидат философских наук
Эльвира СПИРОВА

ПОДЛИННОЕ ДОСЬЕ ЮНЫХ

Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Ответственные редакторы – доктор социологических наук Ю.А. Зубок, доктор социологических наук В.И.Чупров. М., 2008, тираж 2000 экз., 607 с.

Первый в истории мировой и отечественной социологии энциклопедический словарь отражает целостный концептуальный подход к предмету социологии молодежи, который сочетается с углубленной проработкой конкретных механизмов проявления в молодежной среде каждого рассматриваемого социального феномена. Словарь содержит общесоциологические термины, используемые в исследовании молодежи как возрастной группы, а также специфически молодежные, применяемые для ее изучения как самостоятельной социальной группы. Впервые в наиболее полном объеме представлены характеристики молодежных движений, неформальных субкультурных объединений, современные формы досуговой деятельности молодежи. Большое количество статей посвящено развитию социологии молодежи за рубежом, деятельности российских и международных организаций, работающих с молодежью. Содержатся персоналии российских и зарубежных ученых, внесших наибольший вклад в развитие социологии молодежи.

Необходимость подготовки и выхода в свет такого издания обусловлена, во-первых, объективно растущей потребностью изучения современных механизмов взаимодействия молодежи и общества, во-вторых, необходимостью формирования адекватной современным реалиям системы воспитания молодежи, в-третьих, деятельностью кафедр по подготовке новой специальности – организация работы с молодежью. Энциклопедический словарь адресован социологам, социальным работникам, специалистам в области государственной молодежной политики и всем интересующимся данной проблематикой.

ИДЕЯ АКТИВНОГО ГРАЖДАНСТВА

Мегрелидзе М.Р.Становление института разрешения административно-правовых споров. М., 2008, тираж 3000 экз., 117 с.

Монография посвящена истории, становлению и развитию института разрешения административно-правовых споров в российском законодательстве. Заявленная про-

блематика, в первую очередь, связана с процессами реформирования административно-политической сферы Российского государства и построением самодостаточной системы институтов гражданского общества как основных форм волеизъявления и защиты прав человека и гражданина. Анализ основных этапов эволюции механизма реализации исполнительной власти в России свидетельствует о многочисленных нарушениях прав граждан действиями (решениями) органов государственного управления (должностных лиц), об отсутствии механизмов гражданского контроля за работой администрации. В таких условиях общество все более нуждается в создании и функционировании системы защиты прав и свобод человека и гражданина, осуществляемых в сфере государственного управления.

Решение данной проблемы видится автору в проявлении политической воли и решимости власти на ограничение самой себя рамками интересов гражданского общества, в гарантированном и надлежащем осуществлении своих полномочий исходя из неоспоримого принципа приоритета и верховенства прав и свобод человека как высшей ценности.

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseinov

1. It is obvious that the world leaves crisis not soon. And how much we will appear ready to overcome arising difficulties - will show time. Anyway, already it is now clear that at existing economic model of managing to operate the country at the oil price in 140 dollars and in 60 dollars for barrel is, as they say, two big differences.

2. As analysts predict, by 2025 the world will represent multipolar international system, and China becomes the largest winner in it. China any other country "will render the next 20 years ... a greater influence on the world", than. Russia remains on the sixth place in the list of the largest economic regions of the world after the USA, China, Europe, India and Japan. It suits us?

PRESSING TOPIC

Sergey Kortunov. **THE RUSSIAN FEDERATION'S FOREIGN POLICY CONCEPTS**

1. To overcome the conceptual crisis of its foreign policy Russia should understand its national identity. Putting aside ridiculous attempts of our Liberals (who are, in fact, pseudo-Liberal successors of the Bolsheviks) to come into the world as some 'white-and-fluffy', sort of 'new' Russia that has been building up its statehood as if for just the last twenty years, Russia should unambiguously and undoubtedly define itself as the heiress to the historical – i.e. over-thousand-year-old – Russia. Clearly, if such is the case it has to undertake all its sins, including those made by the USSR. But then Russia is to remain the intelligible and recognizable subject of the world history.

2. Enhancing the foreign policy efficiency requires to pass a special law on the mechanism of development, adoption and implementation of foreign policy decisions that would provide for precise coordinating the activities of the ministries and bodies in this sphere under direct control by the RF President to ensure the Russian Federation's single policy line in relations with other states and international organizations. Such a mechanism is to be of collective nature, involving all the foreign policy actors, and lean on analysis and expertise of the governmental and nongovernmental research centers that should be set up and funded generously.

3. As to Russia's image abroad, it, certainly, needs to be improved. But, at that, this has to be kept in mind: whatever efforts were undertaken, whatever funding for the purpose were

allocated, all those PR-energies would be wasted, if there were no improvements inside the country. One simple thing has to be understood: to have good image abroad the country has to really be an attractive, not to appear to be such. Hence, the field of correcting the image is not outside our country, but at home. As a wise proverb says, The wolf may change his coat, but not his disposition.

POLITICS

Alexander Tsipko. ABOUT CONTINUITY OF A COURSE

1. Advantage of the message of Medvedev, by the way, as well as Vladimir Putin's all public statements in this respect, consists that he sees a difference between normal human respect for the country, its achievements, traditions and a myth about a special Russian way, about a special Russian alternative civilizations. Here the understanding of is important that normal, humanistic patriotism should not conduct to the isolationism sermon, opposition of Russia to Europe, and the Russian base values – European.

2. The similar accent on values of a free and worthy life, undoubtedly, is proved not only from the ideological point of view, as the important demonstration of adherence of the country leaders to the European culture and the European values, but also from the practical point of view. Not casually on the foreground the major practical problem of fastening and arrangement of the most presented representatives of new Russia in the country is put forward. Certainly, new generation realises, about what, by the way, Medvedev too said that the main condition of development and democracy preservation nevertheless is our national sovereignty, but it, young generation, simultaneously wants, that the Russian life, eventually, became more worthy, reasonable and was released from set of traditional Russian absurdities.

FOREIGN AFFAIRS

Tiberio Graciani (Italy). EPOCH OF CONTINENTS AND DESTABILIZATION ON A PLANET

1. Acknowledgement of the role by Russia on a world scene, along with impressive economic growth of such two Euroasian giants as China and India, apparently, have definitively fixed the end of the unipolar world based on individual leadership of the United States in the international relations, and have served creation of the minimum and sufficient conditions for formation of a new, multipolar planetary order. There comes a new cycle of the geopolitical development which realities become, in all visibility, not the nations or regional powers, and large continental spaces.

2. Threat of possibility of merge of the general geopolitical interests of the largest Euroasian powers (Russia, China and India) and aspirations of some South American states have caused again alarm of US State department and the certain North Atlantic analytical centres which are engaged in revealing of crisis zones and working out of the geopolitical strategy answering to global priorities of Washington and the Pentagon. Their attention is chained to continental regions of Eurasia and the countries of the Latin America tormented with old, internal contradictions not solved to this day.

Roal'd Sagdeyev (USA). THE FUTURE OF THE AMERICAN-RUSSIAN RELATIONS

1. The US presidential election campaign has, in fact, avoided the thorny problems in the American-Russian relations. To a great extent, it was caused by advancing to the foreground far more burning problem of survival in the clutches of unexpectedly blazed global economic crisis. Even emotional cries concerning the Caucasian war, feigned by somewhat one-sided media coverage, have little resounded in the course of political debate between the contenders.

2. The history of the NATO expanding deserves closer studying in Russia, which ruling

elite were completely absorbed, in that historical moment, with the search of some mystical '-Party money', and mass 'Monopoly game' to give out vouchers to millions of citizens to ostensibly testify the democratic character of the privatization followed. In the USA, meanwhile, a serious attempt was made to run national discussion aimed at stopping the hasty transformation of the NATO.

3. In any case, whoever is to move into the White House, it is of tremendous importance what political luggage the Russian leadership would bring in to reassess the lessons of the period after Cold War and to establish relations with new US Administration in the dramatic moment of the unprecedented global economic crisis. Both in the foreign and home policies (-as far as the latter concerns, no Soros and Warren Buffet money combined, alas, could help to wage struggle against the corruption).

Janis Uhrbanovich (Latvia). WHY WE DO NOT KNOW, WE DO NOT HEAR AND WE DO NOT UNDERSTAND RUSSIA?

1. With the start of borders rehashing in Europe and, consequently, with abandonment of the principle of indestructibility of national borders and territorial integrity, the Helsinki Agreement signatories have also alienated themselves of some other major principles, such as of non-interference into each others internal affairs, peaceful resolution of disputes, non-use of force. The bloody disintegration of Yugoslavia that resulted in its actual dismembering is a vivid example. The NATO Western member-countries had been actively participating in the process, to which their recognition of Kosovo independence put a logic end.

2. It is of general knowledge, the relations between Russia and the Baltic states are of the antagonistic kind. Poland, Germany, the Scandinavian countries view further development of the region differently. Still, the contradictions are not antagonistic enough to block the way to consent. The break-through could and should take place, when Russia undertook the role of communicator in this process, the communicator that sees its mission not just to act as a mediator who is good in understanding and considering the interests of the parties, but also to proactively look for new ideas, to minimize emergent threats, to be sort of the 'foreman of opinions' who continually creates various new opportunities for dialogue.

3. Russia's communicative functions of are now demanded all the way along the the Russian borders, from the Atlantic to the Pacific ocean – in the Caucasus, the Central Asia, the Far East. Searching compromise and achieving agreements at the regional level might well, likely to the puzzle pieces being laid together, lead to forming a new security system at the global level, the very security system that is en par with the contemporary realities and takes the maximum account of the interests of the overwhelming majority of the world states.

Sergey Lounev. THE REGION OF GREATER EAST ASIA AND INDIA'S POLICY

1. India's foreign policy strategic goal – to be transformed into the world power – was set up over half a century ago, immediately after the country had gained its independence. The crash of the bipolar world, collapse of the Soviet Union, and virtual break-up of Nonalignment movement made India to loose the chance to play upon intermediate position between the West and the East and use contradictions between the two systems, that gave it substantial advantage in the past. In a certain way, India's foreign policy strategy has been re-orientated, but that, primarily, meant mechanisms and ways of achieving macro-goals, not the strategic tasks themselves.

2. To the system of the international relations in the Southern Asia, the India-Pakistan relations are of principal importance, both because of the two countries' greatest political, economic and military weight, and their virtually continuous confrontation. The differences in national interests, political systems and political cultures, the religious heterogeneity are supplemented with the geo-strategic factor. Pakistan is adjacent to the Muslim region, whence it might receive additional economic and military resources to strengthen its positions against India. From the very outset, Pakistani governments saw India as the major strategic adversa-

ry. Even after the 1971 War, Pakistan remains the only India's potential opponent in Southern Asia.

3. To overcome mistrust between the states and peoples in the region, to strengthen the regional security the important role might be played by the Southern Asia Association of Regional Cooperation (SAARC). Officially, it was set up in December 1985 in Dacca. It was agreed, the SAARK should deal with exclusively problems of economic, technical and cultural cooperation. There were also agreement to prohibit all official discussions of bilateral or disputed issues at joint forums, and to consider any decisions passed only if they got the votes of all the parties present. The SAARK most weighty contribution to normalization of the situation in the region has become forming up the mechanism of informal meetings and discussions between the national leaders.

Georgy Mirsky. IRAN AND THE USA

1. A possibility of Iran turning up as a nuclear power brings about some sort of international crisis. If the worst scenario were to develop, it could provoke some large-scale conflict. At that, one of the major actors, alongside with Iran itself, is the United States. This article aimed at analyzing the Iran-US relations, including the following aspects: the American Administration's interests in the context of preventing Iran's nuclear armament; the Iranian leadership's hypothetical goals and problems; chances to diplomatically settle the conflict; the optional conflict escalating right up to use of force.

2. In fact, the relation between the USA and Iran were adversary as early as after the victory of 'the Islamic Revolution' and 'the hostages affair'. Though after the war with Iraq that bled Iran white and Teheran's Islamic expansion obviously having faded, American Administration calmed down, but it went on to see the very existence of militant, radical, anti-Western regime in Iran as a potential threat to the order the United States considered mostly favorable to their interests in the Middle East region. When, late in 1990s, the protest moods overran the Iranian society and Khatami was elected President, the US saw that as favorable indications that the of the clerical dictatorship started withering away.

3. There are three scenarios for the events to develop: either the USA, jointly with Europe and, if there was luck, with other members of the world community, would exert all the efforts to force Iran, by means of diplomatic pressure, to abandon uranium enrichment works and stop the attempts to acquire the nuclear weapon; or, if that failed, would try to organize isolation, blockade of Iran in order to punish it with economic sanctions and still force it to concede; or they would recognize the failure of all attempts to bring pressure upon Iran and reconcile to the thought it had become another nuclear power.

Vladimir Akhmedov. ROLE THE MILITARY PLAY IN THE SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT OF THE MID-EASTERN ARAB STATES

1. The disproportional great influence the military exert on the ruling power caused as well by the weakness of the Mid-Eastern politicians themselves that has been much determined by the special status of the military rooted in the national consciousness and historical memory of the people. The political class looked at many things in the country by the eyes of the military, fearful to challenge the army. The political space on which the civil authorities could have operated by political means, remained rather limited, so the politicians' activities (with care of the military) often proved inefficient, caused popular mistrust and low national support. And, on the contrary, against such a background the trust to the military stood high in the society.

2. In the overwhelming majority of the Arab countries, the civil society is just beginning to develop. There still exist many contradictions between the civil society and the military. The former stands for reforming the army that keeps all the attributes of the authoritative system armed forces, while the governments try to keep the status-quo, being fearful of breaking the balance of forces and interests. Even in such secular and democratic country as Turkey, the

ruling elite, especially its military wing, negatively react to such suggestions, as yet. The military are eager to preserve their special status in the society in every possible way, referring to some outside threat, danger of the radical Islamism and ethnic separatism.

3. If the Arab countries in the Middle East choose a democratic way of development, the civil society would begin to gradually play the decisive role in forming the governmental power and policy, in controlling the principal spheres of the state's life and activities, including the army. Today, however, due to backwardness of democratic institutes in the Mid-Eastern Arab states and, in fact, complete lack of true civil society in them, one may speak not so much of the civil control over the army, but rather of the control on the part of political power that includes, alongside with civil politicians, the representatives of the military as well.

Rasim Agayev (Azerbaijan). TURKEY: CONFRONTATION AT THE CROSSROADS

1. No matter what the political crisis that seized Turkey in the past few years result in, its consequences will be meaningful far beyond the particularly national limits. The thing is, we are witnessing the deep process that has become of big international scale and might be termed as the Islam modernization, the country's Europeanization, that is its joining to the European way of thinking and living, forming up sort of Islamic and Democratic synthesis.

2. The Turkish society is split. The joint forces of the Left-centers and Nationalists headed by the generals and supported by the liberal intellectuals assault the power of the Justice and Development Party (AKP), which is called pro-Islamic or moderately Islamic in the West and in Russia. The AKP's political opponents are sincere in their belief, that the policy of this ruling party is dangerous to the system of laicism, to the principles of secular government which Turkey follows since the times of Kemal Atat?rk (early 1920s), the founder of the modern Turkish state.

3. The Neo-Islamists proved to be capable to work out and implement the effective model of socio-economic development. The interethnic reconciliation project, now under operation, should be also acknowledged effective. The Justice and Development Party's positioning as the political organization of the movement for Islamic democracy would give it no chance to be removed from the political arena, whatever is the outcome of the confrontation of the traditional political forces there. Similarly, it is impossible to picture the political life and future trends of social development in Turkey without participation of new forces guided by the Neo-Islamism.

4. The Turkish political establishment – the Kemalists, the Right and Left winger, the Nationalists – are not willing to perceive the Neo-Islamism as the objective phenomenon. But it is another thing that is much more important, namely – now, in their activities, they all cannot help reckoning with the Islamic factor. The future of this international political phenomenon is directly dependent on the ability of the world community to show tolerance, to apprehend the Islamic democracy not just as the theoretical doctrine but also as the new political trend, with which the common partnerships in the interstate relations may and need be developed.

Shamil Sultanov. TO THE WEST, THE ISLAM IS THE CARDINAL PROBLEM

1. Not a single strategic goal put forward by the Bush-Jr. Administration and having aimed at reformatting "the Greater Middle East" in the West's global interests was fulfilled. The American positions in the region not just became no stronger, but have considerably weakened. The United States had got no control over the region's energy resources. The West's huge superiority in forces have brought about no geo-political and geo-economical gains. In Iraq, Washington, according to American experts themselves, proved to find itself in the disastrous situation. In Afghanistan, the Taliban's influence has been constantly increasing, despite the escalation of the NATO armed forces presence there.

2. The West's offence has accelerated transforming the Islam into the key component of the internal political life, actually, in all the Muslim countries. On the one hand, these coun-

tries' economies are still remained the component of the global economic mechanism of the West. Accordingly, a great part of the ruling elites had already integrated – as a junior partner – into the world ruling class. On the other hand, almost in all Muslim countries the Islam has considerably strengthened both as the ideological mobilization factor and the style of everyday living, as the leading policy line and the form of foreign policy consolidation in all the Muslim countries, indeed. The political Islam has become the principal ideological factor influencing significant part of elite groupings and public consciousness in the majority of the Muslim countries.

3. With the advent of essentially new galaxy of leaders representing the Islamic technocrats or technocrats-fundamentalists, we had the instance of strengthening the Islamic world. They are influential not only in the countries of their own. These leaders are popular in every corner of the Islamic World, their opinion are being more and more closely listened to by the elites in tens of Muslim countries. Among the Islamic technocrats are, first of all, Recep Erdogan and Abdullah G?l (Turkey), Mahmoud Ahmadinejad and Ali Larijani (Iran), Khalid Mishaal (HAMAS), Anwar Ibrahim (Malaysia), Hassan Nasrulla (Hezbolla), Bashar Assad (-Syria) and some others.

Yekaterina Kudashkina. PAKISTAN AS THE HOTBED OF THE ISLAMIC FUNDAMENTALISM

1. The counterterrorist operation in Afghanistan has resulted in strengthening the positions of the radical organizations based in the territory of Pakistan, the US ally in the anti-terrorist coalition. At that, the influence of the Americans themselves in Pakistan has been undermined. Aiming at restoring the losses, the United States has reconsidered its predilections. Today, the US prefers to develop closer cooperation with the civil politicians, instead of Washington's earlier more favorable position towards its companion-in-arms, the Pakistani militaries and special services, now being accused of assistance to terrorists. This change of the US position has played no small role in the destiny of the (now former) President Musharraf of Pakistan.

2. Last year, the USA began to put heavy pressure upon Islamabad, demanding the Pakistanis to make more active efforts in the joint counterterrorist operation. In the recent National Intelligence Estimate report on problems of fighting terrorism, Pakistan was repeatedly mentioned as the refuge-country of the Al-Quaeda terrorists, and Musharraf was labeled the state leader unable to cope with the problem. Media discussed President Bush's suggestion to carry out some joint Pakistani-American operation within the Pakistan's territory to destroy the Al-Quaeda leaders, and President Musharraf's answer, that such an action in the territory of Pakistan were to be carried out by the Pakistani special services only.

3. All these events somewhat put the Chinese observers watching the situation in Pakistan on their guard. The Chinese International Institute of Strategic Studies (IISS) presented China's Government and Military Command the report dated July 6th, 2008. The Chinese have regarded the American media messages as the US warning of its readiness to carry out a military operation against terrorists inside the territory of Pakistan. The more so, as the Pakistan Minister for Foreign Affairs confirmed earlier, that the Americans are fearful of some attack against the USA, which might be preparing in the Pakistani territory, that would be comparable by its scale to the 09/11/2001 act of terrorism.

Valery Buyanov. THE LAST GEOPOLITICAL ALLY IN THE WEST

1. In 1999, the Treaty on the Creation of a Union State of Russia and Belarus and the Action Program on implementing the provisions of the Treaty were signed. The two countries integration may and need be assessed in political, economic, social, legal and other spheres. But, to Russia, the most important are the geopolitical and geo-strategic aspects of the Union, in view of the present-day threats.

2. The uncertainty scenario in building-up the Union, when it exists de jure, while is froz-

en de facto, might result in mutual disappointment and 'divorce'. The relations would be developed in strictly pragmatic way on the basis of the standard interstate agreements. The Republic of Belarus would not strive to join the NATO, for this contradicts its Constitution and today's state of public opinion in the country, but would increase billing the Russian military objects staying in its territory. Russia, by rising the price for energy carriers, reduces the Belarus national economy subsidization level that could lead to slow-down the rate of developing its economy and social sphere.

3. There are no insurmountable contradictions between Russia and Belarus, even that by itself contributes to achievement of a long-term union. Existing disagreements are inevitable, considering, that some new union structure is being created. The main thing is to understand the commonness of the two states' vital interests under the conditions of world globalization and colliding. Otherwise, if there is no break-through in the construction of the Union State in nearest future, no one could exclude some scenario, when the Belarusian leadership, having had enough of endless disputes with Russia, would choose to drift towards the West and proclaim the policy of integrating the Euro-Atlantic structures.

NATIONAL SECURITY

Anatoly Tsyganok. LESSONS OF THE SOUTH OSSETIA WAR

1. There is a long-felt need to put a new system of operational guaranteeing, the navigation one that, at present, the Russian Army has in embryo state. First of all, the GLONASS in-orbit satellite group should be fully deployed. Now there are just 13 satellites orbiting. To continuously cover the territory of Russia at least 18 apparatuses are needed and 24 – to cover the whole world. That number of satellites would guarantee four probes 24-hour-a-day stationing above the same territory and, thus, the exact position data. The armed forces should be equipped with portable and stationary receivers.

2. The Caucasus war experience seemed prove, that attachment of army aviation to the Air Forces and Air Defense was the erroneous decision. It should be returned back to the Army Forces, and the Army Air Force Command to be restored at the level of infantry armies and corps. Simultaneously, the commanding positions for army aviation and air defense are to be introduced at the Army Forces Commander-in-Chief, the Military District C-in-Cs and large formation troop commander, with aviation departments and sections restored. Attaching army aviation to the land troops would provide for its systematic development in the interests of the Army Forces, and about 30-percent decrease in commitments of the Air Forces staffs, thus increasing the efficiency of the use of the aviation in the interests of operations, combat actions and units.

3. The recent war's lessons require not just totally revise and cancel the decision, made by the Russian Federation Military-Technical Commission, to curtail programs of production of air-launched drones, but also restore the programs of development and production of air drone systems with various functions. The Government should cancel the decision made by the Industrial Commission and put orders for front and tactical air drones production, already in the current year. Besides, the decision is needed to solve the accompanying problem of developing new radar systems to detect and identify unmanned airing vehicles and other small-size air objects and targets, for those radars the Russian Army equipped with are hopeless to fulfill such a task.

THE ISSUE MAIN TOPIC

Pavel Gurevich. CHAOS OF THE ATOMIZED SOCIETY

1. Both the blessings and risks of abstract networks working have more weight and more importance, than traditional risks and traditional blessings. It is not that the modern Man risks more than did the ancient Greek or the man in the street in the 1940s, when the concept

of partially abstract society was being formulated. They are to be addressed differently. First, the new risks have lost their selectivity in many respects; they bear threat not just for this or that particular region or any particular risk group, but rather to all the regions and all the individuals, irrespective of these individuals' standing in the social structures and government institutions.

2. The social development vector predicted by the Liberal thinking, had helped many countries to dynamically leap in developing the society. There is no doubt, the Open Society is more preferable than the Closed Society. But the former is by no means the ideal model. The social thinkers have been discussing the values of Democracy, Freedom and Individualism so much that they overlooked the negative tendencies of the contemporary world. Today, one of the social philosophers' indubitable omissions might be seen in their underestimation of the phenomenon of atomizing the society. The Freedom is an undoubted value, though, likewise the Physics, where a molecule is formally free but actually is tied up to the common structure, the same goes in the global world where each person assumes to be formally independent of the society, though the very society is being increasingly sprayed.

3. The Man's autonomy is a significant value, certainly. But today, many a young man has no wish to serve in the army, refuses any forms of public solidarity, tries to live as much isolated as possible. The civil self-dependence is lacking. The individual loses the very social identity which Erich Fromm claimed to be one of the deeper human needs. Since Aristotle's times, the Man is known to be a political animal. He needs to feel comradeship; he needs to be dividedly belong to a family, to a group, to some social team. Breaking off social relations, the individual turns into a lone person, into the society's atom-on-the-roam. The world is being globalized, while the Man is being atomized.

ECONOMICS AND FINANCES

Robert Chvanov. DEVELOPMENT OF THE SPECIAL TAX TREATMENTS FOR SMALL BUSINESSES

1. To advance small business is a major way to solve the social and economic problems at the federal, regional and municipal levels. In May 2008, at a Kremlin meeting, President D. A. Medvedev of the Russian Federation has set the task to raise the active population's involvement in business up to 60-70%, by 2020. Small enterprises serve to accelerate the economic growth, to reduce unemployment and to raise the incomes of the population, to foster innovative activities. But it is these enterprises that are more vulnerable financially, they are in need for the governmental support.

2. The alternative option the Single Agricultural Tax (SAT) revocation might be permitting the legislative (representative) bodies of the Federation entities to set differentiated rates of this tax (or to completely cancel it) for certain groups of taxpayers, depending on kind of their produce in plant cultivation and animal husbandry. This would allow small and medium agricultural farmers to actively develop and to compete with the bigger agricultural structures.

3. Considering foreign experience, to expand the Simplified System of Taxation (SST) application by industrial enterprises it is expedient to provide an option of preserving the VAT as a separate tax for them. At that, for VAT payers, the single tax rate within the frameworks of the simplified system could be reduced, if the taxpayer would make their tax base as large as their receipts.

4. Implementing the suggested measures to improve the taxation of small and medium businesses would make it for priority of guiding and social functions of the taxes compared with the fiscal one, would stimulate their progressing. The further expansion of the small business sphere would allow to solve many social and economic problems the country is facing, and eventually lead to the growth of the tax base and the budget tax receipts.

DEBUT

Paulina Tonkikh. THE US POLICY OF THE EXTERNAL ECONOMIC SECURITY

1. The United States has developed the complex strategy of assistance to free trade. Plus to its efforts within the WTO, the USA goes on dealing with regional trade initiatives. America has already got the successful experience of implementing the North American Free Trade Agreement. The next goal is the Free Trade in Americas Agreement. Expanding the success of bilateral free trade agreement with Jordan, the USA will go on to covenant in similar way with Chile, Singapore, Australia, the South African Customs Union, and other countries and organizations.

2. In the coming decade, the US influence in the world may be liable to change, but the absolute parameters of the American power will stay intact. The US leadership will weaken a little due to probable going-out of Iraq in the immediate future. It might be assume, that would likely damage the American confident foreign policy course. Though it is more likely that America will regain its positions. Correcting its foreign policy, perhaps, would result in the growth of America's political influence in the world. Nevertheless, it is doubtful, it would reach the level of the early 2000s, in the decade to follow. The reason is the changed parity of forces in the world, coming out of new strong economies, and possibility of the multi-polar system's taking shape.

3. To maintain the external economic security the US foreign policy will resort to diversifying its foreign policy instruments, and also active using economic mechanisms; the further developing close relations with India and establishing closer ties with China; enhancing its participation in the international multilaterally formatted organizations; proceeding the fight against terrorism; revising the democracy expansion course to pay more attention to other goals; raising the level of education and management in such countries; revising the previously accepted course to carry out free elections; diversifying the energy sources due to growing prices for energy carriers – and, hence, systematic changing the political course.

ROUND TABLE

DEMOCRACY IN RUSSIA: HISTORICAL FORKS OF DEVELOPMENT

The participants in the discussion were, as follows – Alexander Tsipko, D. Sc. (Philosophy), newspaper political analyst, the Literaturnaya Gazeta, Editorial Council member, Vestnik Analitiki Bulletin; Leonty G. Byzov, Cand. Sc. (Economics), senior researcher, the Russian Academy of Sciences Institute of Sociology, Research Council member, All-Russia Center of Public Opinion Studies (VCIOM); Mikhail V. Malyutin, PhD, associated professor at the Public Politics Chair, the State University – Higher School of Economics (SU-HSE); Andrey V. Ryabov, Editor-in-Chief, Mirovaya Ekonomika I Mezhdunarodnye Otnosheniya magazine at the RAS Institute of World Economy and International Relations; Valery D. Solovey, Dr. Sc. (History), political analyst; Shamil Z. Sultanov, President, the Russia – Islamic World Center of Strategic Studies.

PUBLICATIONS

Maxim Saprykin. THE WAY I HAVE STARTED TO THINK AND COME TO LOVING THE REALITY

"Every day we are to receive mass of the information in the form of visual patterns, telecasts and broadcasts, intercourses with other peoples. Something is kept in our memory, something goes off fast, some things we are musing upon. All this information put a great influence on us, on our actions, on our behavior, and on out perceiving the world around us. I

suggest to more closely look up at those images that are being formed in ourselves under influence of advertising, either hidden or straight. Watch, how the primordial image of some advertised article or service changes our perception and begins to guide the motivation of our actions".

"It is just necessary to realize, what difference there is between the advertised article or service and the notion they are trying to persuade us of through advertising. In other word, it is necessary just to start thinking. This is not at all the thing you are being wanted to do, but it helps to form YOUR OWN attitude as DIFFERENT FROM that of imposing on you. We need to be prejudiced. I think, the question 'what do I need THAT for?' would put everything in their palaces. Eventually, it is necessary to learn not to notice the advertising".

NOTES ON A BOOK'S MARGINES

Elvira Spirova. THE WORDS THAT DEMAND PRUDENCE
Starobinsky, Jean. The Action and Reaction: A Life and Adventure of A Pair. St. -Petersburg, 2008, circ. 1,000 copies, 468 pp.

1. One may admire the researcher's scheme. Indeed, the words and their meanings affect the History. The language cannot be separated off the history of societies, and knowledge, and technical values. And that, of course, has nothing to do with the language's condition. The perspective of culture, its sense, its dynamics, its urgency are more important. As far as it can be judged by the scheme, the author follows Kant's concept of 'attitude'. For this is the word by which the two competent phenomena might be compared. In fact, the action and counteraction might be talked of. Do not we see today, how, having some action scheme in mind, we often give no thought to the reaction, or think it would go in the direction desirable for us?

2. The author's reflection causes an intriguing problem. When we muse over the laws of History, is it necessary we are to be guided by its normal current, or is it madness that reveals the logic and dynamics of the society to us? Recollecting Hippocrates, Wilhelm Osvald defines the phlegmatics and melancholics as people with the retarded reaction, while classing the sanguine and choleric persons as the types with fast reaction. Caught the idea? How difficult it is to retain the found heritage under the strange and eccentric romanticists' onslaught.

Reviews

Yevgenia Trushina. THE RUSSIAN VIEW OF THE WORLD PRESS MARKET
The book on the Russian and World Printed Mass Media Market (Moscow, 2008) to be presented by Russia at the DISTRIPRESS International Congress

The reviewing work describes the media business world not just in Russia, but abroad, too. The authors of the book, having analyzed the state and trends of the printed media markets in the West European countries, India, China, South Korea, give the detailed assessment of the position the Russian mass media market holds in the world arena. In their writing, they have specially accentuated the distribution system as one of the major characteristics of any printed mass media market. By comparing the options of development of the press markets in various countries, the authors of the book have produced some forecasts on the future of Russia's publishing segment.

The deep analysis, which is the book's advantage, serves as an evident demonstration of the Russian press market today's resources for more intensive development, and its ability to catch up with the Indian or Chinese market in the rate of growth. But it is as much evident that currently the Russian printed mass media market needs to be seriously and qualitatively improved both in its business processes and its infrastructure as a whole.

NEW BOOKS THAT MIGHT BE OF INTEREST

Reviewed by *Elvira Spirova*, Ph. D.

THE YOUNG GENUINE DOSSIER

Sociology of Youth. The Encyclopaedia. Yu. A. Zoubok, Dr. Sc. (Sociology), V. I. Tchuprov, Dr. Sc. (Sociology), (Executive Editors). M. , 2008, circ. 2,000 copies, 607 pp.

The encyclopaedia, the first ever in the history of world and national Sociology, represents the integral conceptual approach to the subject of the Sociology of Youth which is complimented with the profound study of specific mechanisms of manifestation of every social phenomenon concerned in the youth environment.

THE IDEA OF PROACTIVE CITIZENSHIP

Mergelidze, M. R. Developing Institution of Solving Administrative and Legal Disputes. M. , 2008, circ. 3,000 copies, 117 pp.

The monograph covers the history, coming-to-be and development of the institution of solving administrative and legal disputes in the Russian legislation. The subject under research is primarily linked with reforming Russian State's administrative and political sphere of the and building-up self-sufficient system of the civil society institutions as the major forms of will and protection of human and civil rights.

ОБ АВТОРАХ

Агаев Расим Гусейнович (Азербайджан) – заместитель председателя Союза журналистов Азербайджана. По образованию филолог – закончил Азербайджанский государственный университет. С 1964 г. в журналистике – Азербайджанское радио, собкор Агентства печати Новости, газеты «Труд» по Азербайджану, заведующий Бюро АПН в Ливии. Кандидатская диссертация посвящена проблемам политических союзов в Ираке. В разные годы работал заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана, руководителем пресс-службы президента АР. Автор ряда работ по проблемам Ближнего Востока, стран Южного Кавказа.

Ахмедов Владимир Муртузович – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Буянов Валерий Степанович – доктор философских наук, профессор кафедры национальных, федеративных и международных отношений Российской академии государственной службы при президенте РФ, заместитель руководителя Центра глобалистики РАГС. Область научных интересов: геополитика и глобалистика.

Грациани Тиберио (Италия) – главный редактор итальянского журнала «Евразия. Обозрение геополитических исследований» и библиотеки «Геополитические тетради».

Гуревич Павел Семенович – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Московского государственного университета технологий и управления, заведующий Клиникой глубинной психологии. Президент Московской межрегиональной психоаналитической ассоциации, один из учредителей и член бюро Российской психоаналитической ассоциации, вице-президент Академии гуманитарных исследований, действительный член Нью-Йоркской Академии наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии. Постоянно печатается в центральных газетах и журналах, автор ряда школьных и вузовских учебников, многочисленных монографий, в том числе: «Философская антропология» (2001), «Основы философии» (2002), «Культурология» (2003), «Психология» (2004).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович – директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики». Получил образование журналиста в Бакинском государственном университете. Работал комментатором общественно-политических передач Азербайджанского радио и телевидения, редактором газеты «Молодежь Азербайджана», первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника управления МИД СССР. С начала войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха с 1989 по 1991 г. – председатель КГБ Азербайджана. С 1998 г. – член Совета по внешней и оборонной политике. Автор книг «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть – экономика и геополитика». Соредактор монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор и редактор книг: «Россия–Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002). Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Кортунов Сергей Вадимович – доктор политических наук, заведующий кафедрой мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, действительный

член Академии военных наук, заместитель председателя Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального собрания РФ. С 1982 по 1994 г. работал в центральном аппарате МИД СССР и РФ. Занимался проблемами ограничения гонки вооружений и разоружения. Принимал участие в двусторонних и многосторонних переговорах по разоружению (ЯКВ, РСМД, СНВ-1, конференция по разоружению, комиссия ООН по разоружению, переговоры основных экспортеров оружия, РКРТ, переговоры по экспортному контролю, ОВСЕ и др.). С 1994 по 1998 г. – консультант, референт помощника президента РФ по национальной безопасности, заместитель руководителя аппарата Совета обороны РФ – начальник международно-аналитического отдела. Занимался концептуальными вопросами национальной и международной безопасности, военной реформы, военного строительства и военной доктрины, а также проблемами разоружения, конверсии и военно-технического сотрудничества. С 1998 по 2001 г. – советник руководителя администрации Президента РФ. С 1998 по 2002 г. – вице-президент Внешнеполитической ассоциации. С 2004 по 2006 г. – начальник управления анализа и прогноза ОАО «ГАО ВВЦ». С 2006 по 2007 г. – начальник информационно-аналитического управления Федерации независимых оценщиков и экспертов ТПП РФ. Автор ряда книг и статей (более 200) по концептуальным проблемам международных отношений, внешней политики, разоружения и национальной безопасности.

Кудашкина Екатерина Александровна – редактор международного отдела журнала «CITY SPACE», журналист и переводчик. Окончила Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Работала штатным корреспондентом газеты «Ведомости» (отдел международных новостей) и журнала «Эксперт» (отдел мировой политики).

Лунев Сергей Иванович – доктор исторических наук , профессор МГИМО (У) МИД РФ и ВШЭ-ГУ. Главный научный сотрудник ИМЭМО РАН. Опубликовал более 200 работ, включая 10 книг, среди которых:Дипломатия в Южной Азии. М.: ГРВЛ, 1993; Вызовы безопасности южных границ России. М.: МОНФ, 1999; Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии (вместе с Г. К. Широковым). М.: Academia, 2001; Индия: Политическое развитие и внешняя политика. Информационные базы, экономика и финансы (вместе с Шахматовым А.В.). М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2006. Ответственный редактор многих книг, включая The Vitality of Russia (вместе с Armand Clesse). Amsterdam: Dutch University Press, 2004 Индийская цивилизация в глобализирующемся мире (вместе с Хоросом В.Г.). М.: ИМЭМО РАН, 2005.

Мирский Георгий Ильич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ. Область научных интересов: исламский фундаментализм, палестинская проблема, проблемы международного терроризма, страны Ближнего Востока.

Сапрыкин Максим Александрович – в 1992 году поступил в МГСУ. В 1999 г. окончил его по специальности инженер-проектировщик. Длительное время занимался разработками систем информационной безопасности. В настоящее время учится в аспирантуре МГСУ.

Сагдеев Роальд Зиннурович (США) – заслуженный профессор, директор Центра «Восток-Запад» Университета штата Мэриленд, академик РАН.

Спирова Эльвира Маратовна – кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Султанов Шамиль Загитович – президент Центра стратегических исследований «Россия – Исламский мир».

Тонких Полина Сергеевна – студентка 4-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ.

Трушина Евгения Олеговна – руководитель ведущего профессионального отраслевого журнала о рынке печатных СМИ и дистрибуции прессы – «Курьер печати». Тему издания и распространения печатных СМИ в России и за рубежом освещает с 2000 г. С 2001 по 2004 гг. – работала в ИД «МедиаХаус» (журнал «Новости СМИ»), где прошла пусть от ведущей рубрики «Печатные СМИ и распространение» до заместителя главного редактора. Во время ее работы в «Новостях СМИ» журнал был признан одним из «Лучших издательских проектов, освещающих проблемы рынка распространения печатной продукции в г. Москве» на конкурсе профессионального мастерства «Лидер 2001 года».

Урбанович Янис (Латвия) – депутат Сейма Латвии, председатель фракции «Центра Согласия», заместитель председателя «Центра Согласия», председатель Партии народного согласия. В 1982 г. окончил Латвийский сельскохозяйственный университет по специальности инженер-гидротехник. В 1982–1984 гг. – инженер, руководитель строительных работ. С 1984 по 1991 г. – первый секретарь Центрального комитета Латвийского комсомола, учредитель организации *Savienības par jaunatnes progresu*. С 1993 г. четырежды избирался депутатом Сейма, входил в состав 5, 6, 7 и 8-го Сеймов. В 8-м Сейме – член Народно-хозяйственной комиссии и комиссии по борьбе и предотвращению коррупции, контрабанды и организованной преступности. В октябре 2006 года избран депутатом 9-го Сейма. Учредитель общественной организации «Балтийский форум». Президент фонда *Draudzība un sadarbība.*

Ципко Александр Сергеевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, политический обозреватель «Литературной газеты». Окончил философский факультет (1968) и аспирантуру МГУ (1972). Работал в газете «Комсомольская правда», в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ, в журнале «Молодой коммунист». С 1972 г. – старший научный сотрудник, руководитель группы, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии – ИМЭПИ РАН). В 1978–1980 гг. – доцент Института философии и социологии Польской академии наук. В 1986–1990 гг. – консультант отдела ЦК КПСС. В 1992–1993 гг. – профессор Университета г. Хоккайдо (Япония), 1993–1995 гг. – директор научных программ Горбачев-фонда, 1995–1996 гг. – профессор Вудро Вильсон-центра (США). Редактор приложения к «Независимой газете» «НГ-сценарии» (1996–1998), директор центра стратегических исследований Московского фонда президентских программ (1998–1999). Автор ряда монографий и более 100 научных статей.

Цыганок Анатолий Дмитриевич – руководитель Центра военного прогнозирования, доцент факультета международной политики МГУ. Полковник, кандидат военных наук, член-корреспондент Академии военных наук, член общественного Совета при Министерстве обороны Российской Федерации, член Союза журналистов Российской Федерации. Военное образование получил в Омском высшем общевойсковом училище в 1967 г., в академии им. М.В.Фрунзе (1980 г.), адъюнктуре академии им. М.В.Фрунзе (1987 г.). С 1963 по 1993 г. – служба в рядах Советской, затем Российской армии, полковник запаса. В 1991 г. заместитель председателя Комитета по формированию Российской гвардии в секретариате вице-президента РСФСР. В 1991–1992 гг. – консультант, эксперт – специалист Комитета военной реформы при Государственном Совете СССР. Секретарь Государственной Комиссии по формированию Российской армии и Министерства обороны Российской Федерации. В 1992–1999 гг. в правительстве Москвы, начальник Московского городского штаба народных дружин, член Совета по безопасности г. Москвы. В 2003–2005 гг. – руководитель центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа. Автор монографии «Уроки для России из израильско-ливанской войны 2006 года», около 80 публикаций по закрытой тематике, в открытой печати – более 300 публикаций.

Чванов Роберт Александрович – доктор экономических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, аудитор. Известный специалист в области налогов и налогообложения организаций, субъектов малого бизнеса, физических лиц, реформирования налоговой системы. Ведет активную работу в системе подготовки и повышения квалификации профессиональных бухгалтеров и аудиторов, руководящих работников государственных служб, коммерческих и некоммерческих организаций. Им опубликовано более 70 работ общим объемом 80 печ. листов, в том числе главы по налогам и налогообложению в учебниках «Национальная экономика» (2007), «Государственные и муниципальные финансы (2007) и др.

OUR AUTHORS

Rasim G.AGAYEV (Azerbaijan) – Deputy Chairman of the Azerbaijan Union of Journalists. Graduated from the Azerbaijan State University (the Philological Department). Since 1964, engaged in journalism as correspondent of the Azerbaijan Radio, the Novosti Press Agency's own correspondent, the Trud newspaper's correspondent for Azerbaijan, the Chief of the Novosti PA Bureau in Libya. His Cand. Sc. (History) thesis explored on problems of political alliances in Iraq. In divers years, hold positions of the Chief of the Ideological Department at the Communist Party of Azerbaijan Central Committee, the Head of the Press Service of the President of the Azerbaijan Republic. Authored some publications on problems in the Middle East and the Southern Caucasus countries.

Vladimir M.AKHMEDOV – is the Senior Researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies.

Valery S.BUYANOV – Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Chair of National, Federal and International Relations of the Russian Federation President Academy of Government Service (RAGS), Deputy Head of the RAGS Center of Global Studies. Scientific researches include geopolitics and global studies.

Robert A.CHVANOV – Dr. Sc. (Economics), professor at the RF President Russian Academy of State Service, the auditor. Reknown expert on taxes and taxation of the organizations, small businesses, physical persons, and on tax system reforming. Actively engaged in the system of training and upgrading professional bookkeepers and auditors, top-managers of the state service, commercial and noncommercial organizations. Authored over 70 works (of 80-sheet total volume), including the chapters on taxes and taxation in textbooks The National Economy. M.: *Экономистъ* Publishers, 2007, and *The State and Municipal Finance.* M.: RAGS Publishing House, 2007, etc.

Tiberio GRACIANI (Italy) – the Editor-in-Chief of the Italian Eurasia. *Rivista di studi geopolitici (Eurasia. Review of Geopolitical Studies)* magazine.

Pavel S.GUREVICH – D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Philology), professor, Sector Head at the RAS Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Moscow State Institute of Technologies and Management, Chief of the Deep Psychology Clinic. Is President of the Moscow Inter-Regional Psychoanalytical Association, one of the founders and Bureau member of the Russian Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies, Full Member of the New York Academy of Sciences, of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, numerous monographs, including The Philosophical Anthropology (2001), The Foundation of Philosophy (2002), The Culturology (2003), The Psychology (2004).

Vagif A.GUSEYNOV – director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical «Analytical Messenger». Graduate of the State University in Baku. Worked as a commentator for the Radio of Azerbaijan, as a newspaper «Molodezh Aserbaijana» editor, a Secretary in charge of international affairs in the Youth Organization of the USSR (Komsomol), a department deputy chief in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Starting from the outbreak of the war between Azerbaijan and Armenia in 1989 caused by the problem of Nagorny Karabakh till 1991 he was the Chairman of the State Security Committee (KGB) in Azerbaijan. Since 1998 he is a member of the Russian Council on Foreign and Defense Policy (SFDP). Author of several books: «From Yeltsin to...?» (Volume I–III: «The chronicle of secret struggle», «Euphoria of power», «War of discreditable materials»), «The Caspian oil (economy and geopolitics)». Co-editored the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order»* (Moscow, 2004) and *The Mediterranean – Black Sea Coast – Caspian*

Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East (2006), *The Big Near East: stimulus and preliminary results of democratization* (2007). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007), *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006), *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002).

Sergey V.KORTUNOV – Dr.Sc. (Politology), the Chair of the World Politics at the SU-HSE Faculty of economics and world politics, the full member of the Academy of Military Sciences, Vice;Chairman of the Advisory Council at the Russian Federation Federal Assembly Council of Federation Foreign Affairs Committee. In 1982–1994 employed by the USSR and Russian Federation Ministries for Foreign Affairs. Dealt with the problems of arms race termination and disarmament. Took part in bilateral and multilateral negotiations on disarmament (talks on nuclear control, medium– and short range, and cruise missiles, SALT-1, Conference on Disarmament, the UN Commission on Disarmament, talks of the major arms exporters, the export control negotiations, the OSCE, etc.). In 1994–1998 – the consultant, aid of the national security advisor to the President of the Russian Federation, Deputy Chief of the staff of the RF Defense Council – the Chief of the International Analytical Department. Was engaged in conceptual issues of national and international security, military reforming, military organization and military doctrine, as well as in problems of disarmament, conversion and military-technical cooperation. In 1998–2001 – the adviser to the Head of Administration of the President of the Russian Federation. In 1998–2002 – Vice-President of the Foreign Policy Association. In 2004–2006 – headed the Analysis and Forecast Department at the Open Joint Stock Company of «the All-Russia Exhibition Center State Joint-Stock Society». In 2006–2007 – Chief of the Info;Analytical Directorate of the Federation of Independent Estimators and Experts at the Russian Federation Chamber of Commerce and Industry. Authored a number of books and articles (over 200) on conceptual problems of the international relations, foreign policy, disarmament and national security.

Yekaterina A.KUDASHKINA – journalist and translator. Graduated from the Moris Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages (Translator Department). Was employed as a stuff correspondent by the *Vedomosti* newspaper (international news section), and the *Expert* magazine (world politics section). At present, is editing the international section at the *CITY SPACE* magazine.

Sergey I.LOUNEV – Dr. Sc. (History), Professor at the RF Ministry for Foreign Affairs *MGIMO* University and the State University – Higher School of Economics (SU-HSE); employed as Chief Researcher by the Russian Academy of Sciences (RAS) Institute on World Economy and International Relations. Authored over 200 works, including 10 books, including the *Diplomacy In the Southern Asia*. M., 1993; the *Security Challenges on Russia's Southern Borders*. M., 1999; the *World System Transformation and Eurasia's Biggest Countries* (co-authored by G.K.Shirokov). M.: Academia, 2001; the *India: Political Development and Foreign Policy*. Data bases, the economy and finance (co-authored by A.V. Shakhmatov). M.: MGIMO, 2006. Rendered managing editorships to many books, including the *Vitality of Russia* (co-ed. by Armand Clesse). Amsterdam: Dutch University Press, 2004; *The Indian Civilization In the Globalizing World* (co-ed. by V.G.Khoros). M.: RAS IMEMO, 2005.

Georgy I.MIRSKY – Dr.Sc. (History), the professor at the World Politics chair of the Department of World Economy and World Politics of the State University – Higher School of Economics (SU-HSE). Research interests include the Islamic fundamentalism; the Palestinian problem; international terrorism; the Middle East countries.

Roal'd Z.SAGDEYEV (USA) – Honorary Professor, Director of the *East-West* Center at the Maryland State University; Academician of the Russian Academy of Sciences.

Maxim A.SAPRYKIN – in 1992, entered the Moscow State University of Civil Engineering (MSUCE), from which graduated with the Engineer's Diploma in designing building, in 1999. For a long time has been engaged in engineering the information safety systems. At present, is a postgraduate student at the MSUCE.

Shamil Z.SULTANOV – President of the *Russia – Islamic World* Center of Strategic Studies.

Elvira M.SPIROVA – Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Paulina S.TONKIKH – the 4-year student of the Department of World Economy and World Politics of the State University – Higher School of Economics (SU-HSE).

Yevgenia O.TRUSHINA – heads the leading professional magazine on the printed mass-media and press distributions market – the *Kurier Pechati* (Press Courier). Since 2000, have been writing on the printed media publishing and distributing both in Russia and abroad. In 2001–2004, was employed by the *MediaHouse* Publishers (the *Novosti SMI* magazine), held several posts, from the *Printed Media and Distribution* rubric columnist up to the Deputy Chief Editor. While working in the *Novosti SMI* magazine, the publication won award as «The Best Publishing Project on Covering Problems of Printed Matter Distribution Market in Moscow» at the 2001 *Leader of the Year* professional competition.

Alexander S.TSIPKO – principal research fellow in the Institute of International Economic and Political Studies (IMEPI) of the Russian Academy of sciences, political observer in the «Literaturnaya gazeta», doctor of philosophical sciences. Graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow University. He worked in the newspaper «Komsomolskaya pravda», the propaganda department of the Central Committee of the Youth Organisation of the USSR (Komsomol), the journal «Molodoy kommunist». Since 1972 he was a senior research fellow, head of a subdivision, deputy director of the Institute of Economy of the World Socialist System of the Academy of sciences of the USSR (later IMEPI). In 1978–1980 worked as a senior lecturer of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of sciences, in 1986–1990 adviser of a department in the Central Committee of the CPSU. In 1992–1993 he was professor in the University of Hokkaido (Japan), in 1993–1995 director of the scientific programs in the Gorbachev-fund, in 1995–1996 professor in the Woodrow Wilson Center (USA). Editor of the supplement to the «Nezavisimaya Gazeta» newspaper «NG-scenarios» in 1996–1998, director of the Center of strategic studies in the Moscow Fund of Presidential Programs in 1998–1999. Author of a number of books and more than 100 scientific articles.

Anatoly D.TSYGANOK – Cand.Sc. (Military), colonel (retired), the Head of the Military Prognosis Center, the associate professor at the MSU Department of International Politics. Holds membership at the Academy of Military Sciences (corresponding member), in the Public Council at the Russian Federation Ministry of Defense, in the Union of Journalists of the Russian Federation. Military educated in the Omsk Higher Military College (1967), the M.V.Frunze Military Academy (1980) and the Academy's post-graduation courses (1987). In 1963–1993 served in the Soviet then Russian Army. In 1991, Deputy Chairman of the Committee on Formation of the Russian Guards at the Secretary of the RSFSR Vice-President. In 1991–1992, the consultant, staff-expert in the Committee on Military Reform at the USSR State Committee. The Secretary to the State Commission on Formation of the Russian Army and the Russian Federation Ministry of Defense. In 1992–1999, worked at the Government of Moscow, Chief of the Moscow City Volunteer Militia Staff, Moscow's Council on Security member. In 2003-05, headed the Military Prognosis Center at the Institute of the Political and Military Analysis. Authored monograph on *The 2006 Israeli-Lebanese War: Lessons for Russia*, and some 80 classified publications, and over300 publications in the open media.

Janis UHRBANOVICH (Latvia) – the Deputy to the Seym of Latvia, heads the *Consent Center* fraction in the Seym, the Vice-Chairman of the *Consent Center*, Chairman of the People's Consent Party. In 1982, graduated from the Latvian Agricultural University with the Engineer's Diploma in hydrotechny. In 1982–1984, worked as engineer, the head of construction works. In 1984–1991, elected the First Secretary of the Latvian *Komsomol* Central Committee, founded the *Savienības par jaunatnes progresu* organization. Since 1993, five times was elected the Deputy to the Seym (of the 5th, 6th, 7th, 8th, 9th Seym convocations). In the 8th Seym held the memberships in the Commission on National Economy and in the Commission on Control and Prevention of the Corruption, Smuggling and Organized Crime. In October 2006, elected the Deputy to the Seym of the 9th convocation. The constitutor of the *Baltic Forum* public organization. The President of the *Draudzība un sadarbība* Foundation.

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2008 ГОДУ (ПО РАЗДЕЛАМ)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов ..... №1–4

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Сергей Кортунов. Внешнеполитическая концепция России ..... №4

ПОЛИТИКА

Александр Ципко. О стратегии строительства гражданского общества в России ..... №1

Павел Гуревич. Дегустация власти. Часть вторая ..... №1

Александр Ципко. О политике – на уровне ощущений ..... №2

Анатолий Уралов. В поисках града Китежа ..... №2

Оксана Гаман-Голутвина. Элиты и империи ..... №2

Расим Агаев (Азербайджан). На чьей стороне историческое право? ..... №2

Валерий Буянов. «Русский мир» как глобальный проект ..... №3

Александр Ципко. Игры застенчивых либералов. Комментарии к докладу «Демократия: развитие российской модели» ..... №3

Александр Ципко. О преемственности курса ..... №4

«500 СЛОВ»: ***Зарубежные корреспонденты о своей жизни и работе в России***

Арнур Рахымбеков (Казахстан) ..... №1

Бежан Намичеишвили (Грузия) ..... №1

Джон Вароли (США) ..... №2

Пол Куинн-Джадж (Великобритания) ..... №2

Шон Рамсей (США) ..... №2

Питер ван дер Слот (Нидерланды) ..... №3

Клиффорд Леви (США) ..... №3

Винай Шукла (Индия) ..... №3

Андрей Чанг (Канада) ..... №4

Кейт Брукс (США) ..... №4

Ханна Полак (Польша) ..... №4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Петер Шульце (Германия). Угрозы европейской безопасности и возвращение России как значимой фигуры европейской и международной политики ..... №1

Марианна Евдотьева. Европейские страны, Ближний Восток и проблемы безопасности в Средиземноморском регионе ..... №1

Сергей Кортунов. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР): основы региональной стратегии ..... №1

Владимир Рощупкин. Лейтенант Джонсон по-арабски не понимает ..... №1

Расим Агаев (Азербайджан). Курдское государство: миф, мечта или геополитический проект? ..... №1

Алексей Денисов, Николай Савкин. Россия и НАТО – диалог на перепутье ..... №2

Вячеслав Кантор. О противодействии ядерным вызовам и угрозам ..... №2

Марк Фитцпатрик (Великобритания). Об иранской ядерной программе ..... №2

Эльдар Касаев. Реформы в экономике Ирана: проблемы и перспективы ..... №2

Анатолий Цыганок. Ирак: Итоги пяти военных лет ..... №2

Андрей Суздальцев. Российско-грузинский кризис (январь-август 2008 г.) ..... №3

Георгий Мирский. Исламизм – третья ступень ракеты деколонизации? ..... №3

Евгений Канаев. Предупреждение угрозы терроризма в Южно-Китайском море: перспективы российского участия ..... №3

Эльдар Касаев. Иракский ТЭК – «островок нестабильности» для российских инвестиций ..... №3

Елена Комлева. Энергия Арктики: партнерство России, Германии и Западной Европы ..... №3

Тиберио Грациани (Италия). Эпоха континентов и дестабилизация на планете ..... №4

Роальд Сагдеев (США). Будущее американо-российских отношений ..... №4

Янис Урбанович (Латвия). Почему мы не знаем, не слышим и не понимаем Россию? ..№4
Сергей Лунев. Регион Большая Восточная Азия и политика Индии ..№4
Георгий Мирский. Иран и США ..№4
Владимир Ахмедов. Роль армии в общественно-политическом развитии арабских государств Ближнего Востока ..№4
Шамиль Султанов. Основная проблема для Запада – это ислам ..№4
Расим Агаев (Азербайджан). Турция – схватка на перепутье ..№4
Валерий Буянов. Последний геополитический союзник на Западе ..№4
Екатерина Кудашкина. Пакистан как очаг исламского фундаментализма ..№4

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Анатолий Цыганок. Россия на пространстве безопасности СНГ ..№1
Василий Белозеров. Вооруженные силы России и борьба за энергоресурсы ..№1
Анатолий Цыганок. Уроки войны в Южной Осетии ..№4

В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сергей Кортунов. Кризис системы международной безопасности ..№2
Александр Дугин. Экономическая безопасность постсоветского пространства ..№3

ГЕОПОЛИТИКА

Тиберио Грациани (Италия). Геополитические координаты Евросоюза. *Интервью редактору сербского журнала «Геополитика»* ..№2
Владимир Дергачев (Украина). Особенности китайской геополитики ..№2
Расим Агаев (Азербайджан). Евразийский дискурс российской геополитики ..№3
Владимир Дергачев (Украина). Геополитическая трансформация Крыма ..№3

ТЕМА НОМЕРА: Каким должно быть решение проблемы ядерного контроля в современном мире?

Эдвард Иффт (США). Как понимать принцип ядерного сдерживания ..№1
Гарольд Смит (США). Сравнение политики Демократической и Республиканской партий США по вопросу распространения ядерного оружия ..№1
Майкл Крепон, Алекс Столар (США). Перспектива ядерной стабильности в Южной Азии ..№1
Павел Золотарев. О некоторых подходах к снижению ядерной многополярности ..№1

ТЕМА НОМЕРА: Судьбы цивилизации

Нелли Мотрошилова. Цивилизованный человек и современный варвар ..№2
Кристина Матутите. Компьютерный рай? ..№2
Галина Урунтаева. Человек против цивилизации ..№2
Павел Гуревич. Цивилизованное варварство ..№2

ТЕМА НОМЕРА: Национальная идея

Павел Гуревич. Об изнанке феномена ..№3

ТЕМА НОМЕРА

Павел Гуревич. Атомизация общества как новый феномен ..№4

ЭКОНОМИКА

Валентин Валюков, Алексей Ермаков, Борис Сидоров. 1. О межрегиональной дифференциации социально-экономического развития в России. 2. Актуальные проблемы обеспечения экономики России кадровыми ресурсами ..№1
Валерий Паульман (Эстония). Гримасы мирового экономического кризиса ..№2
Абрар Ярлыкапов. Вхождение России в ВТО: проблемы АПК ..№2
Максим Братерский. Политическая деятельность международных компаний ..№3
Владимир Паньков. Россия и ВТО ..№3
Роберт Чванов. Развитие специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства ..№4

ДЕБЮТ

Мария Бочкова. Россия в начале XXI века: национальный интерес и его теоретическое обоснование ..№1
Эльдар Касаев. О некоторых проблемах современной ситуации в Ираке ..№1
Аскар Валитов. Экспорт демократии: помощь или угроза? ..№3
Полина Тонких. Политика внешнеэкономической безопасности США ..№4

Информационный блок ..№1

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Приватизация. Кто виноват и что делать дальше?
Дискуссия о возможности преодоления перекосов нашей приватизации ..... №1
Особый русский путь или новое пораженчество ..... №2
Изъяны и ресурсы социального управления ..... №3
Демократия в России: исторические развилки развития ..... №4

ПУБЛИКАЦИИ

Афранд Дашдамиров. Карабахский конфликт в контексте перестройки.
Продолжение ..... №1
Афранд Дашдамиров. Карабахский конфликт в контексте перестройки:
в преддверии распада. *Окончание* ..... №2
Максим Сапрыкин. Как я начал думать и полюбил реальность (о рекламе) ..... №4

Религия в нашей жизни

Геннадий Бочаров. Человек перед Богом.
Беседа с митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием ..... №3
Агаев (Азербайджан). Миссия в Тебризе. *Глава из книги «Мир-Али Кашкай»* ..... №3

Тайны истории

Владимир Рощупкин. Удар по Нью-Йорку ..... №3

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. «Апостолы мерцающего будущего».
О книге Дэвида Уилсона «История будущего» ..... №1
Эльвира Спирова. Коварство европейской идентичности.
О книге Юргена Хабермаса «Расколотый Запад» ..... №2
Эльвира Спирова. Будущее как сюрприз.
О книге Роберта Нисбета «Прогресс: история идеи» ..... №3
Петр Цветов. Общее и частное в мировой практике федерализма.
О книге Джорджа Андерсона «Федерализм: введение» ..... №3
Эльвира Спирова. Слова, которые требуют осмотрительности.
О книге Жана Старобинского «Действие и реакция. Жизнь и приключение
одной пары» ..... №4

Рецензии

Александр Свечников. *О книге В.А.Гусейнова, А.П.Денисова, Н.П.Савкина, С.В.Демиденко «Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации»* ..... №1
Сергей Ознобищев. *О книге «Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить»* ..... №1
Алексей Денисов. К выходу в свет концептуального труда по проблемам безопасности.
О книге Сергея Кортунова «Национальная и международная безопасность. Концептуальные основы» ..... №2
Елена Сальникова. Незавершенное противостояние. *О книге Ильгара Маммадова и Тофика Мусаева «Армяно-Азербайджанский конфликт. История. Право. Посредничество»* ..... №2
Вагиф Гусейнов. О книге Владимира Ахмедова «Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока (вторая половина XX – начало XXI вв.)» ..... №3
Евгения Трушина. Российский взгляд на мировой рынок прессы.
О книге «Russian and World Printed Mass Media Market» ..... №4

Новые книги, которые вас могут заинтересовать ..... №1–4

ITEMS PUBLISHED IN THE VESTNIK ANALITIKI BULLETIN IN 2008

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov ..... №1–4

PRESSING TOPIC

Sergey Kortunov. The Russian federation's foreign policy concepts ..... №4

POLITICS

Alexander Tsipko. About strategy of construction of a civil society in Russia. *Some preliminary perception* ..... №1

Pavel Gurevich. The authorities-tasting. *Part 2* ..... №1

Alexander Tsipko. About the politician at a level of sensations ..... №2

Anatoly Uralov. Searching for the town of Kitezh ..... №2

Oksana Ghaman-Golutvina. The elites and empires ..... №2

Rasim Agayev (Azerbaijan). Who is the historical right sided with? ..... №2

Valery Buyanov. "The Russian world" as a global project ..... №3

Alexander Tsipko. Bashful liberals' games. *Comments on the "Democracy: Developing the Russian Model" Report* ..... №3

Alexander Tcipko. About continuity of a course ..... №4

"500 words": ***Foreign correspondents about the life and work in Russia***

Arnur Rachimbekov (Kazakhstan) ..... №1

Began Namicheischvili (Georgia) ..... №1

John Varoli (USA) ..... №2

Paul Quinn-Judge (Great Britain) ..... №2

Shawn Ramsey (USA) ..... №2

Peter van der Sloot (Netherlands) ..... №3

Clifford Levy (USA) ..... №3

Vinay Shukla (India) ..... №3

Andrew Chung (Canada) ..... №4

Kate Brooks (USA) ..... №4

Hanna Polack (Poland) ..... №4

FOREIGN AFFAIRS

Peter Schultze (Germany). Threats to the European security and Russia's coming back to the status of a major figure in the European and a world politics ..... №1

Marianna Evdotjeva. The European countries, Middle East and the problems of security in the Mediterranean ..... №1

Sergey Kortunov. Russia in APR: basis of regional strategy ..... №1

Vladimir Roschupkin. Lieutenant Johnson does not understand Arabic ..... №1

Rasim Agayev (Azerbaijan). The Kurdish state: a myth, or a dream, or a geopolitical project? ..... №1

Alexey Denisov, Nickolay Savkin. Russia and NATO: the dialogue at the crossroad ..... №2

Viatcheslav Kantor. About counteraction to nuclear calls and threats ..... №2

Mark Fitzpatrick (Great Britain). About the Iranian nuclear program ..... №2

Eldar Kasayev. Reforms in economy of Iran: problems and prospects ..... №2

Anatoly Tsyganok. Iraq: Results of five military years ..... №2

Andrey Suzdaltsev. The Russian-Georgian crisis (January-August 2008) ..... №3

Georgy Mirsky. Islamism: the third stage of the decolonization missile? ..... №3

Yevgeny Kanayev. The prevention of terror threat in the South Chinese Sea: prospects of the Russian participation ..... №3

Eldar Kasayev. The Iraqi fuel & energy complex (FEC) as a small 'Instability Island' for the Russian investments ..... №3

Elena Komleva. The arctic energy: partnership of Russia, Germany and the Europe ..... №3

Tiberio Graciani (Italy). Epoch of continents and destabilization on a planet ..... №4

Roal'd Sagdeyev (USA). The future of the American Russian relations ..... №4

Janis Uhrbanovich (Latvia). Why we do not know, we do not hear and we do not understand Russia? ..... №4
Sergey Lounev. The region of greater East Asia and India's policy ..... №4
Georgy Mirsky. Iran and the USA ..... №4
Vladimir Akhmedov. Role the military play in the socio-political development of the Mid-eastern Arab states ..... №4
Shamil Sultanov. "To the West, the Islam is the cardinal problem" ..... №4
Rasim Agayev (Azerbaijan). Turkey: confrontation at the crossroads ..... №4
Valery Buyanov. The last geopolitical ally in the West ..... №4
Yekaterina Kudashkina. Pakistan as the hotbed of the Islamic fundamentalism ..... №4

NATIONAL SECURITY

Anatoly Tsyganok. Russia within the CIS security space ..... №1
Vasily Belozyerov. Russia's armed forces and the struggle for energy resources ..... №1
Anatoly Tsyganok. Lessons of the South Ossetia war ..... №4

IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Sergey Kortunov. The crisis of the international security system ..... №2
Alexander Dougin. The economic security in the post-Soviet space ..... №3

GEOPOLITICS

Tiberio Graziani (Italy). European Union's geopolitical position data. *Interview to the editor of Serbian magazine "Geopolitics"* ..... №2
Vladimir Dergachev (Ukraine).The Chinese geopolicy specifics ..... №2
Rasim Agayev (Azerbaijan). The Eurasian discourse of the Russian geopolitics ..... №3
Vladimir Dergachev (Ukraine). Geopolitical transformation of the Crimea ..... №3

THE ISSUE'S MAIN TOPIC: What should be the decision of a problem of the nuclear control over the modern world?

Edward Ifft (USA).Understanding deterrence NATO–Russia advanced research workshop ..... №1
Harold Smith (USA). Comparing the policies pursued by the democratic and republican parties on nuclear non-proliferation ..... №1
Michael Krepon, Alex Stolar (USA). The outlook for nuclear stability in South Asia ..... №1
Pavel Zolotaryov. On some approaches to lowering the risks of the nuclear multi-polarity ..... №1

THE ISSUE MAIN TOPIC: The destiny of the civilization

Nelly Motrosheelova. The civilized human and the modern barbarian ..... №2
Christina Matoutyte. Computer paradise? ..... №2
Galina Uruntayeva. The human vs. civilization ..... №2
Pavel Gurevich. The civilized barbarity ..... №2

THE ISSUE MAIN TOPIC: National idea

Pavel Gurevich. The phenomenon's seamy side ..... №3

THE ISSUE MAIN TOPIC

Павел Гуревич. Chaos of the atomized society ..... №4

ECONOMICS

Valentine Valyukov, Alexey Yermakov, Boris Sidorov. 1. Some aspects of the interregional differentiation of the socio-economic development in Russia. 2. Topical problems of providing Russia's economy with the cadre resources ..... №1
Valery Paulman (Estonia). The grimaces of a world economic crisis ..... №2
Abrahr Yarlykapov. Russia's joining the WTO: challenges for the AIC ..... №2
Maxim Bratersky. The political activities of the international companies ..... №3
Vladimir Pan'kov. Russia and WTO ..... №3
Robert Chvanov. Development of the special tax treatments for small businesses ..... №4

DEBUT

Maria Bochkova. Russia at the beginning of the 21st century: its national interests and their theoretical substantiation ..... №1
Eldar Kasayev. About some problems of actual situation in Iraq ..... №1
Askar Valitov. Export of democracy: the help or the threat? ..... №3
Paulina Tonkikh. The us policy of the external economic security ..... №4

The Information block ..... №1

ROUND TABLE

Who's guilty and what's to be done? Is It and How It Is Possible to Overcome the Faults of Our Privatization? ..... №1
The specific Russian path or the new defeatism ..... №2
Defects and resources of social management ..... №3
Democracy in Russia: historical forks of development ..... №4

PUBLICATIONS

Afrand Dashdamirov. The Karabakh conflict in the context of perestroika. *Cont.* ..... №1
Afrand Dashdamirov. The Karabakh conflict in the context of perestroika. *Conc.* ..... №2
Maxim Saprykin. The way I have started to think and come to loving the reality ..... №4

Religion in our life

A human being before God. *Gennady Bocharov converses with Metropolitan Yuvenaly of Krutitsy and Kolomna* ..... №3
Rasim Agayev (Azerbaijan). Mission in Tabriz ..... №3

Secrets of history

Vladimir Roschupkin. Impact across New York ..... №3

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. Apostles of the flickering future.
On Wilson, David. History of the Future ..... №1
Elvira Spirova. Deceitfulness of the European identity.
On Habermas, Jьrgen The Riven West ..... №2
Elvira Spirova. The future as the surprise.
On the book Progress: The History of the Idea by Robert Nisbet ..... №3
Peter Tsvetov. The general and particular in the world practicing federalism.
On the book Federalism: An Introduction by George Anderson ..... №3
Elvira Spirova. The words that demand prudence.
On Starobinsky, Jean. The Action and Reaction: A Life and Adventure of A Pair ..... №4

Reviews

Alexander Svechnikov. *On "The Big Near East: stimulus and preliminary results of democratization" by V.Guseynov. A.Denisov, N.Savkin, S.Demidenko* ..... №1
Sergey Oznobichev. *On "Russia and the world. A new epoch. 2 years which can change all"* ..... №1
Alexey Denisov. On publishing the conceptual work on security problems.
On Kortunov, S.V. The National and International Security: The Conceptual Fundamentals ..... №2
Elena Salnikova. The unaccomplished confrontation. *On Mammadov, Illgar and Musayev, Tofik The Armenian - Azerbaijan Conflict: History, Law, Mediation* ..... №2
Vagif Guseynov. *On the book The Socio-Political Processes in the Mid-East Arab countries (the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries) by Vladimir Akhmedov* ..... №3
Yevgenia Trushina. The Russian view of the world press market.
On Russian and World Printed Mass Media Market ..... №4

Books that Might Be of Interest ..... №1–4

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(34)

Перевод с английского Владимира Мисюченко

Корректура *А.В.Панюгиной*
Верстка *Л.В.Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:
109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: issa@umail.ru
info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 4.12.08 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,75. Заказ № 198.

Отпечатано в ФГУП «Издательство и типография газеты «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ
в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 44351, 44339.
Электронный адрес подписки в Интернете:
www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.
тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;
факс +7 495 681-37-98.
E-mail: info@periodicals.ru
http://www.periodicals.ru

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:
Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;
fax: +7 495 681-37-98
E-mail: info@periodicals.ru
http://www.periodicals.ru

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: **912 39 88, 911 97 78,** электронная почта: **issa@umail.ru**

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – **100 рублей,** для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Форма № **ПД-4**

Извещение

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир